

Марк Твен Жанна д'Арк

Сьер Луи де Конт своим правнучатым племянникам и племянницам

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ЖАННЕ Д'АРК

Сьера Луи де Конта¹, ее пажа и секретаря, в вольном переводе со старофранцузского на современный английский язык Жана Франсуа Альдена² с неопубликованной рукописи, хранящейся в национальном архиве Франции, в художественной обработке Марка Твена (Сэмюэла Л. Клеменса)

Книга первая «В Домреми»

Глава I

Теперь год 1492. Мне восемьдесят два года. То, о чем я собираюсь вам рассказать, я сам пережил и видел собственными глазами в детстве и в юности.

Во всех рассказах, песнях и исторических трудах о Жанне д'Арк, которые вам и всему миру доводилось слушать, читать и изучать по книгам, напечатанным позднее более усовершенствованными способами, упоминается и обо мне, сьере Луи де Конте. Я был ее пажом и секретарем. Я был при ней от начала до конца.

Вырос я в одной деревне с нею. Я играл с ней каждый день, когда мы оба были еще детьми, точно так же, как и вы играете со своими сверстниками. Теперь, когда мы сознаем ее величие, когда ее шля гремит во всем мире, может показаться странным, что все, о чем я рассказываю, сущая правда; это похоже на тусклую, ничтожную свечку, рассуждающую о вечно сверкающем солнце: «Оно было моим сверстником и закадычным другом, когда мы оба были свечками».

Но все же это сущая правда, как я и сказал. Я был ее товарищем в играх, а на войне сражался рядом с нею. До сегодняшнего дня отчетливо и ярко сохранились в моей памяти ее прекрасный, светлый образ, ее изящная маленькая фигурка; вот она, с отброшенными назад волосами, в серебряной кольчуге, прильнула грудью к шее коня и мчится в атаку во главе французской армии, все дальше и дальше врзается в гущу боя и порою почти исчезает из вида, скрываясь за головами коней, за поднятыми мечами, за развевающимися на ветру перьями шлемов и за преграждающими путь щитами. Я был с нею до конца, и когда наступил тот черный день, который ляжет неизгладимым пятном на ее убийц в сутанах³, этих французских рабов Англии, и на Францию, оставшуюся безучастной и не предпринявшею ни малейшей попытки к ее освобождению, — моя рука была последней, которой Жанна д'Арк коснулась при жизни.

Проходили годы и десятилетия, и образ чудесной девушки, промелькнувшей метеором на военном горизонте Франции и исчезнувшей в дыму инквизиторского костра, отодвигался все

¹ *Луи де Конт* (Луи де Кут) — личность историческая. Это земляк и друг детства Жанны д'Арк, впоследствии один из сподвижников в походах и — после ее смерти — свидетель на Процессе реабилитации Жанны д'Арк в Париже в 1455 г. Его показания, данные на Процессе под присягой, занесены в протокол и, наряду с другими документами той эпохи, используются историками в качестве первоисточников при описании подвигов Жанны д'Арк.

² *Жан Франсуа Альден* — вымышленное имя переводчика якобы найденной в национальном архиве Франции старофранцузской рукописи личных воспоминаний о Жанне д'Арк ее пажа и секретаря Луи де Конта. Этим псевдонимом М.Твен прикрывал свое авторство при печатании романа в журнале «Харперс мэгезин» в 1896 г.

³ *...на ее убийц в сутанах* — то есть французских мракобесов, представителей католической церкви, верных слуг иноземных захватчиков — англичан, по приказу которых был начат позорный процесс против национальной героини Франции, завершившийся 31 мая 1431 года публичным сожжением Жанны д'Арк на костре в Руане.

дальше и дальше в прошлое и становился все более поразительным своей необычностью, священным, трогательным и прекрасным. И только теперь я полностью понял и осознал, кем была она, – благороднейшим существом, когда-либо жившим на свете после Сына божьего.

Глава II

Я, сьер Луи де Конт, родился в Невшателе 6 января 1410 года, то есть как раз за два года до рождения Жанны д'Арк в Домреми. Моя семья бежала в эти отдаленные районы из-под Парижа в начале столетия. По своим политическим убеждениям мои родители были арманьяками-патриотами⁴: они горой стояли за своего французского короля, хотя он не отличался ни умом, ни способностями. Бургундская партия, поддерживавшая англичан, обобрала моих родителей до нитки. Она отняла у нас все, кроме дворянского титула моего отца; поэтому, поселившись в Невшателе, он жил в бедности, печальный и одинокий. Но зато политическая атмосфера, в которой он очутился, пришлась отцу по вкусу, а это много значило. Покинув край, населенный фуриями, безумцами, дьяволами, где кровопролитие было одним из видов времяпрепровождения и где ни один человек не чувствовал себя в безопасности ни на минуту, отец попал в сравнительно спокойный уголок. В Париже по ночам бушевала чернь; она грабила, жгла, убивала беспрепятственно и непрерывно. Солнце всходило над разрушенными, дымящимися зданиями, над изуродованными трупами, которые валялись везде на улицах, раздетые донага ворами: они довершали грязное дело черни. Ни у кого не хватало смелости подбирать эти тела для погребения; трупы разлагались, и это грозило вспышкой чумы.

И чума вспыхнула. Эпидемия уносила людей; они гибли, как мухи; похороны совершались втайне, только по ночам. Публичные похороны не разрешались, так как народ, узнав о количестве жертв чумы, мог лишиться мужества и впасть в отчаяние. Наконец, настала невероятно суровая зима, не виданная во Франции за последние пятьсот лет. Голод, мор, убийства, стужа и снег – все это сразу обрушилось на Париж. Мертвецы грудями лежали на улицах, и волки среди бела дня появлялись в городе и пожирали их.

Ах, как низко пала Франция, как низко! Более трех четвертей века английские клыки вонзаются в ее тело, а ее армия, испытывая непрерывные неудачи и поражения, так пала духом, что говорили, будто одного появления английских войск было достаточно, чтобы обратить ее в бегство.

Когда мне исполнилось пять лет, ужасное бедствие постигло Францию при Азенкуре. И хоть английский король уехал домой праздновать свою победу, он оставил страну поверженной и отданной в жертву рыщущим бандам «вольных дружинников»⁵, которые находились на службе у бургундской партии. Однажды ночью одна из этих банд совершила набег на Невшатель, и при свете пылающей крыши нашего дома я увидел, как гибнет все, что мне было дорого на свете; кроме старшего брата, вашего предка, оставшегося при дворе в Париже, вся наша семья до

⁴ *Арманьяки-патриоты* — представители влиятельной феодальной группировки в царствование французского короля Карла VI Безумного (1380—1422). Получили свое название от фамилии графов Арманьяков, возглавлявших эту клику в борьбе за власть с другой феодальной группировкой — бургундцами. Арманьяки, поддержавшие французского наследного принца Карла (будущего французского короля Карла VII (1403—1461), считали себя патриотами и именовались «французской партией»; бургундцы же, находившиеся в союзе с англичанами, признавали наследником французского престола английского короля Генриха V и назывались «английской партией». После победы англичан над французами при Азенкуре (октябрь 1415 г.) английский король Генрих V заключил союз с герцогом Бургундским и вскоре занял весь север Франции вместе с Парижем.

⁵ *Банды «вольных дружинников»* — шайки так называемых «*routiers*» (франц.) — разбойников с большой дороги. В те времена феодальной вольницы, когда вооруженный разбой и грабеж считались во Франции делом вполне обычным, участники этих банд, состоявших из дезертиров и разоренных войною крестьян, снискали себе печальную славу первых бандитов и грабителей во всей Западной Европе. Дворяне-феодалы в Бургундии и в соседней с ней Лотарингии, которая входила в состав Германской империи, находились в состоянии непрерывных междоусобных войн друг с другом. В ходе этих войн они порой прибегали и к услугам банд «вольных братии» с больших дорог, которые безжалостно убивали, грабили, жгли, угоняли скот и вытапывали посевы.

единого человека была беспощадно вырезана. Я слышал, как они молили о пощаде и как убийцы смеялись над их мольбами и просьбами. Меня разбойники не заметили, и я счастливо ускользнул от них. А когда эти варвары удалились, я выбрался из своего укрытия и проплакал всю ночь, глядя на пылающие дома. Я был один-одинешенек, разве только тела убитых и раненые составляли мне компанию; все, кому удалось уцелеть, бежали и спрятались.

Меня отправили в Домреми к священнику, экономка которого заменила мне любящую мать. Вскоре священник научил меня читать и писать, и мы с ним вдвоем стали единственными грамотными людьми в селе.

В то время, когда дом этого доброго священника Гильома Фронта стал моим родным домом, мне уже было шесть лет. Мы жили возле деревенской церкви, позади которой находился небольшой огород родителей Жанны. Ее семья состояла из отца – Жака д'Арк, его жены – Изабеллы Роме, трех сыновей – десятилетнего Жака, восьмилетнего Пьера и семилетнего Жана, и двух дочерей – четырехлетней Жанны и маленькой годовалой Катерины. Я с ними дружил с детства. Были у меня и другие друзья, в особенности четыре мальчика – Пьер Морель, Этьен Роз, Ноэль Ренгессон и Эдмон Обре, отец которого был в то время мэром, а также две девочки почти одного возраста с Жанной, со временем ставшие ее подругами. Одну из них звали Ометтой, а другую – маленькой Манжеттой. Как и Жанна, они были простыми крестьянскими девочками и, когда выросли, вышли замуж за своих же деревенских парней. Как видите, они были невысокого звания, однако со временем, много лет спустя, ни один путешественник, каким бы знатным он ни был, не мог пройти мимо, не засвидетельствовав своего почтения двум смиренным старушкам, имевшим счастье в детстве быть подругами Жанны д'Арк.

Все мои сверстники были добрыми, славными, типично крестьянскими детьми, не слишком развитыми, конечно, – этого и нельзя было от них ожидать, – но добросердечными, дружественными, послушными своим родителям и священнику; подрастая, они проникались узостью взглядов и предрассудками, перенятыми от старших и принятыми на веру без сомнений и рассуждений, как нечто само собой разумеющееся. Религию они унаследовали от отцов, политику – также. Ян Гус и ему подобные могли не соглашаться с церковью, но в Домреми это ни у кого не подрывало веры; и когда начался раскол – мне было тогда четырнадцать лет – и у нас появилось трое пап сразу⁶, в Домреми никто даже не задумался над тем, кого из них выбрать: папу в Риме мы считали настоящим, а папу вне Рима мы вообще не считали папой. Каждый житель села был арманьяком-патриотом, и мы, дети, страстно ненавидели англичан и бургундцев вместе с их политикой.

Глава III

⁶...и у нас появилось трое пап сразу. — Имеется в виду следующий факт из истории папства. В описываемое время (с 1378 по 1417 год) католическая церковь переживала период раскола: часть кардиналов избрала папу, который, как и его предшественники (с начала XIV в.), своей резиденцией избрал г. Авиньон (в провинции Прованс на юге Франции); другая часть кардиналов, не находившихся в зависимости от французских королей, избрала антипапу, вновь обосновавшегося в Риме и перенесшего туда свой престол. Оставшаяся в Авиньоне курия стала периодически выбирать своих пап, а римская — своих. Между этими двумя соперничающими партиями духовенства велись долгие и скандальные споры, в ходе которых вскрылось много позорных дел в истории борьбы духовных клик за власть и доходы с верующей паствы. Беспokoясь за упавший престиж католической церкви и стремясь несколько ограничить власть и доходы Ватикана, монархи ряда католических государств — Испании, королевства Неаполя и Сицилии, Австрии и др. — попытались подчинить папу законодательной власти соборов (съездов) высшего духовенства разных стран. В 1409 году первый такой собор состоялся в городе Пизе. Он утвердил решение о низложении обоих тогдашних пап — Григория XII из курии «авиньонских пленников» (вассалов французских королей) и Бенедикта XIII — резидента Ватикана и, приступая к выборам нового папы, взял с кандидатов клятву провести совместно с собором реформу церкви. Избранный на Пизанском соборе папа Александр V немедленно нарушил клятву и разогнал собор. Низложенные папы Григорий XII и Бенедикт XIII, не признав решение Собора правомочным, не отказались от своих притязаний, и таким образом, как отмечает здесь современник, «появилось трое пап сразу». Спор между взаимно проклинаящими друг друга папами продолжался вплоть до созыва следующего, Констанцкого собора (1414—1418), который формально покончил с расколом, занявшись не столько «очищением» церкви, сколько подавлением социальных движений, принимавших в то время религиозную форму.

В ту отдаленную эпоху наше Домреми было такой же скромной, глухой деревушкой, как и многие другие. Своими узенькими, кривыми улочками и переулками, окаймленными нависшими соломенными крышами крестьянских дворов, она напоминала лабиринт. Дома тускло освещались крохотными окошками, с деревянными ставнями, а вернее – дырами в стенах вместо окон. Полы – земляные, а мебели почти не было. Население занималось главным образом скотоводством, и вся молодежь пасла скот.

Деревня была расположена в живописном месте. В одном ее конце вплоть до реки Маас простирался широкий цветущий луг; в другом – отлогий травянистый холм, на вершине которого зеленел дубовый лес, густой, темный, дремучий, полный таинственной прелести для пас, ребяташек, так как в давние времена там было совершено разбойниками немало убийств, а еще раньше там нашли себе приют чудовищные драконы, изрыгающие пламя и яд из своих ноздрей. И в самом деле, там жил один из таких драконов и в наше время. Он был ростом с высокое дерево, толстый, как бочка, весь покрытый чешуей, похожей на огромные черепицы, у него были выпуклые рубиновые глаза величиной с человеческую голову и такое якореподобное раздвоение на хвосте, что даже передать невозможно, слишком большое даже для драконов – это утверждал каждый, кто имел представление о подобных чудовищах. Думали, что этот дракон был ярко-голубого цвета с золотыми крапинками, но никто никогда его не видел, а поэтому трудно доказать, что он был именно таким; все это только предположение. Но это не мое предположение: я считаю, что не следует делать предположений, когда для этого нет никаких данных. Если бы вы создали человека без костей, то на первый взгляд он бы не отличался от нормального человека, однако он никогда бы не встал на ноги. И я считаю, что этот пример вполне объясняет причины возникновения предположений. Но я подробнее коснусь этой темы в другое время и постараюсь привести более веские доказательства. Что же касается того дракона, то я всегда думал, что его цвет должен быть золотым, без примеси голубого, так как именно такого цвета и бывают обычно драконы. То, что этот дракон лежал одно время на опушке леса, подтверждается тем фактом, что Пьер Морель, как-то оказавшись там, слышал его запах, по которому и узнал его. Это наводит на страшную мысль: как близко может нам угрожать смертельная опасность, и мы даже не подозреваем об этом.

В былые времена сотни рыцарей из многих отдаленных уголков земли один за другим отправлялись бы туда, чтобы убить дракона и получить награду, но в наше время такой метод устарел, и за истребление драконов взялись священники. В данном случае это сделал отец Гильом Фронт. Он устроил процессию со свечами и хоругвями, которая, воскурив фимиам, прошла по опушке леса и заклинаниями изгнала дракона. О нем потом никто ничего не слышал, хотя многие все-таки придерживались мнения, что специфический запах дракона полностью никогда не исчезал. По сути, никто этого запаха никогда не чувствовал, это было всего лишь мнение, лишённое оснований, как видите. Я знаю, что чудовище до заклания находилось в лесу, но осталось ли оно там и после – об этом я ничего определенного сказать не могу.

На плоскогорье вблизи Вокулера, на красивой открытой поляне, устланной зеленым травянистым ковром, стоял величественный, развесистый бук; он всегда бросал вокруг себя широкую тень, а под ним пробивался прозрачный, холодный родник. Летом туда приходили дети – таков уж был обычай на протяжении более пятисот лет, – целыми часами они пели песни и устраивали вокруг дерева пляски, освежаясь иногда ключевой водой. Им было так приятно, так весело. Они плели венки из цветов, развешивали их на дерево и раскладывали их около источника в угоду феям, жившим там; ведь феи, эти воздушные, невинные создания, любили все нежное и красивое, и, конечно, полевые цветы и венки из них. В ответ на такую внимательность феи старались отплатить детям не меньшей любезностью: они заботились о том, чтобы родник был всегда наполнен холодной, чистой водой, отгоняли змей и вредных насекомых. Таким образом, никогда не возникало ссор между феями и детьми на протяжении более пятисот лет – предание даже гласит, более тысячи лет; напротив, между ними всегда были любовь и взаимное доверие. Если кто-либо из детей умирал, феи оплакивали покойника не меньше, чем его сверстники, и это всегда можно было заметить: на рассвете того дня, в который должны были состояться похороны, они вешали венок из бессмертников над тем местом под деревом, где ребенок обычно сидел при

жизни. Я знаю, что это правда, так как сам был очевидцем; я не пользуюсь слухами, а думать, что это делали именно феи, заставляет то обстоятельство, что венки были всегда из черных цветов неизвестного во Франции вида.

С незапамятных времен все дети, выросшие в Домреми, назывались «детьми Волшебного дерева». Им нравилось это прозвище, так как в нем заключалось для них какое-то таинственное преимущество перед всеми другими детьми. Что же это за преимущество? Когда наступали последние минуты жизни ребенка, тогда над смутными, бесформенными образами, мелькавшими в его мутнеющем уме, вставало нежное, дивное, прекрасное видение Волшебного дерева, – и душа ребенка обретала покой. Так говорили многие. Другие же говорили, что видение являлось дважды: один раз как предостережение за год или за два до смерти, когда душа была в плену грехов, и тогда Дерево являлось в своем унылом зимнем одеянии, повергая душу в ужас; если же пришло раскаяние и жизнь обретала чистоту, видение являлось снова, на этот раз в прекрасном летнем наряде; но если же душа оставалась грешной, то видение более уже не появлялось, и грешная душа, обреченная на смерть, уходила из жизни. Наконец, третьи говорили, что видение являлось лишь один раз, и только тем, чьи души не были запятнаны грехом, кто одиноко умирал в дальних краях и страстно жаждал увидеть хоть что-нибудь дорогое, напоминающее родину. А какое напоминание могло быть более отрадным для их сердец, как не видение Дерева, бывшего их любимцем, соучастником в радостях и утешителем в детском горе в чудесную пору ушедшей юности?

Итак, как я уже сказал, было несколько мнений: одни верили одним, другие – другим. Но я знаю, что только одно из них истинно – последнее. Я не возражаю и против остальных: думаю, они тоже не лишены истины, но я знаю, что наиболее истинно последнее. По-моему, если человек отстаивает то, что он знает, и не беспокоит себя тем, что вызывает сомнения, то этим самым он укрепляет свой ум и делает полезное дело. Я знаю, что когда «дети Волшебного дерева» умирают в дальних краях, и если они в мире с богом, они обращают свои страждущие взоры в сторону родины, откуда, как из лучезарной дали, как сквозь просвет в тучах, заволакивающих небо, им является видение Волшебного дерева в золотом сиянии; перед их взорами простирается цветущий луг, отлого спускающийся к реке, и они полной грудью вдыхают сладостный аромат цветов своей родины. Затем видение меркнет и исчезает. Но они знают, и по их преобразившимся лицам вы тоже знаете – вы, совершенно посторонние люди, – что в этот момент их осенило небесное благословение.

Мы вдвоем с Жанной одинаково верили в это. Но Пьер Морель, Жак д'Арк и многие Другие верили в то, что видение появляется дважды, и только грешнику. Как и многие другие, они даже уверяли, что знают это наверняка. По-видимому, в это верили их отцы и свою веру передали им; не всегда то, о чем мы узнаем, приходит к нам из первоисточника.

Все же есть одно обстоятельство, говорящее в пользу тех, кто верил, что Дерево является человеку дважды: с самых древних времен, если кому случалось увидеть своего односельчанина с побледневшим от страха лицом, то обычно в таких случаях увидевший шептал соседу: «Вот, он в чем-то согрешил и получил предупреждение». А сосед при мысли об этом вздрагивал всем телом и отвечал также шепотом: «Да, бедняге, вероятно, привиделось Дерево».

Подобные доказательства имеют вес; от них так легко не отмахнешься. Все, что вытекает из накопленного опыта столетий, вполне естественно, все больше и больше становится доказательством и со временем приобретает значение авторитета, а авторитет – непоколебим как скала, он вечен.

За свою долгую жизнь я знал несколько случаев, когда Дерево являлось, предвещая смерть, хотя и далекую; но в каждом из этих случаев человек, которому оно являлось, был безгрешен. Явление Дерева в этих случаях было выражением особой благодати; уведомление об искуплении грехов не откладывалось до дня смерти, – видение заранее извещало об этом и тем самым приносило успокоение – вечный мир господень. Я сам, дряхлый старик, жду смерти в блаженстве душевном, ибо мне являлось чудесное Дерево. Я видел его и доволен этим.

Давно уж так повелось: когда дети, взявшись за руки, плясали вокруг Волшебного дерева, они всегда пели песню, особую песню о Бурлемонском волшебном дереве. Они пели ее тихо и

нежно, на старинный мотив, задушевный и простой, который всегда утешал меня в тяжелые, печальные минуты и всякий раз, в любую погоду и в любое время, переносил меня домой. Чужой человек не поймет и не почувствует, чем была эта песня на протяжении веков для «детей Волшебного дерева», очутившихся в изгнании, потерявших отчий дом, изнывающих и тоскующих на чужбине. Вам эта песня может показаться простой и неинтересной; но если вы представите, чем она была для нас, какие воспоминания она вызывала у нас, когда звучала в наших ушах, вы отнесетесь к ней с уважением. И вы поймете, почему слезы заливают наши глаза, и мы не видим и не слышим ничего вокруг, и голос наш так дрожит, что мы от волнения даже не можем допеть до конца последнюю строфу:

А в горький час тоски по ней
Яви их взору сень ветвей, –
Земли родной виденье!

Вспомните, что эту песню пела вместе с нами под Деревом и Жанна д'Арк, когда была ребенком; она всегда любила ее. Это придает песне священную силу, и вы должны согласиться с этим.

ВОЛШЕБНЫЙ БУРЛЕМОНСКИЙ БУК Песня детей

– Скажи, зеленый чародей
Долины Бурлемона,
Чем поишь ты листву ветвей?
Скажи нам, бук могучий.
– Пою их не скупой росой,
А детской светлою слезой,
Обильной и горючей.
– Скажи, могучий чародей
Долины Бурлемона,
Где силы брал? – В любви детей,
В их песнях, хороводах.
Они играли подо мной,
Как за отцовскою спиной,
И в зной и в непогоду.
– Так стой в веках и зеленой
Под небом синим, ясным,
Пускай ростки в сердца детей
Всей Франции прекрасной,
Шуми листвой, зови на бой,
О вестник пробужденья,
А в горький час тоски по ней
Яви их взору сень ветвей, –
Земли родной виденье!

Феи все еще жили там, когда мы были детьми, но мы никогда их не видели, потому что еще за сто лет до нас один священник из Домреми отслужил молебен под деревом, осудив их как прислужниц нечистой силы, недостойных спасения; затем он приказал им никогда не появляться снова и не вешать больше венков из бессмертников под угрозой вечного изгнания из прихода.

Все дети заступались за фей, говорили, что они их добрые, дорогие друзья, никогда не причинявшие им зла. Но священник не слушал; он говорил: грешно и стыдно иметь таких друзей. Дети тосковали и долго не могли успокоиться; они дали обет всегда вешать венки на дерево в

знак неизменной любви к феям и вечной памяти о них.

Но однажды ночью с феями стряслась большая беда. Мать Эдмона Обре, проходя мимо дерева, заметила, как они украдкой от людей кружились в танце; феи даже не подозревали, что кто-нибудь может их увидеть; они так были увлечены, так опьянены дикой радостью, так охмелели от выпитой росы, разведенной шмелиным медом, что ничего не замечали. А госпожа Обре стояла возле них, изумленная и восхищенная их фантастическими фигурками. Она, любуясь, смотрела, как они, взявшись за руки, кружились в веселом хороводе, кричали, хохотали, пели странные песни и в диком упоении подпрыгивали высоко вверх, – это была самая безумная, самая волшебная пляска, какую когда-либо приходилось видеть этой женщине.

Но спустя несколько минут бедные слабые создания обнаружили присутствие постороннего. Раздался душераздирающий вопль горя и ужаса, и, вытирая маленькими кулачками мокрые от слез глаза, феи разбежались и скрылись.

Бессердечная женщина, – нет, скорее глупая женщина, она не была зла, а только глупа, – пошла сразу домой и разболтала обо всем соседкам, а мы, маленькие друзья фей, в это время спали сном праведников, не подозревая, какая беда нависла над нами, и не чувствовали, что нам следовало бы встать и пресечь злую болтовню. Наутро все уже знали о случившемся, и беда стала неотвратимой: ведь если что-нибудь знает вся деревня, то об этом узнает, конечно, и священник. Мы все помчались к отцу Фронту, плакали и умоляли его; он тоже прослезился, видя наше горе, так как по своей натуре был человек добрый и мягкосердечный. Ему не хотелось вторично изгонять фей; он сам в этом признался, он добавил, что другого выхода у него нет: ведь феям было велено никогда не показываться, и они должны были исчезнуть навсегда. Все это произошло в очень неудачное для нас время: Жанна д'Арк лежала больная, в горячке и почти без сознания. А что мы могли сделать, не обладая ни силой ее убеждения, ни ее умом? Мы все прибежали к ее постели и закричали: «Очнись, Жанна! Встань, нельзя терять ни минуты! Будь заступницей маленьких фей и спаси их! Только ты одна можешь это сделать.

Но она лежала в бреду, не постигая ни смысла наших слов, ни глубины нашего отчаяния. Так мы и ушли ни с чем, считая, что все погибло. Да, все погибло, все и навсегда. Ведь прекрасные феи, верные друзья детей в течении пяти столетий, должны были исчезнуть и никогда не появляться вновь.

Это был ужасный день для нас – день, когда отец Фронт совершил богослужение под деревом и изгнал наших милых фей. Мы не могли носить по ним траур, – нам бы этого не разрешили. Поэтому мы довольствовались маленькими кусочками черных тряпок, повязав их себе на одежду в наименее заметных местах. Но в своих сердцах мы носили глубокий траур: ведь сердца были нашей собственностью, и никто не мог вторгнуться в них, чтобы помешать нам оплакивать фей.

Величественное дерево – Волшебное дерево Бурлемона, как его красиво называли, – никогда уже не было для нас тем, чем прежде, хотя все-таки оставалось дорогим и родным. Оно дорого мне и теперь, когда я хожу туда один раз в год, уже стариком, чтобы посидеть в тени его ветвей, вспомнить ушедших из жизни сверстников моей юности, мысленно собрать их вокруг себя, посмотреть сквозь слезы им в лица и дать волю сердечным порывам. О боже!..

Да и само место это претерпело со временем большие изменения. Оно изменилось в двух отношениях: феи больше не покровительствовали роднику, и он утратил свою прежнюю свежесть и прозрачность, а также более двух третей своего объема; изгнанные прежде змеи и ядовитые насекомые вернулись и размножились в таком количестве, что и сегодня являются бедствием.

Когда умная маленькая девочка Жанна поправилась, мы все поняли, как дорого обошлась нам ее болезнь. Мы убедились в правдивости своих предположений о том, что только она могла спасти фей. Узнав о случившемся, Жанна страшно рассердилась. Трудно было поверить, что такое кроткое существо способно на это. Она побежала прямо к отцу Фронту, вежливо поклонилась ему и сказала:

- Феям приказано было исчезнуть, если они когда-нибудь покажутся людям. Не так ли?
- Так, милая.
- А если кто-то чужой врывается к человеку в спальню среди ночи, когда этот человек раз-

дет, неужели вы будете настолько несправедливы, что скажете: раздетый человек показывается людям?

– Конечно, нет. – Добрый священник казался несколько смущенным и, отвечая, чувствовал себя неловко.

– Разве грех остается грехом, если он совершен непреднамеренно?

Отец Фронт всплеснул руками и воскликнул:

– Ах, дитя мое, я вижу теперь свою вину!

Он привлек ее к себе, приласкал, стараясь примириться с ней, но она была в таком сильном возбуждении, что не могла сразу успокоиться, прильнула лицом к его груди и, заливаясь слезами, сказала:

– В таком случае феи совсем не виновны – ведь у них не было злого умысла. Они не знали, что кто-то проходит мимо. А поскольку эти крошечные создания не могли постоять за себя и напомнить, что закон не должен карать невиновных, а только злоумышленников, и так как у них не нашлось ни одного друга, который бы вспомнил и сказал за них такую простую вещь, – за это их навсегда лишили их жилища. Это несправедливо, слишком несправедливо.

Добрый старик еще крепче прижал ее к своей груди и сказал:

– Устами младенцев осуждаются неосторожные и легкомысленные. Да простит мне господь, но я желал бы вернуть назад бедных малюток – ради тебя! И ради себя также, потому что я был несправедлив. Ну, полно, не плачь – никто не сочувствует твоему горю так, как я, твой бедный, старый друг. Не плачь же, милая...

– Но я не могу удержаться: мне слишком больно. Ведь то, что вы сделали, – не пустяк. Разве сожаление – достаточное наказание за такой проступок? Отец Фронт отвернулся, иначе она обиделась бы, увидев на его лице улыбку.

– Ах ты, безжалостный, но праведный судья! – сказал он. – Нет, такого наказания недостаточно. Я надену власяницу и посыплю пеплом голову. Ну, ты до-вольна?

Рыдания Жанны стали утихать, вскоре она глянула ни старика сквозь слезы и со свойственной ей простотой сказала:

– Да, этого будет достаточно. Это очистит вашу душу.

Отец Фронт, видимо, засмеялся бы снова, если бы вовремя не вспомнил, что дал обещание, не особенно приятное, но требующее исполнения. Он встал и подошел к очагу. Жанна наблюдала за ним с большим любопытством. Священник взял горсть холодного пепла и уже было собрался посыпать им свою седую старую голову, как вдруг его осенила другая мысль.

– Ты не откажешься помочь мне, милая?

– Чем же, святой отец?

Он опустился на колени, низко склонил перед ней голову и сказал:

– Возьми пепел и сама посыпь мне голову.

Этим дело, конечно, и кончилось. Победа была на стороне священника. Легко себе представить, что лишь одна мысль о таком унижении старого человека должна была поразить Жанну, как и всякого ребенка в селе. Она бросилась к нему, упала рядом на колени и сказала: – Ах, это ужасно! Я даже не знала, что значит надеть власяницу и посыпать голову пеплом. Пожалуйста, встаньте, святой отец.

– Но я не могу, пока не буду прощен, Ты прощаешь меня?

– Я? Да ведь вы мне ничего плохого не сделали, святой отец. Вы сами должны простить себя за несправедливость, допущенную в отношении бедных маленьких фей. Встаньте, святой отец, прошу вас.

– В таком случае я попал в еще худшее положение, чем прежде. Я думал, что должен заслужить твое прощение, а что касается моего собственного, то к самому себе я не могу быть слишком снисходительным. Это мне не к лицу. Что же мне делать? Придумай что-нибудь своей умной головкой.

Священник продолжал неподвижно стоять на коленях, несмотря на мольбу Жанны. Она уже чуть было не расплакалась снова, как вдруг ей пришла в голову спасительная мысль, – она схватила совок, обильно осыпала собственную голову пеплом и, задыхаясь и кашляя, проговори-

ла:

– Вот и все. Ну, встаньте же, святой отец! Старик, растроганный и довольный, обнял, ее крепче.

– О, несравненное дитя! – сказал он. – Это приятное мученичество, а не такое, каким его рисуют на картинах. В нем есть много прекрасного и возвышенного. Я утверждаю это.

Затем он смахнул пепел с ее волос, помог ей вытереть лицо, шею и привести себя в порядок. Он был опять в хорошем настроении, готовый продолжать беседу. Он уселся в кресло, снова привлек к себе Жанну и сказал:

– Жанна, ты тоже имела обыкновение плести венки под Волшебным деревом с другими детьми. Не так ли?

Это была его обычная манера. Когда отец Фронт собирался поставить меня в тупик или поймать на чем-нибудь, он всегда начинал разговор таким мягким, как будто безразличным тоном, обезоруживающим человека и незаметно толкающим его в хитро расставленную ловушку, и человек идет, сам не зная, пока не попадется. Это забавляло старика. Я знал, что он собирается теперь сделать то же самое с Жанной.

– Да, святой отец, – ответила она на его вопрос.

– И ты вешала их на Дерево?

– Нет, святой отец.

– Почему же?

– Так, не хотела.

– Неужели не хотела?

– Да, святой отец.

– Что же ты делала с ними? – Я вешала их в церкви.

– Почему же ты не хотела вешать их на Дерево? – Потому что говорили, будто феи сродни нечистой силе и оказывать им почести грешно.

– И ты верила в то, что оказывать им почести грешно?

– Да. Я думала, что это грешно.

– Значит, если оказывать им почести грешно и если они сродни нечистой силе, то они могли быть опасны для тебя и для других детей. Не так ли?

– Думаю, что так. Да, именно так.

Он минуту размышлял. А я ждал, что ловушка вот-вот захлопнется, и не ошибся.

– Значит, дело обстоит так, – продолжал он, – феи были существами проклятыми, нечестивыми и опасными для детей. Так дай же мне убедительное доказательство, милая, – если ты сможешь найти такое, – почему было несправедливо подвергать их изгнанию и почему тебе так хочется спасти их? Словом, какую ты видишь в этом потерю?

Как глупо было с его стороны говорить такие вещи и вредить самому себе! Будь он мальчиком, я с досады надрал бы ему уши. До этого все шло хорошо, но он придал разговору неумный, роковой оборот и этим испортил все дело. Какой вред это могло причинить? Как будто он не знал особенностей характера Жанны д'Арк. Как будто он не знал, что она меньше всего думала о личной выгоде. И как он не мог понять такую простую вещь, что Жанна страдает и раздражается больше всего именно тогда, когда видит, что кто-либо другой должен пострадать? Получилось так, что он сам попался в расставленную им ловушку.

Не успел он закончить, как Жанна вспыхнула негодованием и, залившись слезами, разразилась страстной речью, которая удивила старика, но не удивила меня, так как я понимал, что своим неудачно выбранным доводом он взорвал бомбу.

– Ах, святой отец, как вы можете так говорить? Скажите, кому принадлежит Франция?

– Богу и королю.

– А не сатане?

– Что ты, дитя мое! Франция подвластна только всевышнему, и сатана не владеет даже пядью ее земли.

– В таком случае, кто же дал приют этим бедным созданиям? Бог. Кто покровительствовал им столько веков? Кто позволял им плясать и играть сотни лет, не находя в этом ничего плохого?

го? Бог. А кто пошел вразрез с волей божьей, изгоняя их? Человек. Кто нарушил их безвредные занятия, дозволенные самим богом, и изгнал этих бедных крошек из жилища, которое дал им сам бог в своем милосердии и сострадании, посылая им дождь, росу и солнечный свет на протяжении пяти столетий? Это было их жилище, их собственный дом, данный им божьей милостью, и никто в мире не имел права отнять его у них. Они были самыми дорогими, самыми верными друзьями детей, оказывали им приятные, дружеские услуги за все эти пять долгих столетий и никогда не – причиняли им ни малейшего зла. В свою очередь, и дети любили их, а теперь горюют о них, и горе их безутешно. А что сделали дети, чтобы навлечь на себя такой жестокий удар? Вы говорите, бедные феи могли быть опасными для детей? Да, но они никогда такими не были, а что они могли быть опасными – это совсем не доказательство. Сродни нечистой силе? И что с того? Ведь и феи имеют свои права, а у детей тоже были свои права, и если бы не моя болезнь, то я бы заступилась за фей и за детей, остановила бы вашу руку и спасла их. А теперь... О, теперь все погибло! Все погибло, и ничему нельзя помочь!

Жанна выразила свое негодование по поводу того, что феям, как существам, близким к нечистой силе, закрыт путь к спасению и что их следует презирать и ненавидеть. А ведь казалось бы, люди должны жалеть фей и делать все возможное, чтобы заставить их забыть горькую участь, уготованную им случайностью рождения, а не личной виной.

– Бедные крошки! – говорила она. – Если сердце человека способно жалеть христианское дитя, то почему бы ему не пожалеть и вас, детей дьявола, в тысячу раз более нуждающихся в этом?

Она отвернулась от священника Фронта и заплакала, зажав кулачками глаза и топая в гневные ноги. Затем она выбежала из дома и исчезла, прежде чем мы могли опомниться в этом потоке слов и водовороте страсти.

Отец Фронт, озадаченный и смущенный, наконец поднялся и долго стоял, потирая ладонью лоб; потом он повернулся и медленно побрел в свою маленькую рабочую комнату. Я слышал, как на ходу он смущенно бормотал:

– Ах, боже мой! Бедные деточки, бедные волшебницы! У всех нас есть свои права. Об этом я и не подумал. Прости меня, господи, согрешил я, несчастный!

Услышав это, я еще раз убедился в правильности своей прежней догадки: он действительно сам попался в расставленную им ловушку. Да, именно так, вы видите это. Лично мне это придавало столько смелости, что я даже возмечтал уличить его в чем-нибудь. Но, поразмыслив, я решил лучше не пробовать – не моего ума это дело.

Глава IV

Говоря обо всем этом, я вспоминаю множество случаев и происшествий, о которых тоже мог бы рассказать, но сейчас лучше умолчу. Мне гораздо приятнее рассказать нам о нашей мирной жизни в родном селе в то доброе старое время, особенно зимой. Летом мы, дети, с утра до вечера пасли стада на холмах, и нам мало оставалось времени для игр и проказ. Зато зимой наступало самое веселое, самое шумное время. Мы часто собирались в старом просторном доме Жака д'Арк, с земляным полом, перед пылающим очагом, и тут мы играли в разные игры, пели песни, загадывали о будущем и до полуночи слушали сказки, случаи из жизни и незатейливые выдумки стариков.

Однажды, зимним вечером – это было как раз в ту зиму, которую потом долго называли лютой, – мы собрались как обычно. В тот вечер погода была особенно ненастной: на дворе бушевала вьюга и уныло завывал ветер. Но мне было приятно слушать завывание ветра, сидя в уютной, теплой горнице. Нам всем было приятно. Перед нами пылал огонь, и в него с веселым шипеньем падали через трубу комочки снега и капли воды. В горнице царило радостное возбуждение; мы пели, болтали и смеялись до десяти часов, потом нам подали ужин: горячую овсяную кашу, бобы и лепешки с маслом. Мы набросились на еду с волчьим аппетитом.

Маленькая Жанна сидела на ящике в сторонке, перед нею миска и хлеб на другом ящике, а вокруг нее в ожидании пищи вертелись ее любимцы. У нее было их много: сюда приходили бро-

дичие кошки; разные бездомные и никому не нужные животные, будто прослышав о ее доброте, спешили к ней; ее не боялись птицы и всякие пугливые лесные жильцы – они чувствовали в ней своего друга и шли к ней. Ее удивительные знакомства заканчивались приглашением в дом, напоминавший собой зверинец. Жанна относилась к ним с большой нежностью, у нее всякое животное заслуживало любви и было дорого ей независимо от породы и внешности. Она не признавала ни клеток, ни ошейников, ни привязей, и звери могли свободно приходить и уходить, когда им вздумается. Это им очень нравилось, и они приходили. Но они не хотели уходить и своим присутствием нарушали спокойствие в доме, и Жак д'Арк часто проклинал их. Зато жена его говорила, что сострадание дано ребенку от бога, а бог знает, что делает, и поэтому не следует чинить препятствий, так как неблагоприятно вмешиваться в дела господни, не имея соизволения всевышнего. Животных не трогали. И теперь они окружили Жанну. Тут были и кролики, и птицы, и белки, и кошки, и разная мелкая тварь; они с интересом следили, как ужинала Жанна, и с усердием подбирали то, что им перепало. На плече у Жанны на задних лапках сидела маленькая белочка, вертела в передних лапках кусочек черствой каштановой лепешки, нащупывая в нем зубами менее твердые места, и от удовольствия, в знак благодарности, кокетливо играла пушистым хвостом; она вгрызалась в корку двумя рядами белых резцов, которые и даны ей для этого, а совсем не для украшения, ибо красоты в них мало, в чем каждый, кто видел белку, может легко убедиться.

Все шло отлично, дружно и весело, как вдруг чей-то неожиданный стук в дверь привел всех в замешательство. Это был один из тех странников и нищих, которых постоянные войны лишили крова, заставив блуждать во большим дорогам страны. Он вошел, запорошенный снегом, потоптался у порога, отряхнулся, закрыл дверь, снял с головы свою изодранную шапку, раза два хлоп-пул ею по колену, смахивая снег, и обвел глазами всех присутствовавших с довольным выражением на исхудалом лице. Он бросил голодный взгляд на нашу снедь, затем смиренно и заискивающе поздоровался с нами и сказал, что не знает большего счастья, как сидеть у очага в такую ненастную погоду, иметь над головой кров, наслаждаться вкусной пищей и беседовать с хорошими друзьями, – да, это истинная благодать! И да поможет бог бездомным бродягам, вынужденным скитаться по дорогам в такое ненастье!

Никто не сказал ни слова. Несчастный нищий смущенно стоял, присматриваясь к собравшимся и не находя ни в ком привета; выражение его лица мало-помалу менялось, улыбка исчезла. Наконец, он опустил глаза, щеки его стали вздрагивать, и он поднес руку к лицу, чтобы скрыть навернувшиеся слезы.

– Садись, дочь! – сказал громовым голосом старик Жак д'Арк, обращаясь к Жанне. Незнакомец вздрогнул и отнял руку от глаз. Перед ним стояла Жанна с протянутой миской каши. Человек сказал:

– Будь ты благословенна вовеки, милая крошка! – Слезы хлынули у него из глаз и потекли по щекам, но он не решался взять миску.

– Ты слышишь? Сядь на свое место, говорят тебе!

Не было, кажется, на свете ребенка, которого так легко можно было бы убедить, как Жанну, но не таким способом. Отец никогда не умел с ней ладить. Жанна сказала:

– Отец, я же вижу, он голоден.

– Пусть работает, чтобы прокормить себя! Такие, как он, могут разорить нас и выгнать из нашего собственного дома. Я говорю, что не потерплю этого, и сдержу свое слово! У него даже на лице написано, что он – негодяй и плут. Садись, тебе говорят!

– Я не знаю, негодяй он или нет, но он голоден и пусть возьмет мою кашу – мне есть не хочется.

– Ты что, не слушаешься? Вот я тебе... Негодяи не имеют право объедать честных людей, и ничего они не получают в этом доме... Жанна!

Она поставила свою миску обратно на ящик, подошла к разгневанному отцу и сказала:

– Отец, если ты не позволишь мне, то, конечно, будет по-твоему. Но мне хотелось бы, чтобы ты хорошенько подумал. Тогда ты увидел бы сам, что несправедливо наказывать одну часть этого человека за то, в чем виновата другая часть его. Ведь у этого несчастного согрешила голо-

ва, а не желудок, но голод чувствует не голова, а желудок, никому не делающий вреда, ни в чем неповинный и неспособный совершить даже малейшее зло. Так позволь же...

– Что за выдумки! Большой глупости я никогда не слыхал.

Но в разговор вмешался Обре, наш мэр. У него всегда были в запасе веские доводы, – это признавали все. Поднявшись из-за стола и, подобно оратору, обводя присутствующих величественным взглядом, он начал свою умную, убедительную речь:

– Я не соглашусь здесь с тобой, Жак, и докажу честной компании, – при этом он посмотрел на нас и поощрительно кивнул головой, – что в словах девочки есть доля здравого смысла. Ведь и тебе должно быть понятно, и это вне всякого сомнения, что у человека голова управляет и руководит всем телом. Правильно? Разве кто-либо не согласен с этим? – Он опять посмотрел на всех, но никто не пытался ему возражать. – А если так, то ни одна из остальных частей тела не отвечает за приказания, которые дает голова. Следовательно, только голова ответственна за преступления, совершенные руками, ногами или желудком человека. Вы понимаете мою мысль? Разве я не прав?

Все согласились с восторгом, а некоторые заметили, что мэр сегодня в ударе и говорит великолепно. Это замечание весьма понравилось мэру, глаза его засверкали от удовольствия, и он продолжал с прежним блеском и убедительностью:

– Теперь посмотрим, что означает термин – ответственность и в какой степени он применим к данному случаю. Ответственность делает человека виновным лишь в тех вещах, за которые он должен отвечать. – Здесь мэр сделал широкий жест ложкой, как будто для того, чтобы наглядно очертить границы этой ответственности, и многие воскликнули одобрительно: «Он прав! Он внес ясность в эту путаницу. Молодец!» После небольшой паузы, чтобы еще больше заинтересовать присутствующих, мэр продолжал:

– Прекрасно! Предположим, кочерга падает человеку на ногу, причиняя жестокую боль. Неужели вы будете утверждать, что кочерга заслуживает наказания? На этот вопрос может быть только отрицательный ответ, и по вашим лицам я угадываю, что другой ответ вы бы посчитали нелепостью. А почему? Да потому, что кочерга лишена мыслительной способности, то есть у нее нет способности самоконтроля. Следовательно, она не несет ответственности за то, что с нею происходит, а раз нет ответственности, то не может быть и речи о наказании. Не так ли? – В ответ раздался взрыв горячих аплодисментов. – Вот мы и подошли к вопросу о человеческом желудке. Заметьте, как схоже, как одинаково его положение с положением кочерги. Прошу вас внимательно выслушать меня и сделать соответствующие выводы. Может ли человеческий желудок замышлять убийство? Нет. Может ли он замышлять кражу? Нет. Может ли он замышлять поджог? Нет. Теперь ответьте мне на вопрос: а кочерга способна на это? – Раздались восторженные возгласы: «Нет!», «Случаи совершенно одинаковы!», «Он рассуждает правильно!» – Итак, друзья и соседи, если желудок не способен замышлять преступление, то он не может и принимать в нем участия. По-моему, это должно быть для всех ясно. Но можно еще более уточнить вопрос. Послушайте: может ли желудок участвовать в преступлении по собственному желанию? Отвечаю: нет, так как в нем отсутствует воля, рассудок – точно так же, как в случае с кочергой. Надеюсь, вы убедились теперь, что желудок совершенно неповинен в преступлениях, совершаемых его владельцем. – Снова грянули рукоплескания. – К какому же выводу, наконец, мы пришли? Для нас стало совершенно ясно следующее: виновных желудков на свете нет и быть не может, в самом закоренелом негодяе может находиться самый невинный желудок и, несмотря на поступки этого негодяя, желудок остается в наших глазах священным и непорочным. А так как господь дал нам ум для добрых и милосердных мыслей, то этим самым он наделил нас привилегией и обязанностью не только питать голодный желудок, находящийся внутри какого-нибудь негодяя, но и делать это с радостью, с благодарностью, признавая его чистоту и непорочность, сохраняемые им даже в мире соблазнов и в среде, противной его натуре. На этом я кончил.

Вы не можете себе представить, какой эффект произвела его речь! Все повскакивали, захопавали в ладоши, закричали, поздравляя мэра и превознося его до небес. А потом, один за другим, продолжая хлопать и кричать, все бросились вперед с блестящими от слез глазами, пожали ему руки и наговорили ему столько похвал, что он был весь подавлен гордостью и счастьем

и не мог вымолвить ни слова от умиления. Зрелищем этим нельзя было не восторгаться. Все говорили, что такой речи он никогда не произносил в жизни и вряд ли произнесет такую когда-нибудь еще. Да, красноречие – большая сила, ничего не скажешь. Даже старик Жак д'Арк впервые в жизни сдался и крикнул:

– Ну ладно, Жанна, отдай ему свою кашу!

Девочка была смущена и не знала, что сказать. Да и говорить-то было нечего – ведь она уже успела отдать бродяге кашу, которую он почти всю съел. А когда ее спросили, почему она не подождала решения старших, она ответила, что желудок у человека испытывал острый голод и что неразумно было ждать, тем более, что решение старших могло оказаться и не в его пользу. Вот почему она сочла необходимым поступить именно так. Для ребенка ее лет это было мудро, не так ли?

А пришелец совсем не оказался негодяем. Напротив, он был славным малым, но ему просто не повезло в жизни, – что было немудрено по тем временам во Франции. Теперь, когда было доказано, что желудок его не виновен, ему разрешили расположиться как дома, а раз желудок насытился и ни в чем больше не нуждался, человек дал волю своему языку и рассказал нам много интересного. Странник долгие годы провел в войнах; его рассказы пробудили у всех присутствующих патриотизм и заставили усиленно биться сердца. Затем, во мгновение ока, он повел нас триумфальным маршем сквозь былые славные подвиги Франции, и в нашем воображении восстали из тумана двенадцать паладинов⁷ седой старины, идущих на смертный бой. Мы слышали топот неисчислимых войск, спешивших преградить им путь; мы видели прилив, отлив и исчезновение этого людского потока перед маленькой кучкой героев; перед нами мелькали все подробности самого поразительного, самого катастрофического и вместе с тем самого дорогого, самого славного дня из легендарной истории Франции; мы видели, как на обширном поле, усеянном убитыми и ранеными, неустршимые паладины отважно сражались и один за другим падали в неравном бою; как остался только один, которому не было равного – рыцарь без страха и упрека, герой, давший свое имя песне песней, той песне, которую ни один француз не может слышать без чувства умиления и гордости за свою страну. Наконец, перед нами воскресла последняя, самая величественная и самая трогательная сцена – смерть героя. Тишина, воцарившаяся в комнате в то время, когда мы, затаив дыхание, слушали рассказы незнакомца, напоминала нам ту тишину, которая царит над полем битвы, когда отлетала душа последнего героя.

И вдруг, среди этой торжественной тишины, незнакомец погладил Жанну по голове и сказал:

– Да хранит тебя господь, милая девочка! Сегодня ты спасла меня от голодной смерти. Вот тебе за это награда – слушай! – И в эту напряженную минуту общего возбуждения раздался благородный, берущий за душу голос незнакомца – он запел дивную «Песнь о Роланде».

Подумайте, каково было ее слышать французам, и без того уже возбужденным и разгоряченным! Что перед ней словесное красноречие! Каким прекрасным, каким величественным, каким вдохновенным стоял странник перед нами, очаровывая нас могучим голосом, словно преобразившийся в своих жалких лохмотьях!

Все встали и, затаив дыхание, с раскрасневшимися лицами и сверкающими глазами слушали его пение; все покачивались в такт песне, у всех по щекам текли слезы, грудь каждого содрогалась от глубоких вздохов, в тишине раздавались тихие стоны и одобрительные восклицания. Когда певец дошел до последнего стиха, в котором говорится о том, как умирающий Роланд лежал один среди груды трупов, обводя взглядом поле брани, и как он, сняв перчатку, простер ее к небу слабеющей рукою и бледными губами шептал свою страстную проникновенную молитву, –

⁷...двенадцать паладинов (от латинск. palatinus — дворцовый) — сподвижники германского короля Карла Великого. Во время последнего неудачного похода Карла Великого в Испанию в 778 году двенадцать паладинов составляли арьергард его войск при отступлении из страны. Героические отряды вольнолюбивых стрелков басков (северная провинция Испании на границе с Францией) устроили в Ронсевальском ущелье Пиренеев засаду и уничтожили весь арьергард завоевателя. Как утверждается в летописи, в числе этих двенадцати паладинов был бретонский маркграф (французский удельный князь) Роланд. Это событие легло в основу французского героического эпоса — известной «Песни о Роланде».

люди не выдержали и разразились рыданиями. Когда же замер последний звук песни, все как один, воодушевленные любовью к певцу, – любовью к Франции и гордостью за ее великие дела и древнюю славу, – бросились к нему и стали сжимать его в объятиях. Жанна первая прижалась к его груди и в благоговейном восторге осыпала его горячими поцелуями.

На дворе продолжала бушевать вьюга, но – что за беда! Незнакомец нашел себе надежное убежище и мог оставаться в нем столько, сколько хотел.

Глава V

У всех детей бывают прозвища; были они и у нас. Нас наделяли ими сызмала, так они и оставались за нами. Но больше всего было кличек у Жанны. С течением времени мы по разным случаям присваивали ей разные клички, которых набралось у нее с полдюжины. Некоторые из них сохранились за ней навсегда. Крестьянские девушки от природы застенчивы и легко краснеют, но Жанна настолько превосходила в этом отношении остальных и так краснела в присутствии незнакомых, что мы прозвали ее «Алым цветочком». Все мы были патриотами, но ее одну прозвали «Патриоткой», так как наши самые пламенные чувства любви к родине были холодны по сравнению с ее чувствами. Ее звали также и «Прекрасной». Эту кличку она получила не только за необыкновенную красоту лица, но и за красоту души. Сохранилась за ней также и кличка – «Храбрая».

Мы воспитывались и росли в этой трудолюбивой, мирной среде и становились подростками настолько сознательными, что начинали разбираться не хуже старших в войнах⁸, беспрерыв-

⁸ ...начинали разбираться не хуже старших в войнах. — Истребительная захватническая война королевской Англии против Франции, вошедшая в историю под названием Столетней (1337—1453), длилась с небольшими перерывами 116 лет. Еще в XII столетии английские бароны вторглись со своими полчищами на исконные французские земли по эту сторону Ламанша и вдоль Атлантического побережья, установив свое господство почти на двух третях территории французского королевства. Феодальные владения этих баронов — вассалов английской королевской династии Плантагенетов — отрезали Францию от морских путей на севере и на западе. Но в конце XII века короли Франции с помощью городского и сельского ополчения добились больших успехов в освободительной борьбе против иноземных захватчиков, и к началу Столетней войны в руках англичан сохранялась лишь Гиень — небольшая плодородная цветущая область в низовье реки Гаронны на юго-западе Франции.

Но побитые английские феодалы не унимались. Они мечтали о возвращении прежних земель Плантагенетов на континенте. Английских баронов манили богатые французские провинции с их благодатным климатом, древними городами, трудолюбивым народом. Новые земли — новые доходы с земель и с крестьян, новые грабежи — таковы были цели войны, задуманной в Лондоне. Англия пыталась подчинить себе графство Фландрское (нынешняя Бельгия) — одну из самых передовых и цветущих стран Европы. Фландрский граф номинально считался вассалом французской короны, но фактически был самостоятельным и полновластным сеньором. Франция вступилась за Фландрию, завязалась борьба между двумя монархами — английским и французским — за господство над этой страной. Это было второй причиной новой войны. В 1328 году скончался бездетный французский король Карл IV Красивый. Династия французских монархов из рода Капетингов пресеклась, и феодалам предстояло избрать нового короля. Английский король Эдуард III, двоюродный брат скончавшегося Карла IV, предъявил свои претензии на корону Франции. Но французские феодалы, не желая делить с английскими баронами власть, а также делиться с ними доходами и проливать кровь в войнах за короля-иноземца, решительно отказали. Отказ был облечен в законную форму. Услужливые законоведы вспомнили древнюю «Салическую правду» (так называемый Салический закон — одну из статей обычного права древних племен салических франков), по которой женщины не имели права наследовать землю. А Эдуард III был родственником Капетингов по женской линии, стало быть, согласно этому закону, его домогательства были необоснованными. Вскоре французские бароны избрали своим королем отдаленного отпрыска угасшей династии — Филиппа VI Валуа.

Эдуард III в 1337 г., под предлогом возвращения ему «законного» трона Франции, начал войну, которой суждено было растянуться более чем на сто лет. Лучше подготовленное, хорошо оснащенное и организованное английское войско быстро добилось крупных побед. Битвы при Креси (1346 г.) и при Пуатье (1356 г.), захват почти всей Фландрии, тяжкий и позорный для французов мир в Бретиньи (1360 г.), по которому в руках англичан оставались, помимо Гиени, еще три французские провинции, — таков был исход первого периода Столетней войны. Однако во второй половине XIV века французы, извлекая уроки из тяжелых поражений, улучшили оснащение и выучку своих войск и начали постепенно теснить захватчиков. В 1398 г. Англия, истощенная войной, запросила перемирия, и оно было заключено на 28 лет.

Но еще до истечения срока перемирия воинственные английские феодалы напали на Францию. В ночь на 13 августа 1415 года многочисленный английский флот вошел в устье Сены. На берег Франции снова вступила армия ан-

но свирепствовавших на западе и на севере страны. Вести с поля битвы нас волновали не меньше, чем взрослых. В моей памяти запечатлелся такой случай. Однажды во вторник мы играли и пели под Волшебным деревом, украшая его гирляндами в память об изгнанных друзьях наших — феях, как вдруг маленькая Манжетта закричала:

— Смотрите! Что это там?

В ее словах было столько удивления и испуга, что мы невольно насторожились. Запыхавшиеся, с покрасневшими лицами, мы сбились в кучу и устремили свои взоры в одну сторону — на обращенный к деревне склон холма.

— Какой-то черный флаг.

— Неужели? Не может быть!

— Конечно. Разве не видно?

— Да, это черный флаг. Видел ли его кто-нибудь раньше?

— Нет. А что он означает?

— Что-нибудь ужасное. Что же он может означать еще?

— Не в этом дело. Ясно, что он означает что-то плохое. Но что?

— Давайте подождем и спросим у того, кто его несет.

— Смотрите, человек с флагом бежит сюда! Кто бы это мог быть?

Мы стали гадать, но вскоре убедились, что это бежал Этьен Роз, прозванный «Подсолнухом» за рыжие волосы и круглое рябое лицо, — предки Этьена были немецкого происхождения. Он быстро взбирался на пригорок, размахивая время от времени траурным флагом, с которого мы не сводили глаз, о котором мы спорили, с замиранием сердца ожидая, какие вести несет с собой Этьен. Наконец, он подбежал к нам и воткнул древко флага в землю.

— Вот! — проговорил он. — Стой здесь, будь эмблемой Франции, пока я отдышусь. Теперь ей не нужен иной флаг.

Все сразу умолкли, словно он объявил о чьей-то смерти. В наступившей тишине не слышно было ни звука, только сдавленное дыхание запыхавшегося мальчика. Отдохнув немного, Этьен Роз снова обрел дар речи:

— Получены мрачные вести. В Труа заключен мирный договор между Францией с одной стороны, англичанами и бургундцами — с другой. По этому договору Франция предана, связана по рукам и ногам и отдана врагу. Это дело рук герцога Бургундского и этой ведьмы — королевы

глийского короля Генриха V, который лично командовал высадившимися экспедиционными войсками. Положение Франции к тому времени было угрожающим. Разоренная длительными войнами, подрывавшими экономическую жизнь страны, ее торговлю и ремесла, разграбленная отрядами наемников и шайками «дружинников» с больших дорог, переходивших на службу то к своим, то к иноземным феодалам, ослабленная сепаратистскими тенденциями и прямым предательством феодальной верхушки, страна переживала тяжелейшие дни своей истории. Победа над Францией казалась Генриху V легким делом. И действительно — первая же крупная битва при Азенкуре в октябре 1415 года была выиграна английским королем. Англичане занимают весь север Франции вместе с Парижем, на их сторону открыто переходит много крупных феодалов во главе с герцогом Бургундским.

Французское королевское правительство позорно отказалось от дальнейшей вооруженной борьбы с захватчиками. В 1420 г. французский король Карл VI Безумный заключил с англичанами неслышанно тяжкий мир в городе Труа. По условиям мирного договора, Карл VI признавал своим наследником английского короля Генриха V (1387—1422), лишив всех прав на трон своего сына — наследного принца Карла. Генрих V был объявлен регентом Франции. Наследный принц Карл, опасаясь физической расправы со стороны вассалов отца и матери — вероломной королевы Изабеллы — был вынужден бежать на юг страны в городок Бурж (недалеко от Орлеана) и укрыться в замке Шинон. Таким образом, стране грозила полная катастрофа, полная потеря самостоятельности. Но вскоре смерть унесла обоих монархов — и победителя Генриха V и побежденного Карла VI. Королем двух крупнейших государств Западной Европы был провозглашен девятимесячный Генрих VI Ланкастерский. После смерти своего отца и Карла VI Генрих VI долгие годы оспаривал французскую корону и даже был коронован в Париже в декабре 1431 г. Но младенец-король еще и не подозревал о своем монаршем величии, когда события, являвшиеся свидетельством глубочайшего кризиса феодального строя, полной неспособности королевской власти и дворянства прекратить бедствия Франции, дали миру образцы героического патриотизма французского народа, поднявшегося в эти дни на ожесточенную повстанческую войну с иноземцами. Настроения народных масс, разоренных войной и междоусобицами феодальных кланов и воодушевленных стремлением спасти родину, найдут свое наиболее полное выражение в деятельности Жанны д'Арк (1412—1431) — французской патриотки, возглавившей освободительную борьбу против английских захватчиков.

французской. Генрих Английский вступает в брак с принцессой Екатериной.

– А ты не врешь? Разве может быть брак между дочерью французского короля и убийцей при Азенкуре? Это невозможно! Ты, видно, ослышался.

– Если ты не хочешь верить этому, Жак д'Арк, ты не сможешь подготовить себя к еще большим неприятностям – ведь худшее еще впереди. Ребенок, рожденный от этого брака, даже если это будет девочка, станет наследником обоих престолов – английского и французского, и оба государства будут во власти его потомства навеки.

– Вот это уж наверняка ложь! Такое положение противоречит нашему Салическому закону и не может иметь силы, – возразил Эдмон Обре, прозванный нами «Паладином» за воинственные склонности характера. Он говорил бы и дальше, но голос его был заглушен криками остальных: возмущенные тем, что сулит Франции этот договор, все сразу зашумели, не слушая друг друга, пока маленькая Ометта не урезонила разбушевавшихся ребят.

– Нехорошо прерывать его! – сказала она. – Дайте ему закончить. Вы не верите его рассказу потому, что он кажется вам выдумкой. Тогда, наоборот, вы должны были бы радоваться, а не возмущаться. Продолжай, Этьен!

– Остается сказать только одно: наш король, Карл VI, будет править нами в течение всей своей жизни, а после его смерти регентом Франции сделается Генрих V Английский, покуда не подрастет ребенок...

– И этот человек, этот мясник будет управлять нами? Все это ложь, явная ложь! – закричал Паладин. – Тогда что же станет с нашим дофином? Что о нем сказано в договоре?

– Ни слова. Он лишается престола и превращается в отверженного.

Снова поднялся шум. Все кричали, что это ложь, успокаивая и подбадривая себя словами: «Наш король мог подписать только хороший договор. Он не подписал бы договор, ограничивающий права его родного сына».

Вдруг раздался голос Подсолнуха:

– Скажите мне, согласилась бы королева подписать договор, по которому ее родной сын лишается престола?

– Эта ехидна? Конечно, согласилась бы. Нет такого вероломства, на которое она не пошла бы в своих коварных замыслах. Она ненавидит своего сына. К счастью, ее подпись не имеет значения. Подписать должен король.

– Скажите мне еще одну вещь. Как здоровье короли? Он сумасшедший, правда?

Да, но, тем не менее, народ любит его. Страдания сближают его с народом, а жалость к нему порождает любовь.

– Это верно, Жак д'Арк. Но чего можно ждать от этого безумца? Понимает ли он, что делает? Нет. Самостоятельно он действует или по наущению других? По наущению других. Вот теперь судите сами, почему он подписал договор.

– Кто же его заставил?

– Вы и без меня знаете, – королева. Ребята снова зашумели, осыпая проклятьями королеву. Наконец Жак д'Арк сказал:

– Бывает много ложных слухов. Но такого постыдного, как этот, более унижительного, более оскорбительного для Франции, видимо, не было никогда. Поэтому хотелось бы надеяться, что это только ложный слух. Откуда ты узнал об этом?

Вся краска сбежала с лица его сестры Жанны. Она боялась ответа, и предчувствие не обмануло ее.

– Эту новость привез священник из Максе. Все ахнули. Мы знали его как человека надежного, внушающего доверие.

– А сам он верит этому?

Затаив дыхание, все ожидали ответа. И ответ последовал:

– Конечно, верит. И не только верит. Он ручался, что все сказанное – правда.

Некоторые девочки заплакали; мальчики онемели от горя. На лице Жанны было выражение безмолвного страдания, как у животного, пораженного насмерть. Животное молча переносит удар. Точно также переносила его и Жанна; она не промолвила ни слова. Ее брат Жак положил

ей руку на голову и нежно гладил по волосам в знак сочувствия. Она поднесла его руку к губам и, не говоря ни слова, с благодарностью поцеловала. Но вот наступил перелом – мальчишки начали говорить. Первым заговорил Ноэль Ренгессон:

– Ах, когда же, наконец, мы станем взрослыми? Мы растем так медленно, а Франция никогда еще так не нуждалась в солдатах, чтобы смыть с себя это позорное пятно.

– Как противно быть ребенком! – заметил Пьер Морель, прозванный «Кузнечиком» за выпуклые глаза. – Приходится ждать, ждать и ждать без конца. Бесконечные войны опустошают все вокруг, а ты жди своей очереди. Ах, если бы я мог стать солдатом сейчас же!

– Что касается меня, то я не намерен долго ждать, – сказал Паладин, – и уж когда я пойду на войну, вы услышите обо мне. Клянусь! Штурмуя крепость, некоторые предпочитают быть в тылу. Но это не в моем характере. Я буду сражаться всегда в первых рядах и никого не пущу вперед, разве только офицеров.

Даже девочек охватил воинственный дух, а поэтому одна из них, Мари Дюпон, сразу же заявила:

– Жаль, что я не мужнина! Я бы сию минуту отправилась на фронт. – Сказав это, она приняла гордый вид, ожидая похвал.

– И я тоже! – поддержала ее Сесиль Летелье, раздувая ноздри, как боевой конь, почуявший битву. – Уверю вас, что я бы никогда не струсила, даже если бы против меня выступила вся Англия.

– Вздор! – не выдержал Паладин. – Девчонки только и умеют хвастать, в этом их призвание. А попробуйте поставить тысячу их против горсти солдат, и вы увидите, что такое паника и бегство. Чего доброго, и маленькая Жанна начнет сейчас говорить, что станет солдатом.

Шутка показалась такою забавной, что вызвала всеобщий хохот. И Паладин, решив ею воспользоваться, продолжал:

– Да. Представьте себе нашу Жанну врезающейся в колонны врага, как старый ветеран! Здорово, правда? И не в чине какого-то простого, жалкого солдатишки, как все мы, а в чине офицера! Понимаете, – офицера, закованного в броню, в железных латах и в стальном шлеме с забралом, под которым можно скрыть растерянность и краску стыда на лице в случае, если придется отступить перед превосходящими силами противника. Офицер? А что же! Она будет у нас капитаном! Слышите, – будет командиром, станет во главе целого отряда, может быть, тоже из девчонок. Ей только и быть командиром. И – боже мой! – как налетит она, как начнет рубить направо и налево – словно ураган пройдет по полю битвы.

Паладин продолжал и дальше в том же духе, да так уморительно, что все мы покатывались со смеху; И в самом деле, разве не забавно было представить это хрупкое создание, которое даже мухи не обидит, не выносит одного вида крови, представить совсем еще девочку, застенчивую и ласковую, мчащуюся в бой во главе отряда воинов? Бедняжка, она сидела сконфуженная и смущенная. А между тем, в эту самую минуту случилось нечто такое, что должно было изменить взгляд на вещи и доказать этим юнцам, что победа часто остается за тем, кто смеется последним. Как раз в эту минуту из-за Волшебного дерева показалось лицо, всем нам знакомое, всех нас приводившее в ужас, и все мы были поражены одной и той же мыслью: сумасшедший Бенуа вырвался из своей клетки, и теперь все мы пропали! Оборванное, всклокоченное, страшное чудовище выскочило из-за дерева и замахнулось топором. Мы все разбежались в разные стороны, девочки – с криком и плачем. Нет, не все, – Жанна осталась на месте. Она стояла, пристально глядя в лицо этому человеку. Добежав до опушки леса, окаймляющего зеленую поляну, и найдя там надежное убежище, мы оглянулись назад, чтобы убедиться, не гонится ли за нами Бенуа. И что же мы увидели? Жанна по-прежнему стоит неподвижно, а этот сумасшедший приближается к ней с поднятым топором. Зрелище было ужасное! Мы оцепенели от страха и не могли двинуться с места. Я не хотел смотреть, как убивают человека, и вместе с тем я не мог отвести взгляд. Вдруг я увидел, как Жанна шагнула вперед, навстречу сумасшедшему. Я не поверил своим глазам и подумал, что меня обманывает зрение. Но я видел, как Бенуа остановился, погрозил топором, предостерегая ее, но она, не обращая внимания, все продолжала идти вперед, пока не очутилась совсем рядом с ним – под самым топором. Наконец, она остановилась и, кажется, что-то

пыталась ему сказать. Мне сделалось дурно, голова закружилась, в глазах потемнело, и на какое-то время – не знаю, как долго, – я утратил способность видеть. А когда это прошло и я открыл глаза, Жанна уже спокойно шла рядом с сумасшедшим по направлению к деревне, ведя его за руку. В другой руке она держала топор.

Один за другим ребята выползали из кустов и стояли с разинутыми ртами, пока они не вошли в село, где скрылись из виду. Вот тогда-то мы и прозвали Жанну «Храброй».

Мы оставили черный флаг исполнять свое печальное назначение, так как сами были озабочены другим. Все помчались в село, чтобы предупредить людей и избавить Жанну от опасности, хотя страшнее того, что я видел, уже ничего не могло быть; топор в руках Жанны, сумасшедший обезврежен. Когда мы прибежали в деревню, опасность уже миновала, сумасшедшего водворили в клетку. Люди толпились на небольшой площади перед церковью, толковали о случившемся, позабыв даже о мрачных вестях, полученных два-три часа тому назад.

Женщины обнимали и целовали Жанну, расхваливали ее и плакали; мужчины гладили ее по головке, высказывая сожаление о том, что она не мужчина, иначе она пошла бы на войну и несомненно прославилась бы себя ратными подвигами. Она вынуждена была, наконец, уйти и спрятаться – так тягостны были для застенчивой девочки все эти похвалы.

Конечно, люди выпытывали у нас подробности. Мне до того стало стыдно, что я улизнул от первого любопытного и незаметно отправился обратно к Волшебному дереву, чтобы уклониться от докучливых расспросов. Там я нашел Жанну, прибежавшую туда, чтобы избавиться от обременительных похвал. Один за другим и остальные ребята отделались от любопытных и присоединились к нам. Мы окружили Жанну и стали просить ее рассказать, как она могла решиться на такой смелый поступок. Она отвечала нам со свойственной ей скромностью:

– Вы делаете из этого нечто необыкновенное и глубоко ошибаетесь. Ничего особенного здесь нет. Этому человеку я не чужая. Я давно знаю его, он тоже знает меня и любит. Много раз я подавала ему пищу сквозь решетку его клетки. А в декабре прошлого года, когда ему отрубили два пальца, чтобы он не хватал прохожих и не царапал их, я каждый день делала ему перевязки, пока раны не зажили.

– Все это прекрасно, – сказала маленькая Манжетта, – но ведь он сумасшедший, милая моя, и его расположение к тебе, благодарность и дружественные чувства не спасут тебя, если он придет в ярость. Ты совершила опасный поступок!

– Конечно, опасный, – подтвердил Подсолнух. – Разве он не грозил убить тебя топором?

– Да, грозил.

– Он угрожал несколько раз?

– Угрожал.

– И ты не боялась?

– Нет. Вернее, боялась, но не очень.

– Почему же?

Она на мгновение задумалась, а потом ответила просто:

– Сама не знаю.

Ее ответ всех рассмешил. А Подсолнух сострил, сказав, что это напоминает ягненка, который пытался съесть волка, но потом раздумал.

Сесиль Летелье спросила:

– Почему ты не убежала вместе с нами?

– Потому что нужно было запереть его в клетку, иначе он мог убить кого-нибудь или причинить себе вред.

Следует отметить, что эти слова Жанны, свидетельствующие о том, насколько она забывала о себе и о грозившей ей опасности и заботилась о других, не только не вызывали возражений, критики и плохих толкований с нашей стороны, но были всецело одобрены и поддержаны нами. Из этого можно заключить, как ясно определился ее характер и как прочно, непоколебимо утвердилось среди нас такое мнение о ней.

Наступило тягостное молчание, и, вероятно, в это время мы все думали об одном и том же, а именно: какую жалкую роль мы сыграли в этом приключении по сравнению с поступком Жан-

ны. Я пытался придумать объяснение своему бегству и тому, что я оставил маленькую девочку на милость сумасшедшего, вооруженного топором, но все объяснения, которые приходили мне на ум, казались такими ничтожными и вздорными, что я даже и не пытался высказать их вслух. Однако другие были менее благоразумны. Ноэль Ренгессон, например, немного поколебавшись, сделал замечание, вполне характеризующее его душевное состояние в то время:

– По правде говоря, я был захвачен врасплох. И нет ничего удивительного, что я испугался. Если бы у меня было время на размышления, я бы не думал о бегстве. Ведь, в конечном счете, кто такой Теофиль Бенуа, чтобы его бояться? Фу! Мне противна даже мысль об этом. Пусть бы он попался мне сейчас, я бы показал ему!

– И я также! – воскликнул Пьер Морель. – Я мог бы заставить его карабкаться на это дерево быстрее белки. Вы бы посмотрели, что бы я сделал с ним! Захватить человека врасплох таким образом, как захватил нас он, – легко. Но все же я не думал убежать; во всяком случае, не думал всерьез. Такое желание возникло в шутку. Но когда я увидел Жанну рядом с сумасшедшим, занесшим над ней топор, я еле удержался, чтобы не броситься к нему и не растерзать его. Мне так хотелось это сделать, и в следующий раз я обязательно это сделаю! Пусть он только попробует когда-нибудь напугать меня – я ему покажу!

– Ах, замолчите вы! – сказал презрительно Паладин. – Вы говорите так, будто есть что-то героическое в поступке Жанны. Что же в этом героического – стоять и глядеть в упор на ничтожного человека? Ничего! Какая в этом слава? Удовольствия ради я бы хотел встретиться с сотней таких, как он. Если бы он сейчас появился здесь, я бы прямо подошел к нему, будь у него хоть тысяча топоров...

И он долго фантазировал на тему – что бы он ему сказал и каких бы чудес натворил; другие тоже изредка вставляли словечко, описывая свои боевые подвиги при воображаемом столкновении с сумасшедшим; ведь к встрече с ним они уже подготовились; они показали бы ему, где раки зимуют, – захватить врасплох можно раз, но не дважды.

Итак, наконец им удалось не только восстановить самоуважение, но еще кое-что и прибавить к нему; да, расходясь, каждый из них уносил самое лестное мнение о себе.

Глава VI

Мирно и тихо текли дни нашей юной жизни, и все потому, что мы были далеко от театра военных действий. Но иногда шайки бродячих дезертиров приближались к нам настолько, что мы могли видеть по ночам зарево пожаров: это горел какой-нибудь хутор или деревня. И тогда все мы знали, а вернее, предчувствовали, что рано или поздно они еще больше приблизятся и настанет наш черед. Этот смутный страх лежал тяжелым грузом на наших сердцах и особенно усилился через пару лет после заключения договора в Труа.

Более мрачного времени не знала Франция. Как-то у нас разыгралось одно из обычных наших сражений с ненавистными бургундскими мальчишками из деревни Максе; нам здорово досталось, избитые и усталые, мы возвращались в сумерках домой и вдруг услышали набат. Мы бросились бежать, а когда примчались на площадь, то увидели, что она заполнена возбужденными поселянами и мрачно озарена дымящимися факелами.

На церковной паперти стоял незнакомец, бургундский священник, и держал перед народом речь, от которой народ ревел, неистовствовал и бранился. Священник говорил, что наш старый полоумный король умер и что теперь все мы – Франция и корона – принадлежим английскому младенцу, лежащему в своей колыбели в Лондоне. Он уговаривал нас дать клятву верности этому ребенку, быть его доброжелателями и покорными слугами. Он уверял, что отныне у нас, наконец, будет сильная и твердая власть и что в скором времени английское войско двинется в свой последний поход, который будет кратким и молниеносным, ибо остается покорить лишь небольшой клочок нашей родины, находящейся под сенью этой жалкой, забытой тряпки, именуемой французским флагом.

Народ бушевал, придя в ярость от слов незнакомца; можно было видеть, как многие потрясли кулаками над сплошным морем освещенных факелами голов. На это дикое зрелище страш-

но было смотреть; фигура священника заметно выделялась; он стоял ярко освещенный и смотрел вниз на разъяренную толпу равнодушно и спокойно; даже те, которые с удовольствием сожгли бы его в пламени этих факелов, не могли не удивляться его необыкновенному хладнокровию. Но самым возмутительным было то, что он сказал в заключение. Священник сказал, что на похоронах нашего старого короля французский главнокомандующий сломал свой жезл «над гробом Карла VI и его династии» и громко воскликнул: «Дай бог долгой жизни Генриху, королю Франции и Англии, нашему августейшему повелителю!» Затем священник попросил присутствующих скрепить эти слова искренним «аминь!»

Люди побледнели от гнева; у всех на мгновение как бы отнялись языки; никто не мог произнести ни слова. Одна Жанна, стоявшая недалеко от паперти, смело взглянула в лицо священнику и сказала серьезно и рассудительно:

– Голову бы с тебя снять за такие слова! – Помолчав, она перекрестилась и добавила: – Если бы только на то была воля божья!

Это стоит запомнить, и я скажу вам почему: это были единственные резкие слова, когда-либо сказанные Жанной за всю ее жизнь. Когда я раскрою перед вами картину пережитых ею бурь, несправедливостей и преследований, вы сами будете удивляться тому, что за всю свою многострадальную жизнь она никогда не произнесла более грубых слов.

С того дня, как была получена эта мрачная весть, начались дни ужасов. Мародеры появлялись чуть ли не на порогах наших домов, и мы жили в постоянной тревоге, хотя пока что настоящего нападения на нас они, к счастью, не предпринимали. Но вот, наконец, настал и наш черед. Это было весной 1428 года. Воспользовавшись темной ночью, бургундцы шумной толпой ворвались в наше село, и мы вынуждены были спасаться бегством. Все бросились на дорогу, ведущую в Невшатель, и бежали сломя голову. Каждый старался очутиться впереди, не обращая внимания на товарищей. Единственным человеком, не потерявшим разума, была Жанна: она взяла на себя команду и навела порядок в этом хаосе. Жанна действовала быстро и решительно и вскоре смогла превратить панически бегущую толпу в организованно отступающий отряд. Согласитесь, что для такой юной девушки это был настоящий подвиг.

В то время ей было всего шестнадцать лет. Она была стройна, грациозна и сняла такой необыкновенной красотой, что, рисуя ее даже самыми пышными красками, я не погрешу против истины. На ее лице отражались ясность, кротость и чистота – все качества ее возвышенной души. Она была очень набожна, что часто придает лицам оттенок уныния, но этого не замечалось у Жанны. Набожность наполняла ее внутренней радостью и счастьем, и если по временам ее лицо выражало печаль или озабоченность, то это потому, что она грустила о своей родине; ее грусть не имела ничего общего ни с набожностью, ни с унынием.

Значительная часть нашей деревни была разрушена, и когда, наконец, настал удобный момент и можно было вернуться домой, все мы поняли, сколько страданий перенесли люди в разных уголках Франции за эти годы или, вернее, десятилетия. Впервые мы увидели разоренные, обгорелые хижины, улицы и переулки, сплошь заваленные трупами варварски убитых животных, особенно телят и ягнят – любимцев детей; больно было смотреть, как дети оплакивали их.

А тут еще подати, непосильные подати! Мысль о них никому не давала покоя. Особенно тяжелым бременем они были для общины теперь, после разгрома, и одна мысль о них бросала каждого в дрожь. По этому поводу Жанна однажды сказала:

– Платить подати, когда нечем платить, – такова участь Франции в последние годы. Но мы еще никогда не испытывали на себе этого. А теперь испытаем и мы.

Задумчивая и озабоченная, она и дальше развивала свою мысль, и можно было заметить, какое глубокое возмущение охватывало ее.

Наконец, мы наткнулись на нечто страшное. Это был сумасшедший, зарубленный насмерть в своей железной клетке на углу площади. Ужасное, кровавое зрелище! Вряд ли кто-нибудь из нас, юношей, когда-либо видел насильственную смерть. Вот почему этот труп имел для нас какую-то таинственную притягательную силу. Мы все не могли оторвать от него глаз. Все, кроме Жанны. Она с ужасом отвернулась от него, и никто не мог убедить ее подойти ближе. Вот вам разительный пример того, какую силу имеют привычки и воспитание. Вот вам разительный

пример того, как иногда странно, безжалостно, грубо распоряжается нами судьба. Ведь получилось так, что те из нас, кто больше всего интересовался этим изуродованным, окровавленным трупом, прожили всю свою жизнь мирно и тихо, а той, которая почувствовала прирожденный, глубокий ужас при виде его, суждено было видеть подобные зрелища ежедневно на поле битвы.

Вы сами легко согласитесь с тем, что теперь у нас действительно было о чем поговорить. Нападение на нашу деревушку казалось нам самым важным происшествием из всех, ибо, хотя наши темные крестьяне и воображали, что они понимают грандиозность мировых событий, едва доходивших до их умов, в действительности же они ничего не понимали. Один маленький факт, видимый глазу и испытанный ими на самих себе, сразу стал для них важнее любого отдаленного события мировой истории, о котором они знали лишь понаслышке. Теперь мне смешно вспоминать, как рассуждали в то время наши старики. Они возмущались до глубины души.

– Да-а, – говорил старый Жак д'Арк, – странные дела творятся на белом свете! Нужно поставить об этом в известность короля. Пора ему очнуться от лени и взяться за дело.

Он имел в виду нашего молодого, лишённого престола короля, преследуемого изгнанника, Карла VII.

– Ты говоришь истинную правду, – подхватил мэр. – Короля нужно поставить в известность, и немедленно. Постыдно допускать такие вещи. Ведь мы не можем спокойно спать в своих постелях, а он там живет припеваючи. Надо, чтобы все узнали об этом, пусть вся Франция узнает!

Слушая их, можно было подумать, что все предшествовавшие десятки тысяч случаев грабежей и поджогов по всей Франции – сущие небылицы, и только один этот факт действительно имел место. Оно и всегда так: чужую беду пальцем разведу, а вот когда сам в беде, тогда зови на помощь короля, – дескать, спасай!

О происшествии было много толков и среди нас, молодежи. Присматривая за стадами, мы не умолкали ни на минуту. Теперь и мы начинали осознавать свое значение: мне уже исполнилось восемнадцать лет, а другие были и того старше – кто года на два, кто на три, а кто и на четыре. Мы уже считали себя вполне взрослыми.

Однажды Паладин принялся резко осуждать патриотически настроенных французских генералов:

– Посмотрите на Дюнуа⁹, бастарда Орлеанского, – а еще генерал! Поставьте меня на его место хоть на одну минуту. Не ваше дело, что я предприму, не мне об этом говорить. Для болтовни у меня не приспособлен язык, я люблю действовать. Пусть болтают другие. Но если бы я был на месте Дюнуа, все пошло бы по-иному. Или посмотрите на Сентрайля¹⁰ – тьфу! Или на этого бахвала Ла Гира¹¹ – тоже мне генералы!

Такие развязные отзывы о великих людях всех нас возмутили, – все эти заслуженные воины казались нам чуть ли не полубогами. В нашем воображении они вставали во всем своем блес-

⁹ *Дюнуа* — граф Жан Дюнуа (1402-1468) — побочный сын герцога Луи (Людовика) Орлеанского, имевший тогда официальный титул — монсеньер бастард (от франц. *batard* — внебрачный), один из самых талантливых французских полководцев и стойких приверженцев Жанны д'Арк. После ее гибели руководил многими военными действиями против англичан. В 1439 году получил графский титул Дюнуа в дар от своего брата, герцога Карла Орлеанского.

¹⁰ *Сентрайль* — Жан-Потон де Сентрайль, французский полководец, принимавший участие в Столетней войне. Являлся также одним из главных военачальников патриотов-арманьяков, составлявших ядро французской партии.

¹¹ *Ла Гир* — Этьен де Виноль (1390—1443), по прозвищу Ла Гир (старофранц. *la ire*-гнев, ярость), прославленный французский полководец и военачальник, постоянный сподвижник Жанны д'Арк в ее главнейших боевых операциях. Считался приверженцем дофина Карла (будущего французского короля Карла VII) и оставался ему верным в пору его величайших неудач. Принимал активное участие в сражениях за снятие осады Орлеана; в 1430 г. пытался спасти Жанну д'Арк из английского плена, но был схвачен, бежал и снова предводительствовал войсками в войне с англичанами. С 1434 г. был маршалом Франции. Ла Гир — одна из самых колоритных фигур в когорте французских полководцев эпохи Столетней войны. Известный своей неустранимой храбростью и отвагой, любивший всегда повторять свой девиз: «хочешь уцелеть — наноси удар первым», — он был грозой для захватчиков, которые называли его не иначе как «гнев божий». Однако в пору своей ранней военной карьеры, отличаясь своим молодечеством и стойким сопротивлением захватчикам французской земли, он вместе с тем не брезговал и грабежом.

ке, загадочными и могущественными, величественными и храбрыми, и для нас было ужасно неприятно, когда о них судят, как о простых смертных, подвергая их действия несправедливой критике. Лицо Жанны вспыхнуло от возмущения, и она сказала:

– Не понимаю, как можно так непочтительно говорить о таких великих людях. Ведь они – опора Франции; они держат ее на своих плечах и проливают за нее свою кровь. Что касается меня, то я сочла бы за великую честь хоть мельком, хоть издали взглянуть на них. Мне кажется, я даже недостойна приблизиться к ним.

Паладин на мгновение смутился, заметив по лицам окружающих, что Жанна выразила общее мнение, но, не желая отступать, он опять взялся за критику. Тогда Жан, брат Жанны, сказал:

– Если тебе не нравятся действия наших генералов, то почему ты не идешь сам на войну, чтобы показать, как нужно действовать? Ты ведь только болтаешь, что пойдешь на войну, а на деле и не собираешься.

– Послушай, – возразил Паладин, – говорить легко. Сейчас я объясню, почему я пребываю в бездействии, которое, как известно, противно моей натуре. Я не иду на войну потому, что я не дворянин. В этом вся причина. Что может сделать простой солдат в такой борьбе? Ровно ничего. А до офицерского чина ему выслужиться не дадут. Если бы я был дворянином, разве я оставался бы здесь? Ни минуты! Я мог бы спасти Францию. Вы смеетесь? Но я знаю, что скрывается во мне, что заключено в голове под этой крестьянской шапкой. Я мог бы спасти Францию и готов взяться за дело хоть сейчас, но при иных условиях. Если я нужен, пусть пошлют за мной, а не хотят – пусть справляются сами. Я не отправлюсь иначе как в чине офицера.

– Увы! Бедная Франция! Погибла Франция! – насмешливо сказал Пьер д'Арк.

– Вот ты подтруниваешь над другими, а почему же сам не идешь на войну, Пьер д'Арк?

– О, ведь и за мною не присылали. Во мне ровно столько же дворянской крови, сколько и в тебе. А все-таки я пойду, – обещаю, что пойду. Я пойду рядовым под твоим началом, когда за тобою пришлют.

Все рассмеялись, и Кузнечик заметил:

– Так скоро? В таком случае начинайте собираться. Кто знает, – лет через пять могут прислать! Да, по-моему, раньше чем через пять лет вы не пойдете.

– Он пойдет раньше, – промолвила вдруг Жанна. Голос ее прозвучал задумчиво и тихо, но все его слышали.

– Откуда ты знаешь, Жанна? – удивленно спросил Кузнечик, но в это время вмешался Жан д'Арк.

– Я тоже хочу пойти на войну, – заявил он, – но я еще слишком молод. Мне придется подождать. Пока пришлют за Паладином, я успею подрасти, и мы пойдем вместе.

– Нет, – сказала Жанна, – он пойдет вместе с Пьером.

Она сказала это так, будто говорила сама с собою, не сознавая, что говорит громко. Ее никто и не услышал, кроме меня.

Я взглянул на нес и увидел, что вязальные спицы замерли у нее в руках, а лицо приняло какое-то мечтательное, рассеянное выражение. Губы ее шевелились, словно она произносила про себя обрывки фраз. Но звуков не было слышно. Я был всех ближе к ней и ничего не слышал. Но я насторожился, так как ее предыдущие замечания вселили в меня страх. Я был суеверен и принимал близко к сердцу разные пустяки, имевшие хотя бы малейший оттенок таинственности и необыкновенности.

– Существует только одна возможность спасти Францию, – заявил Ноэль Ренгессон. – В нашей компании все же есть дворянин. Это Школяр. Почему бы ему не одолжить свое имя и звание Паладину? Он тогда смог бы стать офицером. Франция позовет его, и он сметет эти английские и бургундские полки в море, как дохлых мух.

«Школяр» – это я. Меня так прозвали за то, что я умел читать и писать. Раздались возгласы единодушного одобрения, и Подсолнух добавил:

– Вот это как раз то, что нам нужно. Все затруднения теперь устраняются. Господин де Конт должен согласиться. Он двинется в поход вслед за полководцем Паладином как простой солдат и падет в битве, покрыв себя вечной славой.

– Он пойдет вместе с Жаном и Пьером и доживет до той поры, когда об этих войнах не останется и воспоминаний, – прошептала Жанна. – Наступит время – и Ноэль с Паладином в последний миг примкнут к ним, но не по своей воле.

Голос Жанны звучал так тихо, что я скорее догадывался о смысле ее слов, чем слышал их, и от ее предсказаний у меня мороз прошел по коже.

– Теперь за дело! – продолжал Ноэль свое. – Все решено. Нам осталось только создать отряд под командованием Паладина и идти спасать Францию. Все согласны?

Все ответили утвердительно, кроме Жака д'Арк, который сказал:

– Я прошу вас извинить меня. Мне нравится ваша воинственность, и моя душа будет с вами там, на полях сражений. Я всегда мечтал, что когда-нибудь стану солдатом. Но вид нашей разоренной деревни и изуродованный, окровавленный труп того сумасшедшего убедили меня, что я не создан для военного дела. Я никогда бы не смог быть полезным в этом деле. Звон мечей, грохот пушек и смерть, смерть... нет, я этого не вынесу. На меня не рассчитывайте. Да и вдобавок я – старший сын, опора и защита семьи. Если уйдут на войну Жан и Пьер, то ведь кто-то же должен оставаться дома, чтобы ухаживать за Жанной и нашей второю сестренкой, Я останусь дома и доживу до старости в мире и тишине.

– Он останется дома, но не доживет до старости, – тихо прошептала Жанна.

Разговор продолжался в веселом и беспечном духе, свойственном молодежи. Мы слушали, как Паладин осуществлял планы своих кампаний, давал сражения, одерживал победы, истреблял англичан, сажал нашего короля на престол и короновал его. Потом мы спросили его, что бы он ответил, если бы король пожелал узнать, какая ему за это нужна награда. Паладин уже давно обдумал это и ответил, не моргнув глазом:

– Я попросил бы его дать мне титул герцога, звание первого пэра¹² и назначить меня наследственным великим коннетаблем Франции¹³.

– И заодно, чтобы он предложил тебе руку какой-нибудь принцессы? Неужели ты упустил это из виду? Паладин слегка покраснел и резко ответил:

– Пусть принцессы остаются принцам. Я женюсь на девушке, любезной моему сердцу.

Он намекал на Жанну, хотя об этом никто из нас не подозревал в то время. Если бы кто-нибудь об этом догадался, Паладина высмеяли бы за тщеславие. В нашей деревне для Жанны не было подходящего жениха. Никто не сомневался в этом.

Затем мы спрашивали друг у друга поочередно, чего бы каждый из нас потребовал у короля на месте Паладина за те подвиги, которые он намеревался совершить. Ответы давались в шутовском тоне, и каждый из нас старался перещеголять товарищей необычностью наград, на которые претендовал. Но когда очередь дошла до Жанны и она была оторвана от своих мечтаний, мы должны были объяснить ей, о чем шла речь, так как, погруженная в собственные мысли, она не слыхала конца нашего разговора. Она предположила, что от нее требуется серьезный ответ, и, подумав, ответила совершенно серьезно:

– Если бы наследник престола в своем великодушии и милости сказал мне: «Теперь, когда я снова богат и могуч, требуй от меня, чего хочешь», я бросилась бы перед ним на колени и попросила бы его издать указ, чтобы с нашей деревни никогда больше не взимали податей.

Это было сказано просто, от всего сердца и тронуло нас до глубины души; никто из нас не засмеялся, все призадумались. Нет, мы не рассмеялись. И настал день, когда мы вспомнили эти слова с печальной гордостью и радовались тому, что не посмеялись тогда, поняв, сколько благородства заключалось в них и как честно Жанна сдержала слово, спустя некоторое время попросив у короля именно этой милости и отказавшись принять хоть что-нибудь для себя.

¹² *Первый пэр* (от франц. pair — букв. равный) — титул высшего дворянства.

¹³ *Великий коннетабль Франции* (от франц. connetable — букв. полицейский). — Чин великого коннетабля в средневековой Франции — что-то вроде главного конюшего при королевском дворе, позднее титул главнокомандующего сухопутными силами французского королевства.

Глава VII

В детстве, до четырнадцатилетнего возраста, Жанна была самым веселым, самым жизнерадостным ребенком в деревне. В играх она быстро бегала и заливалась приятным звонким смехом. Эта черта ее характера, в соединении с нежным, добрым сердцем и мягкими, подкупающими манерами, делала ее всеобщей любимицей. Она всегда была пламенной патриоткой. Иногда печальные вести с войны терзали ее душу и сердце, исторгали у нее слезы, но потом, когда эти впечатления проходили, к ней опять возвращалось хорошее настроение, и она становилась прежней Жанной.

Однако за последние полтора года она стала сосредоточенной и серьезной. Нельзя сказать, чтобы она сильно грустила, скорее всего, она погружалась в мечту, предавалась думам и размышлениям. Она носила в своем сердце тоску по Франции, а это было нелегкое бремя. Я хорошо знал, что ее больше всего беспокоило, но Другие объясняли эту странную сосредоточенность религиозным экстазом, ибо Жанна не делилась своими мыслями с односельчанами и частично доверялась только мне, – поэтому-то я и знал лучше других, что больше всего волновало ее. Не раз мне приходила в голову мысль о том, что у Жанны есть какая-то тайна, которую она хранит в себе, не раскрывая ее ни мне, ни кому-либо другому. Эта мысль возникла у меня потому, что я заметил, как несколько раз Жанна обрывала свою речь на полуслове и мгновенно меняла тему – видимо, боясь, что вот-вот раскроет что-то. И только некоторое время спустя мне было суждено узнать ее тайну.

На другой день после описанного мною разговора мы пасли в поле скот и по обыкновению рассуждали о бедствиях Франции. Не желая расстраивать Жанну, я всегда рисовал будущее Франции в розовых красках, но это было только притворство, ибо безнадежность положения нашей родины не вызывала сомнений. Теперь мне стало так больно лгать ей, так стыдно обманывать эту невинную, чистую, доверчивую девушку, что я решил впредь отказаться от всякой лжи. Запинаясь почти на каждом слове, я начал излагать ей свои новые политические взгляды и опять, конечно, не смог не солгать – в силу привычки, от которой не так-то легко отделаться.

– Жанна, я размышлял об этом всю ночь и пришел к выводу, что мы все время ошибались. Положение Франции ужасно. Оно было таким еще со времен Азенкура, а сегодня стало совсем безнадежным и отчаянным.

Говоря это, я старался не смотреть ей в глаза – ведь она не ожидала услышать от меня подобных слов. Разбить ее сердце, сокрушить лучшие ее надежды такой откровенно-грубой, беспощадной речью, – это было слишком бесчеловечно. Но, высказав все, облегчив свою душу и очистив совесть, я заглянул Жанне в лицо, чтобы видеть, какое впечатление произвели мои слова.

Но ее лицо ничего не выражало. В серьезных глазах Жанны сквозило едва заметное удивление – и только. Она заговорила просто и спокойно.

– Дело Франции безнадежно? Почему ты так думаешь? Скажи мне.

Радостно видеть, что удар, который, как вы опасались, должен был сокрушить дорогого для вас человека, не имел рокового действия. Я сразу же успокоился и мог высказать все без утайки и смущения.

– Оставим в стороне патриотические иллюзии и наши личные чувства, – начал я, – и посмотрим в глаза фактам. О чем они говорят? Они говорят так же ясно, как цифры в приходо-расходной книге торговца. Стоит только подвести итог, чтобы убедиться, что Франция обанкротилась: одна половина ее владений уже в руках английских шерифов, а другая тоже не принадлежит французам, так как на нее непрерывно посягают различные банды разбойников, не признающих над собой ничьей власти. Наш нищий король заперт со своими фаворитами и шутами в маленьком уголке королевства, где предается праздности, не располагая никакой властью; у него нет ни денег, ни армии; он не сражается, не намерен сражаться, не думает оказывать никакого сопротивления. В сущности, он хочет только одного: бросить свою корону в сточную канаву и бежать в Шотландию. Таковы факты. Разве они не верны?

– Да, они верны.

– В таком случае я сказал правду. Стоит только сопоставить эти факты, чтобы прийти к правильному выводу.

– К какому выводу? Что дело Франции безнадежно? – спросила она спокойно.

– Разумеется. Перед лицом таких фактов сомнений быть не может.

– Как ты можешь это говорить? Как ты можешь так чувствовать?

– Очень просто. Разве я могу при подобных обстоятельствах говорить и чувствовать иначе?

Жанна, неужели перед лицом этих очевидных фактов ты все еще питаешь какие-то надежды на возрождение Франции?

– Надежды? О, больше, чем надежды! Франция обязательно обретет свободу и сохранит ее. В этом не может быть ни малейшего сомнения.

Мне показалось, что ее ясный ум сегодня помутился, иначе она не возражала бы против таких убедительных фактов. А что, если я еще раз попытаюсь разъяснить их ей? Возможно, она поймет.

– Жанна, – снова начал я, – твое сердце, слепо обожающее Францию, подводит тебя. Ты не постигаешь всей серьезности положения. Смотри: я палочкой сделаю тебе наглядный чертеж на земле. Вот эта ломаная линия – граница Франции. Пересекая ее по центру, я провожу другую линию: это – река.

– Да, Луара.

– Видишь – вся эта северная часть страны уже в когтях англичан.

– Да.

– А вот эта южная часть, в сущности, никому не принадлежит, как признает и сам король, замышляющий бегство в чужие края. Здесь находятся английские войска; сопротивления им никто не оказывает, и они в любое время могут овладеть остальной частью страны. Говоря откровенно, Франции нет, Франция погибла, Франция перестала существовать. То, что было когда-то Францией, стало сегодня английской вотчиной. Разве неправда?

Голос ее был еле слышен, чуть-чуть дрожал, но я отчетливо различил слова:

– Да, это правда.

– Хорошо. Теперь добавим сюда еще один убедительный факт – и картина будет полной. Разве французские войска одерживали победы? Шотландские солдаты под французским флагом, правда, победили в двух-трех сражениях несколько лет тому назад, но ведь я говорю о французах. После того как двенадцать лет тому назад восемь тысяч англичан почти истребили под Азенкуром шестьдесят тысяч французов, французскому мужеству пришел конец. Теперь уже почти стало поговоркой: британцы еще собираются в бой, а наши уже наступают спиной.

– Больно сознаваться, но и это правда.

– Вот почему питать надежды бессмысленно.

Я думал, что теперь ей все стало ясным, не могло не стать ясным, и что она сама признает полную безнадежность положения. Но я ошибся, глубоко ошибся. Без малейшего сомнения она проговорила:

– Франция еще воспрянет. Вот увидишь.

– Воспрянет? С таким грузом английских войск на плечах?

– Она сбросит их и растопчет! – с воодушевлением ответила Жанна.

– Не имея солдат, чтобы сражаться? – переспросил я.

– Их созовет барабан. Они явятся на его зов и пойдут в бой.

– Или начнут отступать, как прежде.

– Нет! Они пойдут вперед, только вперед! Вот увидишь.

– А несчастный король?

– Он возвратит свой трон и получит корону.

– Ну, право же, у меня кружится голова. Если бы я мог поверить, что через тридцать лет английское иго будет свергнуто, а французский король увенчает свою голову короной...

– Все это случится не позже чем через два года.

– В самом деле? Но кто же сделает возможным это невозможное?

– Бог.

Она сказала это тихо и внятно, – голосом, полным благоговения.

Откуда эти странные мысли в ее голове? Этот вопрос не давал мне покоя в течение нескольких дней. Вполне естественно, что я усомнился в нормальности ее рассудка. Иначе чем можно объяснить подобную уверенность? Возможно, переживания и размышления о бедствиях Франции пошатнули ее здравый ум и наполнили его фантастическими призраками, – да, я допускал и это.

Но наблюдая за ней, испытывая ее, я убедился, что мои опасения беспочвенны. Взор ее был чист и ясен, поведение безупречно, речь спокойна и разумна. Нет, рассудок ее был в порядке, по-прежнему ее ум – самый ясный, самый пронизательный в нашем селе. Она продолжила думать о других, заботиться о других, постоянно жертвуя собой, как и прежде. Она продолжала посещать больных, оказывать помощь бедным и готова была в любую минуту уступить свою постель странникам, довольствуясь сном на полу. Было нечто таинственное во всем этом, но только не расстройство души и ума. Я хорошо понимал это.

Ключ к ее тайне скоро попал в мои руки, и случилось это вот как. То, о чем я собираюсь вам рассказать, видимо, вы знаете из исторических сочинений, но вы никогда не слышали показаний очевидцев, современников Жанны.

Однажды спустился я с горы, – это было 15 мая 1428 года. Очутившись на опушке дубового леса, я уже собирался выйти на открытую поляну, на которой рос наш Волшебный бук, как вдруг остановился, притаившись в густой листве. Дело в том, что я заметил Жанну и вздумал подшутить над ней. Представьте, это пустое, вздорное намерение граничило почти непосредственно, так сказать, вплотную с событием, которому суждено было навсегда войти в песни и предания.

День был пасмурный, и поляна, где стоял Волшебный бук, была покрыта мягкой, густой тенью. Жанна сидела на естественном возвышении, образуемом узловатыми корнями дерева. Сложенные руки она держала на коленях, а голову немного наклонила вперед. У нее был вид человека, который полностью ушел в свои мысли, погрузился в глубокие мечтания и забыл все на свете. И вдруг я увидел нечто странное, поразительное: по направлению к дереву по траве медленно скользил белый призрак. Он был огромных размеров, в одеждах, у которых вместо рукавов были крылья, и такой необыкновенной белизны, словно всю поляну озарила молния; но даже сравнение с молнией неудачно, потому что на молнию можно все же смотреть, а этот свет был так ослепителен, что у меня заболели и стали слезиться глаза. Я обнажил голову, сознавая, что являюсь свидетелем чего-то таинственного, потустороннего. Я еле дышал, охваченный ужасом и священным трепетом.

И еще одно странное явление. Сначала в лесу было тихо; он был охвачен той глубокой тишиной, которая обычно наступает перед грозой, когда птицы и звери в страхе прячутся кто куда. Но теперь все птицы вдруг громко запели с такой радостью, восторгом и воодушевлением, что невозможно описать; их пение было таким возвышенным и захватывающим, словно они совершали таинство божественного преклонения. С первыми звуками птичьих голосов Жанна упала на колени, низко склонила голову и скрестила руки на груди.

Она еще не видела призрака. Или о его приближении возвестило пение птиц? Мне казалось, именно так. Возможно, ей и раньше являлось это. Да, возможно, вполне возможно.

Лучезарное видение медленно приближалось к Жанне; краем своим оно коснулось ее, охватило, окутало неземным великолепием. И в небесном свете лицо ее, до сих пор лишь человечески прекрасное, стало ангельским; залитая дивным сиянием, ее простая крестьянская одежда стала подобна одеянию ангелов, какими они представляются нам у подножия престола господня в наших мечтах и сновидениях.

Неожиданно Жанна поднялась и остановилась, слегка склонив голову, опустив руки, с вытянутыми вперед и молитвенно сложенными пальцами; она стояла в ореоле дивного сияния, сама не сознавая этого; казалось, она к чему-то прислушивалась, но я ничего не слышал. Немного погодя, она подняла голову и взглянула так, будто смотрела в лицо великану; затем сложила руки, в божественном экстазе возвела их к небу и заговорила с мольбой. Отдельные слова долетали до моего слуха. Я слышал, как она сказала:

– Но я так молода! Я слишком молода, чтобы покинуть свою мать и свой дом и пойти в неизвестный мне мир свершать такое великое, трудное дело! Ах, смогу ли я разговаривать с мужчинами, быть соратником воинов? Я рискую подвергнуть себя оскорблениям, грубостям и презрению! Смогу ли я пойти на войну и командовать войсками? Ведь я – девушка, ничего не знающая в военном деле, никогда не державшая в руках оружия и не умеющая даже оседлать коня и ездить верхом... Однако, если такое повеление...

Ее голос ослабел и был прерван рыданиями; больше я не слышал ни слова. Тогда я пришел в себя. Я сообразил, что насильственно вторгаюсь в божественную тайну и могу быть за это наказан. Я испугался и углубился в лес. Там я вырезал метку на коре дерева: мне хотелось убедиться, что все это свершилось не во сне, и что я действительно был свидетелем видения. У меня было намерение прийти сюда еще раз и убедиться по сделанной мною зарубке, что все это я видел не во сне, а наяву.

Глава VIII

Внезапно меня окликнули. Это был голос Жанны. От неожиданности я вздрогнул: откуда она могла знать, что я нахожусь рядом? Я перекрестился и прошептал «свят-свят», дабы развеять чары. Я знал, что никакие чары не устоят против моей молитвы. Меня окликнули вновь, и я вышел из укрытия. Передо мной действительно была Жанна, но уже не такая, какой являлась мне в чудном видении. Она больше не плакала и имела такой же вид, как и полтора года назад, когда ее сердце ничем не было удручено, а душа была по-детски беззаботна. К ней вернулись прежняя энергия и задор, а в глазах у нее светилась какая-то восторженность. Казалось, она все время была в забытии и только теперь проснулась. В самом деле, можно было подумать, что, побывав в мире ином, она опять вернулась в наш мир. Я так обрадовался, что готов был кричать, звать сюда всех, чтобы приветствовать Жанну. В радостном порыве я подбежал к ней и заговорил:

– О Жанна, если бы ты знала, что я хочу тебе сказать! Ты даже не представляешь. Я только что видел чудный сон и во сне – тебя: ты стояла именно здесь, где стоишь сейчас...

Она подняла руку и ответила:

– Это был не сон.

Ее ответ меня так поразил, что мне опять стало жутко.

– Не сон? – проговорил я. – Откуда ты знаешь, Жанна?

– А теперь тебе что-нибудь снится?

– Думаю, что нет. Уверен, что нет.

– Конечно, нет. Я это вижу. Это не было сном и тогда, когда ты делал зарубку на дереве.

Я почувствовал, как у меня по спине пробежали мурашки. Теперь я несколько не сомневался, что это был не сон, а нечто страшное, сверхъестественное. Затем я вспомнил, что мои грешные стопы попирают священную землю в том месте, где явилось небесное видение. Я быстро отошел, объятый страхом. Жанна последовала за мной.

– Не бойся, – сказала она, – бояться нечего. Пойдем со мною. Мы сядем у родника, и я открою тебе свою тайну.

Но я задержал ее и спросил:

– Сперва объясни мне. Не могла же ты видеть меня в лесу. Как же ты узнала, что я сделал на дереве зарубку?

– Подожди немного, дойдет и до этого. Узнаешь все.

– И еще хочу спросить: что означает это страшное видение?

– Я все скажу, только ты не бойся – никакая опасность тебе не грозит. Это было видение архангела Михаила, предводителя небесного воинства.

Я осенил себя крестным знаменем, трепеща от ужаса при мысли, что осквернил своими стопами священную землю.

– А ты не боялась, Жанна? Ты видела его лик, его фигуру?

– Да, но я не боялась, потому что это для меня не впервые. Я боялась только вначале.

– Когда это было, Жанна?

- Около трех лет тому назад.
- Так давно? И сколько раз он являлся тебе?
- Много раз.
- Вот почему ты так изменилась, стала задумчивой и не похожей на себя. Теперь я все понимаю. Почему же ты не сказала нам об этом?
- Мне было запрещено. А теперь я получила дозволение и скоро всем расскажу. Но пока я открылась тебе одному, и несколько дней пусть все остается тайной.
- А кроме меня никто не видел этот лучезарный призрак?
- Никто. Он являлся мне и раньше в присутствии тебя и других, но никому из вас не было дано видеть его. Сегодня все было иначе, и мне объяснено почему. Но теперь видение больше не появится.
- В таком случае оно было знаменем и для меня – знаменем, имеющим особое значение?
- Да, но я не смею говорить об этом.
- Странно, что такой ослепительный свет мог сосредоточиться в поле человеческого зрения, а источник света все же оставался невидимым.
- Призрак не был безмолвным. Мне являются многие святые, сопровождаемые ангелами, и разговаривают со мною. Я одна слышу их голоса, а другие не слышат. Мне очень дороги эти мои «голоса», как я их называю.
- О чем же они тебе говорят, Жанна?
- О многом, больше всего о Франции.
- Что именно о Франции?
- Они говорили о ее бедствиях, несчастьях и унижениях. Что же другое они могли предсказать?
- Они предсказывали это заранее?
- Да. Поэтому я всегда знала, что должно произойти. Моя печаль и задумчивость объясняются этим. Иначе и быть не могло. Но мои голоса никогда не оставляли меня без надежды и утешения. Более того, они предсказывали, что Франция будет спасена, станет снова великим и свободным государством. Но как и кто это свершит, мне не дано было знать. – При этих словах в ее глазах вспыхнуло какое-то яркое таинственное сияние, которое я не раз наблюдал впоследствии, когда ратные трубы призывали к атакам. Я называл это сияние «боевым огнем». Грудь ее вздымалась, яркая краска заливала лицо. – Но сегодня я все узнала, – продолжала она. – Господь избрал смиреннейшее из своих созданий для свершения великого подвига. Таково веление всевышнего, и под его охраной, опираясь на его могущество, я поведу войска в бой, освобожу Францию и возложу корону на голову его слуги – дофина, который станет королем¹⁴.

Изумленный, я мог только спросить:

- Ты, Жанна? Ты, дитя, поведешь войска?
- Да. Сначала и я была подавлена этой мыслью. Действительно, я еще ребенок, несведущий в» военном деле, неприспособленный к суровой лагерной жизни и ратному труду. Но минуты слабости и неверия в себя миновали и никогда не вернутся вновь. Я призвана, и с помощью божьей я не отступлю, пока не разрублю английский кулак, сжимающий горло Франции. Мои голоса никогда не обманывали меня; не солгали они и сегодня. Они сказали, чтобы я пошла к Роберу де Бодрикуру, коменданту Вокулера, – он даст мне солдат для охраны и пошлет к королю. Через год англичанам будет нанесен удар, который явится началом конца, а конец не замедлит последовать.

– Где же он будет нанесен?

- Мои голоса не сказали мне; не сказали они и того, что произойдет в этом году, прежде чем будет нанесен удар. Я знаю только одно-мне предназначено нанести его. Потом последуют другие удары, молниеносные и сокрушительные, и в десять недель будет уничтожено все, что стоило Англии долгих лет упорного труда, и, наконец, будет возложена корона на голову дофи-

¹⁴...дофина, который станет королем. — В средневековой Франции дофин — титул наследного принца, еще не коронованного на престол.

на, – такова воля божья. Мои голоса сообщили мне это, – могу ли я сомневаться? Нет! Будет так, как они сказали, ибо они всегда говорили мне только правду.

Это были невероятные слова, недоступные моему разуму, но сердце чуяло, что это именно так. Мой разум сомневался, а сердце соглашалось – верило и придерживалось этой вере с того самого дня.

– Жанна, – проговорил я, – я верю всему, что ты сказала, и буду рад пойти с тобой на войну. За тобой я готов хоть сейчас броситься в битву.

Лицо ее выразило удивление, и она сказала:

– Это правда, ты будешь со мной, когда я отправлюсь на войну. Но откуда ты узнал о моем решении?

– Не только я, – Жан и Пьер пойдут также с тобой. Дома останется один Жак.

– Это правда. Однако мое решение созрело только сегодня, после откровения. Прежде я не знала, что должна идти и что вообще когда-нибудь пойду. Как же ты узнал об этом?

Я сказал ей, что она сама об этом говорила. Но она ничего не помнила. Тогда я догадался, что Жанна в то время была словно во сне, в состоянии необыкновенного экстаза. Она попросила меня сохранить пока в тайне все эти откровения. Я обещал и сдержал свое слово.

Каждый, кто встречался с Жанной в этот день, не мог не заметить происшедшей в ней перемены. Она двигалась и говорила с энергией и решимостью, глаза блестели каким-то странным, не известным прежде блеском, и было что-то особенное, непривычное в ее манере держаться. Этот новый блеск ее глаз и новое в ее поведении исходило от сознания важности задачи, возложенной на нее богом; они красноречивее всяких слов говорили о грандиозности предстоящего дела, которое Жанна готовилась совершить с присущей ей скромностью. Это спокойное проявление уверенности не покидало ее все время, пока она не выполнила свою великую миссию.

Как и все другие жители деревни, Жанна всегда относилась ко мне почтительно, учитывая мое дворянское происхождение; но теперь, по молчаливому согласию, мы поменялись ролями; она отдавала приказания, а я принимал их как должное и выполнял беспрекословно. Вечером она сказала мне:

– Завтра на рассвете я уйду. Кроме тебя, никто об этом не будет знать. Я отправляюсь на переговоры с комендантом Вокулера, как мне приказано. Он отнесется ко мне с презрением, встретит грубо и, быть может, на этот раз откажет в моей просьбе. Сперва я пойду в Бюре, чтобы уговорить моего дядю Лаксара сопровождать меня – так будет лучше. Ты можешь понадобиться мне в Вокулере: если комендант не примет меня, я отправлю ему письмо, а поэтому должна иметь при себе кого-нибудь, кто бы обладал искусством писать и сочинять. Приди туда завтра после обеда и оставайся там, пока ты мне не понадобишься.

Я ответил, что исполню ее приказание, и она отправилась. Вы видите, как она была умна и какой у нее был здравый рассудок. Она не приказывала мне идти с нею вместе. Нет, она не хотела подвергать свое доброе имя злословию. Она знала, что комендант, сам дворянин, даст мне, как дворянину, аудиенцию, но она, как видите, и этого не хотела. Бедная крестьянская девушка, подающая прошение через дворянина, – как бы это выглядело?

Она тщательно охраняла свою скромность от злословия и всегда носила свое доброе имя незапятнанным. Я знал теперь, что мне делать, чтобы угодить ей: отправиться в Вокулер, держаться в стороне и быть наготове на случай, если я ей потребуюсь.

Я отправился на следующий день после обеда и остановился в маленькой гостинице. Через день я посетил замок и засвидетельствовал свое почтение коменданту, который пригласил меня пообедать с ним завтра. Он был воплощением идеального воина того времени: высокий, статный, мускулистый, седовласый, грубоватый, обладающий странной привычкой пересыпать свою речь разными прибаутками и сальностями, собранными им в военных походах и свято хранимыми, как знаки отличия. Он привык жить в лагере и считал войну лучшим даром божьим. Комендант был в стальной кирасе, в сапогах выше колен и вооружен огромным мечом. Глядя на эту воинственную фигуру и слушая его избитые шутки, я пришел к выводу, что он лишен поэзии и сочувствия с его стороны ожидать не следует, что молоденькая крестьянская девушка не попадет под обстрел этой батареи, а будет вынуждена обратиться письменно.

На другой день после обеда я снова явился в замок и был проведен в большой обеденный зал, где меня усадили рядом с комендантом за отдельный столик, поставленный двумя ступенями выше общего стола. За нашим столом, кроме меня, сидело еще несколько других гостей, а за общим – старшие офицеры гарнизона. У входной двери стояла стража из латников, с алебардами, в шишаках и панцирях.

Разговор наш вращался вокруг одной общей темы – безнадежного положения Франции. Ходили слухи, что Солсбери готовится к походу на Орлеан¹⁵. Это подняло бурю горячих споров; высказывались разные мнения и предположения. Одни считали, что он выступит немедленно; другие – что он не сможет так быстро завершить окружение; третьи – что осада будет длительной и сопротивление отчаянным. Но в одном мнения всех совпадали: Орлеан должен пасть, и с ним падет вся Франция. На этом споры закончились, и наступило тягостное молчание. Казалось, каждый из присутствующих погрузился в собственные размышления и забыл, где он находится. В этом внезапном, глубоком молчании, наступившем после оживленного разговора, было что-то знаменательное и торжественное. Вдруг вошел слуга и о чем-то тихо доложил коменданту.

– Она желает говорить со мною? – удивленно спросил тот.

– Да, ваше превосходительство.

– Гм... Странная вещь! Впустите их.

Это была Жанна со своим дядей Лаксаром. При виде такого знатного общества бедный старый крестьянин совсем растерялся, стал как вкопанный посреди зала и не мог двинуться с места; он вертел в руках свой красный колпак и смиренно раскланивался на все стороны. Но Жанна смело прошла вперед и, выпрямившись, решительно, без тени смущения, остановилась перед комендантом. Она узнала меня, но не подала виду. В зале раздался гул восхищения; даже сам комендант был тронут, и я слышал, как он пробормотал: «Клянусь богом, она красotka!» Он критически рассматривал ее некоторое время и, наконец, спросил:

– Ну, что же тебе нужно, дитя мое?

– У меня есть дело к тебе, Робер де Бодрикур¹⁶, комендант Вокулера, и заключается оно в следующем: пошли людей сказать дофину, чтобы он не спешил давать врагам сражение, ибо господь собирается оказать ему помощь.

Эти странные слова изумили всех присутствующих, и многие прошептали: «Бедная девочка, она не в своем уме!» Комендант нахмурился и вымолвил:

– Какая чушь! Король, или дофин, как ты его называешь, не нуждается в подобного рода предупреждениях. Он и так будет ждать, можешь на этот счет не беспокоиться. Что еще ты хочешь мне сказать?

– Я прошу дать мне военную охрану и проводить меня к дофину.

– Зачем?

– Чтобы он назначил меня предводительницей войск, ибо мне указано свыше изгнать англичан из Франции и возложить корону на его голову.

– Что? Тебе? Да ведь ты еще совсем ребенок!

– И тем не менее, мне суждено это свершить.

– В самом деле? И когда же все это случится?

– В следующем году он будет коронован и станет властелином Франции.

Раздался громкий, дружный взрыв хохота, а потом комендант спросил:

– Кто тебя прислал сюда с такой чепухой?

– Мой повелитель.

¹⁵...Солсбери готовится к походу на Орлеан. — Томас Монтегю граф Солсбери (1384? —1428) — двоюродный брат Генриха V, искусный и опытный военачальник английской армии, участник битв при Азенкуре и Вертеле, в которых победа досталась англичанам. С начала лета 1428 г. Солсбери командовал английским войском при осаде Орлеана. В бою 17 октября 1428 г. был смертельно ранен камнем, отвалившимся во время обстрела от крепостной стены. С пробитым черепом Солсбери был отвезен в крепость Менг, где и умер через несколько дней.

¹⁶ Робер де Бодрикур — комендант (градоначальник) городка Вокулер. Он принял Жанну д'Арк и, выделив конный отряд охраны, отправил ее к дофину Карлу в замок Шинон.

– Какой повелитель?

– Царь небесный.

Одни шептали: «Ах, бедняжка, бедняжка!», а другие: «Да она совсем сумасшедшая!» Командант окликнул Лаксара:

– Эй, ты! Отведи эту безумную девчонку домой и всыпь ей как следует! Это будет лучшим лекарством от ее болезни.

Уходя, Жанна обернулась и сказала со своей обычной простотой:

– Ты отказываешься дать мне солдат. Я не знаю почему, – ведь я выполняю веление бога. Да, это он повелел мне идти на врага. Поэтому я вынуждена буду обратиться к тебе еще и еще, пока не получу необходимую охрану.

После ее ухода раздалось удивленные восклицания. Стража и слуги разболтали о случившемся всему городу, а из города слухи проникли в деревню. Все Домре-ми только и говорило об этом, когда мы вернулись домой.

Глава IX

Человеческая натура везде одинакова: люди любят успех и презирают неудачи. Жители деревни решили, что Жанна опозорила их своим нелепым поступком и постыдным провалом. Все языки работали до того усердно, с такой злобой и желчью, что если бы они были зубами, то за безопасность Жанны нельзя было бы ручаться. Те, кто не бранил ее, поступали еще хуже: они смеялись над ней, издевались, дразнили, не оставляя в покое ни днем ни ночью. Только Ометта, маленькая Манжетта и я оставались на ее стороне; прочие ее друзья, не выдержав града издевательств и острот, избегали ее, стыдились быть с ней вместе, потому что она стала всеобщим посмешищем, и жало злых языков донимало всех, кто ей сочувствовал. Наедине с собой Жанна заливалась слезами, но от людей скрывала свое горе. При людях она была ясна, спокойна, не проявляла ни тревоги, ни раздражения. Казалось, такое ее поведение должно было бы смягчить отношение к ней, но этого не случилось. Ее отец пришел в такое негодование, что не хотел и слышать о ее дикой затее идти на войну, подобно мужчине. Он уже догадывался о ее намерении несколько раньше, но терпел, а теперь терпение его иссякло; он говорил: пусть лучше братья утопят ее, чем позволят осрамить свой пол и идти с войсками; если же они откажутся, он готов сделать это сам, своими собственными руками.

Но ничто не могло поколебать намерений Жанны. Родители зорко следили за тем, чтобы она не ушла из деревни. Она же говорила, что время для этого еще не настало, а когда настанет, она сразу об этом узнает, и сторожить ее будет бесполезно.

Прошло лето. Увидев, что в своих намерениях она непоколебима, ее родители обрадовались случаю покончить со всеми ее планами, выдав ее замуж. Паладин имел наглость утверждать, что она дала ему слово несколько лет тому назад, и теперь требовал выполнения данного ему обещания.

Она ответила, что его утверждения ложны, и наотрез отказалась выйти за него замуж. Ее вызвали в церковный суд в Туль держать ответ за свое вероломство. Когда она отказалась от защитника и предпочла защищать себя сама, родители и все ее недоброжелатели обрадовались, заранее считая ее побежденной. И в этом нет ничего удивительного: разве можно было ожидать, чтобы неграмотная, шестнадцатилетняя крестьянская девушка не испугалась и не смутилась, представ впервые перед опытными юристами, окруженная холодной торжественностью судебной обстановки? Однако все ошиблись. Собравшись в Туль, чтобы насладиться ее испугом, смущением и пораженным, они не увидели ни того, – ни другого, ни третьего. Жанна была скромна, спокойна и держала себя весьма непринужденно. Она не вызвала ни одного свидетеля, сказав, что ее вполне удовлетворят показания свидетелей обвинения. Когда они закончили свои показания, Жанна встала, сделала краткий анализ всему, что услышала, и признала их показания смутными, сбивчивыми и необоснованными. Затем она попросила снова вызвать Паладина и учинила ему допрос. Его предыдущие показания разлетелись в пух и прах от ее искусных доводов, и, наконец, он оказался уничтоженным и разоблаченным, хотя явился в суд во всеоружии

лжи и клеветы. Его защитник начал было речь, но суд отклонил ее и прекратил дело, сказав в заключение несколько лестных слов по адресу Жанны и назвав ее «чудо-ребенком».

После такой победы, да еще вдобавок и похвалы таких ученых мужей, легкомысленные деревенские насмешники сразу же отступили, окружив Жанну вниманием, заботой и больше не раздражая ее. Мать Жанны снова стала с нею нежна, даже отец смягчился и заявил, что гордится ею. Но время тянулось для Жанны в мучительном ожидании, ибо осада Орлеана уже началась, мрачные тучи над Францией опускались все ниже и ниже, а «голоса» приказывали ей ждать и не давали прямых указаний. Настала зима, тягостная и жестокая; и вот, наконец, пришла желанная перемена.

Книга вторая «При дворе и на войне»

Глава I

5 января 1429 года Жанна пришла ко мне со своим дядей Лаксаром и сказала:

– Час настал. Мои голоса уже говорят не смутно, а совершенно ясно. Они сказали мне, что нужно делать. Через два месяца я буду у дофина.

Жанна была в бодром настроении, и вид у нее был воинственный. Ее воодушевление передалось и мне, и я почувствовал сильный душевный подъем, похожий на тот, который охватывает человека, когда он слышит барабанный бой и шаги марширующих войск.

– Я верю этому, – сказал я.

– И я тоже, – подтвердил Лаксар. – Если бы она сказала мне раньше, что ей указано богом спасти Францию, я бы не поверил; я отправил бы ее одну к коменданту и не стал бы вмешиваться в это дело, не сомневаясь, что она не в своем уме. Но я видел, как она бесстрашно стояла перед знатными, могущественными людьми и смело разговаривала с ними. Без помощи божьей она бы так не поступила. Это я твердо знаю. Поэтому я готов покорно выполнять все, что она прикажет.

– Мой дядя очень добр ко мне, – сказала Жанна. – Я просила его прийти и убедить мою мать, чтобы она отпустила меня с ним: нам надо ухаживать за его больной женой. Все улажено, и мы отправляемся завтра на рассвете. Из дома дяди я вскоре пойду в Вокулер, там буду ждать и прилагать все усилия к тому, чтобы моя просьба была выполнена. Кто были те дворяне, что сидели по левую руку от тебя за столом у коменданта в тот день?

– Один – сьер Жан де Новелонпон де Мец, другой – сьер Бертран де Пуланжи.

– Хорошие люди, закаленные в боях. Я наметила их обоих своими будущими соратниками... Но что я вижу на твоём лице? Сомнение?

Я старался говорить ей правду, без прикрас и обиняков, поэтому ответил:

– Они решили, что ты не в своем уме, так и сказали. Правда, они сочувствуют твоему несчастью, но все же считают тебя безумной.

Это, кажется, нисколько не смутило и не обидело Жанну. Она лишь заметила:

– Умные люди всегда могут изменить свое мнение, если осознают, что они ошиблись. Изменяют и эти. Они пойдут со мной в поход. Вскоре я встречу с ними... Но ты, я вижу, опять сомневаешься? Да?

– Нет. Теперь уже не сомневаюсь. Я только вспомнил, что с тех пор прошел год и что они люди не здешние, а только случайно останавливались у нас по пути.

– Они придут опять. Но поговорим о срочных делах. Я хочу дать тебе кое-какие указания. Ты последуешь за мной через несколько дней. Устраивай свои дела, потому что твое отсутствие продлится долго.

– А Жан и Пьер тоже пойдут со мной?

– Нет. Пока что они не согласятся, но вскоре и они придут и принесут с собой благословение и родительское согласие отпустить меня. Тогда я буду сильнее, а теперь, без родительского

благословения, я слаба. – Она на мгновение умолкла, и глаза ее наполнились слезами. – Мне хотелось бы проститься с маленькой Манжеттой, Приведи ее за деревню на рассвете. Пусть она проводит меня немножко...

– А Ометта?

Жанна не выдержала и заплакала.

– О нет, не надо! Она слишком дорога мне. Мне будет тяжела эта встреча; я знаю, что никогда больше не увижу ее.

Назавтра я привел Манжетту, и мы все вчетвером пошли по дороге в это раннее холодное утро, пока деревня не скрылась из виду. Потом девушки простились, обняв друг друга, изливая свое горе в слезах и нежных словах. Это было трогательное зрелище. Жанна обвела долгим взглядом нашу милую деревушку, Волшебное дерево, дубовый лес, цветущую поляну и реку, как бы стараясь на всю жизнь запечатлеть в своей памяти картины родных мест; она словно предчувствовала, что уже никогда не увидит их больше. Потом она повернулась и ушла от нас, горько рыдая. Это случилось в наш общий с нею день рождения. Ей исполнилось тогда семнадцать лет.

Глава II

Несколько дней спустя дядюшка Лаксар отвез Жанну в Вокулер и нашел для нее жилье у Катерины Руайе – жены колесного мастера, честной и доброй женщины. Жанна аккуратно ходила к обедне, помогала по хозяйству, зарабатывая этим себе на пропитание, а если кто-либо желал поговорить с ней о ее миссии (а таких находилось немало), она беседовала охотно, теперь уже ничего не скрывая. Вскоре и я поселился неподалеку и был свидетелем всех событий. Сразу же распространилась молва о появлении молодой девушки, которой предназначено богом спасти Францию. Простой народ толпами стекался, чтобы посмотреть на нее и побеседовать. Одних подкупала юность и красота девушки, других – ее серьезность, скромность и искренность. Богатые люди держались, правда, в стороне, но это им и свойственно.

Некоторые верили в пророчество Мерлина¹⁷, сделанное более восьмисот лет тому назад, гласившее, что Франция будет погублена женщиной, а спасена девушкой. И действительно, Франция в это время была погублена женщиной – порочной королевой Изабеллой Баварской; а теперь прелестная, чистая девушка, несомненно, была призвана небом, чтобы завершить пророчество.

Это еще более усилило интерес к ней и вместе со все возрастающим возбуждением пробудило новые надежды. Из Вокулера волна за волной разливалась по всей стране воодушевляющий энтузиазм, охватывая села, питая новыми силами погибающих сынов Франции. Из сел стекались люди, желавшие все увидеть собственными глазами и услышать как можно скорее добрую весть; они смотрели и слушали, полные веры. Гости заполнили весь город; гостиницы и постоялые дворы были набиты битком, и все же половина приезжих не находила себе пристанища. Люди прибывали отовсюду, несмотря на зимнее время: когда человек жаждет пищи духовной, что ему до того, если нет куска хлеба и крыши над головой? Людской поток возрастал. Жители Домреми в изумлении спрашивали друг друга: «Неужели мы являемся свидетелями небывалого чуда?» Когда Жан и Пьер уходили из родной деревни, все на них смотрели с любопытством и завистью, как на особых счастливых, и путешествие их в Вокулер было настоящим триумфальным шествием: по пути собирались толпы крестьян, чтобы увидеть и передать привет братьям той, с кем наедине беседовали ангелы и в чьи руки волей господней была отдана судьба Франции.

Братья принесли Жанне родительское благословение с пожеланием успеха и обещание со временем благословить ее лично. Преисполненная счастья и окрыленная надеждами, она снова

¹⁷ Мерлин — легендарный уэльский поэт, прорицатель и маг, живший будто бы в VI в. н.э. при дворе легендарного британского короля Артура. На его «пророчествах», сфабрикованных в значительно более позднюю эпоху, многие поработанные народы Западной Европы (уэльсцы — в Англии, а в данной книге и простой народ захваченных областей Франции) основывали свои надежды в борьбе за независимость против англичан.

предстала перед комендантом. Но он был не более сговорчив, чем в первый раз, и отказался направить ее к королю. Это ее огорчило, но не разочаровало. Она сказала:

– Я буду приходить сюда до тех пор, пока не получу вооруженной охраны. Так мне велено свыше, и я не могу ослушаться. Я должна явиться к дофину, даже если бы мне пришлось ползти на коленях.

Мы с двумя братьями Жанны встречались с ней каждый день, чтобы посмотреть, сколько людей бывает у нее, и послушать, что они говорят. Однажды ее посетил знаменитый рыцарь сьер Жан де Мец. Он начал говорить с ней ласковым, шутливым тоном, точь-в-точь как говорят с маленькими детьми.

– Что ты здесь делаешь, девочка? Я слышал, нашего короля собираются изгнать из Франции, а нас превратить в англичан?

Она ответила ему спокойно и серьезно:

– Я пришла просить Робера де Бодрикура препроводить меня к королю, но он не обращает внимания на мои просьбы.

– О, ты удивительно настойчива! В самом деле, прошел уже год, а ты все еще не отказалась от своих намерений. Я видел тебя, когда ты приходила в первый раз.

Жанна спокойно ответила:

– Это не простое намерение, а великая цель. Он все же согласится на это. А я могу и подождать.

– Ах, вряд ли благоразумно утешать себя надеждами, дитя мое. Коменданты – народ упрямый. В случае, если он не исполнит твоей просьбы...

– Он исполнит ее. Он должен это сделать. Другого выбора нет.

Шутливое настроение этого господина стало понемногу исчезать, что было видно по выражению его лица. Убежденность и настойчивость Жанны произвели на него впечатление. Так случалось всегда: каждый, кто начинал разговор с нею шутками, кончал тем, что сам проникался ее серьезностью и искренностью. Люди начали замечать у Жанны качества, о которых раньше и не подозревали: подкупающую искренность, глубину мысли и непоколебимую твердость взглядов, – все это быстро рассеивало их легкомыслие и разоружало их в ее присутствии; сьер де Мец на мгновение задумался, а затем проговорил уже вполне серьезно:

– Тебе необходимо срочно видеть короля? То есть, я имею в виду...

– Перед началом великого поста; во что бы то ни стало!

Эти слова прозвучали страстно, свидетельствуя о том, до какой степени Жанна была предана своей идее. Ответ сьера де Меца можно было прочесть на его лице: его глаза заблестели, и в них светилось участие. Теперь он уже не думал шутить.

– Тебе должны дать охрану, – проговорил он, – клянусь богом, должны. Не знаю только, что из этого получится. Скажи мне, что ты собираешься сделать? Каковы твои надежды и цель?

– Освободить Францию. Исполнить это мне предначертано свыше. Никто другой на свете, ни короли, ни герцоги не смогут спасти Францию – одна я могу ей помочь.

Эти слова, произнесенные скорбно и проникновенно, тронули сердце доброго дворянина. Я хорошо все видел. Потом Жанна тихо сказала:

– Право, чем братья за такое дело, я бы охотнее пряла пряжу со своей бедной матерью. Война – не мое призвание. Но я должна идти и исполнить это, ибо такова воля моего повелителя.

– Кто же твой повелитель?

– Господь бог.

Тогда сьер де Мец, согласно старому рыцарскому обычаю, преклонил колено и, подав Жанне руку в знак уважения, поклялся, что сам доставит ее к королю.

На другой день явился рыцарь Бертран де Пуланжи, который также дал клятву и рыцарское слово, что не оставит Жанну и последует за нею всюду, куда она поведет.

И в тот же день, к вечеру, по городу разнесся слух, будто сам комендант намерен посетить молодую девушку в ее скромном жилище. Поэтому на другой день уже с самого утра все улицы и переулки были запружены народом, желавшим посмотреть, действительно ли произойдет это невероятное событие. И оно произошло. Комендант выехал в полной форме, в сопровождении

своей стражи, и весть об этом разнеслась повсюду, вызывая восторг и удивление, заставляя насмешников прикусить языки и отступить перед славою Жанны.

У коменданта сложилось твердое убеждение: Жанна или колдунья, или святая. Он задался целью выяснить, кто же она. Для этого комендант захватил с собой священника, — а вдруг в ней окажется нечистая сила, которую необходимо будет изгнать. Священник прочел соответствующую молитву, но не обнаружил никакого дьявола. Он только понапрасну оскорбил чувства Жанны и осквернил ее чистую душу: ведь она уже раньше исповедывалась у него, и он должен был знать, что дьяволы не выносят исповедальни, а издают страшные вопли и проклятия, попав в это святое место.

Комендант уехал задумчивый и озабоченный, не зная, что ему предпринять. А пока он размышлял и прикидывал, прошло несколько дней и настало четырнадцатое февраля. Жанна опять отправилась в замок и сказала коменданту:

— Именем бога говорю тебе, Робер де Бодрикур, ты слишком медлишь с отправкой меня в армию и этим причиняешь большой вред общему делу. Сегодня дофин проиграл сражение под Орлеаном¹⁸ и потерпит еще большее поражение, если ты в ближайшее время не пошлешь меня к нему.

Комендант, в изумлении от ее слов, сказал:

— Сегодня, дитя? Ты говоришь, сегодня? Как ты можешь знать, что там случилось сегодня? Ведь известия оттуда приходят к нам не раньше чем через неделю.

— Мои голоса известили меня, и это истинная правда. Сегодня проиграно сражение, и ты поступаешь неправильно, задерживая меня так долго.

Комендант прошелся несколько раз взад и вперед, рассуждая про себя и бормоча ругательства. Наконец, он промолвил:

— Слушай! Уходи с миром и жди. Если подтвердится то, что ты сказала, я дам тебе письмо и пошлю к королю, но не иначе.

Жанна воскликнула с горячностью:

— Слава богу, мучительное ожидание заканчивается. Через девять дней ты вручишь мне письмо.

Жители Вокулера уже подарили ей коня, вооружили и снарядили ее, как воина. Жанне никогда не приходилось править лошадью, и она еще не знала, сможет ли ездить верхом. Ее первой обязанностью было оставаться на своем посту, подымать дух и надежды тех, кто приходил побеседовать с нею, подготавливать их к борьбе за возрождение родины. Это поглощало все ее свободное время. Но речь не об этом. Не было такого дела, которому она не могла бы научиться, и притом в самое короткое время. И прежде всего в этом убедился ее конь. А тем временем мы с братьями Жанны поочередно брали ее коня, чтобы самим научиться верховой езде. Точно так же мы обучались владеть мечом и другим оружием.

Двадцатого февраля Жанна созвала свое маленькое войско — двух рыцарей, двух своих бра-

¹⁸...*дофин проиграл сражение под Орлеаном.* — Речь идет о бое между французами и отрядом англичан, разыгравшемся в начале февраля 1429 г. у деревни Руврэ под Орлеаном и вошедшем в историю под названием «Селедочной битвы». Французский гарнизон осажденного англичанами Орлеана получил донесение, что из оккупированного Парижа к Орлеану направляется английский отряд пополнения с обозом, который ведет главный камергер короля, видный английский полководец сэра Джон Фастольф (или Фальстаф, как он назван Вильямом Шекспиром в его хронике «Генрих IV»). Сразу же по получении этого известия ему навстречу из Орлеана был выслан полторатысячный отряд во главе с видными капитанами французского гарнизона — Вильямом Стюартом — командиром шотландского войска, сражавшегося на стороне французов, — Ла Гиром, маршалом де Буссаком и др. На четвертый день французский отряд, сблизившись с противником, дал бой, который завершился поражением французов. Французы упустили время для нанесения внезапного удара, а англичане, разгадав замысел врага, применили излюбленную в рыцарские времена тактику круговой «оглобельной обороны»: используя в качестве прикрытия повозки и бочонки с селдями, они сперва отбили атаки превосходящих сил противника, а затем, перейдя в контратаку, разгромили силы французов. Французы в этом сражении потеряли пятьсот человек, были убиты капитаны конных отрядов шотландцы Вильям Стюарт и его брат Джон Стюарт — непримиримые враги англичан, и многие другие военачальники. Англичане назвали день своей победы при Руврэ «днем селедок», так как обоз, на который напали французы, вез осаждающим Орлеан английским войскам соленую рыбу.

тьев и меня – на военный совет. Собственно, это не был совет; так называть наш сбор было бы неправильно: Жанна не совещалась с нами, а просто отдавала приказания. Она так мастерски начертила маршрут нашего похода к королю, что даже человек, искушенный в географии, не смог бы сделать это лучше. Маршрут был составлен с таким расчетом, чтобы дать нам возможность избежать наиболее вероятных и опасных фланговых движений неприятеля. Это доказывало, что она знала политическую географию так же хорошо, как и физическую. А между тем она никогда не посещала школу и не имела, конечно, никакого образования. Я был удивлен и полагал, что «голоса» подсказывают ей, как поступать. Но после некоторого размышления пришел к выводу, что это не так. Она часто ссылалась на высказывания разных лиц, посещавших ее, и я убедился, что она путем расспросов обогатила себя огромным количеством ценных сведений. Оба рыцаря удивлялись ее здравому смыслу и сообразительности.

Жанна приказала нам приготовиться к переходам ночью и отдыху днем в укромных местах, так как почти весь наш маршрут пролегал через территорию, захваченную неприятелем.

Кроме того, желая быть незамеченной, она приказала держать в глубокой тайне день нашего выступления. Иначе нам устроили бы шумные проводы, узнав о которых, неприятель мог бы устроить засаду и внезапно захватить нас в плен.

– Теперь остается еще одно, – закончила она, – объявить вам день и час нашего выступления, чтобы вы могли собраться вовремя, не спеша, ничего не откладывая на последнюю минуту. Мы выступаем двадцать третьего февраля в одиннадцать часов вечера.

Затем она отпустила нас. Оба рыцаря были озадачены и встревожены. Один из них, сьер Бертран, сказал:

– Если даже комендант и снабдит нас письмом, выделив охрану, он все равно не успеет сделать это к намеченному сроку. Как может она назначать такой срок? Очень рискованно назначать день отправки при такой неопределенности.

– Раз она назначила двадцать третье число, – возразил я, – мы вполне можем довериться ей. Я думаю, «голоса» известили ее. Самое лучшее – беспрекословно повиноваться.

И мы подчинились. Родителям Жанны мы сообщили, чтобы они пришли до двадцать третьего февраля, но из осторожности им не было сказано, почему они должны явиться не позже этой даты.

Весь день двадцать третьего февраля Жанна вздрагивала и оглядывалась, когда посторонние входили в дом, но ее родители не являлись. И все же она не падала духом и продолжала надеяться. И лишь с наступлением ночи надежды ее иссякли, и она залилась слезами, хотя и ненадолго.

– Видно, так суждено, – вытирая слезы, сказала она, – таково веление свыше, Я должна все это претерпеть.

Де Мец попробовал утешить ее:

– Вот и комендант что-то не дает о себе знать. Вероятно, твои родители придут завтра и...

Жанна прервала его:

– Зачем? Мы выступаем сегодня в одиннадцать.

Так и случилось. В десять часов прибыл комендант со своей стражей и факельщиками и предоставил Жанне конную охрану; он дал также лошадей и вооружение для меня и для ее братьев и, кроме того, дал ей письмо к королю. Потом он снял свой меч и собственными руками опоясал ее, промолвив:

– Ты сказала правду, дитя. Сражение действительно было проиграно в тот день. Я сдержал свое слово. Теперь ступай, дитя мое, и будь что будет!

Жанна поблагодарила коменданта, и он удалился.

Сражение, проигранное под Орлеаном, было тем известным поражением, которое вошло в историю под названием «Селедочной битвы».

Огни в доме погасли, а немного спустя, когда на улицах стало темно и тихо, мы незаметно пробрались через западные ворота на дорогу и, прищиприв коней, поскакали во весь опор.

Глава III

Нас было двадцать пять сильных, хорошо вооруженных всадников. Мы ехали в две шеренги: Жанна с братьями в середине, Жав де Мец впереди, а сьер Бертран сзади. Рыцари заняли такие места, чтобы предупредить дезертирство, по крайней мере, на первое время. Через три-четыре часа мы должны были очутиться на занятой врагом территории, и тогда уже вряд ли кто мог решиться бежать. Вскоре в шеренгах послышались стоны, оханья и проклятия. Оказалось, шестеро из наших воинов – крестьяне, раньше никогда не ездившие верхом, – с трудом держались в седлах и уже успели натереть себе ссадины, причинявшие им жуткую физическую боль. Они были завербованы комендантом в последнюю минуту и насильно включены в нашу группу для количественного пополнения. К каждому из них был прикреплен опытный ветеран с полномочиями обучать их, а при попытке к бегству – убивать на месте.

Эти несчастные сначала вели себя смиренно, но чем дальше, тем больше их мучения усиливались и, наконец, стали невыносимыми. А тем временем мы очутились в неприятельской зоне и помочь им уже ничем не могли; крестьяне вынуждены были продолжать путь, хотя Жанна и предложила им вернуться назад, если они не боятся рисковать жизнью. Они предпочли остаться с нами. Мы замедлили шаг и стали продвигаться вперед осторожней; новобранцам было приказано вести себя спокойно и для общей безопасности воздерживаться от громких стонов и воплей.

На рассвете мы углубились в густой лес, и вскоре все, кроме часовых, бросились на сырую землю и крепко уснули, невзирая на легкий мороз.

Мой сон был так глубок, что когда я проснулся в полдень, в первое мгновение не мог опомниться и понять, где нахожусь и что происходит вокруг. Затем в голове у меня прояснилось, и я все вспомнил. Лежа я обдумывал странные события, происшедшие за последний месяц, и меня поразила мысль о том, что одно из пророчеств Жанны не сбылось: где же Ноэль и Паладин, которые должны были присоединиться к нам в последний момент? Как видите, я успел привыкнуть к тому, что всякое предсказание Жанны непременно сбывается. Обеспокоенный и смущенный, я открыл глаза, и – о наваждение! – передо мной стоял Паладин, прислонясь к дереву и устремив на меня пылающий взгляд. Не так уж часто случается: думаешь о человеке, говоришь о нем, знаешь, что он где-то далеко, а он здесь, перед тобой, и не во сне, а наяву. Получается, будто его присутствие и заставляет тебя вспомнить о нем, а не какая-то случайность, как обычно полагают люди. Но, как бы то ни было, передо мной стоял Паладин и пристально смотрел на меня, ожидая моего пробуждения. Я страшно обрадовался, вскочил, пожал ему руку и отвел его немного в сторону, причем не без удивления заметил, что он сильно прихрамывает. Я предложил ему сесть и затем спросил:

– Откуда ты взялся? С неба свалился? Как это ты попал именно сюда? И что означают твои доспехи? Рассказывай.

– Я ехал с вами всю ночь, – ответил он.

– Этого не может быть! – воскликнул я, а про себя подумал, что пророчество Жанны наполовину сбылось.

– Да, я говорю правду. Я спешил из Домреми, чтобы присоединиться к вам, и немного опоздал. Но я так умолял коменданта, что он, тронутый моей преданностью великому делу освобождения страны – да, да – великому делу, как он сказал, в конце концов согласился, разрешив мне примкнуть к отряду.

Я подумал про себя, что все это ложь. Вероятно, Паладин был одним из тех, кого комендант завербовал насильно. Я знал, что это так: ведь согласно предсказанию Жанны, он должен был присоединиться к нам в последний момент, но не по своей доброй воле.

– Я очень рад, что ты здесь, – сказал я вслух. – Мы идем в бой за святое дело, и в такое время нельзя сидеть дома.

– Сидеть дома! Разве можно? Никто не удержал бы меня, как нельзя удержать молнию в грозовой туче, когда загремит гром.

– Красиво говоришь. Похоже на тебя. Это польстило его самолюбию.

– Ты ведь знаешь меня! Правда, не все меня так хорошо знают. Но они тоже убедятся в моем геройстве еще до того, как я покончу с этой войной.

– Я и не думаю иначе. Я убежден, что тебе нипочем любая опасность.

На этот раз мои слова так пришлись ему по вкусу, что он раздулся, как пузырь.

– Уж я-то знаю себя! Да! И мои подвиги в этой войне не раз заставят тебя вспомнить мои слова.

– Я был бы дураком, если бы сомневался. Это бесспорно.

– Простым солдатом мне трудно показать себя с лучшей стороны, и все же Франция услышит обо мне. Вот если бы я был там, где мне подобает, – на месте Ла Гира, Сентрайля или бастарда Орлеанского – тогда другое дело... Я по стану много говорить, я, слава богу, не из породы болтунов, как Ноэль Ренгессон и ему подобные. Но я поставил перед собой определенную цель, и весь мир будет поражен, когда я достигну ее. Я хочу вознести славу простого солдата выше их славы и окончательно затмить ею громкие имена этих полководцев.

– Послушай, дружище, – сказал я, – знаешь ли ты, что у тебя возникла замечательная идея? Сознаешь ли ты ее величие? Действительно, что значит быть генералом с громкою славой? Ерунда! В истории их слишком много. Их так много, что не упомнишь даже имен. Но простой солдат, стяжавший себе громкую славу, – явление исключительное и необычное. Он будет яркой планетой среди миллионов мелких звезд! Его имя переживет века! Друг мой, кто подал тебе такую мысль?

Паладин готов был лопнуть от радости, но старался по возможности скрывать ее. Небрежно отмахнувшись рукой от моего комплимента, он самодовольно проговорил:

– Все это пустяк! Мне приходят в голову мысли получше. А этой я даже не придаю значения.

– Ты меня удивляешь, право, удивляешь. Неужели такая мысль – плод твоего собственного ума?

– Точно. В моей голове богатейший запас всевозможных идей, – прибавил он, хлопнув себя пальцем по лбу и заодно сдвинув шишак на левое ухо, что придало ему ухарский вид. – Я не привык пользоваться чужими мыслями, как Ноэль Ренгессон.

– Кстати, о Ноэле. Когда ты видел его в последний раз?

– Полчаса тому назад. Вон он, спит как убитый под деревом. Всю ночь вместе с нами ехал.

Я обрадовался и подумал, что теперь могу быть совершенно спокоен. Теперь уж я никогда больше не стану сомневаться в пророчествах Жанны.

– Мне очень приятно это слышать! – воскликнул я. – Мы можем гордиться нашей деревней! Вижу, что в это грозное время не удержат дома наших молодцов с львиными сердцами!

– Львиное сердце? У кого? У этого плаксы? Он так просился домой! Кричал, хныкал, умолял отпустить его к маменьке. Тоже мне львиное сердце! Да это же сосунок, неженка!

– Скажи, пожалуйста! А я думал, что он пошел добровольно! Разве не так?

– Вот еще, добровольно! Он шел, как на виселицу. Когда узнал, что я иду из Домреми призываться, он попросил меня взять его с собою, под свое покровительство, хотел посмотреть на войска и на всю эту суету. Ну, пришли мы, увидели вереницу горящих факелов у ворот замка и побежали туда. И тогда, по указанию коменданта, Ноэль был схвачен, а с ним еще четыре человека. Он умолял, чтобы его отпустили. Я тоже просил заменить его кем-нибудь другим. Наконец, комендант разрешил мне примкнуть к отряду, а Ноэля так и не отпустил – здорово рассердил его этот плакса. Да, славно будет он служить королю: уплетать за шестерых, а улепетывать за десятерых. Мне начинает внушать отвращение этот пигмей с сердцем кролика и брюхом коровы!

– Какая неожиданная новость! Мне обидно и больно слышать об этом. Ведь я считал Ноэля храбрым малым. Паладин сердито взглянул на меня и сказал:

– Не понимаю, как ты можешь так говорить? На основании чего ты мог составить себе подобное мнение? Я не питаю ненависти к Ноэлю. Я говорю о нем без всякого предубеждения. Вообще я отношусь одинаково ко всем людям. Ноэля я люблю, он друг моего детства, но пусть не обижается на меня за правду. Я говорю о его недостатках, он может говорить о моих, конечно, если они у меня есть. Возможно, их даже много у меня, но, я полагаю, они далеко не так отвратительны... Храбрый мальчик! Ты бы послушал, как он ревел, визжал и чертыхался прошлой ночью из-за того, что седло ему что-то натерло. Почему же оно мне ничего не натерло? Да я в нем

чувствовал себя так удобно, будто и родился в седле. А между тем, я впервые в жизни ехал верхом на коне. Все старые солдаты восхищались моей посадкой и утверждали, что ничего подобного не видели отроду. Я его все время поддерживал, чтобы он не свалился.

Из лесу доносился аппетитный запах завтрака. Паладин невольно раздул ноздри, с наслаждением втянул в себя воздух, потом встал и с трудом поковылял в сторону, сказав, что должен присмотреть за лошадью.

В сущности, он был славным, добродушным и совершенно безвредным малым. Разве может кому повредить лай собаки, если она не кусается, или человек, уподобившийся ослу, который кричит, но никого не обижает? Что из того, что у этого кряжистого, рослого парня, полного сил, тщеславия и глупости, был чересчур болтливый язык? В нем не было ни капли злобы, и, кроме того, в своем недостатке виноват был не так он сам, как Ноэль Ренгессон, который взлелеял, развил и усовершенствовал порочные стороны характера Паладина для собственной же потехи. Будучи сам легкомысленным и беспечным, он всегда хотел иметь рядом с собой кого-нибудь, над кем бы можно было подтрунивать и издеваться. Характер Паладина довольно легко поддавался развитию, удовлетворявшему Ноэля. Он крепко взялся за воспитание своего друга, усердно ухаживал за ним, не отступал ни на шаг от него, был предупредителен и внимателен, донимая его, как слепень быка, – и все это на протяжении ряда лет и в ущерб другим качествам. Результат получился поразительный. Ноэль высоко ценил общество Паладина, а Паладин, в свою очередь, предпочитал Ноэля всем остальным своим сверстникам. Долговязого парня часто видели вместе с коротышкой. Видимо, по той же причине бык и слепень тоже бывают неразлучны.

При первом удобном случае я разговорился с Ноэлем. Я похвалил его за то, что он присоединился к нам:

– Это очень красиво и храбро с твоей стороны, Ноэль, – влиться в ряды нашей армии. Он заморгал глазами и ответил:

– Да, это, пожалуй, хорошо. Но не мне одному принадлежит эта честь – мне ведь помогали.

– Кто помогал?

– Комендант.

– Каким образом?

– Хорошо, расскажу тебе все по порядку. Я пришел из Домреми посмотреть на толпы народа и на разные зрелища. Ничего подобного я не видел, и, вполне естественно, я постарался воспользоваться подвернувшейся возможностью. Но у меня и мысли не было вступать в армию. По дороге я нагнал Паладина, и весь путь мы проделали вместе, хотя ему этого и не хотелось, в чем он мне и признался. И вот, пока мы, разинув рты, любовались пламенем дымящихся факелов у ворот замка, нас схватили вместе с другими четверьмя парнями и присоединили к отряду. Вот таким образом я и стал «добровольцем»! Но в конце концов я не сожалею об этом: я представляю, какой скучной была бы для меня жизнь в деревне без Паладина.

– А как реагировал на это он? Тоже был доволен?

– Думаю, что да.

– Почему?

– Дело в том, что он доказывал обратное. Видишь ли, его захватили врасплох, и вряд ли он сможет рассказать тебе всю правду.

– А ты уверен, что он был доволен?

– Да, уверен. Он, как жалкий раб, валялся в ногах у коменданта и просил отпустить его ради матери. Говорил, что слаб здоровьем, что не умеет ездить верхом и что погибнет при первом переходе. Но в действительности он совсем не выглядел таким слабым, каким прикидывался. Там стояла бочка с вином, тяжесть которой едва была под силу четверым. Комендант рассвирепел, отругал его всячески, а потом велел ему сдвинуть бочку, иначе грозил изрубить на котлеты и отправить домой в корзине. Паладин, как ни в чем не бывало, сдвинул бочку и этим добился того, что его сразу же забрали в отряд.

– Кажется, ты абсолютно уверен в том, что ему хотелось идти на войну, то есть, об этом свидетельствуют те предпосылки, на которых ты строишь свои догадки. Ну, а как он перенес ночной переход?

– Так же, как и я. А если он шумел больше, чем я, то это ему простительно при его комплекции. Мы держались в седлах лишь потому, что нас поддерживали. Зато сегодня и ходим оба раскоряками. Если он не может стоять, пусть сидит, а мне все же легче стоять, чем сидеть.

Глава IV

Нас всех вызвали в штаб, и Жанна произвела нам смотр. После этого она немного поговорила с нами и, между прочим, сказала, что даже суровое военное дело выполняется успешнее без сквернословия и грубости и что она будет строго требовать от нас соблюдения этого наставления. Жанна отвела полчаса на обучение новобранцев верховой езде, поручив одному из ветеранов проводить занятия. Это было очень смешное зрелище, но мы все же научились кое-чему. Жанна осталась довольна и даже похвалила нас. Сама она не участвовала в учениях, не делала никаких упражнений, а лишь смотрела на нас, величественно восседая на своем коне, похожая на изваяние воительницы. Впрочем, другого от нее и не требовалось. Она все видела, все запоминала, обращала внимание на каждую мелочь и потом давала такие меткие указания, как будто сама уже прошла эту выучку.

Мы уже сделали три ночных перехода, по двенадцать-тринадцать лье каждый. Нас никто не тревожил, очевидно, принимая за бродячий отряд «вольных дружинников». Жители были рады, когда подобные молодцы проходили мимо, не останавливаясь у них. Переходы были все же утомительными и трудными, ввиду множества рек и отсутствия мостов. Мы переправлялись вброд, а вода была ужасно холодная. Нам приходилось мокрыми ложиться на промерзшую, покрытую снегом землю, согреваться кто как может и спать как попало, потому что разводить костры было опасно. В этом тяжелом, изнурительном передвижении наша энергия истощалась, но Жанна не падала духом. Она по-прежнему двигалась легко и уверенно, глаза ее горели огнем. И мы лишь удивлялись ей, но не могли понять.

Но если мы переносили тяжкие испытания в первое время, то я даже не знаю, что сказать о последующих пяти ночах: переходы стали еще утомительнее, вода в реках еще холоднее, и, вдобавок, мы попадали семь раз в засады, потеряв в стычках двух новобранцев и трех ветеранов. По стране разнеслась весть, что вдохновенная Дева из Вокулера идет к королю с эскортом, и все дороги теперь усиленно охранялись.

Последние пять ночей сильно подорвали мужество нашего отряда. Этому еще способствовало неожиданное открытие, сделанное Ноэлем и ставшее известным в штабе. Некоторые из воинов пытались узнать, почему Жанна была всегда бодрой, жизнерадостной и не падала духом, в то время как самые сильные мужчины от усталости и лишений стали угрюмыми и раздражительными. Все это доказывает, что даже и зрячие люди порой ничего не видят. Мужчины, считая войну своим уделом, не могли не замечать, как женщины, обремененные хозяйством, ухаживают за скотом, пашут и косят. Они могли наблюдать, что у женщин больше выносливости и терпения, чем у мужчин, – но какой вывод они сделали из этого? Никакого. Они ничему не научились. Мужчинам нашего отряда казалось непостижимым, как это семнадцатилетняя девушка способна нести бремя войны лучше, чем опытные ветераны. Кроме того, они никогда не задумывались над тем, что сильная душа, стремясь к великой цели, способна укреплять и поддерживать слабое тело. А ведь перед ними была сильнейшая человеческая личность! Но разве могли это понять их неразумные головы? Нет, они не понимали, и их рассуждения были столь же невежественными, как и они сами. Ноэль подслушал, как они судили и рядили между собой и пришли к заключению, что Жанна – колдунья, наделенная упорством и силой сатаны. Был составлен коварный план-при первом удобном случае умертвить Жанну.

Подобный заговор в нашей среде был, конечно, делом серьезным, и рыцари просили у Жанны разрешения повесить всех заговорщиков, но она им решительно отказала.

– Ни эти люди, ни кто-либо другой, – возразила она, – не могут отнять у меня жизни, пока не будет исполнена моя миссия. Зачем же мне брать грех на душу? Я поговорю с ними, сделаю им внушение. Позовите их сюда.

Когда они явились, Жанна отчитала их таким простым, деловым тоном, словно ей и в голо-

ву не приходила мысль, что кто-нибудь усомнится в правильности ее слов. Заговорщики, надо полагать, были крайне поражены ее самоуверенностью и отвагой, потому что пророчество, высказанное смело, находит благодатную почву в душах суеверных людей. Безусловно, слова Жанны возымели действие, но больше всего удивили заговорщиков ее заключительные слова. Обращаясь к их главарю, она печально сказала:

– Разве можно посягать на жизнь ближнего, когда твоя собственная висит на волоске.

В ту же ночь, при первой переправе через реку, конь главаря заговорщиков споткнулся, упал и придавил его, и он утонул, прежде чем мы успели помочь ему. Больше у нас заговоры не повторялись.

Эта ночь измотала нас обилием засад, но мы благополучно продвигались вперед, не потеряв убитыми ни одного человека. Если счастье не изменит нам, потребуется всего лишь ночь для завершения нашего перехода через занятую врагом территорию. Мы с нетерпением ждали наступления темноты. Раньше мы, скрепя сердце, уходили в холод и мрак ночи, подвергаясь опасности окоченеть при переправах через реки и быть настигнутыми неприятелем; но на этот раз все с нетерпением стремились поскорей добраться до места и покончить со всем этим, хотя не была исключена возможность, что впереди нам предстоит более ожесточенные стычки, чем в предыдущие ночи. Кроме того, примерно в трех лье нам преграждала путь глубокая речка с ветхим деревянным мостом. Весь день шел холодный дождь со снегом, и нас беспокоила мысль, не попали ли мы в ловушку. Если вышедшая из берегов речка смыла мост, мы имели бы все основания считать, что попали в беду и путь к отступлению нам отрезан.

Как только стемнело, мы выехали из чащи леса, где скрывались, и двинулись осторожно вперед. С тех пор как на нашем пути стали встречаться засады, Жанна всегда ехала во главе колонны. Теперь она тоже была впереди. Вскоре дождь со снегом превратился в ледяную крупу, которая, подхваченная порывами ветра, как хлыстом, секла нас по лицам; я завидовал Жанне и рыцарям, имевшим возможность опустить забрала и надежно спрятать головы.

Вдруг в непроглядной тьме, совсем рядом, послышался грубый окрик:

– Стой!

Мы повиновались. Я заметил впереди какие-то неопределенные фигуры, которые можно было принять за отряд кавалерии, хотя я не был уверен в этом. Навстречу нам выехал всадник и обратился к Жанне с упреком:

– Как вы опоздали! Вам удалось разузнать что-нибудь? Где же она: все еще позади или уже обогнала нас? Жанна ответила решительно:

– Все еще позади.

Это известие смягчило незнакомца.

– Если так, – сказал он, – вы не потеряли даром времени, капитан. А вы уверены в этом? Откуда вам это известно?

– Я ее видел.

– Видели эту знаменитую Деву?

– Да, я побывал в ее лагере.

– Невероятно! Капитан Раймон, прошу извинить меня, что я так грубо встретил вас. Вы проявили храбрость и поступили великолепно. Где ее лагерь?

– В лесу, не более чем в одном лье отсюда.

– Отлично! А я боялся, как бы она не обошла лес. Теперь все в порядке. Она в наших руках. И вы лично повесите ее. Только вы заслуживаете чести уничтожить это проклятое, дьявольское отродье.

– Не знаю, как и благодарить вас. Если мы схватим ее, я...

– Если!.. Я немедленно приму меры, даю вам слово! Мне очень хочется посмотреть, что это за чертовка, наделавшая столько шуму. И вы получите возможность надеть на нее петлю... Сколько у нее людей?

– Я насчитал восемнадцать, но она могла иметь два-три пикета в другом месте.

– Всего только? Для моего отряда это на один глоток. Говорят, она совсем молодая?

– Да, ей не более семнадцати лет.

– Невероятно! А какого она сложения? Крепкого? Хрупкого?

– Хрупкого.

Офицер на минуту задумался, а потом спросил:

– Она не готовилась сняться с лагеря?

– Нет, я этого не заметил:

– Что она делала?

– Спокойно разговаривала с одним офицером.

– Спокойно? Давала приказания?

– Нет, просто разговаривала, как и мы с вами. – Отлично! Значит, она чувствует себя в безопасности. Иначе она бы суежилась и нервничала, как это бывает со всеми представительницами ее пола в минуты опасности. А поскольку она не собиралась в дорогу...

– Действительно, она не собиралась, когда я видел ее.

–...а занималась праздной болтовней, следовательно – погода ей не по вкусу. Ночной переход в такую слякоть не для семнадцатилетних девчонок. Нет! Пусть себе отдыхает. Нам это на руку. Мы тоже сделаем привал; здесь место не хуже любого другого. Располагайтесь!

– Если вы приказываете, мы, конечно, обязаны подчиниться. Но с ней двое рыцарей, и они могут заставить ее выступить, особенно если погода улучшится.

Я испугался до смерти, и мне не терпелось поскорее выбраться из опасного положения. Меня тревожило и терзало предположение, что Жанна умышленно старается продлить опасность, и в то же время я не сомневался в ее выдержке и находчивости, – она знала лучше меня, что предпринять. Офицер сказал:

– В таком случае мы останемся здесь, чтобы преградить ей путь.

– Да. Но сюда ли они пойдут? А вдруг они вышлют разведчиков и попробуют пробраться по мосту, через лес? Не лучше ли уничтожить мост?

У меня мороз пробежал по коже, когда я услышал это.

Немного подумав, офицер продолжал:

– Конечно, разрушить мост – хорошая идея. Мой отряд должен был охранять его, но теперь в этом нет необходимости.

Жанна спокойно предложила:

– С вашего разрешения я отправлюсь туда и уничтожу мост.

Только теперь я понял ее намерения, и меня привели в восторг ее ум, способный на такую изобретательность, и хладнокровие, не оставившее ее в критический момент.

– Разрешаю, капитан, – ответил офицер, – весьма буду вам благодарен. Уверен – вы отлично справитесь с задачей. Я мог бы послать кого-нибудь другого, но лучше поручить это дело вам.

Они простились, отдав друг другу честь, и мы двинулись вперед. Я вздохнул свободнее. Мне чудился топот лошадей и казалось, что капитан Раймон догоняет нас. Пока продолжался этот разговор, я был как на иголках. Я вздохнул свободнее, но не успокоился, так как Жанна подала нам лишь одну простую команду: «Вперед!» Сначала мы ехали шагом, медленно продвигаясь вдоль темных, длинных колонн неприятеля. Неизвестность была мучительна, но это продолжалось недолго. Едва сигнальный рожок неприятеля протрубил «спешиться!», Жанна приказала пустить лошадей рысью, и для меня это было большим облегчением. Как видите, находчивость Жанны проявилась и здесь. Если бы мы скакали во весь опор, не дождавшись, пока протрубит рожок, кто-нибудь из солдат вражеской боевой охраны мог бы спросить у нас пароль; но теперь они думали, что мы едем занимать место для ночлега, и нас никто не задерживал. Нем дальше мы двигались, тем грознее казались нам силы врага. Возможно, их была сотня или две, но мне мерещились тысячи, а когда мы миновали последнего солдата, я почувствовал невероятную радость, и чем дальше мы уходили в темноту, тем лучше я себя чувствовал. Но еще долго мое настроение оставалось изменчивым и неопределенным. Окончательно я успокоился лишь тогда, когда мы приблизились к мосту и обнаружили, что он цел. Мы переправились через мост и сразу же разрушили его. И только тогда я почувствовал... но я не могу описать, что я почувствовал. Чтобы понять мои чувства, надо все испытать самому.

Мы долго прислушивались, стараясь уловить шум погони. Мы думали, что настоящий капитан Раймон, вернувшись с задания, мог подать мысль, что отряд, ошибочно принятый за его собственный, был войском Девы из Вокулера. Но, видимо, капитан задержался, так как с того берега реки не доносилось ни единого звука, кроме унылого завывания ветра.

В шутку я сказал Жанне, что она собрала обильную жатву похвал, предназначенных капитану Раймону, и когда тот вернется, вместо похвал соберет богатый урожай проклятий от своего возмущенного командира. Жанна ответила:

– Несомненно, будет так, как ты говоришь. Командир принял чужой отряд за свой и в ночное время не спросил пароль. Он расположился бы лагерем, не сообразив, что нужно разрушить мост, если бы ему не посоветовали. А известно, что никто так не склонен обвинять других, как тот, кто сам в чем-нибудь проштрафился.

Бертран рассмеялся, выслушав пояснения Жанны, сказанные так, будто ее совет разрушить мост был ценным подарком для вражеского офицера и спасал его от непростительного промаха. Затем Бертран с восхищением отозвался о находчивости, с какой Жанна обвела вокруг пальца этого человека, и притом ни разу не солгала ему. Это смутило Жанну.

– Он был сам в заблуждении, – сказала она. – Я избегала лжи, ибо это нехорошо. Но если моя правда обманула его, следовательно, она является ложью, и в этом я виновата. Да простит мне бог мое прегрешение!

Мы убеждали ее, что она поступила правильно, доказывая, что в случае опасности и военной необходимости, ради пользы правого дела и во вред врагу, обманы разрешаются. Однако это не убедило Жанну, и она придерживалась мнения, что если даже правому делу угрожает опасность, все равно надо прибегать к честным средствам.

В связи с этим Жан заметил:

– Но ведь ты, Жанна, сама сказала нам, что идешь присматривать за женой дяди Лаксара. Почему же ты не призналась, что идешь совсем не туда, а в Вокулер? Вот тебе и «честные средства»!

– Я это знаю, – ответила она с огорчением. – Я обманула вас против своей воли. Сперва я испробовала все другие средства, но они не помогли. Мне же нужно было уйти непременно. Этого требовал мой долг. И все же я поступила плохо и не отрицаю своей вины.

Жанна умолкла, очевидно взвешивая в уме свой поступок, и затем добавила с твердой решимостью:

– Но дело было правое, и, если бы еще раз пришлось, я опять поступила бы так же.

Ответ был ясен, и никто ей не возразил. Если бы мы знали ее тогда так же хорошо, как она знала себя и как преподнесла нам ее впоследствии история, мы поняли бы, что она руководствовалась только честными побуждениями. Ее положение коренным образом отличалось от нашего, и она стояла выше всех нас. Для спасения великого дела она готова была принести в жертву себя и самую лучшую черту своей натуры – правдивость. Но – только для этой цели. Такой ценою она не купила бы даже своей жизни, хотя, как известно, наша военная этика разрешает нам покупать наши жизни, как и любое военное преимущество, большое или малое, ценой обмана. В то время ее слова казались нам заурядными, ибо мы не понимали всей глубины их сущности. Но сегодня можно видеть, что они заключали в себе принцип, делавший их возвышенными, знаменательными и прекрасными.

Тем временем ветер утих, перестал валить снег, началась оттепель. Дорога превратилась в месиво, лошади шли шагом – на большее у них не хватало сил. Нам было очень тяжело: изнуренные усталостью, мы засыпали прямо в седлах, не обращая внимания на грозившую нам опасность.

Эта десятая по счету ночь казалась нам длиннее всех предыдущих. И неудивительно: крайнее утомление, которое накапливалось с самого начала, дало себя почувствовать в полной мере. И все же мы двигались не останавливаясь. И когда забрезжил рассвет пасмурного дня, мы увидели перед собой реку: это была Луара. Мы въехали в город Жьен, радуясь, что очутились, наконец, на земле друзей. Все тревоги остались позади. Каким прекрасным, каким чудесным было для нас это утро!

Мы представляли собой отряд жалких оборванцев, измученных и грязных; и только Жанна, как всегда, была всех бодрее – и духом и телом. В среднем мы делали за ночь по тринадцать лье по разбитым, вязким дорогам и тропам. Это был замечательный переход, показывающий, на что способны люди, во главе которых стоит вождь, с непоколебимой решимостью ведущий их к цели.

Глава V

В Жьене мы отдыхали часа два-три и подкрепили свои силы. А за это время уже разнесся слух о прибытии юной девушки, избранной богом, чтобы спасти Францию. К месту нашей стоянки поспешно стекались толпы народа, и мы предпочли искать другое, более спокойное место. Мы отправились дальше и остановились в небольшой деревушке Фьербуа.

До Шинонского замка, в котором жил король, было теперь около шести лье. Жанна сразу же продиктовала письмо к королю, и я написал его. Она сообщала, что прибыла издалека, проехав сто пятьдесят лье, чтобы принести ему хорошие вести, и просила разрешения предстать перед ним лично. Жанна добавляла, что, хотя она ни разу в жизни не видела короля, узнает его сразу, в любом одеянии.

Оба рыцаря немедленно отправились с письмом во дворец. Остальные наши товарищи проспали до вечера и после ужина почувствовали себя свежими и бодрыми, особенно молодые новобранцы из Домреми. Нам была предоставлена удобная комната в сельской таверне, и впервые после столь долгого времени мы могли спокойно отдохнуть, без зловещих предчувствий, страхов, утомительной бдительности и тягот похода. Паладин сразу обрел прежний свой вид и важно расхаживал взад и вперед, полный самодовольства. Ноэль Ренгессон подшучивал:

– А замечательно он привел нас сюда!

– Кто? – спросил Жан.

– Кто же – Паладин.

Паладин притворился, будто не слышит.

– А причем здесь он? – спросил Пьер д'Арк.

– Как причем? Его рассудительность давала Жанне моральную поддержку. В отношении храбрости она могла положиться на нас и на себя, но рассудительность – решающее средство на войне; рассудительность – редкое, драгоценное качество, и Паладин наделен им в большей степени, чем любой француз. Да что я говорю: шестьдесят французов с ним не сравняются.

– Не валяй дурака, Ноэль Ренгессон, – обрезал Паладин. – Ты бы лучше свернул свой длинный язык в трубку, намотал его вокруг шеи и один конец вставил себе в ухо – тогда бы меньше болтал, больше слушал и никогда бы не попадал впросак.

– Вот как! Я не знал, что у него рассудительности больше, чем у других, – заметил Пьер. – Для этого нужны мозги, а, мне кажется, мозгов у него не так уж и много.

– Причем здесь мозги? Рассудительность не имеет с ними ничего общего; мозги скорее служат помехой, ибо рассудительный, догадливый человек не мыслит, а глубоко чувствует. Это – качество внутреннее, душевное и основывается главным образом на чувствах. Если бы оно исходило от ума, то при его помощи можно было бы точно определить наличие опасности, между тем как...

– Вот еще, болтун проклятый! – пробормотал Паладин.

–...Между тем как, будучи качеством исключительно душевным и действуя при посредстве чувств, а не ума, оно простирается шире и дальше, давая возможность видеть опасность и избегать ее даже там, где ее нет. Например, прошлой ночью, когда Паладин принял в тумане уши своей лошади за неприятельские пики, он соскочил с изумительной быстротой и взобрался на дерево...

– Это ложь! Необоснованная ложь! Я прошу вас не верить злым вымыслам грязного клеветника. Он и раньше все время старался очернить меня. Ручаюсь, он когда-нибудь оклеветает и вас. Я соскочил с коня, чтобы подтянуть подпругу, – ей-богу, правда, умереть мне на месте, если это неправда!

– Видите, он всегда так! Никогда не может спорить хладнокровно, всегда кипит и грубит. И заметьте, какая поразительная память! Он хорошо помнит, что слез с лошади, а все остальное забыл, даже дерево. Впрочем, это попятно: он помнит, что слезал с лошади, потому что в этом деле имеет большой опыт. Он всегда спешивается, слышав тревогу и бряцание оружия.

– А для чего это ему нужно? – спросил Жан.

– Не знаю. Он утверждает: чтобы подтянуть подпругу. А по-моему, чтобы взобраться на дерево. Я видел, как за одну ночь он успел посидеть на девяти деревьях.

– Ты не мог этого видеть! – Паладина взорвало. – Кто так отвратительно лжет, тот достоин презрения. Я прошу вас ответить мне: вы верите шипению этой гадюки?

Все смущенно молчали, один только Пьер ответил с некоторым колебанием:

– Не знаю, что и сказать. Положение довольно щекотливое. Не верить человеку, когда он так прямо обвиняет, это значит – оскорбить его. И все же, как это ни грубо, но я должен сознаться, что не всему верю. Я никак не могу поверить, что ты в одну ночь успел побывать на девяти деревьях.

– Вот именно! – воскликнул Паладин. – Ну? Ты убедился теперь, Ноэль Ренгессон? Скажи, Пьер, на сколько деревьев я влезал?

– По моему подсчету – на восемь. Дружный хохот привел Паладина в ярость.

– Я вам покажу! Погодите! – вскричал он. – Придет время, и я с вами разделаюсь! Вот увидите!

– Не дразните его, – продолжал насмехаться Ноэль. – Рассвирепев, он прекращается в настоящего льва. Я убедился в этом сам после той памятной третьей схватки. Когда сражение кончилось, он выскочил из-за кустов и напал на убитого.

– Еще одна ложь! Предупреждаю, ты заходишь слишком далеко. Если угодно, ты можешь убедиться, что я умею нападать и на живого.

– Ты имеешь в виду, конечно, меня. Это возмутительно. Это хуже всякой ругани. Черная неблагодарность к своему благодетелю...

– Нашелся благодетель! Чем я тебе обязан, хотелось бы мне знать?

– Ты мне обязан жизнью. Я стоял между деревьями и неприятелем, охраняя тебя, когда сотня вражеских солдат жаждала упиться твоей кровью. И делал я это не для того, чтобы показать свою храбрость, а как истинный друг, из любви к тебе.

– Довольно! Я не могу больше слушать подобные мерзости. Мне легче переваривать твою ложь, чем твою любовь. Побереги ее для тех, у кого желудок покрепче. Эй, вы, люди! Прежде чем уйти, я намерен кое-что сообщить вам. Для того чтобы ваши жалкие действия казались значительными и принесли вам больше славы, я скрывал свои подвиги в продолжение всего похода. Я всегда был впереди, в гуще боя; я нарочно удалялся от вас, чтобы не устрашать вас мощью и беспощадностью, с которыми крошил врага. Я таил это в своей груди, но вы насильно заставляете меня выдать мой секрет. Вам нужны свидетели? Вон они там, лежат на дороге, бездыханные, израненные. Эту грязную дорогу я устлал трупами; эти бесплодные поля я удобрил вражеской кровью. По временам я вынужден был отходить в тыл, потому что отряд не смог бы продвигаться через горы трупов, оставленных мною после себя. И находятся же негодяи, утверждающие, будто я с перепугу лазил по деревьям! Какая гадость!

И он удалился, величественно подняв голову. Рассказ о мнимых подвигах снова привел его в отличное настроение, наполнил гордостью и самодовольством.

На другой день мы оседлали лошадей и двинулись в направлении Шинона. Окруженный со всех сторон англичанами, Орлеан остался у нас в тылу. Вскоре, с божьей помощью, мы вернемся туда, неся долгожданное освобождение. От Жьена до Орлеана разнесся слух, что крестьянская девушка из Вокулера уже в пути и что ей поручено свыше снять осаду. Эта весть взволновала всех и породила большие надежды – первые надежды несчастных орлеанцев за пять месяцев осады. Жители Орлеана тотчас же направили к королю послов с просьбой, чтобы он внимательно отнесся к чудесной девушке и не отвергал предлагаемой помощи. К тому времени послы были уже в Шиноне.

На полпути к Шинону встретился еще один неприятельский отряд. Он внезапно появился из лесу и представлял довольно внушительную силу. Но мы уже были не новички, как десять или двенадцать дней тому назад; к подобного рода приключениям мы привыкли. Наши души не уходили в пятки, оружие не дрожало в руках. Мы научились всегда быть начеку, соблюдать осторожность, быть готовыми ко всяким случайностям. Теперь при виде противника мы растерялись не больше, чем наш командир. Прежде чем неприятель успел построиться для атаки, Жанна скомандовала: «Вперед!» – и мы все ринулись в бой. Враг не устоял, повернул назад и рассеялся. Мы же промчались сквозь эту объятую страхом толпу, словно она состояла не из воинов, а из соломенных чучел. Это была последняя засада на нашем пути, и ее, видимо, устроил нам изменник де ла Тремуиль¹⁹ – личный министр и фаворит короля.

Мы разместились в гостинице, и вскоре почти весь город собрался под нашими окнами, желая взглянуть на Деву.

Ах, этот противный король и его противные слуги! Наши добрые рыцари вернулись из дворца подавленными и расстроенными. Они доложили Жанне обо всем, что произошло. Прежде чем был начат рассказ, все мы встали перед Жанной почтительно и смиренно, как подобает подчиненным лишь в присутствии короля или его приближенных. Мы бы долго простояли так, если бы Жанна, смущенная нашим глубоким уважением, воспитанная в скромности, не приказала нам сесть, что нам нелегко было сделать, ибо после ее предсказания о смерти изменника, который потом утонул, и после других подтвердившихся предсказаний мы убедились, что она действительно послана нам самим богом, и благоговели перед ней. Когда мы, наконец, уселись, сьер де Мец сказал:

– Король получил письмо, но нам запретили встречаться с ним лично.

– Кто запретил?

– Собственно, никто не запрещал, но там было трое или четверо высокопоставленных лиц – интриганов и изменников, чинивших нам всевозможные препятствия, использовавших любые средства, вплоть до шантажа и клеветы, лишь бы сорвать намеченную встречу. Больше всех старались Жорж де ла Тремуиль и эта коварная лиса – архиепископ Реймский²⁰. Пока они будут держать короля в плену праздности, в плену безумств и оргий, они будут всеильны и значение их будет возрастать. Но достаточно ему опомниться и решительно возглавить борьбу за престол и отечество, их власти придет конец. Пока что они пользуются всеми привилегиями, и им совершенно безразлично, останется или погибнет королевство, а вместе с ним и король.

– Вы говорили с кем-нибудь еще, кроме них?

– Да, но не с придворными. Придворные – послушные рабы этих временщиков, пресмыкаются перед ними, подражают их словам и действиям, думают так, как они; поэтому они были холодны к нам, отворачивались от нас, старались не встречаться с нами. Но мы беседовали с послами из Орлеана. Они единодушно заявили: «Странно, что король, находясь в таком отчаянном положении, проводит время в бездействии, поддается апатии и, видя, как разваливается королевство, даже пальцем не пошевелит, чтобы спасти его. Удивительное явление! Он отсиживается здесь, запертый в крохотном уголке своих владений, как мышь в мышеловке; кровом ему служит мрачный старый замок, похожий на гроб, с тряпьем, источенным молью, вместо ковров, с поломанной мебелью, – поистине убежище отчаяния! В казне всего сорок франков, и, бог тому свидетель, ни гроша больше; нет ни армии, ни даже подобия ее; и на фоне этого вопиющего убожества мы видим нищего короля, лишённого короны, но окруженного сворой шутов и фаворитов, разодетых в шелка и бархат; подобного безумства нет ни при одном дворе христианского мира. Он не может не знать, что когда падет наш город, – а он должен пасть, если не подоспел по-

¹⁹...изменник де ла Тремуиль (1385? —1466). — Жорж де ла Тремуиль — первый министр и фаворит Карла VII, поддерживавший тайно английскую партию и всеми средствами борющийся с влиянием Жанны д'Арк на армию и народ. В 1433 г. был насильно отстранен от двора сторонниками коннетабля Ришмона.

²⁰ Архиепископ Реймский. — Ренье де Шартр — духовный советник короля Карла VII, один из лютых врагов Жанны д'Арк. Когда Жанна была захвачена в плен и продана англичанам для суда над ней, он в обращении к жителям Реймса злорадно писал, что «сам бог покарал ее за гордыню».

мощь, – то погибнет и Франция; он не может не знать, что в этот злополучный день он станет изгнанником и что английский флаг будет беспрепятственно развеваться над каждым акром его великого наследия. Он знает все это, знает, что наш верный город в одиночестве борется против болезней, голода и вражеских угроз, мужественно переносит все лишения, знает и не делает ни малейшей попытки спасти его, не хочет внять нашим мольбам, не хочет даже видеть нас». Вот что сказали нам послы, исполненные скорби и отчаяния.

Жанна спокойно ответила:

– Все это, конечно, печально, но отчаиваться им не следует. Дофин их скоро примет. Так им и скажите.

Она почти всегда называла короля дофином. По ее мнению, не будучи коронованным, он еще не был королем.

– Мы скажем им, и это их обрадует; ведь они верят, что ты посланница неба. Архиепископа и его союзников поддерживает старый ветеран Рауль де Гокур²¹, обергофмейстер, человек достойный, участник многих войн, но ограниченный и не способный на большие дела. Он никак не может понять, как это простая, не сведущая в военном искусстве девушка может взять меч в свою детскую руку и одерживать победы там, где лучшие генералы Франции в течение пятидесяти лет терпели одни поражения. Он сидит при дворе и, глядя на все иронически, покручивает свои седые усы.

– Когда сам господь направляет меч, не имеет значения, какая рука держит его – малая или большая. Побеждает правда. Неужели в Шинонском дворце нет людей, сочувствующих нам?

– Есть. Теща короля Иоланта, королева сицилийская, умная и добрая женщина. Она и говорила с сьером Бертраном.

– Да, она стоит за нас и ненавидит приспешников короля, – подтвердил Бертран. – Она проявила к нам большой интерес и задавала много вопросов, на которые я отвечал, как умел. Выслушав мои ответы, она долго сидела, погрузившись в глубокое раздумье. Мне даже казалось, что она уснула глубоким сном. Но это было далеко не так. Очнувшись, она, наконец, проговорила, как бы про себя: «Семнадцатилетнее дитя... девушка... выросшая в деревне... неграмотная... не знает военного дела... не умеет владеть оружием и управлять боем... скромная, кроткая, застенчивая... бросает свой пастушеский посох, облачается в стальные доспехи, пробирается за сто пятьдесят лье по захваченным врагами землям, исполненная веры, надежды и не ведая страха... и она идет к королю, она, которую один его вид должен повергнуть в трепет и ужас... она предстанет перед ним и скажет: не бойся, я послана богом спасти тебя! Ах, откуда же могло взяться такое мужество, такая твердость убеждений, как не от самого бога?» Королева умолкла, призадумалась, а потом сказала: «Богом она послана или нет, но в ней есть нечто такое, что возвышает ее над воинами, над всеми воинами Франции, что воодушевляет их на подвиги, превращает сборище трусов в армию храбрецов, и они обретают в ее присутствии бесстрашие, бросаются в бой с радостью в глазах, с песней на устах и ураганом проносятся по бранному полю. Именно такой дух может спасти Францию, и только он один, откуда бы он ни исходил! И этот дух живет в ней, я твердо в этом убеждена, иначе как бы такое дитя перенесло столь долгий и трудный поход, презирая опасности и преодолевая усталость? Король должен принять эту девушку, и он примет ее!» Сказав эти добрые слова, королева отпустила меня, и я знаю, что она сдержит свое обещание. Конечно, ей будут мешать эти негодяи, но в конце концов она добьется своего.

– И почему она не на месте короля! – с жаром воскликнул другой рыцарь. – Мало надежды на то, что король сам избавится от апатии. Он совершенно беспомощен и мечтает только о том, чтобы, все бросив, бежать в чужие края. Послы говорят, что он – жертва колдовства, обрекающего его на беспомощность, и что в этом кроется какая-то тайна, разгадать которую они не в состо-

²¹...старый ветеран Рауль де Гокур. — Видный участник войны с англичанами при королях Карле VI и Карле VII. Далее в тексте романа утверждается, что Рауль де Гокур занимал пост бальи города Орлеана, что, однако, не подтверждается историческими материалами. Бальи — должностное лицо в крупных городах средневековой Франции, нечто вроде начальника гарнизона.

янии.

– Я знаю эту тайну, – сказала Жанна с глубокой уверенностью, – я знаю, он сам ее знает, и больше, кроме бога, никто. Когда я увижу его и сообщу ему эту тайну, он избавится от своей апатии и снова воспрянет духом.

Я горел желанием узнать, что именно Жанна скажет королю, но она ничего никому не сообщила, и я понял, что просить ее об этом бесполезно. Правда, она была еще почти ребенком, но замкнутым и не любившим болтать о больших делах: ей не было присуще стремление важничать перед народом. Нет, она была сдержанна и хранила свои мысли про себя, как это делают истинно великие люди.

На следующий день королева Иоланта одержала победу над королевскими приспешниками: невзирая на их возражения и козни, она добилась для двух наших рыцарей аудиенции у короля, и они сразу же воспользовались представившейся возможностью. Они объяснили королю, какой у Жанны прекрасный, честный характер и какая возвышенная, благородная мысль вдохновляет ее; они умоляли его проникнуться к ней доверием и не сомневаться, что она действительно послана богом, чтобы спасти Францию. Но больше всего они просили об аудиенции для Жанны. Король, казалось, был даже склонен дать согласие и обещал, что он примет все к сведению, но сначала переговорит со своими советниками. Это нас несколько обнадежило.

Через два часа в нашей гостинице поднялся страшный переполох. Хозяин прибежал наверх и сообщил, что прибыла депутация из духовных лиц от короля. «От самого короля, понимаете? Подумайте, какая честь для моей маленькой, скромной гостиницы!» Он был так взволнован этим небывалым случаем, что едва нашел в себе силы членораздельно рассказать обо всем. Депутация прибыла от короля с целью поговорить с Девой из Вокулера. Затем хозяин помчался вниз, но вскоре появился снова и, пятась и кланяясь на каждом шагу до земли, ввел в комнату четырех величавых, суровых епископов с целою свитою слуг.

Жанна встала, а за ней и все мы. Епископы уселись, и некоторое время никто не проронил ни слова, так как право говорить первыми было за ними. А они были так поражены, увидев перед собой ребенка, взбудоражившего всю страну и заставившего таких высокопоставленных лиц, как они, играть унижительную роль послов, явившихся в эту грязную таверну, что долго не могли прийти в себя. Наконец, один из них заявил Жанне, что, как им стало известно, у нее есть поручение к королю; если это верно, пусть она немедленно изложит его содержание – покороче и попроще.

Я еле сдерживал свой восторг: наконец-то мы добьемся аудиенции у короля! То же самое выражение восторга, гордости и возбуждения было на лицах наших рыцарей и братьев Жанны. Я знал, что все они, так же как и я, молились в душе за то, чтобы страх перед этими важными сановниками, сковавший наши языки и мысли, не овладел и ею и чтобы она смогла изложить свое поручение толково, без запинки и этим самым произвести благоприятное впечатление, столь необходимое для успеха нашего общего дела.

О боже, как неожиданно было то, что произошло потом! Мы пришли в ужас от того, что Жанна сказала. Она стояла в почтительной позе, наклонив голову и сложив на груди руки: она всегда относилась почтительно к святым служителям божьим. Когда епископ закончил речь, она подняла голову, устремила спокойный взгляд на лица послов и, без тени смущения, как юная принцесса, проговорила со своей обычной простотой и скромностью:

– Простите меня, ваши преосвященства, но я должна изложить свое дело только самому королю.

Послы были поражены, их лица побагровели. Наконец, первый епископ сказал:

– Значит, ты отказываешься исполнить приказание короля и не хочешь изложить свое дело его послам, специально для этого назначенным?

– Господь определил лишь одного человека, который должен меня выслушать, и ничьи приказания тут не помогут. Прошу вас разрешить мне поговорить с его высочеством дофином лично.

– Выбрось из головы эту блажь! Говори сейчас же и не отнимай у нас времени!

– Право, вы заблуждаетесь, ваши преосвященства, а это нехорошо. Я прибыла сюда не для

праздных разговоров, а чтобы освободить Орлеан, ввести дофина в славный город Реймс и возложить корону на его голову.

– В этом и состоит твоя миссия к королю? Но, с присущей ей сдержанностью, Жанна произнесла лишь следующее:

– Извините меня, я снова должна напомнить вам, что ни к кому другому поручений у меня нет.

Королевские послы встали, глубоко оскорбленные, и покинули гостиницу не говоря ни слова; когда они проходили мимо нас, мы преклонили колени.

Нас охватило разочарование, и сердца наши наполнились горечью. Драгоценная возможность была упущена. Мы не могли понять поведения Жанны, которая всегда была так рассудительна до этого рокового момента. Наконец, Бертран, собравшись с духом, спросил ее, почему она упустила такой удобный случай и не сообщила королю о своем деле.

– Кто прислал их сюда? – в свою очередь спросила она.

– Король.

– А кто уговорил короля послать их? Она ждала от нас ответа, но мы все молчали, начиная угадывать ее мысль. Тогда она ответила сама:

– Короля убедили его советники. Кто же они, эти советники? Враги мне и дофину или друзья?

– Враги, – ответил за всех Бертран.

– Если кто-либо хочет, чтобы его поручение было передано честно и без искажений, может ли он довериться обманщикам и изменникам.

Я еще раз убедился, как мы были глупы и как она умна. Поняли это и все остальные, поэтому никто ничего не возразил. Она же продолжала:

– Но у них не хватило ума расставить ловушку похитрее. Они старались выведать, что я намерена сказать королю, и в своем донесении извратить смысл моих слов. Вам известно, что часть моей миссии – убедить дофина предоставить в мое распоряжение большой вооруженный отряд и послать меня для оказания помощи осажденному городу. Если же в этом деле посредником будет недоброжелатель, как бы точно он ни излагал мои слова, он никогда не передаст ни выразительных взглядов, ни жестов, ни убедительного тона, которые одни придают словам жизнь. Неискренние доводы не имеют действия. Терпение, терпение! – скоро дофин выслушает меня. Надейтесь и не отчаивайтесь!

Сьер де Мец покачал головой и тихо промолвил:

– Она права и благоразумна, а мы оказались глупцами.

Я целиком разделял его мнение и мог бы сказать то же самое; так думали все присутствующие. Нас охватил благоговейный трепет при мысли, что эта неграмотная, неискушенная девушка, очутившись в сложной обстановке, сумела разгадать хитрые козни опытных придворных интриганов и разрушить их. Удивленные и восхищенные, мы умолкли и больше не произносили ни слова. Мы уже давно успели убедиться – нет ей равных по мужеству, стойкости, выдержке, терпению, убежденности и преданности долгу, – словом, во всем, что необходимо воину в трудной борьбе; теперь же мы начинали сознавать, что качества ее ума не уступают качествам ее сердца. Это и было предметом наших размышлений.

На другой же день поступок Жанны дал желаемый результат. Король был вынужден уступить настойчивости молодой девушки, добивавшейся у него аудиенции, и решил оказать ей уважение на деле, а не путем обмена пустыми любезностями. Он переселил Жанну из убогой гостиницы и поместил ее, вместе с нами, ее соратниками, в замке Кудре, поручив ее заботам почтенной госпожи де Беллье, жены старого Рауля де Гокура, обергофмейстера. Разумеется, такое внимание короля сразу же возымело действие: влиятельные придворные дамы и господа стали стекаться в замок, чтобы увидеть и послушать чудесную девушку-воина, осмелившуюся отвергнуть королевскую депутацию, девушку, имя которой было у всех на устах. Жанна очаровала их своей кротостью, простотой обращения и природным красноречием; лучшие, умнейшие представители знати признали, что в ней есть нечто особенное, что она не такова, как все, а совершенно иная. И слава ее росла. Число ее друзей и сторонников увеличивалось. Ни вельможа, ни

простолюдин, услышав ее голос, увидев ее лицо, не могли оставаться равнодушными.

Глава VI

Но вот опять произошла задержка. Королевский совет предложил проявить осторожность и не выносить поспешных решений в нашу пользу. Как будто король мог вынести поспешное решение! На всякий случай была послана комиссия из духовных лиц – опять эти духовные лица! – в Лотарингию для сбора сведений о свойствах характера и образе жизни Жанны, на что потребовалось несколько недель. Какое изощренное лицемерие! Это равносильно тому, когда в горящем доме жильцы, вместо того чтобы гасить пожар, посылают на родину домовладельца запрос, свято ли он соблюдал день субботний.

Томительно тянулись дни, особенно для нас, молодежи. И все же перед нами открывалась заманчивая перспектива. Мы никогда еще не видели короля, и теперь нам предстояло увидеть редчайшее зрелище, способное потрясти нас на всю жизнь. Мы все с нетерпением ожидали этого события. Но оказалось, другим суждено было ждать больше, чем мне. Однажды нам сообщили важную новость: королеве Иоланте, орлеанским послам и нашим двум рыцарям удалось, наконец, сломить сопротивление придворных вельмож и убедить короля принять Жанну.

Жанна выслушала это приятное известие с благодарностью, но без малейших признаков волнения. Иное дело мы: предвкушая удачу, никто из нас не мог ни есть, ни спать. Два дня наши благородные рыцари были полны беспокойства о Жанне: аудиенция должна была состояться вечером, и они боялись, как бы Жанна не растерялась при виде пылающих факелов, торжественной пышности церемонии, множества знатных лиц в блестящих одеждах и всех прочих великолепий двора, как бы она, простая деревенская девушка, непривычная ко всему этому, не испугалась и не потерпела позорного провала.

Конечно, я бы легко их успокоил, если бы мог говорить обо всем свободно. Неужели Жанна растеряется при виде дворцового блеска, дешевой мишуры, окружающей жалкого короля и его многочисленную свиту? Ведь она лицом к лицу беседовала с владыками неба, со слугами всемогущего бога, созерцала сонмы ангелов, возносившихся мириадами в бесконечность, в огненной славе, в неуловимом сиянии, излучаемом ими и растворяющемся во вселенной с пленительным великолепием. Нет, она не растеряется, я это знал!

Королева Иоланта изъявила желание, чтобы Жанна произвела на короля и его двор приятное впечатление; она пыталась уговорить ее облечься в богатые одежды из наилучших тканей, равные по своей пышности одеждам придворных дам и обильно украшенные драгоценностями. В этом, однако, королева глубоко заблуждалась. Убедить Жанну оказалось невозможным, и она испросила позволения предстать перед королем в простой, скромной одежде, как и подобает служительнице бога, посланной всевышним для выполнения весьма ответственной политической миссии. Тогда добрая королева придумала для нее тот прелестный, скромный наряд, который я неоднократно описывал вам и о котором не могу вспоминать даже теперь, в глубокой старости, без умиления. Вспоминая о нем, мне кажется, что я слушаю трогательную музыку. Да, ее одежда была чистейшей музыкой, упоительной для сердца и очаровательной для глаз. Сама Жанна была поэмой, мечтой, олицетворением возвышенного и неземного, когда являлась народу в своем наряде.

Она бережно хранила при себе этот наряд и надевала его только в торжественных случаях; он до сих пор хранится в Орлеанском казначействе вместе с двумя ее мечами, знаменем и другими предметами, ставшими священными, поскольку они принадлежали ей.

В назначенный час граф Вандомский, придворный вельможа, явился в роскошных одеждах, со свитой слуг и помощников, чтобы препроводить Жанну к королю. Оба рыцаря и я были удостоены чести сопровождать ее в качестве лиц, занимавших официальное положение при ее особе.

Описываю так, как оно было, со всеми подробностями. Когда мы вошли в большой приемный зал, мы заметили прежде всего ряды стражи в сверкающих латах, с огромными алебардами в руках; весь зал пестротой и обилием красок напоминал цветник; и это великолепие озарял яр-

кий свет двухсот пятидесяти факелов. Посредине зала оставался обширный свободный проход, в конце которого стоял королевский трон под балдахином, а на нем восседал человек в короне, со скипетром, в парадных одеждах, сверкающих бриллиантами.

Но даже и теперь некоторое время Жанну не допускали к королю; когда же, наконец, ей разрешили приблизиться, она была принята со всеми почестями, какие оказывались высокопоставленным лицам. У входных дверей стояло по четыре герольда в парадных плащах с серебряными фанфарами наготове, с которых свисали квадратные шелковые знамена, расшитые гербами всех провинций Франции. Когда Жанна с графом проходили мимо, фанфары звонко и протяжно возвестили о нашем прибытии и, по мере того как мы продвигались по залу под расписанными золотом сводами, трубные звуки повторялись через каждые пятьдесят футов нашего следования, а всего повторились шесть раз. Они наполняли сердца наших славных рыцарей гордостью и счастьем, заставляя каждого выпрямиться и принять воинственный, строгий вид. Рыцари не ожидали таких почестей для нашей юной крестьянской девушки.

Жанна следовала в двух шагах позади графа, а мы трое – в двух шагах позади Жанны. В десяти шагах от короля наше торжественное шествие закончилось. Граф отвесил низкий поклон, назвал имя Жанны, затем снова поклонился и занял свое место у трона, среди группы придворных. Я пожирал глазами коронованную особу, и сердце мое замирало в груди от священного трепета.

Все взоры были устремлены на Жанну. Восхищенные, полные благоговения взгляды словно говорили: «Как она мила! Как прелестна! Как божественна!» Все стояли слегка приоткрыв рот, и можно было заключить, что эти господа, привыкшие ко всему, теперь были поражены и смотрели только на предмет, приковавший их взоры. Они напоминали людей, ослепленных чарами видения.

Мало-помалу придворные стали приходить в себя, пробуждаясь от глубокого сна, страшивая его, как страшивают усталость или опьянение. Теперь они заинтересовались Жанной с другой стороны: они сгорали от любопытства увидеть, что она будет делать. На это были свои причины, и все наблюдали за ней с неослабным вниманием. И вот что они увидели.

Жанна не опустилась на колени, не склонила голову, а лишь смотрела на трон и молчала. Вот и все, что можно было увидеть.

Я взглянул на де Меца и был поражен бледностью его лица.

– Что это такое? Скажите, что это такое? – шепнул я ему.

Он ответил так тихо, что я едва мог разобрать его слова:

– Помните, она утверждала в письме, что всегда и везде отличит короля? Зная об этом, они и хотят сыграть с ней шутку. Жанна совершит ошибку и даст им повод для насмешек. Ведь это не король сидит на троне.

Я взглянул на Жанну. Она по-прежнему в упор рассматривала трон, и мне казалось, что даже ее плечи и спина выражали недоумение. Наконец, она медленно повернула голову и окинула взглядом ряды придворных. Ее взгляд остановился на одном скромно одетом молодом человеке. И тогда лицо Жанны осветилось радостью, она подбежала к юноше, упала к его ногам, обняла его колени и произнесла своим нежным певучим голосом, полным глубокого чувства:

– Да сохрани тебя господь, дорогой, благородный дофин!

Удивленный и взволнованный, де Мец не мог удержаться от восклицания:

– Клянусь именем божьим, это невероятно! – В благородном порыве он до боли сжал мою руку и, гордо вскинув голову, промолвил: – Ну, что же теперь скажут эти раскрашенные куклы!

Между тем скромно одетый молодой человек сказал Жанне:

– Ты ошибаешься, дитя мое, я не король. Он там! – и он указал на трон.

Рыцарь нахмурился и пробормотал, полный негодования:

– Ах, как не стыдно так обманывать ее! Не для этого она подвергала себя опасностям. Я пойду и объявлю всем...

– Подождите! – шепнули мы с Бертраном, удерживая его на месте.

Жанна, не вставая с колен, подняла вверх озаренное счастьем лицо и произнесла:

– Нет, милостивый государь, король – ты, и никто другой.

Тревога де Меца миновала, и он сказал:

– Клянусь, она не угадывала, а знала наверняка. Но как она могла знать? Это чудо. Я очень доволен и не стану больше вмешиваться. Ясно, что не зря пал выбор на нее, и ей не нужна помощь моего ограниченного ума.

Высказанные им мысли отвлекли мое внимание, и я пропустил несколько фраз из другого разговора; однако я уловил следующий вопрос короля:

– Но скажи мне, дитя мое, кто ты такая и чего хочешь?

– Мое имя Жанна, а зовут меня Дева, и я послана сообщить тебе, что волею божьей ты будешь коронован и миропомазан в славном городе Реймсе, а затем ты будешь наместником царя небесного на престоле Франции. И еще желает господь, чтобы ты помог мне исполнить мой долг и предоставил мне вооруженную силу.

После непродолжительной паузы она воскликнула, сверкнув глазами:

– Тогда я сниму осаду Орлеана и покончу с английским владычеством!

Веселое лицо молодого монарха приняло свое обычное болезненно-грустное выражение, когда он услышал эту пламенную речь, от которой веяло воинской доблестью и бранным полем; от его игривой улыбки не осталось и следа; он стал задумчив и сосредоточен. Немного погодя дофин слегка махнул рукой, все расступились и оставили его наедине с Жанной в огромном зале. Рыцари и я отошли в другой конец зала и застыли в терпеливом ожидании. Мы видели, как Жанна, по знаку короля, поднялась с колен и как они о чем-то доверительно беседовали.

Толпе придворных перед этим хотелось поскорее узнать, как Жанна будет себя вести. И теперь они убедились и были весьма удивлены, что Жанна совершила это чудо в полном соответствии с обещанием, данным ею в письме. А еще больше они удивлялись тому, как мало девушка была смущена торжественностью и пышностью приема; она казалась даже спокойнее и непринужденнее в беседе с королем, чем они сами, умудренные длительным опытом служения трону.

Что касается обоих наших рыцарей, они, воспылав гордостью, онемели от изумления, не умея объяснить, как юная Жанна сумела выдержать столь тяжелое испытание, не допустив ни одного промаха, ни одной неловкости, которые могли бы омрачить успех ее великого дела.

Беседа между королем и Жанной была продолжительной, серьезной и велась вполголоса. Мы не могли ее слышать, но внимательно следили за каждой подробностью. И мы, и все присутствующие в зале вскоре подметили одну деталь, чрезвычайно памятную и поразительную, занесенную потом во все хроники, мемуары и в протокол судебного Процесса по реабилитации; все понимали значительность этого факта, хотя никто не мог точно определить, в чем он заключается. Мы увидели, что король, отрешившись от вялости и равнодушия, вдруг неожиданно выпрямился, как настоящий мужчина, и на лице его изобразилось крайнее удивление. Казалось, будто Жанна сообщила ему нечто невероятное и вместе с тем приятное, ободряющее.

Этот разговор долго оставался для нас тайной, но теперь он нам известен, и его знает весь мир. Заключительная часть разговора – о чем можно прочесть во всех исторических трудах – состояла в следующем: изумленный король попросил у Жанны знамения. Он желал уверовать в нее, в ее призвание и в то, что «голоса», которые она слышала, сверхъестественны и обладают мудростью, недоступной для простых смертных. Но мог ли он уверовать в это, не убедившись лично в пророческой силе таинственных «голосов»? Тогда-то Жанна и сказала ему:

– Хорошо, я дам тебе знамение, и ты не будешь больше сомневаться. В твоём сердце кроется мучительная тревога²², которую ты никому не высказываешь, – тревога, подрывающая твоё

²² *В твоём сердце кроется мучительная тревога...* — Эти слова, приписываемые историками Жанне, послужили позднее основой для одной из множества легенд, которыми постепенно обросла история девушки из Домреми. Говорили, что Жанна разгадала какую-то тайну, известную только дофину Карлу, и этим завоевала его доверие. Но Жанна лишь сказала, что Карл — истинный, законный наследник престола, и этим произвела на дофина глубокое впечатление. В устах девушки эти слова имели вполне определенный смысл: королем Франции должен стать французский принц. Народ не признал предательской сделки мирного договора, заключенного в Труа, и Жанна в простых словах выразила это перед дофином. В те времена ходили упорные слухи, что покойный король Карл VI Безумный фактически не был отцом дофина. Распускали эти слухи англичане и их наемники. На малодушного Карла это действовало самым удручающим образом: в глубине души он начинал сомневаться в своих правах на корону.

мужество и внушающая тебе желание все бросить и бежать из своих владений. В это краткое мгновение ты в глубине души своей молишь всевышнего, чтобы он разрешил твои сомнения, пусть даже скорбным известием, что у тебя нет законного права на королевский престол.

Слова Жанны поразили короля; она точно определила состояние его души. Его молитвы, его терзания были тайной для всех, кроме бога. Король воскликнул:

– Этого знаменья вполне достаточно. Теперь я убежден, что твои «голоса» от бога. Они говорили правду о нашем деле, но если они сообщили еще что-нибудь, поведай мне – и я поверю им.

– Они избавляют тебя от тягостных сомнений, и вот их подлинные слова: «Ты достойный сын короля, отца твоего, и законный наследник престола Франции». Так возвестил господь. Подыми же голову и не сомневайся более, но дай мне войско и разреши мне приступить к делу.

Именно это подтверждение законности его рождения и ободрило короля, вдохнув в него на мгновение мужество, рассеяв сомнения, утвердив в сознании своих королевских прав. Если бы можно было избавить его от дурных и вредных советников, перевешать их всех, он немедленно исполнил бы просьбу Жанны и послал ее на поле брани. Но, к сожалению, эти интриганы были избиты, но не повержены в прах; они могли изобрести еще немало козней.

Мы гордились вниманием, которого удостоилась Жанна при посещении королевской резиденции, – такого внимания редко кто удостоивался даже из высокопоставленных, знатных особ, – но эта гордость была ничем в сравнении с почестями, оказанными ей на прощанье. Торжественная встреча Жанны была обычной церемонией приема высокопоставленных лиц, но почести, оказанные ей во время прощанья, предусматривались этикетом исключительно для лиц королевского происхождения. Сам король провел Жанну за руку по всему залу до дверей, при этом блестящая толпа подымалась и кланялась по пути следования короля, а серебряные трубы издавали протяжные, приятные звуки. Затем король отпустил Жанну с милостивыми словами и, поклонившись, поцеловал ей руку. Всегда и везде, в верхах и в низах, ее провожали лучше, чем встречали.

И еще одна большая почесть была оказана Жанне королем: он отправил нас в замок Кудре под эскортом всей своей гвардии, своих телохранителей, освещавших нам дорогу красным пламенем факелов, молодцов в парадной форме и во всеоружии, хотя крайне немощных телом и, должно быть, ожидавших королевского жалованья с самого детства. Тем временем весть о встрече Жанны с королем разнеслась повсюду. Дорога так была забита толпами людей, желавших увидеть ее, что мы едва смогли пробиться. Говорить же о своих впечатлениях мы не могли, наши голоса тонули, как в бурном море, в реве и восторженных криках, сопровождавших нас до самого замка.

Глава VII

Нам оставалось только терпеть, ждать и надеяться. Мы покорились своей судьбе и переносили невзгоды безропотно, отсчитывая томительно текущие дни и часы в надежде, что когда-нибудь и нам пошлет бог удачу. Единственным исключением был Паладин; только он чувствовал себя счастливым и не скучал. Отчасти это объяснялось удовольствием, которое доставлял ему новый наряд, приобретенный им сразу же по прибытии. Купленный из вторых рук, он все же еще имел приличный вид и напоминал полное снаряжение испанского рыцаря: широкополая шляпа с развевающимися перьями, кружевной воротник и манжеты, короткий камзол из полинявшего бархата и панталоны в обтяжку, короткий плащ, накинутый на плечи, высокие сапоги с раструбами, длинная рапира и прочее, – все это в общей сложности имело весьма живописный вид, вполне соответствующий статной фигуре Паладина. Освободившись от дежурства, он немедленно облекался в свой наряд и, когда проходил мимо, опираясь одной рукой на эфес рапиры, а другой молодецкато покручивая едва пробивающиеся усы, все останавливались и любова-

Поэтому, когда Жанна во всеуслышание назвала его законным наследником, суеверный дофин как бы услышал в этих словах ответ на мучивший его вопрос и сразу почувствовал расположение к девушке.

лись им. И это вполне понятно: его высокая, могучая фигура резко выделялась среди низкорослых французских дворянчиков, затянутых в пошлые французские курточки, считавшиеся весьма модными в то время.

Щеголь Паладин сразу же стал общим любимцем маленькой деревушки, ютившейся под угрюмыми башнями и бастионами замка Кудре; он был признан героем таверны, находившейся внизу при гостинице. Стоило ему раскрыть рот, и вокруг него сразу же собиралась толпа зевак. Простодушные ремесленники и крестьяне слушали его, затаив дыхание: он много путешествовал и видел свет – по крайней мере тот, что находился между Шиноном и Домреми, – они же не надеялись увидеть и столько; он побывал в сражениях и умел великолепно описывать бой, полный драматических эпизодов и потрясающих неожиданностей; вымысла у него хватало с избытком. Словом, Паладин был павлином среди кур, постоянным героем дня и привлекал посетителей, как мед привлекает мух, за что и стал баловнем трактирщика, его жены и дочери, наперебой старавшихся ему угодить.

Большинство людей, обладающих даром красноречия – талант, встречающийся довольно редко, – как правило, имеют один существенный недостаток: рассказывая об одном и том же много раз, они часто повторяются и всегда испытывают страх показаться скучными и не понравиться публике. Но с Паладином дело обстояло иначе, – он обладал особым, утонченным даром красноречия. Слушать его рассказы о сражениях в десятый раз было даже интереснее чем в первый: он никогда не повторялся, а всегда выдумывал новое сражение, еще более эффектное, с большими потерями, разрушениями и бедствиями в стане врагов, со значительным количеством вдов и сирот, с невероятными страданиями местных жителей. А чтобы не перепутать разные сражения, он давал им определенные названия. И когда о каждом из них было подробно рассказано не менее десяти раз, он забывал о них, переходя к новому названию, так как для всех предыдущих просто не хватало места на территории Франции и рассказчик начинал чувствовать, что перехлестывает через край. Но аудитория не очень-то ему позволяла подменять старые сражения, считая их наиболее совершенными и никак не желая их улучшать, поскольку в этом нет никакой надобности. Таким образом, вместо того чтобы сказать ему, как сказали бы другому: «Дай что-нибудь посвежее, мы уже устали от твоих старых, побасенок», все в один голос заявляли: «Расскажи нам еще раз о победе под Болье – повтори это три или четыре раза!» Такому комплименту мог бы позавидовать любой краснойбай со дня сотворения мира.

Когда Паладин услышал от нас впервые о великолепной аудиенции у короля, он чуть не лопнул с досады, сожалея, что не был приглашен. На другой день, немного успокоившись, Паладин заговорил о том, что бы он сделал, если бы ему удалось там побывать. А еще через день он уже вообразил, будто и в самом деле был на приеме у короля, рассказывая интересные подробности об этой встрече. Его мельница заработала вовсю, и ничто не могло ее остановить. На три вечера пришлось оставить в покое сражения, потому что поклонники Паладина, увлекшись его рассказами о королевской аудиенции, ни о чем другом и слушать не хотели. Если бы их лишили этого удовольствия, в таверне поднялся бы бунт.

Ноэль Ренгессон, спрятавшись поблизости, следил за Паладином и сразу же обо всем мне сообщил. Тогда мы вместе, подкупив хозяйку гостиницы, забрались в ее комнатку, откуда сквозь щель в дверях можно было превосходно слушать и наблюдать.

Таверна находилась в большом зале и выглядела довольно уютно: на красном кирпичном полу в живописном беспорядке были расставлены заманчивые маленькие столики, а в огромном камине, потрескивая, пылал огонь. Тепло и приятно было сидеть там в ненастные мартовские вечера, и веселая компания, по-приятельски болтая между собой, охотно собиралась на огонек и потягивала вино в ожидании рассказчика. Хозяин с хозяйкой и их красивая дочь суетились у столиков, стараясь получше обслужить посетителей. В зале, площадью около сорока квадратных футов, в центре оставалось свободным небольшое пространство – почетное место для Паладина. В конце зала возвышался небольшой помост шириной в десять-двенадцать футов, на котором стояли столик и кресло; на помост вели три ступеньки.

В числе завсегдатаев таверны было немало знакомых лиц: сапожник, лекарь, кузнец, колесный мастер, оружейник, пивовар, ткач, булочник, подручный мельника в запыленной мукой

куртке и другие. Но самым заметным и почетным лицом был, конечно, цирюльник, в случае необходимости заменявший зубного врача. Почти в каждом селе имеются такие люди, и все они похожи друг на друга. Вырывая клиентам зубы, давая им слабительное и пуская взрослым кровь для поддержания их здоровья, он знал всех наперечет и, благодаря беспрерывным контактам с людьми разных сословий, слыл знатоком этикета, умел вести себя в обществе и обладал незаурядным красноречием. Кроме него, здесь было много носильщиков, гуртовщиков, подмастерьев и прочих тружеников, жаждущих отдыха.

Когда в таверну неторопливо и с достоинством вошел Паладин, его встретили с распростертыми объятиями; цирюльник поднялся и приветствовал его тремя изящными светскими поклонами и даже прикоснулся губами к его руке. Затем он громогласно предложил подать Паладину пина, и когда дочь хозяина принесла на площадку вино и, раскланявшись, удалилась, цирюльник вернул ее и дополнительно заказал вина за свой счет. В зале раздались возгласы одобрения, что весьма понравилось цирюльнику, и его мышинные глазки заблестели. Такое одобрение и восторг вполне понятны, ибо, совершая красивый, благородный поступок, мы определенно можем рассчитывать, что он не останется незамеченным.

Цирюльник попросил всех встать и выпить за здоровье Паладина. Собравшиеся выпили с радостью и от всей души, чокаясь оловянными кубками и провозглашая тосты. Нельзя не удивляться, как мог этот молодой бахвал завоевать себе такую популярность в чужом краю и в такое короткое время. Он добился успеха только лишь своим языком и данной от бога способностью умело пользоваться им, – сначала просто способностью, которая, однако, со временем увеличилась по много раз, благодаря ловкости, опыту и наращиванию за счет чужих мыслей с правом применения их по собственному усмотрению со всеми вытекающими отсюда выгодами.

Публика уселась и застучала кубками по столам, выкрикивая: «Про аудиенцию у короля! Про аудиенцию у короля!» Паладин стоял в своей излюбленной позе, лихо сдвинув набекрень огромную шляпу с пером, перекинув через плечо плащ, опираясь одной рукой на эфес рапиры, а другой сжимая наполненный кубок. Когда шум утих, он отвесил полный достоинства поклон, которому неизвестно когда и где научился, затем поднес кубок к губам и, запрокинув голову, осушил его до дна. Цирюльник вскочил, снова наполнил кубок и поставил его на стол. А Паладин, выпятив грудь, начал расхаживать по помосту. Он был в отличном настроении и говорил на ходу, изредка останавливаясь и поворачивая лицо к публике. Так мы провели три вечера подряд. Видимо, было что-то привлекательное в рассказах Паладина, отличающее их от обыкновенного вранья, и эта привлекательность, по всей вероятности, заключалась в непосредственности рассказчика. Он лгал вдохновенно и сам верил своим выдумкам. Для него все сказанное являлось непреложной истиной, и если он иногда путался и преувеличивал, то и в таких случаях не терялся, а придавал сказанному видимость факта. Он вкладывал всю душу в свои удивительные истории, как поэт вкладывает душу в героическую поэму, и его искренность обезоруживала критику, – во всяком случае, обезоруживала настолько, насколько это было необходимо Паладину. Никто не верил его рассказам, но все знали, что он не сомневается ни в чем.

Он врал так убежденно, так спокойно и так искусно, что иногда со стороны даже трудно было заметить, в чем он неправ. В первый вечер он говорил о коменданте Вокулера просто как о коменданте; во второй вечер назвал его своим дядей, а в третий – родным отцом. Он даже не сознавал своей непоследовательности; слова непринужденно, сами по себе срывались с его языка. В первый вечер он говорил о том, что комендант просто включил его в отряд Девы. Во второй вечер он утверждал, что дядюшка комендант направил его в отряд Девы в качестве офицера охраны. А в третий вечер оказалось – любезный папаша отдал в его распоряжение весь отряд, включая и юную Деву. В первый вечер комендант говорил о нем, как о молодом человеке, без роду и племени, но подающем большие надежды. Во второй вечер милый дядюшка говорил о нем, как о последнем, наиболее выдающемся отпрыске, происходящем по прямой линии от одного из самых знатных, титулованных двенадцати паладинов Карла Великого. А в третий вечер дорогой отец неоспоримо доказал, что его сын – потомок всей этой дюжины. За три вечера граф Вандомский превращался сначала в близкого знакомого, затем – в школьного товарища и наконец – в шурина.

То же самое было и с рассказами об аудиенции у короля. Сначала о нашем шествии возвещали четыре серебряные фанфары, затем – тридцать шесть и, наконец – девяносто шесть. К этому времени количество литавр и барабанов возросло так, что зал, в котором происходила аудиенция, пришлось расширить с пятисот футов до девятисот, иначе они бы не вместились. В такой же степени увеличивалось и количество людей.

В первые два вечера Паладин ограничился тем, что с чудовищными преувеличениями описал главные драматические моменты приема, в третий вечер его рассказ сопровождался наглядными иллюстрациями. Для этого Паладин усадил цирюльника в кресло, стоявшее на помосте, предложив ему изображать мнимого короля; затем рассказал, как весь двор с огромным интересом и еле сдерживаемой насмешкой наблюдал за поведением Жанны, ожидая, что она легко попадет в расставленную ловушку и, под дружный хохот присутствующих, растеряется и опозорит себя. Эту сцену он разыграл так, что довел публику до состояния лихорадочного возбуждения, после чего приступил к исполнению лучшего номера своей программы. Обратившись к цирюльнику, он сказал:

– Но вы заметьте, что она сделала. Она пристально, посмотрела в лицо этому самозванному негодяю, вроде как я сейчас смотрю на вас, точно с такой же, как у меня, простой, но величественной осанкой. Затем она повернулась в мою сторону – вот так! – протянула руку – вот так! – и, указывая на меня перстом, произнесла тем твердым, звучным голосом, каким обычно подавала команду войскам: «Убери-ка мне этого обманщика с трона!» Я рванулся вперед – смотрите, смотрите! – схватил его за воротник и поднял, как младенца. – Тут вся публика повскакивала с мест, крича, стуча, хлопая в ладоши, восхищаясь ловкостью и мощью Паладина; никто не смеялся, даже вид невзрачного, самодовольного цирюльника, повисшего над столом как щенок, схваченный за шиворот, не вызывал улыбки. – Потом, – продолжал рассказчик, – я поставил его на ноги – вот так! – и собирался схватить еще крепче, чтобы выбросить в окно, как вдруг вмешалась Жанна, попросила пощадить мерзавца и таким образом спасла его от смерти. Затем она повернулась кругом, обводя публику своими ясными, лучистыми глазами, сквозь которые, как сквозь окна, ее бессмертный ум взирает на мир, осуждая господствующую в нем несправедливость и озаряя его светом правды. И вдруг ее взгляд упал на молодого, скромно одетого человека, в котором она сразу узнала того, кого искала. «Ты – король, – воскликнула она, – а я твоя смиренная служанка!» Все были поражены; все шесть тысяч человек подняли в зале невообразимый шум; от криков и возгласов задрожали стены замка.

В заключение Паладин превосходно изобразил возвращение нашей делегации, преувеличивая до невозможности оказываемые нам почести; он снял с пальца медное кольцо от ручки хлыста, которое, насколько я знаю, дал ему утром конюх в замке, и закончил так:

– Король простился с Жанной весьма милостиво, в соответствии с ее заслугами, и, обратившись ко мне, сказал: «Возьми это кольцо, сын паладинов, и смело приходи ко мне с ним, когда будешь испытывать нужду. И смотри, – добавил он, коснувшись перстом моего лба, – береги эту голову: она еще понадобится Франции, и я предвижу то время, когда в один прекрасный день ее увенчает герцогская корона». Я взял кольцо, преклонил колени и, облобызав руку короля, воскликнул: «Ваше величество, мое призвание – война, моя стихия – опасность и смерть. Когда Франции и престолу потребуются моя помощь... Впрочем, я не хочу хвастать и терпеть не могу хвастунов, пусть лучше за меня говорят мои дела. Только об этом я и прошу». Так кончился сей памятный и счастливый эпизод, столь важный для будущего короны и нации. Возблагодарим же бога! Встаньте и наполните свои кубки! Выпьем за прекрасную Францию и ее короля!

Все осушили кубки до дна, и гром восторженных оваций продолжался не менее двух минут. Герой Паладин, торжествуя, стоял на подмостках и блаженно улыбался.

Глава VIII

Когда Жанна открыла королю тайну его душевных терзаний, все его сомнения рассеялись. Он поверил, что она действительно послана богом, и, если бы придворные оставили его в покое, он сразу разрешил бы ей исполнить ее миссию. Но его не оставляли в покое. Де ла Тремуиль и

эта хитрая Реймская лисица, этот святоша, прекрасно понимали, с кем имеют дело. Они сказали королю то, что сочли нужным:

– Вы утверждаете, ваше величество, что «голоса» ее устами поведали вам тайну, которую знали только вы да бог. Но откуда вам известно, что сии «голоса» не от сатаны и что она не выражает его волю? Разве сатана, постигнув тайны людей, не использует свои знания для искушения душ человеческих? Сие весьма опасно, и ваше величество поступило бы разумно, не предпринимая никаких действий без тщательного расследования.

Этого было достаточно. Трусливая душа короля содрогнулась от ужаса, и он тотчас же втайне назначил комиссию из епископов для ежедневных посещений и опроса Жанны, пока не выяснится, откуда исходит ее сверхъестественная сила – с небес или из ада.

Родственник короля герцог Алансонский, три года находившийся в плену у англичан, недавно освобожден, дав обещание представить значительный выкуп; и когда громкое имя и слава Девы коснулись его ушей – ведь о ней теперь говорили всюду, – он приехал в Шинон, чтобы собственными глазами взглянуть на это чудо. Король послал за Жанной и представил ее герцогу. Она приветствовала герцога со своей обычной простотой:

– Добро пожаловать. Чем больше благородной французской крови присоединится к нашему делу, тем лучше для дела и для нас.

Герцог и Жанна обменялись мнениями, и их свидание завершилось тем, чего и следовало ожидать, – герцог стал ее другом и сторонником.

На следующий день Жанна присутствовала на королевской мессе, по окончании которой обедала вместе с королем и герцогом. Король научился ценить ее общество, и это вполне понятно: подобно многим королям, он не находил ничего привлекательного в обществе своих подданных, слушая их осторожные, бесцветные речи, обильно разбавленные лестью и славословием. Их болтовня, как правило, раздражала и утомляла короля. Но беседы с Жанной были особенными, полными свежести, новизны, искренности, благородства, прямоты, лишенными заискивания, робкой настороженности и скованности. Она всегда говорила то, что думала, говорила просто и откровенно. Можно смело утверждать, что для короля беседы с Жанной были словно ключевая вода для запекшихся уст путника, привыкшего, блуждая в бескрайних равнинах, утолять жажду водой из пересыхающих луж.

После обеда на лугу перед Шинонским замком Жанна в присутствии короля так очаровала герцога искусством верховой езды, ловкостью и умением обращаться с копьём, что король в знак своего благоволения подарил ей великолепного вороного коня.

Каждый день епископы являлись к Жанне, подробно расспрашивая о «голосах» и о ее миссии, а затем возвращались и докладывали обо всем королю. Но это назойливое любопытство авторитетной комиссии не приносило пользы. Жанна высказывалась сдержанно, храня в себе свои заветные мысли. Не достигали цели ни угрозы, ни хитрости: она не боялась их и искусно обходила ловушки, оставаясь при этом чистой и простодушной, как ребенок. Жанна знала, что епископы подсланы королем, что их вопросы – это вопросы самого короля, и что, согласно законам и обычаям, на них нельзя не отвечать; и все же однажды за королевским столом она с подкупающей наивностью заявила, что отвечает лишь на те вопросы, которые считает уместными.

Наконец, епископы пришли к заключению, что они не в состоянии определить, кем послана Жанна – богом или сатаной. Как видите, они поступили осторожно. При дворе существовали две могущественные партии; и если бы они вынесли определенное решение, то навлекли бы на себя гнев одной из них. Поэтому они сочли наиболее благоразумным избежать ответственности, что им и удалось легко сделать. Они заявили, что дело Жанны не входит в их компетенцию, и посоветовали передать его в руки ученых и знаменитых богословов университета в Пуатье. После этого епископы удалились, дав краткое показание, внушенное им разумным поведением Жанны; они сказали, что она «кроткая и простая пастушка, чистосердечная, но не словоохотливая».

С их точки зрения, это было правдой. Но если бы они могли оглянуться назад и увидеть ее вместе с нами на мирных лугах в Домреми, они бы убедились, что Жанна не была лишена дара речи и умела говорить прекрасно, когда ее слова никому не причиняли вреда.

Итак, мы отправились в Пуатье еще на три недели томительных проволочек, в течение которых бедную девушку допрашивали и изматывали перед многочисленным судилищем – кого? Быть может, военных экспертов, поскольку она прибыла просить о предоставлении ей войска и о разрешении повести его в бой против врагов Франции? О нет! То было грозное судилище из священников и монахов, хитроумных ученых казуистов, именитых профессоров богословия! Вместо того чтобы созвать военных экспертов для выяснения, может ли юная воительница одерживать победы, была учреждена коллегия из мракобесов, схоластов и фразеров, чтобы выяснить, достаточно ли она, как воин, сильна в благочестии и не заражена ли ересью. Это похоже на то, как если бы в доме завелись крысы и все пожирали, а хозяева, вместо того чтобы освидетельствовать когти и зубы кошки, лишь занялись бы выяснением, благочестива ли данная кошка. И если бы данная кошка оказалась благочестивой, святой и высоконравственной – тогда все в порядке; что касается других ее качеств, они никого не интересовали.

Жанна была так мила, спокойна и полна самообладания перед этим суровым трибуналом со всеми его формальностями, торжественностью и пышностью церемониалов, что создавалось впечатление, будто она явилась сюда как зритель, а не как подсудимая. Она сидела одиноко на своей скамье, нисколько не волнуясь, и своей возвышенной простотой приводила в замешательство мужей науки. Эта простота была той каменной стеной, о которую разбивались, не причиняя вреда, коварство, хитрость и доводы ученых. Они не могли разбить эту маленькую крепость – безмятежное, доброе сердце Жанны, ее чистую душу, стоявшие на страже ее великого призвания.

На все вопросы она отвечала откровенно; Жанна рассказала подробно о своих видениях, беседах с ангелами и о том, что они ей говорили. Ее речь была так непосредственна, так искренна, так серьезна и правдоподобна, что даже мрачный трибунал, задумавшись, сидел молча и, как очарованный, внимал ей. Если вы не верите моему свидетельству, обратитесь к истории, и вы найдете там показания одного свидетеля, данные под присягой на Процессе по реабилитации Жанны. Он показал, что она рассказывала о себе «с благородной простотой и достоинством», а в отношении эффекта, который вызывали ее рассказы, его показания полностью подтверждают то, о чем я пишу. А было ей в то время всего семнадцать лет, и она сидела одинокая на скамье перед судьями. Однако она не пугалась, а смотрела прямо в лицо этому сборищу знатоков права и богословия. В своих доказательствах она не прибегала ни к искусству, ни к учености, которыми не обладала, а действовала лишь очарованием, данным ей природой: своей юностью, своей искренностью, своим нежным, мелодичным голосом и красноречием, исходившим прямо из сердца. Именно этим она и очаровала их. А разве вас это не трогает? Если бы я мог, я бы описал вам все так, как видел, и я представляю себе, что бы вы тогда почувствовали.

Как я уже вам сказал, она не умела читать. Однажды они до того утомили ее доводами, рассуждениями, возражениями и многословными, пустыми цитатами, почерпнутыми из трудов тех или иных знаменитых богословов, что она, наконец, не выдержала и, резко повернувшись к ним, сказала:

– Я не могу отличить букву А от буквы Б, но я знаю одно: я послана отцом небесным освободить Орлеан от английского владычества и возложить в Реймсе корону на голову короля, а все то, о чем вы тут толкуете, не имеет значения!

Безусловно, эти дни были днями тяжелого испытания для нее и для всех, кто имел отношение к этому делу; но ее участь была самой незавидной: ей не давали ни отдыха, ни покоя; Жанна должна была быть всегда настороже и переносить изнурительные перекрестные допросы; когда один инквизитор сменялся другим, он мог отдыхать, она же оставалась на месте. Однако Жанна преодолевала усталость и редко теряла самообладание. Она выдерживала трудные испытания бодро, терпеливо, скрепящая оружие с выдающимися мастерами ученых поединков и всегда выходя из боя без единой царапины.

Однажды член трибунала, доминиканец, задал ей вопрос, возбуждавший всеобщее любопытство. Я задрожал от страха, полагая, что теперь бедная Жанна попадет в ловушку, ибо ответить на такой каверзный вопрос было невозможно. Хитрый доминиканец начал издали, небрежно, притворяясь, что его слова не имеют никакого значения:

- Ты утверждаешь, что бог повелел освободить Францию от английского владычества?
- Да, господь повелел.
- Ты желаешь получить войско, чтобы освободить Орлеан, не так ли?
- Да, и чем быстрее, тем лучше.
- Господь всемогущ и может свершить все, что пожелает, не так ли?
- Безусловно. Никто не сомневается в этом. Доминиканец быстро поднял голову и в упор

задал ей вопрос, о котором я упоминал:

– В таком случае отвечай мне: если господу угодно спасти Францию и если он властен свершить все, что пожелает, какая тогда надобность в войске?

По залу прокатилась волна всеобщего изумления; люди наклонились вперед, насторожились и замерли в ожидании ответа, а доминиканец самодовольно покачивал головой и оглядывался по сторонам, следя за выражением, лиц. Но Жанна не растерялась. Она ответила сразу, и в ее голосе никто не смог уловить ни малейшего признака тревоги:

– Бог помогает тому, кто помогает сам себе, – сказала она. – Сыны Франции будут сражаться, а господь дарует им победу!

Выражение восторга, словно луч солнца, промелькнуло на всех лицах. Даже хмурый доминиканец улыбнулся, видя, как мастерски отражен его рассчитанный удар, и я лично слышал, как почтенный епископ вымолвил слова, вполне соответствующие данному случаю: «Клянусь богом, дитя сказало правду. Господь повелел сразить Голиафа и послал ребенка, и ребенок сразил его!»

В другой раз, когда следствие чересчур затянулось и все устали – не так допрашиваемая, как сами судьи, – брат Сегюэн, профессор богословия университета в Пуатье, человек желчный и язвительный, начал снова допрашивать Жанну ехиднейшими вопросами на ломаном французском наречии (он был родом из Лиможа). Он спросил:

– Как ты могла понимать ангелов? На каком языке они говорили?

– На французском.

– Неужели? Отраднo слышать, что наш язык в таком почете среди небожителей! На чистейшем французском языке?

– На чистейшем.

– На чистейшем? Гм... Ну, конечно, кому же знать, как не тебе? Вероятно, даже на лучшем, чем говоришь ты?

– Не знаю, не сравнивала, – ответила Жанна и, немного подумав, добавила: – Во всяком случае, произношение у них было лучше, чем у вас!

И я заметил, как в ее глазах, при всей их невинности, вспыхнул задорный огонек. Все засмеялись. Брат Сегюэн был уязвлен. Он гневно спросил:

– Ты веришь в бога?

Жанна ответила с поразительной невозмутимостью:

– Больше, чем вы.

Сегюэн потерял терпение, задал ей еще несколько каверзных вопросов и наконец с раздражением воскликнул:

– Знай же, самозванная блюстительница благочестия: милосердный господь не допустит, чтобы в тебя уверовали без знамения. Яви нам свое знамение! Покажи его!

Это задело Жанну, она порывисто встала и энергично возразила:

– Я не для того прибыла в Пуатье, чтобы показывать знамения и творить чудеса. Пошлите меня в Орлеан, и у вас будет достаточно знамений. Дайте мне войско, большое или малое, и поскорее отпустите меня!

Ее глаза засверкали. О милая героиня! Вы представляете ее себе? По залу пронесся гул одобрения, и она, покраснев, села на место: не в ее натуре было обращать на себя внимание.

Этот ее новый ответ и остроумное замечание по поводу французского произношения брата Сегюэна могли бы вызвать в нем ненависть, но придиричивый богослов был смелым и добросовестным человеком. Исторические факты говорят: на Процессе по реабилитации он не скрыл подробностей своей злополучной беседы с Жанной, а дал правдивое и честное показание.

В последние дни этой трехнедельной сессии облаченные в мантии профессора и богословы, объединившись, начали общее наступление, стремясь подавить Жанну возражениями и вескими аргументами, почерпнутыми из авторитетных творений отцов римской церкви.

Казалось, она будет побеждена, но Жанна не падала духом и сама перешла в наступление.

– Послушайте! – сказала она. – Писание господне выше тех сочинений, которые вы здесь упоминаете, и я придерживаюсь его. И я говорю вам: в этой святой книге есть то, что вы не сможете прочесть при всей вашей учености!

С самого начала следствия она жила в доме любезно пригласившей ее госпожи де Рабато, жены советника городского парламента²³ в Пуатье. В этом доме по вечерам собирались знатные дамы города, чтобы увидеть Жанну и побеседовать с ней. И не только дамы, но и почтенные законоведы, советники парламента и седовласые ученые из университета. Эти серьезные люди, привыкшие взвешивать, анализировать и всесторонне рассматривать каждое странное явление и во всем сомневаться, по вечерам приходили к Жанне, подпадая все больше и больше под влияние того таинственного, необъяснимого очарования, которым она была так богато наделена. Прелесть и сладостное обаяние этой девушки, которое признавали и чувствовали решительно все, от простых людей до высшей знати, волнующее и непостижимое, победило наконец упорство мужей науки. Они сдались, заявив в один голос: «Эта девушка действительно послана богом».

Весь день Жанна, в соответствии со строгими правилами судебной процедуры, была в невыгодном положении; судьи поворачивали дело по-своему. Вечером же роли менялись: она сама превращалась в судью и председательствовала в трибунале. Ее речь текла свободно, и те же самые судьи с увлечением внимали ее словам; и все препятствия, с таким трудом воздвигнутые ими в течение дня, вечером рушились. Наконец, очарованные силой ее убеждения, судьи единогласно вынесли оправдательный приговор.

Это было захватывающее зрелище! С какой тревогой забились сердца, когда председатель суда, развернув пергамент, поднялся со своего места! Зал был переполнен, даже городская знать далеко не вся могла присутствовать в зале. Сначала были выполнены торжественные церемонии, обязательные и обычные в те времена; затем, когда зрители успокоились, был зачитан приговор, каждое слово которого, вонзаясь в глубокую тишину, было отчетливо слышно во всех концах зала.

«Установлено и настоящим объявляется, что Жанна д'Арк, прозванная Девой, является истинной христианкой и хорошей католичкой; что ни в ней, ни в ее словах нет ничего противного вере; что король может и должен принять ее помощь, ибо отвергнуть ее – значит нанести оскорбление святому духу и сделать короля не достойным помощи божьей».

Судьи направились к выходу, и зал разразился бурей рукоплесканий. Радость и восторг охватили всех. Я потерял из виду Жанну, – ее поглотил людской поток, хлынувший к ней, чтобы поздравить с успехом и благословить святое дело освобождения Франции, отныне торжественно и безвозвратно отданное в маленькие женские руки.

Глава IX

Поистине это был великий день и восхитительное зрелище. Жанна победила! Де ла Тремуиль и другие ее недоброжелатели совершили большую ошибку, позволив ей выступить по вечерам в суде.

Комиссия из духовных лиц, посланная в Лотарингию якобы для того, чтобы собрать сведения о прошлом Жанны, а в сущности, чтобы затянуть время, истощить ее терпение и заставить

²³ ...советника городского парламента. — Парламенты в средневековой Франции — высшие суды, формально пользовавшиеся значительными политическими правами. Они существовали во Франции вплоть до французской буржуазной революции 1789 года. В описываемое Твеном время в Пуатье своего парламента не было, но в нем — в одном из немногих городов, еще подвластных французской короне, — сосредоточились многие из эвакуировавшихся учреждений, в частности парламенты Парижа и Бордо.

отказаться от намеченной цели, – вернулась назад и сообщила, что личность Жанны не вызывает подозрений. Теперь/как видите, дела у нас пошли на лад.

Народ ликовал. Мертвая Франция сразу ожила, молва докатилась до отдаленнейших уголков страны, и все воспрянули духом. И если раньше, доведенные до отчаяния, запуганные, люди опускали головы и шарахались в сторону, когда с ними заговаривали о войне, теперь эти люди без всякого принуждения спешили сами стать под знамена Девы из Вокулера; воинственные песни и гром барабанов сотрясали воздух. И мне вспоминаются замечательные слова, сказанные Жанной еще в деревне, когда я на основании фактов и статистики доказывал ей, что дело Франции безнадежно проиграно и никто не в состоянии пробудить угнетенный народ от летаргического сна:

«Он услышит бой барабанов и откликнется – встанет под развевающиеся знамена и с честью выступит на защиту родины!»

Говорят, беда одна не приходит. Это изречение в равной степени применимо и к удаче. Счастье нам улыбалось, мы пожинали плоды все новых и новых успехов. Например: часть духовенства серьезно сомневалась в том, может ли церковь позволить женщине-воину одеваться в мужское платье. Вскоре был издан специальный указ. Двое из самых знаменитых ученых богословов того времени – один из них был ректором Парижского университета – решили: поскольку Жанна «должна исполнять обязанности мужчины и воина, то справедливо и законно, чтобы ее наряд соответствовал ее положению».

Это было большим достижением – добиться у церковных властей дозвола для Жанны одеваться по-мужски. Действительно, счастье хлынуло на нас потоком. Не говоря уже о мелких волнах удач, я хочу вам рассказать об одной большой волне, которая нас, людей маленьких, хлестнула с такой силой, что мы едва не захлебнулись от радости. В день закрытия судебной сессии к королю вместе с приговором были посланы курьеры, и на следующий день утром в морозном воздухе раздались пронзительные звуки трубы. Насторожившись, мы стали считать: раз, два, три – пауза; раз, два – пауза; потом снова – раз, два, три. Тогда мы выбежали на улицу. Мы знали, что так трубят только тогда, когда королевские герольды собираются объявить народу важный указ. Когда мы вышли, народ валил отовсюду, из всех улиц и переулков; мужчины, женщины, дети бежали возбужденные, раскрасневшиеся, набросив на себя что попало и одеваясь на ходу; пронзительные звуки трубы не умолкали; толпа увеличивалась и, наконец, заполнила всю главную улицу. Мы с трудом добрались до площади, битком набитой народом, и там, на высоком пьедестале огромного креста, увидели герольда в сверкающих одеждах, окруженного слугами. И герольд начал читать громким голосом:

– Настоящим доводится до всеобщего сведения: августейший великий государь Карл, милостью божией король Франции, соблаговолил даровать своей любезной подданной Жанне д'Арк, прозванной Девой, титул, жалованье, власть и полномочия главнокомандующего французской армии...

Тысячи шапок взлетели в воздух, толпа разразилась бурей одобрительных возгласов, которым, казалось, не будет конца. Когда же воцарилась тишина, герольд снова приступил к чтению и закончил так:

–...А ее помощником и начальником штаба назначается принц королевского дома, его высочество герцог Алансонский!

Едва он закончил чтение, как новый взрыв одобрительных возгласов раздался на площади, стремительными потоками разлился по улицам и охватил весь город от края до края.

Жанна – командующий всеми войсками Франции, а принц королевской крови – ее подчиненный! Вчера она была никем, а сегодня поднялась на вершину величия. Вчера она не была даже сержантом, капралом, рядовым солдатом, а сегодня ей доверили всю полноту власти. Вчера она значила меньше, чем самый заурядный новобранец, а сегодня ее приказания стали законом для Ла Гира, Сентрайля, принца Орлеанского и для всех других выдающихся ветеранов и прославленных воинов. Я думал только об этом, пытаюсь постичь странное, удивительное событие, которое свершилось на моих глазах.

Мысленно я перенесся в прошлое и увидел картину, до сих пор столь свежую и яркую в

моей памяти, словно все случилось только вчера, хотя в действительности относилось к первым числам января месяца. Какую же картину я представил себе? Я увидел перед собой крестьянскую девушку из глухой деревушки, лет семнадцати от роду, никому не известную, как будто она жила на другом полушарии. Она подобрала и принесла домой бедное, маленькое существо – голодного, брошенного котенка, приласкала, накормила его, и котенок доверчиво свернулся у нее на коленях, мурлыкал и дремал, а она вязала грубый шерстяной чулок и думала, – о чем? – кто знает? И вот не успел еще котенок превратиться во взрослую кошку, как девушка, спасшая его от гибели, стала главнокомандующим, а его высочество принц оказался в ее подчинении. Она поднялась, как солнце над просторами ее родных полей, и стала видимой всем, во всех уголках отечества! У меня кружилась голова, когда я размышлял об этом, – так все это было странно и необычно.

Глава X

Жанна продиктовала письмо английским военачальникам в Орлеане с требованием сдать все крепости, находящиеся в их руках, и уйти из Франции, – это было ее первое официальное действие. Видимо, она обдумала все заранее, потому что слова лились из ее уст совершенно свободно, слагаясь в яркие, сильные выражения. Впрочем, Жанна могла и не обдумывать заранее: она всегда отличалась быстротой соображения и красноречием, и эти способности особенно развились в ней в последнее время. Письмо предполагалось немедленно послать из Блуа. Теперь появились в изобилии и люди, и провиант, и деньги. Жанна избрала Блуа сборным пунктом и центром снабжения, передав его под командование Ла Гира.

Великий бастард – отпрыск герцогского дома, правитель Орлеана, давно настаивал, чтобы Жанну прислали к нему. И вот от него опять прибыл гонец – старый воин д'Олон, доблестный офицер, человек весьма надежный и честный. Король задержал его и передал в распоряжение Жанны для использования в качестве ее личного мажордома; затем он поручил ей самой подобрать себе свиту, количеством и знатностью соответствующую ее высокому положению; одновременно с этим он приказал должным образом снабдить всех оружием, одеждой и лошадьми. Король сразу же заказал в Туре полный комплект вооружения для самой Жанны. Оно было из чистой стали, с богатой серебряной отделкой, расписано выгравированными девизами и отшлифовано, как зеркало.

«Голоса» поведали Жанне, что существует древний меч²⁴, спрятанный под алтарем церкви святой Екатерины в Фьербуа, и она послала де Меца разыскать его. Священники ничего не знали о его существовании, но меч действительно был найден в указанном месте, зарытым в землю на небольшой глубине. Он был без ножен и покрыт ржавчиной; священники очистили его и отослали в Тур, куда направились теперь и мы. Они вложили меч в новые ножны из пунцового бархата, а жители Тура сделали еще одни ножны из золотой парчи. Однако Жан-ил, желая всегда носить этот меч при себе в сражениях, сняла с него парадные ножны и заказала другие, из бычьей кожи. Многие полагали, что древний меч принадлежал Карлу Великому, но это осталось недоказанным. Я хотел было отточить его, но Жанна сказала, что это не обязательно, так как она не собирается никого убивать и будет носить меч только как символ власти.

В Туре она сама придумала себе знамя, а шотландский художник Джеймс Пауэр расписал его. Оно было из тонкой белой материи с шелковой бахромой. На знамени был изображен бог-

²⁴...существует древний меч. — В исторических источниках имеется много легенд о «чудесном» происхождении этого «священного» меча. Согласно этим легендам, святая Екатерина, явившись к Жанне, будто бы указала ей место, где зарыт старинный меч, которым был вооружен французский король Карл Мартелл в день битвы при Пуатье 700 лет тому назад (4 октября 732 г.), когда тяжелая конница франков разбила арабов и положила предел их дальнейшему продвижению в Европу. Считалось, что этот «священный» меч придаст ее рукам чудесную силу. Но некоторые историки находят объяснение этого эпизода в том, что все стены древней часовни св. Екатерины в Фьербуа были в те времена увешаны доспехами и оружием, которое французские воины оставляли там в качестве приношения по обету. Св. Екатерина считалась покровительницей воинов, особенно пленных и раненых, и оружие жертвовалось ей за удачный побег из плена или исцеление от ран.

отец, восседающий на троне из облаков с державой в руке; два ангела, преклонив колени, подавали ему лилии. Надпись на знамени состояла всего из двух слов: «Jesus, Maria»; на оборотной стороне была нарисована корона Франции, поддерживаемая двумя ангелами.

Она заказала себе также меньшее знамя, или хоругвь, с изображением ангела, подносящего лилию богородице.

В Туре царило необычайное оживление. То и дело раздавались звуки военной музыки, мерный топот марширующих войск, – рекрутов, уходивших в Блуа; днем и ночью не смолкали песни и громкое «ура!». Город был переполнен приезжими; постоянные дворы и улицы битком набиты; всюду замечалась суета приготовлений; у всех были веселые, довольные лица. Вокруг главной квартиры Жанны всегда толпились люди в надежде хоть мельком увидеть нового главнокомандующего, и когда им это удавалось, они приходили в восторг. Но Жанна показывалась редко; она была занята составлением плана кампании, выслушивала донесения, отдавала приказания, рассылала курьеров, а, кроме того, в свободные минуты принимала знатных посетителей, ожидавших ее в приемной. Даже мы, ее товарищи, видели ее редко, – настолько она была занята.

Настроение наше менялось: иногда нас окрыляла надежда, но чаще мы впадали в уныние. Жанна еще не набрала свою свиту, – и это нас беспокоило. Мы знали, что по этому поводу ее осаждали просьбами десятки желающих и что эти просьбы подкреплялись рекомендациями весьма влиятельных лиц, тогда как мы не пользовались ничьим покровительством. Она могла заполнить вакантные места знатными людьми, чьи родственники защитили бы ее и поддержали в любую минуту. Позволят ли ей при таких обстоятельствах соображения политического характера вспомнить о нас? Вот почему мы не разделяли в полной мере всеобщей радости, а скорее были подавлены и озабочены. Иногда мы сообща обсуждали наши жалкие шансы, стремясь по возможности представить их в розовых красках. Но одно лишь упоминание об этом приводило в уныние Паладина. Мы могли питать хоть какие-то надежды, ему же не на что было надеяться. Как правило, Ноэль Ренгессон старался избегать этого щекотливого разговора, но ни в коем случае не в присутствии Паладина. Однажды, когда мы предавались нашим грустным размышлениям, он сказал:

– Держись, Паладин! Вчера ночью мне приснился сон, будто ты единственный из нас всех получил назначение. Правда, оно не такое уж важное – что-то вроде лакея или повара, но все же назначение.

Паладин воспрянул духом и заметно повеселел, Он верил в сны и признавал сверхъестественное. Размечтавшись, он радостно воскликнул:

– Ах, если бы твой сон сбылся! Ты веришь в то, что он сбудется?

– Конечно. Я в этом абсолютно убежден: мои сны почти всегда сбываются.

– Я расцеловал бы тебя, Ноэль, если бы этот сон сбылся! Клянусь! Разве не замечательно быть слугой первого генерала Франции! Весь мир услышит об этом! А когда слух дойдет до деревни, все наши сельские остолопы, заявлявшие, что я ни к чему не способен, разинут рты от удивления. Думаешь, так не будет, Ноэль? Ты не веришь, Ноэль?

– Верю, верю. Вот тебе моя рука.

– Ноэль, если все это сбудется, я не забуду тебя до гроба. Пожми еще раз мне руку. Я надеюсь расшитою золотом ливрею. Услышав обо мне, эти сельские олухи скажут: «Как? Он слуга главнокомандующего и известен всему миру? Какое счастье! Вот уж, видно, чувствует себя на седьмом небе!»

Он принялся расхаживать взад и вперед, строя в своем воображении такие воздушные замки, что мы еле успевали следить за полетом его мечты. Вдруг лицо его омрачилось, радость исчезла, и он печально промолвил:

– Нет, мой дорогой, все это выдумка, этого никогда не будет. Я совсем забыл о глупой истории в городишке Туль. Все эти дни я старался не попадаться ей на глаза, надеясь, что она забудет и простит. Но я знаю, что она не простит. И все-таки я не виноват. Правда, я говорил, что она обещала выйти за меня замуж, но ведь меня подучили сказать это. Честное слово, подучили!

И этот здоровенный детина едва не расплакался. Почувствовав раскаяние, он пробормотал:

– Единственный раз соврал, и то...

Его раскаяние было встречено дружными насмешками. Не успел он начать вновь, как появился слуга д'Олона и сообщил, что нас вызывают в штаб. Все поднялись, и Ноэль сказал:

– Ага! Я вам что говорил? Мое предчувствие меня не подводит. Она собирается назначить его на какую-то должность. Нам нужно отправиться туда и выразить ему свое почтение. Вперед, ребята!

Паладин побоялся пойти, и нам пришлось оставить его одного. Когда мы предстали перед нею и толпой офицеров в блестящих мундирах, Жанна приветливо поздоровалась с нами и улыбаясь сказала, что всех нас зачисляет в свой личный штаб, ибо не желает разлучаться со своими старыми друзьями. Какой приятный сюрприз! Какая честь! И это в то время, когда на наши места можно было назначить лиц из весьма знатных и влиятельных фамилий. У нас не нашлось слов, чтобы выразить свою благодарность. Что мы перед ее величием! Мы один за другим шагнули вперед, и наш начальник д'Олон вручил нам назначения. Все получили почетные должности: самые высокие были пожалованы двоим, известным уже нам рыцарям; затем следовали оба брата Жанны; я назначался ее первым пажом и личным секретарем, а дворянин по имени Раймонд – ее вторым пажом; Ноэль стал ее курьером; потом следовали два герольда, а за ними Жак Паскерель, назначенный капелланом и раздатчиком милостыни. Еще раньше она назначила своего дворецкого и выбрала нескольких слуг.

Осмотревшись, Жанна спросила:

– А где же Паладин?

Сьер Бертран ответил:

– Он думал, что вы его не вызывали, ваше превосходительство.

– Нехорошо. Позовите его.

Паладин робко вошел и, не осмеливаясь подойти ближе, остановился у двери, смущенный и испуганный. Жанна ласково сказала:

– Всю дорогу я наблюдала за тобой. Ты начал плохо, но исправился. Раньше ты был пустым фантазером, но в тебе кроется настоящая храбрость, и я дам тебе возможность проявить ее.

Услышав такие слова, Паладин просиял от радости.

– Пойдешь ли ты за мной?

– В огонь и в воду, – ответил он. Тут я подумал: «Она превратила нашего болтуна в героя. Несомненно, это еще одно из ее чудес».

– Верю, – сказала Жанна. – Вот тебе мое знамя. Бери! Ты должен следовать за мной во всех походах и боях и, когда Франция будет спасена, вернешь его мне обратно.

Он взял знамя, являющееся сейчас самой драгоценной реликвией, сохранившейся от Жанны, и произнес дрожащим от волнения голосом:

– Если я когда-нибудь не оправдаю этого высокого доверия, пусть тогда мои товарищи покарают меня. Это право я оставляю за ними, зная, что у них не будет оснований воспользоваться им.

Глава XI

Домой мы с Ноэлем возвращались вместе; сначала шли молча, потрясенные тем, что произошло. Наконец, Ноэль не выдержал:

– Вообще, есть чему удивляться. Видал, как вознесли нашего медведя! Это что же, как в евангелии: первые станут последними, и наоборот?

– Действительно! Я все еще никак не могу опомниться. Ведь это одна из самых почетных должностей, какую она могла предложить.

– Да. Генералов много, и она может возвести в это звание любого, а знаменосец – один.

– Конечно! При главнокомандующем это самая видная должность!

– И добавь: самая завидная и почетная. На это место претендовали сыновья каких-то двух герцогов, как мы знаем. А что вышло? Посчастливилось лишь одной нашей ветряной мельнице. Подумать только – такое повышение!

– Просто непостижимо! Собственно говоря, это та же Жанна, только в малом масштабе.

– Ума не приложу, как это объяснить.

– По-моему, это не так уж и трудно. Ноэль посмотрел на меня с удивлением, словно желая убедиться – говорю я в шутку или всерьез.

– Я думал, – сказал он, – ты не умеешь быть серьезным, но, кажется, ошибся. Если ты можешь помочь мне разгадать эту загадку, пожалуйста. Я готов слушать.

– Пожалуй, да. Ты ведь знаешь, что у нашего глазного рыцаря голова не трухой набита, если уж он что говорит, то говорит с толком. Так вот, однажды, когда мы вместе ехали и рассуждали об исключительных дарованиях Жанны, он сказал: «Из всех ее дарований самое поразительное – зрение. У нее ясновидящее око». Не подумав, я ляпнул, как дурак: «Ясновидящее око? Ну и что тут особенного? Мы все не слепые». «Нет, – ответил рыцарь, – люди с таким зрением рождаются редко». Потом он разъяснил мне смысл своих слов, и я все понял. Он сказал, что обыкновенный глаз видит и судит только о внешней стороне явлений. А ясновидящее око проникает в сущность человека, раскрывает его сердце и душу, обнажает его способности и возможности, именно то, что недоступно обычному глазу. Он добавил, что даже величайший полководец потерпит неудачу и ничего не добьется, если у него нет дара ясновидения. Иначе говоря, грош ему цена, раз он не умеет разбираться в людях и не в состоянии безошибочно оценить своих подчиненных. Он интуитивно чувствует, что один силен в стратегии, другой без раздумья готов броситься в огонь, третий обладает необыкновенной настойчивостью и упорством. Каждого он ставит на свое место и благодаря этому выигрывает. Командир же, лишенный этого дара, все путает и терпит поражение. Он, конечно, был прав, отзываясь так о Жанне, и я это понимал. Помнится, когда еще она была ребенком, однажды ночью к нам забрел бродяга. Все мы, в том числе и ее отец, приняли его за мошенника, а она под жалкими лохмотьями его одежды угадала честного человека. Или вот еще случай: как-то давным-давно, на обеде у коменданта Вокулера я ничего особенного не заметил в наших двух рыцарях, хоть проговорил с ними добрых два часа. Жанна же, побыв там каких-нибудь пять минут и не обменявшись с ними ни словом, сразу увидела в них достойных и преданных людей. И она не ошиблась – ее определение подтвердилось полностью. А кого она направила в Блуа укрощать этих омерзительных рекрутов, бандитов и убийц, сбежавших туда из бывших шаек Арманьяка. Кого? Конечно, самого сатану – Ла Гира, этого грозного льва войны, отъявленного забияку, беспощадного громилу, извергающего, как Везувий, неслыханные проклятия и богохульства. Кто же, как не он, справится с этой толпой неистовствующих дьяволов? Кто это умеет лучше него? Никто. А почему? Да потому, что он сам – дьявол из дьяволов, равен им всем, вместе взятым, и к тому же, вероятно, приходится отцом большинству из них. До своего прибытия в Блуа Жанна временно назначила его командовать ими, а потом?.. О, потом она возьмется за этих молодчиков сама и приберет их к рукам, это уж наверное, или я совсем не знаю ее, несмотря на долгие годы близкого общения. Предвкушаю изумительное зрелище! Небесное создание в белых латах подчинит себе эту дрянь, это сборище оборванцев, эти отбросы общества.

– Ла Гир! – воскликнул Ноэль, – наш прославленный герой! Как бы я хотел увидеть его!

– И я тоже. Его имя волнует меня с самого детства. – Вот бы услышать, как он ругается!

– Еще бы! Лучше слушать его ругань, чем чью-либо молитву. И в то же время он – сама наивность и простодушие. Однажды, будучи обвиненным в грабежах, он сказал: «Если б сам бог был солдатом, он бы тоже грабил!» Вот вам и Ла Гир-этот «гнев божий». Лично я считаю его самым подходящим человеком для временного командования в Блуа, Как видишь, ясновидящее око Жанны заметило и его.

– А теперь вернемся к начатому разговору. Я с чистой душой отношусь к Паладину, и не потому, что он просто славный малый, а потому, что он – мое детище. Это я сделал его таким ветрогоном и самым первым хвастуном и лгуном в королевстве. Я рад за него, хоть и не обладаю ясновидящим оком. Но я бы никогда не назначил его на самую ответственную должность в армии. Он бы отправился у меня в тыл добивать раненых и снимать одежду с убитых.

– Что ж, поживем – увидим. Жанна, видимо, знает, где он сможет лучше проявить себя. А теперь послушай. Когда такая авторитетная личность как Жанна д'Арк говорит о человеке, что он храбр, человек верит ей, и этого достаточно. Действительно, достаточно поверить в то, что ты

храбр, и ты будешь храбрым. В этом вся соль.

– Ты попал в точку! – воскликнул Ноэль. – Дело в том, что у нее не только ясновидящее око, но и животворные уста. Францию уладили и поработили, но стоило Жанне д'Арк поднять свой голос, как Франция воспрянула духом и с гордо поднятой головой идет в поход.

Но тут меня неожиданно вызвали к Жанне. Она собиралась продиктовать письмо.

На следующий день портные сшили нам новое обмундирование, и мы получили новые доспехи. Теперь на всех нас приятно было взглянуть, независимо от того, пойдём мы на войну или нет. В богатом мундире из дорогого сукна Паладин возвышался над нами, как башня, и его великолепный костюм отливал всеми цветами радуги в лучах заходящего солнца. Форма вполне мирная, но такие воинские атрибуты, как перья на шлеме, расшитый пояс, железный панцирь и латы, придавали ему еще более статный и внушительный вид.

К этому времени был отдан приказ – идти в Блуа. Наступило утро, ясное утро с легким морозцем. Наш разросшийся отряд двинулся рысью, колонной по два: впереди Жанна с герцогом Алансонским, за ними – д'Олон вместе с нашим рослым знаменосцем, а потом все остальные; картина живописная, можете себе представить. Когда мы прокладывали путь сквозь восторженные толпы народа, Жанна в шапочке с павлиньими перьями непринужденно кланялась направо и налево. Лучи солнца, ослепляя, отражались от ее серебряного панциря. Народ понимал, что перед ним раздвигается занавес и начинается первый акт невиданной доселе драмы, и в нем пробудились надежды. Энтузиазм нарастал с каждой минутой, пока, наконец, не вылился в громовое «ура». Из отдаленного конца улицы до нас донеслись неясные звуки военного марша, и вскоре мы увидели отряды копьеносцев, двигавшихся нам навстречу; солнце играло тусклыми бликами на бесчисленных панцирях, время от времени вспыхивая ослепительными искрами на остриях отточенных копий; казалось, на нас надвигается звездная туманность, а над ней – яркое, созвездие. То был наш почетный караул. Он присоединился к колонне, и шествие замкнулось. Итак, занавес раздвинулся – начался первый боевой поход Жанны д'Арк.

Глава XII

Мы пробыли в Блуа три дня. О, этот лагерь! Я храню воспоминания о нем, как драгоценный клад. Вы спрашиваете о порядке? Какой там порядок! Среди этих разбойников порядка было не более, чем в стае волков или гиен. Они буянили, пьянствовали, сквернословили, горланили, проводили время в грубых и непристойных играх. Лагерь кишел распутными молодками; в бесстыдстве они ни в чем не уступали мужчинам: предавались шумной гульбе, ругались и безобразничали.

И вот среди этой разнузданной толпы мы с Ноэлем впервые увидели Ла Гира. Он оказался таким, каким мы его и представляли: огромного роста, воинственной осанки, закованный в броню с головы до ног. На шлеме у него развевался султан из перьев, на боку висел большой старинный меч. Ла Гир направлялся к Жанне, чтобы официально ей представиться, и, проходя по лагерю, наводил порядок, оповещая, что Дева прибыла и что в присутствии предводителя армии он не потерпит, чтобы в лагере был такой ералаш. Нещадно бранясь, он наводил порядок особым, присущим ему одному способом – с помощью своих увесистых кулаков. Он то и дело пускал их в ход. Удар – и человек валился с ног.

– Как ты стоишь, чертова образина? – гремел Ла Гир, разражаясь бранью. – Главнокомандующий в лагере, а у вас все шиворот-навыворот. Подтянись! Равняйся! – рычал он и одним ударом валил свою жертву с ног. Что в таком случае означало его «равняйся», оставалось его личным секретом.

Мы следовали за нашим богатырем до самого штаба, не переставая слушать, наблюдать, восхищаться. Вы скажете, нас разбирало любопытство? Да. Ведь он был любимым героем всех мальчишек Франции от колыбели до этого счастливого дня, нашим общим кумиром и гордостью. Я вспомнил, как еще в Домреми, на выгоне, Жанна упрекала Паладина за непочтительный отзыв о таких великих людях, как Ла Гир и бастард Орлеанский, при этом она сказала, что сочла бы за счастье взглянуть на них хоть одним глазком. Для Жанны и всех девочек он был таким же

предметом увлечения, как и для мальчиков.

И вот, наконец, один из этих героев предстал! И в качестве кого? Трудно поверить, но факт налицо: он шел, чтобы обнажить перед ней голову и выслушать ее приказания.

И пока Ла Гир неподалеку от штаба умирал банду разнузданных рекрутов своим особым способом, мы направились взглянуть на только что прибывших знаменитых полководцев, составлявших свиту Жанны. Их было шестеро, прославленных командиров французских войск. Все они были красавцами в своих великолепных латах, но самым красивым, самым стройным из всех оказался главный адмирал Франции.

Когда Ла Гир вошел, он изумился при виде необыкновенной красоты и молодости Жанны. По ее веселой улыбке можно было догадаться, что она счастлива встретиться, наконец, с любимым героем своего детства. Ла Гир, держа шлем в руке, одетой в стальную перчатку, низко поклонился и отрывисто произнес краткую, сердечную приветственную речь, на этот раз уже без ругани. Мы заметили, что они сразу понравились друг другу.

Вскоре официальное представление окончилось и все разошлись. Ла Гир остался. Как давние друзья, они сидели за столом, пили вино, весело смеялись и мирно беседовали. Потом она отдала ему, как начальнику лагеря, несколько распоряжений, от которых у него захватило дух. Жанна начала с того, что приказала немедленно выгнать из лагеря всех гуляющих женщин, всех до единой, прекратить попойки и кутежи, водворить порядок и дисциплину. Его изумление достигло предела, когда она заявила:

– Каждый, кто становится под мое знамя, обязан побывать на исповеди у священника и получить отпущение грехов, и все рекруты должны дважды в день присутствовать на богослужении.

От этих слов Ла Гир чуть не выскочил из своих доспехов. Некоторое время он не мог вымолвить ни слова, потом проговорил в глубоком унынии:

– О милое дитя мое, ведь все они нечестивцы, эти мои птенчики. Ходить молиться? Зачем же это, душа моя? Да они скорее пошлют нас всех к чертовой бабушке!

И он продолжал говорить и говорить, изливая потоки брани и хулы, приводя различные доводы, которые развеселили Жанну и заставили смеяться так, как она еще не смеялась со времен Домреми, когда резвилась на лугах. Нельзя было не радоваться, глядя на нее.

Она все-таки настояла на своем, и суровый воин сдался. Воскликнув «слушаюсь!» и добавив, что готов повиноваться ее приказаниям, Ла Гир пообещал сделать все от него зависящее. Потом, отведя душу лавиной бурных проклятий, сказал, что в своем лагере свернет голову каждому, кто не пожелает очиститься от грехов и не начнет вести благочестивую жизнь. Его слова снова рассмешили Жанну. Все это ее страшно забавляло. Но она не согласилась с его способом обращения грешников в праведников: они должны были пойти на это добровольно.

Тут уже Ла Гир не возражал, но пояснил, что будет расправляться не с добровольцами, а только с теми, кто откажется повиноваться. «Не надо убивать ни тех, ни других», – сказала она. Жанна не могла допустить подобных действий. Призывать человека добровольно вступить в армию, а за несогласие или неподчинение грозить ему смертью, – это что же – принуждение? А она хотела, чтобы человек был всецело свободен в своем выборе.

Ла Гир вздохнул и обещал подумать о богослужениях, усомнившись, однако, что в его лагере найдется солдат, способный пойти в церковь с меньшим отвращением, чем он сам. Тогда Жанна поднесла ему новый сюрприз, заявив:

– И вы пойдете, милый человек!

– Я? Никогда! Чепуха!

– Нет, не чепуха. Два раза в день вы будете слушать мессу.

– Уж не сон ли это? А может, я пьян или туговат на ухо? Нет, да я скорее пойду к...

– Куда угодно. Но с завтрашнего утра вы начнете. Сначала будет трудно, а потом станет легче. Не огорчайтесь. Скоро это войдет в привычку.

Ла Гир попытался превратить все в шутку, но из этого ничего не вышло. Он тяжело вздохнул и печально произнес:

– Так и быть, сделаю это ради вас; для кого-нибудь другого ни за что бы этого не сделал,

будь я проклят...

– Не надо проклятий. Бросьте. – Бросить? О, это невозможно! Никак невозможно, ваше превосходительство, это мой родной язык.

Он так настойчиво молил о снисхождении, что Жанна частично уступила, разрешив клясться своим генеральским жезлом – символом дарованной ему власти.

Он сказал, что будет применять эту клятву, но только лишь в ее присутствии, в других же местах останется самим собой. Но он не был уверен, что выполнит свое обязательство, – так все это уже вошло у него в привычку и являлось, пожалуй, единственным утешением в его преклонные годы.

Этот грозный старый лев вернулся к себе хотя и не укрощенным окончательно, но все же значительно смягчившись. Мы с Ноэлем думали – достаточно ему освободиться от влияния Жанны, как он снова попадет в плен своих прежних привычек и ни за что не пойдет к мессе. На следующее утро мы встали пораньше, чтобы убедиться в правильности своих заключений.

И что же? Он действительно направлялся в церковь. Мы не поверили своим глазам. Угрюмый и мрачный, Ла Гир широко шагал, стараясь изо всех сил придать своему лицу набожное выражение. Он рычал и изрыгал ругательства, как сущий дьявол. Это еще раз подтверждало давно известную истину: всякий, кто слушал голос Жанны д'Арк и смотрел ей в глаза, становился точно околдованным ею и больше не владел собой.

Вот вам наглядный пример превращения порока в добродетель. За Ла Гиrom последовали и остальные, Жанна разъезжала на коне по всему лагерю, и где бы ни появлялась ее стройная юная фигурка в сверкающих латах, ее милое личико, озаренное приветливой улыбкой, – грубым солдатам всюду казалось, что сам бог войны в образе человека спустился с облаков. Это было изумительно и вызывало обожание. И тогда Жанна могла делать с ними все, что хотела.

За три дня в лагере был наведен образцовый порядок, – дикие варвары, как благовоспитанные дети, два раза в день являлись к мессе. Гулящих женщин в лагере не стало. Ла Гир удивлялся всему этому и ничего не понимал. Он уходил подальше от лагеря всякий раз, когда хотел отвести душу руганью. Это был грешник по своей натуре и привычкам, питавший, однако, суеверное уважение к священным местам.

Армия преобразилась. Восторженные чувства к Жанне, преданность ей и горячее желание сразиться с врагом, которое она разожгла в солдатах, превзошли все, виденное Ла Гиrom за его многолетнюю службу. Он не находил слов, чтобы выразить свое восхищение и удивление перед этим чудом таинственных превращений. Раньше он презирал это войско, теперь же гордился им, уверенный в его мощи и сплоченности. Ла Гир говорил:

– Два дня тому назад они боялись кудахтанья курицы, а теперь с ними можно отправиться штурмовать врата самого ада.

Жанна и Ла Гир были неразлучны. Какой приятный и вместе с тем разительный контраст они представляли! Ла Гир-громадного роста, Жанна – маленькая и хрупкая; он – преклонных лет и почти седой, она – в первом цветении юности; его лицо – бронзовое, испещренное шрамами, ее – такое прекрасное, румяное, свежее и чистое; она – такая добродушная, он – такой суровый и строгий; она – воплощение невинности, он – вместилище грехов и пороков. Ее глаза светились милосердием и состраданием; его – метали молнии гнева. Ее взгляд пробуждал в душе человека умиротворение и покой, его же, наоборот, – повергал всех в ужас.

Несколько раз в день они объезжали лагерь, и ничто не ускользало от их внимательного взгляда. Они осматривали каждый уголок, наблюдали, исследовали, давали указания. Их появление вызывало всеобщий восторг. Два всадника, две такие непохожие фигуры: одна – исполинская, полная богатырской мощи; другая – маленькая, грациозная и прелестная; он – крепость из ржавого железа, она – сияющая статуэтка из серебра. При виде их бывшие разбойники и злодеи произносили с благоговейным трепетом:

– Смотрите! – ангел божий в сопровождении дьявола.

В эти три дня, проведенные нами в Блуа, Жанна усердно старалась обратить Ла Гиру на путь благочестия, очистить его от грехов, вдохнуть в его мятежное сердце смирение и кротость веры. Она настаивала, убеждала, просила его молиться. Но он не сдавался и все три дня слезно

упрашивал оставить его в покое, избавить его только от одного, только от одного, совершенно для него невозможного – от молитвы. Он готов был на все, только не на это. Любой приказ он выполнит. Одно слово Жанны – и он бросится в огонь. Только не это, только не это – он не может молиться, никогда не молился, не знает, как и о чем молиться.

И все-таки – поверьте – ее настойчивость увенчалась полной победой. Она заставила Ла Гиру молиться. Мне кажется, это свидетельствует о том, что для Жанны д'Арк не было ничего невозможного. Да, он встал перед ней, сложил перстами вместе свои одетые в железо ручки и стал молиться. То была своеобразная, ни у кого не заимствованная молитва. Он сочинил ее сам, без посторонней помощи. Вот ее слова: «Боже милосердный, прости Ла Гиру то, что простил бы тебе Ла Гир, если бы ты был Ла Гиром, а Ла Гир богом»²⁵.

После чего он надел шлем и, четко отбивая шаг, вышел из шатра Жанны, довольный собой, как будто совершил рискованное и трудное дело к обоюдному удовольствию.

Если бы я знал об этом, мне бы сразу стало понятным его приподнятое настроение, но я не мог и подумать.

В это время я направлялся в шатер и видел, как оттуда размашистым шагом вышел Ла Гир и торжественно удалился прочь. Зрелище поистине великолепно! Но у входа в шатер я остановился и, потрясенный, отступил назад. Я услышал совершенно явственно рыдания Жанны, прерывистые рыдания, полные боли и, как мне показалось, смертельного ужаса. Но я ошибся: она хохотала, хохотала до слез над молитвой Ла Гиры.

Лишь через тридцать шесть лет мне удалось узнать об этом, и только тогда я мог впервые пролить слезы умиления, вспоминая картину беззаботного веселья юности. Эта картина выплыла, как из тумана, и предстала перед моим взором, возвращая меня в далекое, неповторимое прошлое, ибо вскоре наступил день, когда смех, этот прекрасный дар, посланный нам свыше, навсегда оставил меня.

Глава XIII

Мы выступили объединенными силами, с большой пышностью, и направились к Орлеану. Наконец-то первая заветная мечта Жанны начала сбываться! Впервые в жизни мы, юноши, увидели настоящую армию, и ее вид произвел на нас внушительное, неизгладимое впечатление. Как все это было интересно! Бесконечная колонна войск терялась в необозримой дали, продвигаясь вперед по извилинам дороги, словно исполинская змея. Во главе ехала Жанна со всем своим штабом; далее следовала группа священников, распевавших «Veni Creator»²⁶, несущих хоругвь со знаменем креста; а за ними – необозримый лес сверкающих копий. Некоторые дивизии возглавлялись прославленными арманьякскими генералами, в число которых входили: Ла Гир, маршал де Буссак²⁷, сьер де Рец²⁸, Флоран д'Илье²⁹ и Потон де Сентрайль.

Каждый из них был по-своему смел, дерзок и груб, но Ла Гир превосходил всех. В сущно-

²⁵ В течение 460 лет эту молитву присваивали себе различные народы. Но первоначальный текст ее принадлежит Ла Гиру. Это подтверждают документы, хранящиеся в национальных архивах Франции. Это подтверждает и Мишле. (Примечание М.Твена.) (Жюль Мишле (1798-1874) — известный французский историк, автор многотомных трудов по истории Франции — книг, по которым М.Твен проверял достоверность описываемых им в романе событий Мишле за свои Демократические и антиклерикальные взгляды после поражения революции 1848 г. подвергался преследованиям и был лишен кафедры в Парижском университете.)

²⁶ «Явился господь» (лат.)

²⁷ *Маршал де Буссак*. — Жан де Бросс, сеньор де Буссак (1375? — 1433), один из маршалов Франции в эпоху Столетней войны, участвовал в большинстве сражений с англичанами при короле Карле VII.

²⁸ *Сьер де Рец* — Жиль де Рец (в некоторых исторических документах — сьер де Рэ, — 1404—1440) — также маршал французских войск.

²⁹ *Флоран д'Илье* (1401—1459) — французский полководец, военачальник наемных гасконских отрядов.

сти, это были знаменитые, признанные разбойники; вследствие долгой привычки к беззаконию они совершенно утратили способность повиноваться, да и вряд ли у них была такая способность. Король строго-настрого приказал им «во всем слушаться Жанны, ничего не предпринимать без ее ведома и согласия».

Напрасные усилия! Для этих вольных птиц не существовало законов. Они редко слушались даже самого короля и никогда не подчинялись ему, если это их не устраивало. И теперь повиноваться Деве? Во-первых, они вообще не умели повиноваться ни ей, ни кому-либо другому; во-вторых, разве могли они относиться всерьез к военным способностям этой деревенской семнадцатилетней девчонки, которая училась сложному и кровавому военному ремеслу – где? На пастбищах, присматривая за овцами.

Они и не думали повиноваться ей, за исключением тех случаев, когда собственный опыт и знания подсказывали им, что требования Жанны правильны, разумны и не противоречат логике военного дела. Подлежат ли они осуждению? Думаю, что нет. Закаленные, бывалые воины – люди практичные и сообразительные. Не так-то легко поверить в способность неопытной девушки составлять планы кампаний и командовать войсками. Ни один генерал в мире не мог отнестись к Жанне серьезно (с военной точки зрения) до тех пор, пока она не сняла осаду Орлеана и не отличилась в боях на Луаре.

Быть может они не считались с ней? Далеко не так. Они дорожили Жанной, как плодородная земля дорожит солнцем, и надеялись, что с ее помощью урожай будет богатым, но снимать его надлежит им, а не ей. Они чувствовали к Жанне глубокое, суеверное почтение, полагая, что она в состоянии свершить нечто сверхъестественное, в чем они сами были бессильны. Да, она может вдохнуть жизнь и храбрость в жалкие остатки их поверженных армий и превратить солдат в героев.

По их мнению, с Жанной они были все, без нее – ничто. Конечно, она могла вдохновить солдат и сделать их боеспособными, но сражаться самой? – Чепуха! Это уж дело генералов. Будут драться они, генералы, и под водительством Жанны придут к победе. Таковы были их суждения – подсознательный вывод из ее ответа доминиканцу.

И они пошли на хитрость. Жанна ясно представляла себе картину будущих военных действий. Она намеревалась смело двинуться на Орлеан по северному берегу Луары. Такой приказ она и отдала генералам. Но они решили про себя: эта мысль – безумие, это грубая ошибка; ничего другого и нельзя было ожидать от ребенка, не разбирающегося в военном искусстве. Они тайком донесли об этом бастарду Орлеанскому. Тот также признал план нелепым – во всяком случае, таково было его мнение – и неофициально посоветовал генералам не подчиняться приказу.

Так они и поступили, обманув Жанну. Она же верила этим людям и не ожидала такого коварства, не была готова к нему. Это было хорошим уроком; она поняла, что доверяться никому не следует.

Почему же с точки зрения генералов ее план казался безумным? Да потому, что она хотела снять осаду немедленно, вступив в открытый бой, между тем как генералы собирались зажать неприятеля в кольцо, перерезать коммуникации и только потом, обессилив противника голодом, освободить город штурмом. Осуществление такого плана заняло бы многие месяцы.

К этому времени англичане возвели вокруг Орлеана несколько грозных фортов, именуемых «бастилиями», которые закрывали собой все городские ворота, кроме одних. Мысль прорваться сквозь эти крепости и ввести войска в Орлеан для французских генералов казалась нелепой, ибо, полагали они, это приведет к гибели всей армии. Несомненно, это было разумно с военной точки зрения, то есть было бы разумно, если бы не одно важное обстоятельство. Дело в том, что английские, солдаты были охвачены суеверным страхом: они верили, что Дева в союзе с самим сатаной. Поэтому мужество покинуло их, а силы иссякли. Солдаты же Девы, наоборот, были сильны, бодры и полны энтузиазма.

Жанна вполне могла бы пройти мимо английских фортов. Однако ее планам не суждено было осуществиться: Жанну обманули и лишили возможности в борьбе за освобождение родины нанести первый мощный удар по врагу.

В ту ночь она спала в лагере прямо на голой земле, не снимая доспехов. Ночь была холод-

ная, и когда рано утром мы снова двинулись в поход, ее лицо было иссинясерым, под цвет кольчуги, которая заменяла ей одеяло. Но радостная мысль, что она близка к осуществлению своей цели, была тем пламенем, которое сразу согрело и ободрило ее.

Ее воодушевление и нетерпение возрастали с каждой милей пути. И вот, наконец, мы достигли Оливе, прошли его, и там эти чувства сменились негодованием. Жанна увидела, какую злую шутку сыграли с ней: нас от Орлеана отделяла река.

Жанна считала необходимым атаковать один из трех фортов, находящихся на нашей стороне реки, взять этот форт и тем самым прорваться к мосту, который он прикрывал. Этот план, в случае удачи, немедленно снял бы осаду Орлеана. Но прочно укоренившийся страх перед англичанами охватил французских полководцев, и они всячески отговаривали ее от этой попытки. Солдаты рвались в бой, но им пришлось пережить горькое разочарование. Тогда мы двинулись дальше и остановились только в пункте, лежащем напротив Шеси, в шести милях выше Орлеана.

Дюнуа, бастард Орлеанский, в сопровождении рыцарей и дворян вышел из города, чтобы приветствовать Жанну. Все еще пылая гневом от сыгранной с нею злой шутки, Жанна не была расположена к мирной беседе даже с высокочтимыми кумирами своего детства.

– Вы бастард Орлеанский? – спросила она.

– Да, я. Очень рад вашему прибытию.

– Не вы ли посоветовали привести меня на этот берег, вместо того чтобы ударить англичанам в лоб и разгромить Тальбота?

Ее резкость смутила его, и он не мог ответить с честной прямоотой; запинаясь и оправдываясь, он кое-как вышел из затруднительного положения, признав, что он и совет поступили так, руководствуясь особыми тактическими соображениями.

– Поймите же, бога ради, – продолжала Жанна, – совет небесный надежнее и умнее вашего. Вы думали обмануть меня, но обманулись сами. Ведь я оказываю вам такую помощь, какую не получал еще ни один самый доблестный рыцарь, ни один из городов Франции. Это помощь господня, и господь посылает ее вам не из-за любви ко мне, а из милости к вам. По заступничеству святого Людовика и святого Карла господь сжалился над Орлеаном и не позволит нечестивому врагу, глумиться над герцогом Орлеанским³⁰ и его городом. Провиант для спасения голодающих жителей здесь, лодки – на реке за городом, вниз по течению, но нет попутного ветра, и они не могут подняться сюда. А теперь скажите мне, бога ради, вы, которые так мудры: о чем думал ваш совет, принимая такое неразумное решение?

Дюнуа и все остальные впали в замешательство и вскоре вынуждены были признать, что допустили оплошность.

– Да еще какую! – сказала Жанна. – И пока господь бог не возьмется за ваше дело сам, не изменит направление ветра и тем самым не исправит вашу преступную ошибку, – осажденному городу помочь нельзя.

Некоторые из них начали сознавать, что при всем своем неведении тонкостей военного искусства она обладает практическим умом и здравым рассудком и, владея природным обаянием, она не из тех, над кем можно шутить.

Вскоре господь бог счел за благо исправить ошибку, и по его воле ветер подул в другую сторону. Благодаря этому флотилия лодок, груженная провизией и скотом, поднялась по реке и доставила долгожданный провиант голодающему городу. Вылазка из города на форт Сен-Лу успешно прикрыла эту операцию.

Жанна опять обратилась к бастарду:

– Вы видите армию?

– Да.

– Она на этом берегу согласно решению вашего совета?

– Да.

³⁰...не позволит нечестивому врагу глумиться над герцогом Орлеанским. — Речь идет о Карле Орлеанском (1391—1465), двоюродном брате Карла VII, который был пленен англичанами в битве при Азенкуре в 1415 г. и провёл в плену почти двадцать пять лет. В 1439 г. был выкуплен.

– Ради бога, скажите теперь: может ли ваш мудрый совет объяснить, почему ей лучше находится здесь, а не на дне морском?

Дюнуа начал путаться, стараясь объяснить необъяснимое и оправдать непростительное, но Жанна резко прервала его:

– Ответьте же мне, милостивый государь, чего стоит наша армия, находясь по эту сторону реки?

Дюнуа согласился, что войска бесполезны, особенно если учесть план кампании, разработанный Жанной и доведенный до его сведения.

– И зная это, вы все же решились не подчиниться моему приказу? Так как место армии не на этом берегу, а на том, не скажете ли вы, как перебросить ее туда?

Вредная путаница была разоблачена окончательно. Увертки оказались излишними. И Дюнуа высказал мысль, что единственно правильный выход из создавшегося положения – это отправить армию обратно в Блуа, все начать заново и появиться на противоположном берегу реки, в соответствии с первоначальным планом.

На ее месте любая другая девушка, одержавшая такую победу над знаменитым воином, участником многих сражений, торжествовала бы, и это было бы ей простительно, но Жанна не возгордилась. Она лишь выразила сожаление, что так неразумно тратится драгоценное время, и тут же приказала повернуть войска обратно. Ей было больно видеть, как уходили войска; она говорила, что ее солдаты преисполнены решимости и высокого героизма и что с такой армией за плечами она не побоится встретиться лицом к лицу со всем могуществом Англии. Распорядившись о возвращении главных сил армии, Жанна взяла с собой Дюнуа, Ла Гиру и еще около тысячи человек и направилась в Орлеан, все жители которого с лихорадочным нетерпением ждали ее появления. Было часов восемь вечера, когда она со своим отрядом вступила в Бургундские ворота. Впереди с развевающимся знаменем двигался Паладин. Жанна ехала на белом коне и держала в руке священный меч из Фьербуа. Посмотрели бы вы, что творилось тогда в Орлеане! Что это было за зрелище! Черное море человеческих голов, мерцающее пламя факелов, гулкие раскаты восторженных приветствий, трезвон колоколов и грохот пушек! Казалось, наступает светопреставление. И всюду, освещенные факелами, нескончаемые ряды людей с поднятыми вверх мертвенно-бледными лицами, с широко раскрытыми ртами – возбужденная толпа, кричащая и плачущая от счастья. Жанна медленно продвигалась среди встречающих, выстроившихся шпалерами по обеим сторонам улиц, и ее фигурка, закованная в броню, напоминала серебряную статую, возвышавшуюся над морем человеческих голов. А вокруг теснились люди – мужчины и женщины, – взиравшие восхищенными, блестящими от слез глазами на это небесное видение. Благодарный народ целовал ей ноги, а те, кто не имел такого счастья, старались дотронуться хотя бы до ее коня и потом целовали свои пальцы.

Ни одно движение Жанны не оставалось незамеченным: каждый ее жест обсуждался и сопровождался рукоплесканиями. Со всех сторон только и слышалось:

– Смотрите, она улыбается!

– Она снимает пернатую шапочку и машет кому-то! Как это красиво, как благородно!

– Смотрите, смотрите: гладит женщину по голове!

– Она прирожденный всадник! Как она держится в седле, как поворачивается! Глядите, она целует рукоятку меча и посылает воздушный поцелуй дамам, осыпающим ее цветами из окна!

– Какая-то бедная мать протягивает ей ребенка. Она целует ребенка! Это просто божественно!

– Как она изящна! А какое милое лицо! Сколько в нем радости и жизни!

Но тут случилось неожиданное: высоко поднятое знамя Жанны покачнулось, и его бахрама загорелась от факела. Жанна рванулась вперед и затушила пламя рукой.

– Она не боится огня, она ничего не боится! – раздался общий крик, и взрыв восторженных рукоплесканий всколыхнул воздух.

Жанна проехала к собору и воздала благодарение богу. Народ, собравшийся на площади, присоединился к ее молитвам. Потом она снова медленно стала пробираться сквозь толпу и лес пылающих факелов к дому Жака Буше, казначея герцога Орлеанского. Там она должна была

остановиться в качестве гостя жены казначея и проживать в одной комнате с его юной дочерью. Народное ликование длилось до утра под торжественный звон колоколов и пушечные салюты.

Первое действие великой драмы началось. Жанна д'Арк вышла на сцену и была готова приступить к исполнению своей роли.

Глава XIV

Жанна была готова, но, к сожалению, ей пришлось сидеть сложа руки и ждать, пока не вернется войско.

На следующее утро, в субботу 30 апреля 1429 года, она занялась наведением справок о гонце, которому поручила доставить из Блуа свое послание англичанам, то самое, которое она продиктовала еще будучи в Пуатье. Ниже приводится копия письма. Этот замечательный документ интересен со многих точек зрения: он написан с большой прямоотой и откровенностью, ярким, убедительным языком и проникнут наивной верой в возможность решения великой задачи, которую Жанна поставила перед собой, или, если хотите, которую поставили перед ней. В этом документе вы видите величественные картины сражений и слышите барабанную дробь. В нем ясно выступает воинственная душа Жанны, и на некоторое время образ маленькой, кроткой пастушки исчезает из поля вашего зрения. Эта неграмотная деревенская девушка, не имеющая понятия о том, как нужно диктовать, а тем более сочинять официальные документы, адресованные королям и полководцам, находит целый ряд убедительных доводов и составляет послание с такой легкостью, словно это было ее привычным занятием с самого детства.

Вот этот документ:

«Именем Иисуса Христа и пресвятой Девы Марии, король Английский, и вы, герцог Бедфордский³¹, именуемый себя правителем Франции, и вы, Вильям де ла Поль³², граф Суффольк, и вы, Томас, лорд Скейлс, именуемый себя заместителем Бедфорда! Исполните волю Царя Небесного! Возвратите Деве, посланной богом, ключи от всех благоденственных городов Франции, которые вы покорили и осквернили. Она послана всемогущим богом, дабы восстановить права королевской крови. Она вполне готова заключить мир, если вы оставите Францию, уплатив компенсацию за ущерб, причиненный вами стране. А вы, воины, товарищи по оружию, знатные рыцари и простые солдаты, расположившиеся у врат благородного города Орлеана, послушайте Деву и расходитесь с богом по домам, а не то – ждите грозных вестей от Девы, которая не замедлит явиться на страх и на погибель вашу. Если же вы, король Английский, не исполните этого, то я, как главнокомандующий, всюду, где только ни встречу ваших людей, буду изгонять их из Франции, не считаясь с тем, хотят они этого или нет, и, если они не послушаются, я истреблю их всех до единого. Если же они подчинятся, я пощажу их. Я послана сюда господом богом и буду драться не на жизнь, а на смерть, пока не изгоню вас из пределов Франции, несмотря на все козни и происки врагов и изменников королевства. Не надейтесь, что Царь Небесный, сын

³¹ *Герцог Бедфордский*. — Джон Плантагенет (1389—1435) — потомок королей Англии династии Плантагенетов, брат английского короля Генриха V. После смерти Генриха V он провозгласил королем Англии и Франции малолетнего Генриха VI, опекуном которого являлся. Будучи регентом Франции во второй период Столетней войны, Бедфорд в союзе с герцогами Бургундским и Бретонским успешно сражался с французскими войсками. В конце 20-х годов испытывал серьезные затруднения в пополнениях своих экспедиционных сил.

³² *Вильям де ла Поль* (Уильям Пуль) — граф, впоследствии герцог Суффольк. После Бедфорда командовал английскими войсками, осаждавшими Орлеан, но был вынужден отступить под ударами войск Жанны д'Арк. В битве под Жаржо английские войска под его командованием были ею же наголову разбиты, а сам граф Суффольк вместе с братом Александром де ла Полем (по другим источникам, — Джоном Пулем) был захвачен в плен, но вскоре отпущен без выкупа по приказу Карла VII. В 1451 году по обвинению в лихоимстве и измене был казнен на эшафоте в Лондонском Тауэре.

пресвятой Девы Марии, даст вам возможность вечно владеть королевством. Король Карл VII будет владеть им, ибо такова воля божья, возвещенная ему устами Девы. Если вы не верите вести Всевышнего, ниспосланной людям при посредстве Девы, то всюду, где бы мы ни встретили вас, мы будем драться бесстрашно и покажем такую доблесть, какой не ведала Франция за свою тысячу лет. И пусть никто не сомневается, что бог дарует Деве больше силы, чем вы в состоянии выставить против ее отважных воинов, и тогда мы увидим, кто прав, – Царь Небесный или вы, герцог Бедфордский. Дева молит вас не навлекать на себя собственной гибели. Если вы поистине справедливы, то вы можете вместе с нею пойти в тот край, где французы совершат такие ратные подвиги, каких еще не видел христианский мир за всю свою историю. Если же вы откажетесь следовать за нею, то скоро вам будет воздано по заслугам за ваши чудовищные злодеяния».

В заключительных словах она приглашала англичан объединиться и пойти с нею в крестовый поход за освобождение гроба господня.

На ее послание ответа не последовало, а сам гонец не возвратился. И теперь она послала двух своих герольдов с новым письмом, в котором требовала от англичан, чтобы они сняли осаду и вернули обратно гонца. Герольды возвратились ни с чем. Они только сообщили, что англичане грозят в скором времени схватить Жанну и сжечь ее живьем, если она не уберется сейчас же, пока есть возможность, и не вернется к своему прежнему занятию – пасти коров. Жанна сохранила спокойствие, выразив сожаление, что англичане своим упорством сами навлекают на себя беду, между тем как ею предпринимается все, чтобы они смогли уйти отсюда под добрым поздравом.

И Жанна решила пойти еще на одно условие, которое, как ей казалось, могло быть принято англичанами, – она обратилась к герольдам:

– Ступайте назад и скажите лорду Тальботу³³ от моего имени следующее: «Выходите из своих фортов со всем своим войском, а я выйду со своим. Если я побью вас, тогда уходите из Франции с миром; если же вы побьете меня, то сожгите меня живьем, как вы того желаете».

Я не слышал этих слов, но их слышал Дюнуа и передал мне. Это предложение было также отклонено.

В воскресенье утром «голоса» или какой-то внутренний инстинкт подсказали ей послать Дюнуа в Блуа возглавить командование и поспешить вместе с армией в Орлеан. Это был разумный шаг, так как там он застал Рено де Шартра и несколько других негодяев, баловней короля, которые из кожи лезли вон, чтобы развалить армию и помешать военачальникам Жанны начать наступление. Эти выродки были способны на все. Теперь они взялись за Дюнуа, пытаясь склонить его на свою сторону, но тот, уже однажды обманув Жанну с неприятными для себя последствиями, не пожелал впутываться в грязные дела. Он двинул войска на Орлеан.

Глава XV

До возвращения армии мы, приближенные Жанны, несколько дней жили как в сказке. Мы были приняты в обществе. Нашим обоим рыцарям это было не в диковинку, зато нам, молодым крестьянским парням, все казалось новым и чудесным. Приближенные Девы из Вокулера, даже самые незначительные, пользовались большим почетом, и нас везде приглашали; таким образом братья д'Арк, Ноэль и Паладин, скромные крестьяне у себя дома, здесь стали господами, важными и влиятельными особами. Приятно было видеть, как быстро их деревенская робость и неук-

³³ *Лорд Тальбот*. — Джон Тальбот, граф Шрусбери (1373? —1453) — английский полководец, известный своим бесстрашием и агрессивностью. С 1417 года принимал длительное и почти непрерывное участие в Столетней войне и много раз был главнокомандующим английскими войсками во Франции. До появления Жанны д'Арк одержал над французами ряд побед. Был разбит Жанной д'Арк под Орлеаном, в крепости Менг и на равнине Бос, где он был ранен и сдался в плен, но французский король вскоре освободил его без выкупа.

люжестъ таяли и исчезали под благодатными лучами всеобщего уважения и как легко они осваивались с новым положением. Паладин был на седьмом небе от счастья. Он не давал своему языку ни покоя, ни отдыха, с утра до вечера наслаждаясь собственной болтовней. Он повсюду с преувеличениями рассказывал о своих предках, без всякого стыда производя их всех сначала в дворян, а потом в герцогов. Свои прежние стычки с неприятелем он превращал в грандиозные битвы; при этом к нагромождению давно известных ужасов прибавилась новинка – оглушительный грохот артиллерийского огня. Впервые мы увидели пушки в Блуа – их было всего несколько штук. Здесь же их было множество, и время от времени мы с тревогой смотрели на огромную английскую бастилию, оснащенную современными орудиями, затянутую облаками дыма, сквозь который прорезались красные языки пламени. Эта величественная картина, грохот пушек, сотрясающий землю, разжигали воображение Паладина, и он расписывал наши боевые похождения такими красками, что поверить в это мог только тот, кто в них не участвовал.

Можно было подозревать, что Паладина кто-то вдохновлял на это, ведь недаром же он так старался. Так оно и оказалось в действительности, Это была дочь хозяина, Катерина Буше, восемнадцатилетняя девушка, любезная, ласковая и по-своему очень красивая. Думаю, по красоте она не уступила бы Жанне, если бы у нее были такие же глаза. Но разве можно сравнить? Никогда на земле не было таких глаз, как у Жанны, и никогда не будет. Глаза у Жанны были глубокие, выразительные и какие-то особенные. Они умели говорить на всех языках и наречиях, их можно было понимать без слов. Они были всеильны, – один их взгляд, один только взгляд, мог уличить лжеца и заставить его сознаться; он смирял гордеца и делал его скромным, вселял мужество в труса и, наоборот, отнимал храбрость у самого храброго; он смягчал гнев и укрощал ненависть; он заставлял поверить неверующего, вселял надежду в потерявшего ее и мог очистить нечестивца; он мог убеждать. Главное – убеждать. И кого только он не убедил!

Безумный в Домреми, священник, изгоняющий фей, духовное судилище в Туле, сомневающийся и суеверный Лаксар, упрямый комендант Вокулера, бесхарактерный наследник французского престола, мудрецы и ученые парламента и университета в Пуатье, любимец дьявола Ла Гир и надменный Дюнуа, не признающий ничьей власти, – все это трофеи того великого дара, который делал ее таинственным чудом природы.

Мы общались со знатными людьми, приходившими в большой дом, чтобы познакомиться с Жанной, и чувствовали себя среди них, так сказать, на вершине блаженства. Но этому блаженству мы предпочитали те мирные часы, когда официальные посетители расходились и хозяева дома с десятком своих друзей собирались вместе, чтобы провести время в тесном кругу. Тогда все мы, пятеро юнцов, изо всех сил старались блеснуть галантностью, и главным объектом нашего внимания была Катерина. Никто из нас еще никогда не влюблялся, но теперь, на свое несчастье, мы все сразу, с первого взгляда, влюбились в одну девушку. Это была веселая, жизнерадостная натура, и я до сих пор с умилением вспоминаю о тех немногих вечерах, когда в числе приглашенных находился в ее приятном обществе и проводил время в небольшой компании очаровательных людей.

В первый же вечер Паладин пробудил в нас чувство ревности: он начал свои рассказы о сражениях и так завладел всеобщим вниманием, что нам уже не на что было рассчитывать. Семь месяцев эти люди жили в условиях настоящей войны, и им было очень забавно слушать болтовню этого легкомысленного великана о своих фантастических битвах, о реках пролитой крови, в которой он плавал, подымая фонтаны брызг. Катерина буквально умирала от его рассказов, испытывая огромное наслаждение. Она не хохотала вслух, хотя нам этого и хотелось, но, заслонившись веером, тряслась от беззвучного смеха чуть ли не до потери сознания. Когда Паладин покончил со своими сражениями и мы в душе благодарили его за это, надеясь на перемену темы разговора, Катерина своим нежным, пленительным голосом, уязвившим мое сердце, принялась его снова расспрашивать о том же, просила повторить то один, то другой эпизод, только более подробно. И опять на наши головы обрушился поток вранья о вымышленных сражениях, с новыми деталями и небылицами, которые якобы он упустил.

Не могу передать вам, как я страдал. До сих пор я никогда не испытывал чувства ревности. А теперь я не мог этого вынести: такое ничтожество, как Паладин, существо малодостойное,

пользуется успехом, в то время как я сижу забытый и не могу снискать себе хотя бы каплю внимания этой обожаемой девушки. Я сидел неподалеку от нее и пытался два-три раза завести разговор о том, какую роль сыграл я в этих сражениях, хотя и стыдно было об этом говорить. Но ее ничто не интересовало, кроме подвигов Паладина, и ничего другого она не хотела слушать. Когда одна из моих попыток заговорить с ней помешала ей дослушать очередное вранье Паладина, она не могла смириться с этим и попросила его повторить. А он, радуясь случаю, еще с большим бесстыдством начал описывать всевозможные ужасы и хвастаться своим героизмом. Я почувствовал себя настолько униженным подобным обращением, что отказался от всяких дальнейших попыток обратить на себя ее внимание.

Остальные так же, как и я, возмущались эгоистичным поведением Паладина, а больше всего его огромным успехом, который и являлся основной причиной наших страданий. Мы вместе обсуждали свою беду, что вполне естественно, – ведь соперники становятся братьями, когда на них обрушивается общее несчастье и их враг одерживает победу.

Каждый из нас сумел бы сделать что-нибудь такое, что могло понравиться и привлечь внимание, если бы не этот нахал, не дававший никому возможности даже рта раскрыть. Я сочинил поэму (просидел над ней целую ночь), в которой возвышенно и тонко прославил прелести этой милой девушки, не называя ее имени, но каждый, как мне казалось, мог догадаться, о ком идет речь, хотя бы по одному заглавию: «Роза Орлеана». В поэме воспевалась нежная, стройная, белая роза, выросшая на суровой почве войны и взирающая кроткими очами на чудовищные орудия смерти. Потом, заметьте причудливость моей фантазии, белая роза, переживая стыд за греховную натуру человека, в одну ночь превращается в красную. Роза белая становится розой красной. Это была моя собственная и притом очень оригинальная мысль. Роза расточает свое благоухание по всему осажденному городу, и вражеские войска, вдохнув ее аромат, складывают оружие и утирают слезы. Это была тоже моя мысль, опять таки очень оригинальная. На этом первая часть поэмы заканчивалась. Далее я уподоблял возлюбленную небесной тверди, правда, не полностью, а лишь частично, иначе говоря, она была луной, за которой неотступно следуют все созвездия, пылая к ней любовью, но она не останавливается, не слушает их, потому что любит другого. Мысль такова, – она любит бедного, недостойного земного жителя, который смело смотрит в лицо опасности, гибели или увечью на поле брани, самоотверженно сражается с жестоким врагом, чтобы спасти ее от безвременной смерти, а ее город – от разрушения. И когда опечаленные светила узнали об этом и убедились в своей горькой участи, – еще одна оригинальная мысль, – их сердца разбились, а из очей полились обильные слезы, наполняя небесную твердь ослепительным сиянием, ибо эти слезы были падающими звездами. Мысль дерзкая, но прекрасная, прекрасная и трогательная, очень трогательная, поскольку она была изложена с подлинным чувством, передана в стихотворной форме с привлечением всех поэтических средств. Каждый стих оканчивался рефреном из двух строчек, выражающих сострадание к бедному земному влюбленному, разлученному, быть может, навеки, с той, которую он так страстно любил. От невыносимых страданий он с каждым днем становился бледнее, слабел и чах, приближаясь к беспощадной могиле. Это было самое трогательное место, настолько трогательное, что даже наши молодцы едва сдерживали слезы, когда Ноэль читал эти строки. Первая часть поэмы состояла из восьми четверостиший, посвященных розе, – это была, так сказать, ботаническая часть, хотя такое определение может показаться слишком сильным для маленькой поэмы. Восемь четверостиший приходилось на вторую, астрономическую часть поэмы, а всего – шестнадцать четверостиший. Я мог бы написать их и сто пятьдесят, если бы захотел, – так был я тогда вдохновен, витая в мире мечты. Но ведь неудобно читать такую длинную поэму в компании, а шестнадцать четверостиший – это именно то, что нужно; по просьбе слушателей их можно и повторить.

Мои товарищи были страшно удивлены, что я смог сочинить такую интересную поэму своим умом, впрочем, и я тоже. Я был просто поражен, так как даже не подозревал, что владею поэтическими способностями. Если бы день тому назад меня спросили, способен ли я на это, я бы откровенно ответил: нет.

Так уж мы устроены: можем прожить полвека и не знать, что в нас кроется. Свои способ-

ности мы обнаруживаем лишь тогда, когда какой-нибудь толчок извне пробуждает их. В нашей семье это обычное явление. У моего дедушки был рак, и пока он не умер, об этом никто не знал, в том числе и он сам, Удивительно, что таланты и болезни могут так долго таиться в человеке. Возьмем данный случай: нужно было только, чтобы на моем пути встретилась прелестная девушка, способная вдохновить меня, и вот родилась поэма, сочинить которую мне было легче, чем швырнуть камнем в собаку. Да, я никогда не подозревал, что имею такие способности, но ведь я же их имею.

Мои товарищи только и говорили об этом-так они были изумлены и очарованы. Но больше всего они радовались тому, что моя поэма испортит настроение Паладину. В своем рвении они забыли обо всем на свете, уж очень им хотелось столкнуть его с пьедестала и заставить замолчать. Восхищение Ноэля Ренгессона просто выходило из границ; он и сам бы желал сотворить нечто подобное, но это было, конечно, выше его сил. За полчаса он выучил мою поэму наизусть и читал ее великолепно, умилительно и трогательно, так как к этому у него было природное дарование, не говоря уже об умении подражать. Любую вещь он мог прочесть лучше всех, а как он копировал Ла Гира и других! Как исполнитель я не стоил ни гроша, и когда попытался было прочесть поэму, товарищи не дали мне закончить – они никого не хотели слушать, кроме Ноэля. Поэтому, желая произвести сильное впечатление на Катерину и гостей, я предложил это сделать Ноэлю. Он готов был прыгать от счастья. Он никак не мог поверить, что я говорю серьезно. Однако я не шутил и сказал, что буду вполне удовлетворен, если все узнают, что автор поэмы – я. Ребята торжествовали, а Ноэль заявил, что ему нужно только один раз предстать перед этими людьми, чтобы заставить их понять, что в мире существуют вещи более возвышенные и прекрасные, чем враки о победах, которыми их пичкают.

Но как улучшить подходящий момент? – вот в чем затруднение. Мы придумали несколько планов и наконец остановились на одном, который сулил нам наибольший успех. Мы решили дать Паладину возможность полностью войти во вкус его измышлений, а потом неожиданно выгнать его из комнаты под каким-нибудь предлогом. Как только он выйдет, Ноэль займет его место и продолжит рассказ в духе, присущем Паладину, подражая ему до мелочей. Это вызовет бурные аплодисменты и надлежащим образом подготовит публику к восприятию поэмы. Это dokonает нашего знаменосца, – во всяком случае, заставит его быть более сдержанным, а нам даст возможность блеснуть собой в будущем.

Итак, в следующий же вечер я держался в стороне, пока Паладин не сел на своего конька. Когда он принялся описывать, как он вихрем налетел на врага во главе отряда и начал сметать все на своем пути, я вошел в комнату в полной форме и доложил, что гонец из штаба генерала Ла Гира желает переговорить со знаменосцем. Он тут же вышел, а Ноэль занял его место, выразив сожаление по поводу его ухода и заявив, что, к счастью, он лично знаком со всеми подробностями этого боя и что, если ему позволят, он с радостью расскажет о них уважаемым гостям. Затем, не дождавшись позволения, превратился в Паладина, в Паладина-карлика, но со всеми его замашками, интонацией, жестами, позами и продолжал рассказ о сражении. Невозможно представить более совершенной, точной и забавной картины подражания, чем та, которую он преподнес этим покатывающимся от смеха людям. Их хохот переходил в спазмы, конвульсии, чуть ли не в безумие, сопровождаемое ручьями льющихся по щекам слез. И чем больше они хохотали, тем больше воодушевлялся Ноэль, тем изобретательнее выдумывал, вызывая уже не хохот, а сплошные вопли. Интереснее всего было наблюдать за Катериной Буше, этим прелестнейшим созданием, – она просто покатывалась от иступленного восторга и, задыхаясь, глотала воздух. Что это – победа? Да, настоящий Азенкур.

Паладин отсутствовал всего несколько минут; он сразу догадался, что над ним сыграли злую шутку, и вернулся. Подходя к двери, он услышал напыщенную речь Ноэля и сразу сообразил, в чем дело. Он остался стоять у дверей, прячась от наших глаз, и прослушал все представление до конца.

Бурные аплодисменты, которыми был награжден Ноэль, превзошли все ожидания. Слушатели не могли остановиться и, как безумные, неистово хлопали в ладоши, требуя повторения.

Но Ноэль не был дураком. Он знал, что самым лучшим фоном для поэмы, проникнутой

глубоким, утонченным чувством и трогательной меланхолией, всегда служит взрыв искреннего, неподдельного веселья, подготавливающего умы к резкому контрасту.

Итак, он выждал, пока все успокоились. Лицо его приняло угрюмое, сосредоточенное выражение. Публика с удивлением и затаенным интересом ждала, что будет дальше. Тогда Ноэль тихим, но внятными голосом начал читать начальные строки «Розы Орлеана». По мере того как он произносил один стих за другим и ритмичные звуки, падая в глубокую тишину, поражали слух очарованной публики, из среды ее вырывались приглушенные восклицания: «Прелестно! Восхитительно! Превосходно!»

Тем временем Паладин, отлучавшийся на минутку и не слышавший начала первой части поэмы, снова появился в дверях. Он стоял у порога, прислонясь своей грузной фигурой к косяку и смотрел на чтеца, не спуская с него глаз. Когда Ноэль перешел ко второй части и печальный рефрен начал щекотать нервы слушателей, Паладин принялся вытирать слезы сперва одним, потом другим кулаком. При повторении второго куплета он стал сопеть, фыркать, всхлипывать, на этот раз вытирая глаза рукавами камзола. Он так выделялся среди всех, что это немного смутило Ноэля и произвело нежелательное впечатление на публику. На следующей строфе Паладин совсем раскис, разревелся, как теленок, и этим испортил весь эффект, вызвав смех у публики. Но, – лиха беда начало, – тут уже он отколол совершенно небывалый номер: он извлек из-под полы своего камзола какое-то полотенце и принялся тереть им глаза, испуская при этом неистовые вопли, истошный рев попеременно с рыданиями, визгом, кашлем и чиханьем. Он вертелся волчком, извивался и так и сяк, изрыгая неприличные слова, и при этом то размахивал во все стороны полотенцем, то водил им по лицу, то выкручивал, выжимая влагу. Уже никто и не думал слушать. Ноэля совсем заглушили, его нельзя было расслышать, ибо все хохотали до упаду. Какой позор! Вдруг я услышал какой-то странный стук металла о металл, – такое бряцание несется вслед за воином, когда он бежит закованный в броню, в полном боевом снаряжении. Взрыв гомерического хохота вывел меня из оцепенения. Я поднял глаза, – перед нами стоял Ла Гир; он стоял неподвижно, упершись в бока стальными перчатками, запрокинув голову и так широко разинув рот, что из этой пасти вот-вот должно было начаться страшное извержение всего мерзкого и непристойного, чем была полна его утроба. Кажется, худшего не могло случиться, однако, случилось: у другой двери я заметил суету, поклоны и услышал шарканье ног чиновников и лакеев, – это говорило о приближении какой-то важной особы. Вошла Жанна д'Арк, и все поднялись со своих мест. Люди пытались прикусить языки и привести себя в надлежащий вид, но, увидев, что Дева сама расхохоталась, они, возблагодарив бога за эту милость, снова разразились смехом, от которого едва не рухнули стены.

Подобные происшествия могут отравить жизнь, и у меня нет охоты говорить о них. Впечатление от поэмы было испорчено.

Глава XVI

Этот случай так меня расстроил, что на другой день я был не в силах подняться с постели. Мои товарищи переживали то же, что и я. Если бы не этот эпизод, то кому-нибудь из нас, наверное, посчастливилось бы, как посчастливилось в этот день Паладину. Замечено, что бог в своей милосердии посылает удачу тем, кто ничем не одарен, как бы вознаграждая их за этот недостаток, а от тех, кому дано многое, требуется, чтобы они талантом и трудом добивались того, что иным достается по счастливой случайности. Так сказал Ноэль, и, я полагаю, это хорошая, верная мысль.

Весь день Паладин слонялся по городу, вкушая плоды своей славы, любясь, как за ним бегают люди, восхищаются им и с трепетом произносят:

– Т-с-с! Смотрите, вон идет знаменосец Жанны д'Арк!

Паладин мог болтать с кем угодно. От повстречавшихся лодочников он узнал, что на другой стороне реки, в фортах, происходит какое-то движение, а вечером, гуляя по улицам, он набрел на дезертира из Августинского форта, который сообщил ему, что ночью англичане собираются послать солдат для укрепления гарнизонов, находящихся на нашем берегу, и весьма об-

радовались, что смогут напасть на Дюнуа и уничтожить его армию, когда она приблизится к фортам, – дело, по их мнению, вполне осуществимое, так как «колдуньи» там не будет, а без нее французская армия поступит так же, как поступала все эти годы, то есть, увидев первого же английского солдата, побросает оружие и обратится в бегство.

Было десять часов вечера, когда Паладин явился с этим известием и попросил разрешения встретиться с Жанной. Я еще не спал и находился на дежурстве. Как жалко, что я упустил такой случай! Жанна строго допросила его и, убедившись, что он не врет, взволнованно заметила:

– Ты хорошо поступил, и я выношу тебе благодарность. Быть может, ты предотвратил беду. Твое имя и твое усердие будут отмечены в приказе.

Паладин низко поклонился и, выпрямившись, вырос на целую голову. Не чуя под собой ног от счастья, он, проходя мимо, покосился в мою сторону и, скорчив гримасу, пробормотал несколько слов из рефрена моей злополучной поэмы: «О, слезы, слезы! Сладостные слезы!»

– Буду упомянут в приказе главнокомандующего, доложат самому королю. Вот я чего заслужил.

Как бы хотелось, чтобы Жанна хоть краем глаза могла наблюдать, как ее похвала сказалась на его поведении, но она была слишком занята, напряженно думая, что ей предпринять в данный момент. Она приказала мне позвать рыцаря Жана де Меца, и через минуту он уже скакал в штаб Ла Гира с приказом самому Ла Гиру, а также господину де Вилару и Флорану д'Илье выехать ей навстречу в пять часов утра с пятьюстами отборных всадников. История гласит – в половине пятого, но это неправда: я сам слышал приказание.

Ровно в пять, с точностью до одной минуты, мы выступили, а между шестью и семью, примерно в двух лье от города, соединились с передовыми отрядами двигающейся навстречу нам армии. Дюнуа обрадовался, потому что солдаты, начавшие было проявлять тревогу по мере приближения к грозным бастилиям, сразу же успокоились, как только по линии волной пронесся слух о появлении Девы. Их восторг вылился в мощное «ура». Дюнуа предложил ей остановиться и пропустить перед собой армию, чтобы солдаты убедились воочию, что весть о ее личном присутствии не является хитростью, придуманной начальниками для поднятия их духа. Жанна вместе со своим штабом расположилась на обочине дороги, а войска с громким «ура» нескончаемым потоком двигались мимо, четко отбивая шаг. Жанна была в полной боевой форме, только на голове вместо шлема красовалась маленькая изящная шапочка из бархата, с ниспадающими по краям белыми страусовыми перьями, подаренная ей городом Орлеаном в знаменательную ночь ее прибытия. В этой же самой шапочке она изображена на картине, хранящейся в руанской ратуше. Ей можно было дать лет пятнадцать, не более. При виде войск она всегда испытывала возбуждение, в глазах зажигался огонь, по щекам разливался яркий румянец. Именно в эти минуты было особенно заметно, что она не по земному красива, или, во всяком случае, в ее красоте появлялось что-то неуловимое и недоступное, выделяющее и повышающее ее над простыми смертными.

В обозе на одной из повозок с провиантом, на самом верху, лежал человек. Он лежал на спине, растянувшись во всю длину, и был связан по рукам и ногам. Жанна предложила офицеру, командовавшему обозом, подъехать к ней. Офицер подъехал и отдал честь.

– Кто это там связан? – спросила она.

– Преступник, ваше превосходительство.

– В чем его преступление?

– Он дезертир.

– А что с ним сделают?

– Повесят, только в дороге это неудобно, да и не к спеху.

– Доложите мне о нем.

– Он был неплохой солдат, но попросился в отпуск, чтобы навестить, как он говорит, умирающую жену; отпуска ему не дали, и он ушел самовольно. Тем временем мы выступили в поход, и он нагнал нас только вчера вечером.

– Нагнал? По своей доброй воле?

– Да. По своей доброй воле.

– И это дезертир?! О боже! Приведите его ко мне.

Офицер поскакал вперед, развязал человеку ноги и со связанными руками подвел его к Жанне. Это был здоровенный детина – добрых семи футов роста, косая сажень в плечах. У него было мужественное лицо, обрамленное копной всклокоченных черных волос, беспорядочно рассыпавшихся, когда офицер снял с него шишак. Единственным его оружием был большой топор, заткнутый за широкий кожаный пояс. Жанна, сидя на коне, при нем казалась еще меньше, так как голова его была почти на одном уровне с ее головой. На лице его было выражение глубокой печали; казалось, этот человек утратил всякий интерес к жизни.

– Вытяни руки! – сказала Жанна.

Он стоял перед ней с опущенной головой, и поднял ее лишь тогда, когда услышал нежный, ласковый голос Жанны. Его суровое лицо смягчилось. Голос Жанны звучал, как музыка, которую можно было слушать без конца. Когда он протянул руки, Жанна коснулась мечом веревок, но офицер с опасением промолвил:

– Ах, мадам... виноват... ваше превосходительство!

– В чем дело? – спросила она.

– Ведь он осужденный!

– Ну и что же? Я отвечаю за него, – и она перерезала веревки, до крови натершие ему руки.

– Какой ужас! – воскликнула Жанна. – Кровь! Не выношу крови! – и она отвернулась, но лишь на одно мгновение. – Скорее, принесите мне что-нибудь перевязать ему раны! – сказала она.

Офицер снова попытался ее отговорить:

– Ваше превосходительство, стоит ли вам братья за такое дело? Велите позвать кого-нибудь другого.

– Другого? *De rag le Dieu!*³⁴ Не ищите! Вряд ли кто другой сделает это лучше меня. Я имею некоторый опыт и знаю, как надо обращаться с живыми существами. Разве можно допустить, чтобы веревки врезывались в тело!

Человек молчал, пока ему перевязывали раны, время от времени бросая украдкой взгляды на Жанну, словно животное, которому оказывают неожиданную ласку. Он пытался разобраться в происходящем. Позабыв об армии, проходящей мимо с криками «ура» в густых облаках пыли, офицеры штаба с любопытством следили за перевязкой, как за чем-то весьма важным и значительным. Мне довольно часто приходилось видеть людей, теряющихся перед пустяком, если этот пустяк выходит за грани их обычного представления. Как-то однажды, будучи в Пуатье, я видел двух епископов и добрый десяток уважаемых ученых, которые, столпившись, наблюдали за человеком, красившим вывеску над дверью лавчонки, они затаили дыхание и словно окаменели, и даже не заметили, как начал накрапывать дождь; а когда увидели, что стоят под дождем, каждый из них тяжело вздохнул и с удивлением посмотрел на соседа, недоумевая, почему здесь собралась толпа и как это он сам в ней очутился. Такова природа людей. Неисповедимы пути наши, и приходится принимать человека таким, каков он есть.

– Вот и готово! – промолвила Жанна, довольная своей работой. – Мне кажется, никто другой не сделал бы лучше. – И, обратясь к солдату, она спросила: – А теперь скажи, ничего не тая, в чем же ты провинился?

Великан отвечал:

– Дело было так, ангел ты наш, Сначала умерла моя мать, потом трое моих ребятишек, и это за два года. Голод был, и по воле божьей люди спешили в мир неизведанный. Они умерли у меня на глазах, мне не отказали в милости видеть их смерть, и я сам схоронил их, И вот, когда наступил черед моей бедной жены, я попросил разрешения отправиться к ней, ведь она была для меня самым дорогим, самым близким человеком, единственным моим сокровищем. Я умолял на коленях, но мне не разрешили. Мог ли я допустить, чтобы она умерла в тоске и одиночестве? Мог ли я допустить, чтобы она умерла с мыслью, что я ее оставил? Разве она позволила бы мне умереть, не навестив меня любой ценой, хотя бы даже ценой своей жизни? За меня она броси-

³⁴ Ради бога! (франц.)

лась бы в огонь! О, я уверен! И я пошел к ней. Я увидел ее. Она скончалась на моих руках, Я схоронил ее. Тем временем армия отправилась в поход. Трудно было нагнать ее, но у меня ноги длинные, а в сутках не один час. Вчера ночью я нагнал свой отряд.

Жанна задумалась и тихо промолвила:

– Это похоже на правду, А если так, то не велика беда и отступить от закона при таких уважительных обстоятельствах. Каждый с этим согласится. Это могло быть ложью, но если это правда... – Вдруг она повернулась к солдату и сказала: – Смотри на меня! Я хочу видеть твои глаза.

Их взгляды встретились, и Жанна обратилась к офицеру:

– Этому человеку прощается все. До свиданья! Можете идти.

Потом она спросила солдата:

– Знал ли ты, что тебя ждет смерть по возвращении в войско?

– Да, знал.

– Почему же ты вернулся?

– Потому, что меня ждала смерть, – спокойно ответил солдат. – Нет мне жизни без жены. Мне некого больше любить.

– Как это некого? А Францию? Франция – наша мать, и детям Франции всегда есть кого любить. Живи и служи Франции!

– Я хочу служить тебе!

– Ты будешь драться за Францию!

– Я хочу сражаться за тебя!

– Ты будешь солдатом Франции!

– Я хочу быть твоим солдатом!

– Ты отдашь свое сердце Франции!

– Тебе я отдам свое сердце и свою душу, если только она есть у меня, и всю свою силу, которой у меня много. Я был мертв, а теперь воскрес. У меня не было цели в жизни, а теперь есть. Для меня Франция – ты! Ты – моя Франция, и я не хочу другой!

Жанна улыбнулась, довольная и тронутая суровым признанием солдата, прозвучавшим решительно и торжественно.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, – сказала она. – Как тебя зовут?

Солдат ответил с простодушной серьезностью:

– Меня прозвали «Карликом», но, думаю, это в шутку.

Жанна рассмеялась.

– В этой шутке есть доля правды! А зачем тебе такой громадный топор?

Солдат ответил с прежней серьезностью, которая, надо полагать, была врожденной чертой его характера:

– Чтобы внушать кое-кому уважение к Франции. Жанна снова рассмеялась.

– И многих ты научил?

– Не без того.

– Ну и как? Ученики слушались?

– Да. Они у меня сразу становились шелковыми.

– Будем надеяться, что и впредь будет так... Хотел бы ты поступить ко мне в телохранители, быть моим ординарцем, стражем или кем-нибудь в этом роде?

– С превеликим удовольствием, с вашего разрешения.

– Хорошо. Ты получишь необходимое оружие и будешь продолжать свое полезное дело. Бери коня, садись верхом и следуй за штабом.

Так мы встретились с Карликом. Это был славный парень. С первого взгляда Жанна отличила его – и не ошиблась. Не было человека более преданного, – он превращался в дьявола, в сущее дьявольское отродье, когда пускал в ход свой топор. Карлик был так велик, что даже Паладин по сравнению с ним казался невзрачным. Он любил людей, и люди любили его. Мы, юнцы, а также наши рыцари сразу же пришли к нему по душе, да и кого он только не любил? Но один мизинец Жанны был для него дороже, чем все живое на земле, вместе взятое.

А каким мы его увидели? Бедняга лежал на телеге, ожидая смерти, и никого не было рядом, кто бы замолвил за него хоть одно доброе слово. Какая счастливая находка! Рыцари обращались с ним почти как с равным – я не преувеличиваю – и для этого были основания. Они называли его «Крепостью», называли «Адским огнем», – в бою он был горяч до бешенства. Разве наши рыцари могли дать ему такие лестные прозвища, если бы не любили его?

Для Карлика Жанна была образом Франции, душою Франции, облеченной в плоть. Эта мысль не оставляла его никогда, и лишь богу известно, до какой степени он был прав. Своим скромным разумом он постиг эту великую истину, в то время как другие оказались бессильны. Это просто удивительно! Но в конце концов следует признать, что именно так и мыслят представители народа. Воспылав любовью к великому и благородному, они воплощают его, стремятся увидеть наяву, как например, свободу. Их не удовлетворяет туманная абстрактная идея, они воздвигают из нее прекрасную статую, и когда их заветная мечта становится явью, они смотрят на нее с восторгом и поклоняются ей. То же самое произошло и с Карликом. Для него Жанна была воплощением родины, живым ее образом, облеченным в красивую форму. Другие видели в ней только Жанну д'Арк, а он – всю Францию.

Говоря о Жанне, он иногда называл ее Францией. Это еще раз доказывает, как прочно укоренилась в его голове данная мысль и как отчетливо она проявлялась. Именем Франции обычно называли наших королей, но я не знаю ни одного из них, кто имел бы большее право на этот высокий титул; чем Жанна д'Арк.

После того как войско прошло, Жанна промчалась вперед и поехала во главе колонны. Когда мы начали приближаться к зловещим бастилиям и увидели вражеских солдат, стоявших у орудий, готовых посеять смерть в наших рядах, на меня напала такая слабость, такая немощь, что в глазах помутилось и все расплылось, как в тумане. Да и другие наши, в том числе и Паладин, думаю, тоже приуныли. Правда, о Паладине я определенно сказать не могу, так как он находился впереди, а я смотрел в сторону, отворачиваясь от грозных бастилий, повергавших меня в трепет.

Но Жанна, уверяю вас, чувствовала себя превосходно. Она держалась в седле прямо и была полной противоположностью моей согбенной фигуре. Больше всего пугала нас тишина; кругом – ни звука, только поскрипывание седел да мерный топот и пофыркивание коней в облаках густой пыли, поднимаемой копытами. Мне захотелось чихнуть, но я скорее предпочел бы перенести самую страшную пытку, чем обратить на себя внимание.

Мое положение не позволяло мне давать какие-либо советы, а то я, наверное, предложил бы прибавить шагу и поскорее миновать опасные места. Мне казалось, что теперь не время для прогулок. В ту самую минуту, когда мы в гробовом молчании проезжали мимо огромной пушки, стоявшей у самых ворот крепости и отделенной от нас одним только рвом, в крепости вдруг пронзительно закричал осел, и я выпал из седла. Хорошо, что сьер Бертран подхватил меня, иначе бы я в полном вооружении грохнулся на землю и вряд ли сам смог бы подняться. Английские часовые, выглядывавшие из бойниц, цинично расхохотались, забывая о том, что каждый бывает когда-нибудь новичком и что в свое время они сами испугались бы не меньше, услышав душе-раздирающий ослиный крик.

Англичане не решились бросить нам вызов, и выстрелов не последовало. Позже говорили, что, когда их солдаты увидели Деву на коне во главе войска, пораженные ее красотой, они порядком поостыли и воинственный пыл их угас, ибо они были уверены, что перед ними не дочь земли, а исчадие ада. Офицеры вели себя благоразумно и даже не пытались заставить солдат открыть огонь. Говорили, что и самих офицеров охватил суеверный страх. Во всяком случае, препятствий нам никто не чинил, и мы спокойно проехали мимо ужасных бастилий. Во время перехода я повторял про себя молитвы, к которым давно не прибегал. Не знаю, помогли они мне или нет, но, кажется, и не повредили.

Историки утверждают: именно во время этого перехода Дюнуа сообщил Жанне, что англичане ждут подкреплений под командованием сэра Джона Фастольфа и будто бы Жанна, обратившись к Дюнуа, сказала:

– Бастард, бастард, ради бога, предупреждаю вас, дайте мне знать о его приближении как

можно скорее. Если же он появится, а я не буду о том знать, – не сносить вам головы!

Возможно, все так и было, не спорю, но я лично этих слов не слышал. Если же она и сказала нечто подобное, то, вероятно, закончила словами: «не быть вам во главе», то ость пообещала отстранить Дюнуа от командования. Не допускаю мысли, чтобы Жанна угрожала смертью боевому товарищу. Правда, она не особенно доверяла генералам и имела на это веские основания, ибо стояла за штурм и атаку, а они за то, чтобы постепенно истощать англичан и взять их измором. Не веря в возможность осуществления замыслов Жанны, как опытные старые воины, они, вполне естественно, не соглашались с нею и старались идти собственными путями.

Но я слышал такое, о чем историки не упоминают и не имеют представления. Я слышал, как Жанна сказала, что теперь, когда вражеские гарнизоны на противоположном берегу ослаблены и усилены здесь, необходимо центр военных действий переместить на южный берег; она намеревалась переправиться туда и штурмовать форты, прикрывающие подступы к мосту, что открыло бы дорогу к нашим тылам, и осаду города можно будет снять. Генералы вступили с ней в спор, доказывая обратное, но она была убеждена в своей правоте, и единственное, что им удалось, – это задержать начало действий на четыре дня.

Весь Орлеан встретил армию у городских ворот и с криками «ура» проводил ее по украшенным флагами улицам к местам расквартирования. Приглашений не требовалось, солдаты как убитые валились с ног от усталости: Дюнуа был беспощаден и гнал их без отдыха. Целые сутки в городе царил покойствие и раздавался дружный богатырский храп.

Глава XVII

Когда мы вернулись домой, нас, младших штабных, в гостиную ожидал завтрак, и вся семья оказала нам честь, сев за стол вместе с нами. Все трое, включая и доброго старика-казначей, угождали нам, как могли, желая поскорее услышать о наших приключениях. Никто не просил Паладина говорить, но он все-таки начал, потому что по званию и положению в штабе был выше всех, за исключением старого д'Олона, который, кстати, завтракал отдельно. Паладин, не считаясь ни с рыцарями, ни со мной, всегда перехватывал инициативу и включался в беседу первым, – дурная привычка, усвоенная им с детства.

– Слава богу! – начал он. – Мы нашли армию в превосходном состоянии. Такого образцового стада я еще не видал.

– Стада? – переспросила Катерина.

– Я объясню, что он хочет сказать, – вмешался Ноэль. – Он...

– Обойдусь без посторонней помощи, не утруждай себя, я все объясню сам, – прервал высокомерно Паладин. – У меня есть основания думать...

– Вот именно, – сказал Ноэль. – Всегда, когда он думает, что у него есть основания думать, он думает, что он непревзойденный мыслитель, но это заблуждение. Он и в глаза не видел армии. А ведь я наблюдал за ним, – конечно, так, чтобы он не догадался. Паладина мучил его старый недуг.

– Какой старый недуг? – спросила Катерина.

– Осторожность, – ответил я, горя желанием помочь своему другу.

Но это замечание оказалось неудачным. Паладин спокойно возразил:

– Уж кому-кому, а только не тебе критиковать чужую осторожность. Ты ведь сам валишься из седла от одного ослиного рева.

Все засмеялись, а я растерялся, и мне стало стыдно. Я сказал:

– Не совсем честно с твоей стороны заявлять, будто я упал, услышав крик осла. Все объясняется волнением, самым обычным душевным волнением.

– Допустим, тебе угодно назвать это так. Я не возражаю. А как назовете это вы, сьер Бертран?

– Гм... Как вам сказать... Я думаю, это простительно. Каждому из вас приходилось учиться, как вести себя в жарких рукопашных схватках, и, если даже что-нибудь не так, стыдиться не приходится. А пот продвигаться перед самой пастью смерти, не вынимая из ножен меча, да еще

в полной тишине, без песен и барабанного боя – испытание очень серьезное. На твоём месте, де Конт, я бы не скрывал своих чувств, а назвал их прямо, без всякого стеснения.

Мне еще не приходилось слышать более откровенных и умных слов, и я был ему благодарен за то, что он вывел меня из затруднительного положения. Набравшись мужества, я сказал:

– Да, это был страх. Спасибо за честную мысль.

– Ты поступил правильно, сынок, – поддержал меня старик-казначей. – Молодец!

Я успокоился, и когда Катерина воскликнула: «Ах, и я такого же мнения!» – я был даже доволен, что вызвал эту дискуссию.

Сьер Жан де Мец пояснил:

– Мы ехали все вместе, когда заорал этот проклятый осел; заметьте, тишина была мертвая. Не представляю, как можно было юноше-воину сохранить спокойствие при таких непредвиденных обстоятельствах.

Он пылливо посмотрел на нас. Все глаза, обращенные на него, выражали согласие, и каждый подтвердил это кивком головы. Даже Паладин кивнул утвердительно. Это спасло репутацию знаменосца. Все удивились находчивости Паладина; никто не поверил бы, что он способен честно сознаться в чем-либо, не обладая в этом деле практическим навыком, равно как никто не предполагал, что он вообще когда-либо научится говорить правду. Видимо, Паладин хотел понравиться хозяевам.

После некоторого раздумья старик-казначей сказал:

– Я полагаю, рискованное продвижение мимо фортов требовало не меньшего напряжения нервов, чем встреча в темноте с привидениями. А как полагает знаменосец?

– Право, не знаю, сударь. Мне думается, я бы охотно встретился с привидением, если бы...

– О, это интересно! – воскликнула Катерина. – А ведь они у нас водятся! Хотите встретиться с привидением? Хотите?

Она была так возбуждена и так прелестна, что Паладин сразу же согласился, и так как ни у кого не хватило храбрости показать свой страх, то, скрепя сердце, все, один за другим, вызвались идти к ним; девушка от радости захлопала в ладоши, а родители также были нам благодарны, заявив, что привидения в их доме были пугалом и напастью не только для них, но и для их предков на протяжении нескольких поколений, но что до сих пор не находилось еще смельчака, который бы решился встретиться с ними лицом к лицу и спросить, почему им нет покоя в могиле. Ведь только тогда хозяева дома смогли бы помочь бедным призракам обрести мир и покой.

Глава XVIII

В полдень я беседовал с госпожой Буше. Никто не мешал нам, кругом все было спокойно, как вдруг вбежала взволнованная Катерина и, глядя на меня, крикнула:

– Спешите, сьер, спешите! Дева дремала в кресле у меня в спальне и вдруг вскочила и воскликнула: «Льется французская кровь! Оружие! Дайте мне мое оружие!» У дверей стоял на часах ее великан. Он позвал д'Олона, и тот принялся немедленно надевать на нее доспехи, а мы с телохранителем помчались в штаб, чтобы предупредить всех. Скорее туда! Не оставляйте ее одну! И если разгорится сражение, то удерживайте ее, не давайте ей рисковать собой, в этом нет никакой нужды. Хватит и того, что солдаты будут видеть Деву, воодушевляясь ее присутствием. Не пускайте ее в бой, смотрите же!

Я немедленно выбежал. Будучи склонным к иронии, которая, по общему признанию, является моим природным даром, я ответил на ходу:

– О, да! Удерживать и не пускать – самое легкое. Я прослежу.

В другой части дома я встретил Жанну в полном снаряжении. Она спешила к выходу.

– Льется французская кровь, – с упреком промолвила Жанна, – а ты мне ничего не сообщил.

– Право же, мне ничего неизвестно. Никакого боя, никакого шума, все спокойно, ваше превосходительство.

– Через минуту будет очень беспокойно, – сказала Жанна и ушла.

И действительно, не успел я опомниться, как мирную тишину прорезал нарастающий гул, послышался топот приближающихся людей и конницы, хриплые крики команды, я затем откуда-то издалека донеслись глухие раскаты выстрелов из бомбард: бум! бум! бум! И сразу же мимо дома, как ураган, промчалась ревущая толпа.

Наши рыцари и весь штаб выскочили в полном вооружении. Седлать лошадей было некогда, и мы пешком бросились за Жанной. Впереди бежал Паладин со знаменем. Возбужденная толпа состояла наполовину из солдат, наполовину из горожан, и никто ею не командовал. Но стоило показаться Жанне, как грянуло «ура».

– Коня! Скорее коня! – воскликнула Жанна.

В одно мгновение к ней подвели их целую дюжину.

Она вскочила на коня, приветствуемая пародом.

– Дорогу, дорогу Орлеанской Деве! Именно здесь впервые было произнесено это бесмертное слово, и я благодарю бога, что в этот исторический момент лично присутствовал и все слышал. Людские волны расступились, как воды Красного моря³⁵, и по освободившемуся проходу Жанна пролетела птицей, бросив народу клич:

– Вперед, сыны Франции! За мной!

Мы вскочили на оставшихся лошадях и помчались вперед, священное знамя развевалось над нашими головами, а вслед за нами смыкалась толпа.

Теперь уже все было не так, как во время нашего страшного перехода под стенами грозных бастилий. Мы чувствовали себя отлично, мы мчались на крыльях вдохновения.

Внезапная тревога объяснялась следующим. Жители города и его маленький гарнизон, потерявшие надежду и абсолютно беспомощные, с приходом Жанны воспрянули духом и не могли удержаться от желания напасть на врага. И вот, самовольно, без всякого приказа, несколько сот солдат и горожан произвели вылазку из Бургундских ворот и атаковали один из самых грозных фортов лорда Тальбота – Сен-Лу и теперь за свои необдуманные действия несли наказание. Весть об этом молниеносно облетела город и собрала то новое ополчение, в котором очутились и мы.

Выезжая из ворот, мы сразу же наткнулись на раненых, которых выносили с поля боя. Это зрелище потрясло Жанну, и она скорбно промолвила:

– Вот она – французская кровь! Волосы становятся дыбом, когда я ее вижу!

Скоро мы очутились на равнине в самой гуще боя. Жанна впервые увидела настоящее сражение, и мы также.

Бой шел в открытом поле, потому что гарнизон Сен-Лу, привыкший одерживать победы, когда в деле не участвовала «колдунья», смело вышел из форта навстречу атакующим. Их вылазку поддерживали войска из соседнего форта «Париж», и, когда мы подоспели, французы терпели поражение и отступали. Но как только Жанна прорвалась сквозь их расстроенные ряды с развевающимся знаменем и воинственным призывом: «Вперед, солдаты! За мной!» – произошла перемена. Французы повернули обратно, обрушились лавиной на англичан, а когда враг показал спину, рубили и кололи его с дикой жестокостью.

В бою у Карлика не было точной задачи, иначе говоря, ему не было указано определенное место, поэтому он сам нашел себе дело. Прорываясь вперед, он расчищал путь Жанне. Мы оторопело смотрели, как разлетались на куски железные шлемы под ударами его грозного топора. Он называл это – «колоть орехи». Пожалуй, это было действительно так. Он с остервенением прорубал широкую дорогу, устилая ее трупами и металлом. Жанна и все мы продвигались по ней так быстро, что опередили свое войско и оставили англичан позади себя. Рыцари скомандовали прикрыть Жанну кольцом и повернуться грудью к неприятелю, что мы и сделали. Тут-то и закипел бой! Теперь нам поневоле пришлось проникнуться уважением к Паладину. Находясь непосредственно под воодушевляющим и направляющим оком Жанны, он позабыл свою природную осторожность, свою робость перед лицом опасности, позабыл, что такое страх, – и никогда в

³⁵ ...расступились, как воды Красного моря. — По библейскому преданию, когда Моисей выводил иудеев из плена, воды Красного моря расступились перед ним.

своих выдуманных битвах он не укладывал вокруг себя столько врагов, как в этой – настоящей. Что ни удар – то врагом меньше.

Мы стояли, сомкнувшись кольцом, всего лишь несколько минут. Наши доблестные войска с громкими криками прорвались с тыла и соединились с нами. И тогда англичане начали отступать, но отбивались храбро и решительно. А мы теснили их пядь за пядью к бастилиям. Они защищались упорно, ловко орудуя мечами, а их резервы, находящиеся на стенах крепости, осыпали нас градом стрел, железными дротиками и каменными ядрами из пушек.

Основные силы противники благополучно достигли укреплений и укрылись за ними, оставив нас среди убитых и раненых. Англичане валялись вперемешку с французами. Это было отвратительное зрелище, особенно для новичков; наши мелкие стычки с неприятелем в феврале происходили ночью, и тогда нам не бросались в глаза ни кровь, ни изувеченные тела, ни мертвые искаженные лица; теперь же впервые все это предстало перед нами во всем своем ужасающем безобразии.

В этот момент из города прибыл Дюнуа, галопом проскакал по полю битвы на взмыленном коне, подъехал к Жанне, поздравил ее, расточая хвалу в самых изысканных выражениях. Взмахом руки указав на отдаленные стены города, на которых развевалось множество флагов, он сообщил, что благодарный народ следит за ее ратным подвигом, радуясь от души, а затем добавил, что ей и войскам готовится сейчас в городе торжественная встреча.

– Сейчас? Вряд ли, бастард. Еще не время.

– Почему же? Разве не все сделано?

– Далеко не все, бастард. Это только начало. Нам нужно взять эту крепость.

– Вы изволите шутить, генерал! Нам ее не взять. Прошу вас не предпринимать такой дерзкой попытки, – это слишком рискованно. Разрешите, я отдам приказ об отводе войск.

Сердце Жанны было переполнено воинственным пылом, боевым восторгом, и ей тяжело было слушать такие речи.

– Бастард, бастард! – воскликнула она. – Неужели вы вечно намерены церемониться с этими англичанами? Истинно говорю вам: я не уйду отсюда, пока крепость не будет взята. Мы возьмем ее штурмом. Трубите сигнал: «На штурм!»

– О, генерал! Подумайте...

– Не теряйте зря времени! Приказываю трубить к атаке! – И в ее глазах загорелся тот странный внутренний свет, который мы так хорошо изучили в последующих битвах, называя его «боевым огнем».

Затрубили трубы, прозвучала команда: «На приступ!» – и войска, ответив одобрительным криком, ринулись на грозную крепость, очертания которой терялись в дыму орудий, изрыгавших на нас пламя и гром.

Неприятель одну за другой отбивал наши атаки, но Жанна появлялась то тут, то там, подбадривая солдат, не давая им ни малейшей передышки.

Целых три часа могучая людская волна накатывалась на крепость, дробясь о неприступные стены. Наконец, Ла Гир, подоспевший к нам, нанес последний сокрушительный удар, и форт Сен-Лу сдался. Мы опустошили его, забрав все запасы и артиллерию, а потом разрушили до основания.

Возбужденные, ликующие войска до хрипоты кричали «ура» и вызывали главнокомандующего, чтобы выразить ему свой восторг, восхищение и поздравить с победой. Но вся беда была в том, что мы нигде не могли найти Жанну. Наконец, мы нашли ее сидящей среди трупов, расстроенной и подавленной; закрыв лицо руками, она плакала: вы же знаете, она была еще совсем юной девушкой, сердце героини было девичьим сердцем, сострадательным и нежным, что вполне естественно. Жанна думала о несчастных матерях павших солдат – и своих, и врагов.

Среди пленных было несколько священников; Жанна взяла их под свое покровительство и сохранила им жизнь. Утверждали, что это переодетые воины, но она возразила:

– Разве можно так говорить? Они в духовной одежде, и, если хоть один из них носит ее по праву, лучше пощадить всех виновных, чем обагрить руки кровью одного невинного. Я отведу их к себе в дом, накормлю, а потом отпущу с миром.

Сплоченные и счастливые, развернув знамена, мы возвращались в город с богатой добычей: пленниками, пушками и прочим. Это было первое серьезное боевое дело, которое когда-либо видели орлеанцы за семь месяцев осады, – первый случай порадоваться подвигу французов. Вы не представляете, какое это было празднество, какое ликование под трезвон колоколов! Жанна стала всеобщим кумиром. Люди, толкая друг друга, изо всех сил рвались вперед, чтобы взглянуть на победительницу. Их натиск был так велик, что мы с трудом продвигались по улицам. Повсюду слышалось новое имя Жанны. Прозвище «Святая Дева из Вокулера» было уже забыто. Город Орлеан приветствовал ее как свою «Орлеанскую Деву», и я с гордостью вспомнил, что услышал это прекрасное имя еще тогда, когда оно было произнесено впервые. Теперь оно у всех на устах, и оно будет звучать вечно, поднимаясь над бездной веков, как весеннее солнце!

Семейство Буше было в сборе и встречало Жанну, как родное дитя, со слезами радости, словно она спаслась от неминуемой смерти. Они пожурили ее за то, что она так долго подвергала себя ужасным опасностям. Они все еще не могли поверить в ее воинское призвание и спрашивали: по своей ли воле она попала в этот жестокий бой или очутилась там случайно, увлеченная стихийным движением войск. Они просили ее впредь быть более осторожной. Возможно, это был хороший совет, но он оказался зерном, упавшим на бесплодную почву.

Глава XIX

Измученные продолжительным боем, мы проспали весь остаток дня и проснулись поздно вечером. Мы встали со свежими силами и принялись ужинать. Мне очень хотелось замять разговор о привидениях; полагаю, каждый из нас был такого же мнения, все с увлечением вспоминали о недавнем сражении и ни единым словом не обмолвилась о призраках. Особенно усердствовал Паладин. Повествуя о своих подвигах, он не жалел красок: устилал поле боя бесчисленными трупами, убивая одним махом здесь пятнадцать, там восемнадцать, а то и тридцать пять вражеских солдат. Разговор на неприятную тему откладывался, но так или иначе он должен был состояться. Не мог же Паладин говорить без конца. Когда он взял бастилию штурмом и проглотил живьем английский гарнизон, ему, конечно, уже ничего не оставалось делать, как умолкнуть и терпеливо ждать приглашения от любезной Катерины Буше повторить все с самого начала. Мы полагали, так оно и будет. Но не тут-то было! Воспользовавшись удобным моментом, она все же затронула щекотливую тему, и мы вынуждены были сделать вид, что весьма этим интересуемся.

В одиннадцать часов, захватив с собой свечи и факелы, мы направились вместе с нею и ее родителями в обитель призраков. Это был большой дом с толстыми каменными стенами, и в его дальнем конце находилась комната, – она была необитаема и пользовалась дурной славой.

Комната оказалась просторной и напоминала собой зал; в ней стоял огромный стол из крепкого дуба, хорошо еще сохранившийся, но стулья были источены шашелем, а матерчатые обои на стенах покрылись плесенью и выцвели. С потолка свисала пыльная паутина, и было совершенно ясно, что в течение многих лет к нему никто не прикасался.

– Предание гласит, – сказала Катерина, – что эти духи никогда не являлись, а лишь издавали звуки, которые можно было слышать. Когда-то комната была шире, и стена в противоположном конце ее возведена позже, чтобы отгородить узкую каморку. С этой каморкой нет никакого сообщения, а может быть и есть – не знаю, во всяком случае, она лишена света и доступа воздуха. Перед вами темница, таинственная темница. Оставайтесь здесь и все хорошенько примечайте.

На этом пояснения окончились, и она вместе с родителями удалилась, оставив нас одних. Когда их шаги замерли в пустынных каменных коридорах, наступила зловещая тишина, наводившая на меня больший ужас, чем наш недавний безмолвный переход мимо вражеских бастилий. Мы сидели молча, поглядывая друг на друга, и легко было заметить на лице каждого признаки самого скверного настроения. Чем дольше мы сидели, тем более напряженной и жуткой становилась тишина; а когда вокруг дома начал завывать ветер, мне стало так страшно, что я вот-вот готов был набраться храбрости и открыто проявить свою трусость. Мне кажется, совсем не стыдно бояться привидений, если учесть, как беспомощен смертный, оказавшись в их власти.

Но хуже всего то, что они были невидимы. Кто знает, может быть, они сейчас здесь вместе с нами. Я чувствовал какие-то странные прикосновения к моим плечам, кто-то легко тащил меня за волосы, – я отшатывался и корчился, потеряв всякий стыд, ибо видел воочию, что мои товарищи испытывают такое же беспокойство и делают то же самое. Минуты казались вечностью. Лица у всех стали восковыми, и мне представилось, будто я нахожусь среди сборища мертвецов.

Наконец, раздалась слабые, медленные, таинственные удары: бом!.. бом!.. бом!.. Колокол на башне возвещал о наступлении полночи. Когда замер последний звук, снова наступила гнетущая тишина. Я по-прежнему пристально всматривался в восковые лица и опять чувствовал странные, неприятные прикосновения.

Прошла одна минута, две, три, и вдруг мы услышали глубокий протяжный стон. Все вскочили и замерли, дрожа от ужаса. Стон доносился из маленькой темницы. Снова тишина – и снова протяжный стон, прерываемый глухими рыданиями и жалобными воплями. Затем послышался другой, более низкий и не такой отчетливый голос, – казалось, кого-то пытаются утешить. Наконец, оба голоса слились в один. Рыдания то ослабевали, то усиливались, выражая то скорбную покорность, то бурное отчаяние. Наши сердца болезненно сжались и готовы были разорваться.

Однако звуки были так естественны, так человечны и так трогательны, что мысль о призраках сразу покинула нас. Сьер Жан де Мец нарушил молчание:

– Давайте-ка, снесем эту стену и освободим несчастных пленников! А ну, за топоры!

Карлик выскочил вперед, размахивая своей огромной секирой; другие, схватив факелы, бросились за ним. Бах!.. бах!.. трах!.. Посыпались вековые кирпичи, и в миг образовалась брешь, через которую смог бы пролезть даже бык. Мы ринулись внутрь с факелами.

И что же мы там нашли? Пустоту. На полу валялись заржавленный меч и полуистлевший веер.

Теперь вам, как и мне, известно все. Подберите эти трогательные реликвии и, насколько позволит ваша фантазия, сочините рыцарский роман о давно исчезнувших узниках таинственной темницы.

Глава XX

На следующий день Жанна вновь хотела напасть на врага, но был праздник вознесения, и благочестивый совет подлецов-генералов оказался чересчур набожным, чтобы осквернить праздник кровопролитием. Однако втайне они осквернили его заговорами, – такое дело было им и по сноровке и по усердию. Они решили начать операцию, с их точки зрения, наиболее выгодную при сложившихся обстоятельствах, а именно: произвести ложную атаку на главную крепость противника со стороны Орлеана, а затем, выждав, когда англичане ослабят другие более важные форты по ту сторону реки, чтобы оказать поддержку главной крепости, переправиться всем войском через реку и овладеть этими фортами. Это дало бы возможность захватить мост и очистить дорогу на городок Солонь, находящийся на не занятой врагом территории. Последнюю, заключительную часть своего плана они решили скрыть от Жанны.

Но Жанна вмешалась, захватив их врасплох. Она спросила, к чему они готовятся и что намерены предпринять. Они ответили: принято решение завтра утром атаковать главную английскую крепость со стороны Орлеана. Разговор оборвался.

– Хорошо. А что дальше? – спросила Жанна. – Ничего. Это все.

– Могу ли я поверить этому? Иначе говоря, могу ли я поверить, что вы лишились рассудка? – Затем, обратившись к Дюнуа, она спросила: – Бастард, вы человек трезвого ума, скажите: если атака состоится и форт будет взят, что мы от этого выиграем?

Бастард заколебался, а потом, не отвечая на заданный вопрос, начал рассуждать вообще.

Жанна перебила его:

– Довольно, любезный бастард, ваш ответ мне ясен. Если сам бастард не может вразумительно объяснить, для чего нам нужна эта крепость, что же говорить об остальных? Вы теряете драгоценное время. Ваша затея бесполезна и ничего, кроме вреда, не принесет. Вы что-то скрываете от меня? Бастард, я убеждена, у совета есть более полный план. Изложите мне его смысл,

не вдаваясь в подробности.

– План тот же, что и семь месяцев тому назад, а именно: запастись провиантом для продолжительной обороны, надежно укрепиться и истощить англичан.

– Видит бог! Разве семи месяцев было недостаточно? Неужели вы хотите продлить осаду еще на целый год? Бросьте малодушничать! Англичане уберутся отсюда через три дня!

– Ах, генерал, генерал, будьте благоразумны! – воскликнуло сразу несколько человек.

– Для чего? Чтобы умереть с голоду? И это вы называете войной? А теперь слушайте, если сами не знаете. Новые обстоятельства изменили ход дела. Главное направление удара переместилось. Теперь оно по ту сторону реки. Необходимо захватить укрепления, господствующие над мостом. Англичане понимают, что если мы не дураки и не трусы, то попытаемся сделать это, и очень благодарны вам за проявленное благочестие, из-за которого мы потеряли день. Зная, что должно случиться завтра, они сегодня же вечером укрепят свои форты у моста, перебросив силы с этого берега реки. Вы ничего не выиграли, а лишь упустили время и осложнили выполнение нашей задачи, ибо мы все-таки переправимся через реку и возьмем укрепления, прикрывающие мост. Скажите правду, бастард, разве совет не понимает, что у нас нет иного пути, кроме того, который я предлагаю? Дюнуа признался, что совет действительно считает такой план весьма желательным, но, к сожалению, практически невыполнимым. И он всячески оправдывал совет, говоря: поскольку самым реальным и разумным является расчет на продолжительную осаду и истощение англичан, вполне естественно, совет был до некоторой степени напуган слишком решительными намерениями Жанны.

– Видите ли, – сказал Дюнуа, – мы уверены, что метод выжидания в данном случае вполне целесообразен, вы же стремитесь все брать штурмом.

– Да, я стремлюсь и буду брать штурмом! Вот вам мой приказ! Завтра на рассвете мы двинемся на южные форты.

– И возьмем их штурмом?

– И возьмем их штурмом!

В это время вошел Ла Гир, громыхая доспехами. Услыхав ее решение, он воскликнул:

– Клянусь моим жезлом! Вот музыка, которую приятно слышать! Великолепно сказано! Прекрасные слова, генерал! Мы возьмем их штурмом!

Широким взмахом руки он отдал Жанне честь, подошел и пожал ей руку. Один из членов совета заметил:

– Из вашего приказа вытекает, что мы должны начать с форта Сен-Жан, но ведь это даст англичанам возможность...

Резко обернувшись, Жанна возразила:

– Пусть вас не беспокоит форт Сен-Жан! Завидев нас, англичане сразу поймут, что им нужно покинуть форт и перебросить силы к укреплениям, прикрывающим мост. – И после короткой паузы она добавила с иронией: – Полагаю, и военный совет понимает это не хуже англичан.

Жанна удалилась, а Ла Гир обратился к совету со следующей речью:

– Вы видите в ней только ребенка. Что же? У каждого свои предрассудки. Но поймите, это дитя разбирается в серьезной военной игре не хуже любого из вас. И коль скоро вы хотите знать мое мнение, не спрашивая меня о нем, то извольте, я скажу вам без всяких хитростей и прикрас: клянусь богом, вам еще нужно долго учиться, а она без промаха попадает в цель.

Жанна оказалась права: догадливые англичане сразу же сообразили, что в тактике французов произошел коренной перелом: с проволочками и выжиданием покончено, началось решительное наступление. Поэтому противник, учтя изменившуюся обстановку, перебросил свои главные силы с северного берега на южный.

Великая новость облетела город: еще раз в своей истории, после многих лет тяжелых унижений, Франция готовится нанести сокрушительный удар. Та самая Франция, которая привыкла отступать, готовится к нападению; та Франция, у которой давно вошло в привычку уклоняться от ударов, теперь решила встретиться англичан лицом к лицу и разгромить их. Радость народа не знала пределов. Стены города были черны от людей, собравшихся взглянуть, как будет высту-

пать утром армия в необычном для нее виде: фронтом, а не тылом к стану врага. Можете себе представить, каково было всеобщее возбуждение и восторг, когда Жанна с развевающимся знаменем выехала на своем коне во главе войска.

Мы форсировали реку значительными силами. На это трудное дело у нас ушло много времени, так как лодки были малы, да и тех не хватало. Без всяких препятствий мы высадились на островке Сент-Эньян. Наведя через узкий проток временный мост, мы, не встречая сопротивления, устремились организованно дальше, вдоль южного берега. И как только наши первые лодки отчалили от орлеанского берега, англичане разрушили форт Сен-Жан и заняли укрепления у моста. Случилось именно то, что предсказывала Жанна, когда возражала совету.

Мы двигались вниз по берегу, и Жанна водрузила свое знамя перед фортом Августинцев – первой из грозных бастилий, защищавших мост. Раздался сигнал: «На приступ!» – и одна за другой последовали две великолепные атаки. Но мы были еще слабы, так как наши основные силы находились на подходе. Не успели мы приготовиться к третьей атаке, как из форта Сен-Приве вышел большой отряд и бросился на помощь гарнизону, засевшему в главной крепости. Противник приближался стремительно, и тогда из форта Августинцев также сделали вылазку. Оба гарнизона ринулись на нас, и наша маленькая армия, рассыпавшись, обратилась в бегство. Враг преследовал нас, в ярости рубя направо и налево, осыпая оскорблениями и насмешками.

Жанна изо всех сил старалась вновь собрать своих воинов, но они растерялись, и на некоторое время ими овладел безумный страх перед разъяренными англичанами. Терпение Жанны лопнуло, она остановилась, приказала горнистам трубить атаку и, повернувшись, воскликнула:

– Если среди вас найдется хоть десяток храбрецов, то и этого достаточно. За мной!

И она помчалась на врага, а за ней те несколько десятков воинов, которые услышали ее призыв и воодушевляющий клич. Противник, гнавшийся за французами, был поражен, увидев скачущую прямо на него Жанну с горсточкой храбрецов. Суеверный страх охватил его. «Вот она, колдунья, исчадие ада!» – подумали англичане и, не успев разобраться в обстановке, повернули назад и побежали в панике.

Наши отступающие эскадроны, услышав звуки труб, вздрогнули и оглянулись. Увидев знамя Девы впереди и группу отважных, преследующих беспорядочно бегущего неприятеля, они воспрянули духом и устремились за нами.

И как раз в это время подоспели войска Ла Гира. Он нагнал нас в тот момент, когда мы вновь водружали свое знамя перед крепостным валом Августинцев. Теперь мы были достаточно сильны. Большая и трудная задача стояла перед нами, но мы справились с ней до наступления ночи. Жанна увлекла нас личным примером, вместе с Ла Гиrom внушая нам, что мы можем и должны взять эту неприступную крепость. Конечно, англичане защищались, дрались, как умеют драться англичане. Этим сказано все. В дыму и пламени, осыпаемые градом ядер из пушек, оглушавших нас своим ревом, мы бросались на приступ с упорным ожесточением и, наконец, к закату солнца штурмом взяли форт и водрузили свое знамя на его стенах.

Форт Августинцев стал нашим. Крепость Турель тоже должна была попасть в наши руки, если бы мы захватили мост и сняли осаду. Одно важное дело мы выполнили, теперь Жанна принялась за другое: нам было предложено оставаться на месте, отдыхать с оружием в руках, всеми силами удерживать занятые позиции и быть готовыми к бою на следующее утро. Жанна не могла позволить, не допускала и мысли, чтобы солдаты были деморализованы грабежами, пьянством и разгулом, а поэтому приказала немедленно сжечь форт Августинцев вместе со всеми его запасами, кроме артиллерии и боевого снаряжения.

Все устали после трудного, горячего дня, не исключая, конечно, и самой Жанны, тем не менее, она хотела остаться с армией у стен Туреля, чтобы быть готовой к завтрашнему штурму. Военачальники воспротивились этому и, наконец, убедили ее отправиться в город, чтобы хорошенько отдохнуть и набраться сил к предстоящей битве; кроме того, она получила ранение в ногу, и требовалась медицинская помощь. Итак, мы переправились через реку и вернулись домой.

Орлеан шумел, охваченный радостью: звонили колокола, все кричали, попадались даже пьяные. Мы ни разу не могли выйти из города или войти в него, не вызвав всеобщего ликования. Последние семь месяцев были слишком печальны, и теперь впервые народ имел возможность

повеселиться от души.

Глава XXI

Чтобы избавиться от обычной толпы посетителей и отдохнуть, Жанна прошла с Катериной прямо в комнату, которую они занимали вдвоем. Там они поужинали и перевязали рану. И сразу же, вместо того чтобы лечь спать, Жанна, несмотря на свою усталость, протесты и угрозы Катерины, послала за мной Карлика, сказав, что ей необходимо направить гонца в Домреми с письмом к матери, которое прочтет ей священник Фронт. Я немедленно явился, и она начала диктовать. После теплых приветственных слов к матери и семье она велела написать:

«А вынуждена я обратиться к вам, дорогая родительница, по следующей причине: если в скором времени вы услышите, что я ранена, не придавайте этому никакого значения и не верьте тому, кто попытается убедить вас, будто моя рана серьезна».

Она хотела продолжать, но тут вмешалась Катерина:

– Ах, как можно! Ее напугают такие слова. Вычеркни их, Жанна, вычеркни. Подожди денек, самое большее – два, а потом напишешь, что была ранена в ногу, но уже все прошло, ведь и в самом деле нога к тому времени заживет или почти заживет. Не огорчай ее, Жанна, а сделай, как я тебе говорю.

Жанна рассмеялась. И смех ее, неудержимый, непринужденный, смех безмятежной души напоминал собой звон колокольчиков, – таков был ее ответ. Потом она сказала:

– Это ты о ноге? Стоит ли писать о пустячной царапине? Я ведь не об этом, любезная Катерина.

– А разве у тебя есть другая рана, более опасная? Ах, бедняжка, что же ты молчишь? О чем ты думаешь?

Испуганная Катерина вскочила, чтобы немедленно вызвать лекаря, но Жанна, взяв ее за руку, усадила на место.

– Ну, ну, успокойся, – сказала она, – пока нет никакой другой раны. Я пишу о той, которую получу завтра, когда мы будем штурмовать крепость.

Катерина посмотрела на нее изумленным, непонимающим взглядом и огорченно спросила:

– О ране, которую ты получишь завтра? Но зачем же расстраивать мать, если этого, быть может, и не случится?

– Нет, случится. Непременно случится, Загадка оставалась неразгаданной. Катерина в недоумении воскликнула:

– Случится?! Как ты можешь утверждать такое? Я... я... Это недоступно моему разуму. О Жанна, такое предчувствие ужасно! Оно лишает человека спокойствия и мужества. Выбрось это из головы! Забудь об этом! Иначе ночь превратится для тебя в кошмар, и ты только измучишь себя. Лучше будем надеяться...

– Это не предчувствие, а уверенность, и я совершенно спокойна. Только неуверенность может быть источником тревоги, а тут совсем другое.

– Жанна, и ты знаешь, что это должно случиться?

– Да, знаю. Мои голоса сообщили мне.

– Ах, – промолвила Катерина, смиряясь, – если они тебе сообщили... А ты уверена, что это были они? Ты убеждена?

– Да, убеждена. Так будет – в этом нет сомнения.

– Какой ужас! А когда ты узнала об этом? – Когда? Да вот уж несколько недель. – Жанна обратилась ко мне: – Луи, ты, должно быть, помнишь, сколько времени прошло?

– Впервые вы, ваше превосходительство, говорили об этом королю в Шиноне, – ответил я. – С тех пор прошло семь недель. Вы опять об этом упоминали двадцатого и двадцать второго апреля, две недели тому назад, о чем есть обстоятельная запись в моем дневнике.

Эти чудеса глубоко взволновали Катерину, но лично я давно перестал удивляться. Ко всему на свете можно привыкнуть.

– И это должно случиться завтра? Непременно завтра? Именно в этот день? – спросила Ка-

терина. – А ты не ошиблась, не перепутала чисел?

– Нет, – ответила Жанна. – Дата точная: седьмого мая.

– В таком случае, сиди дома, пока не пройдет этот страшный день. Ни шагу отсюда, слышишь! Я прошу тебя, Жанна. Обещай, что останешься с нами.

Но Жанну нельзя было убедить. Она возразила:

– Теперь уже ничем делу не поможешь, любезная Катерина. Все равно я буду ранена, и непременно завтра. От судьбы не спрячешься. Мой долг велит мне завтра быть в строю. И я должна идти, если бы даже там ждала меня смерть. Могу ли я остаться из-за боязни, что буду ранена? О, нет, мы должны быть выше всего этого.

– Значит, ты твердо решила идти?

– Да, твердо. Единственное, что я могу сделать для Франции, – это воодушевить ее воинов на бой, внушить им волю к победе. – Она на мгновение задумалась, потом добавила: – Но не следует поступать безрассудно, и я готова удовлетворить твое желание, ведь ты так добра ко мне. Скажи, ты любишь Францию?

Я пытался сообразить, к чему она клонит, но так и не смог догадаться. Катерина воскликнула с упреком:

– Как можно задавать мне такой вопрос? Разве я в чем-нибудь провинилась?

– Итак, ты любишь Францию. Я в этом не сомневалась, дорогая. Не обижайся, а скажи: ты когда-нибудь лгала?

– Никогда в жизни не лгала преднамеренно. Выдумывать – выдумывала, но лгать – никогда.

– Хорошо. Ты любишь Францию и не умеешь лгать. Следовательно, я могу тебе довериться. Так вот: уйду я или останусь – зависит от твоего решения.

– Ах, Жанна, благодарю от всего сердца! Как это мило с твоей стороны! – Конечно, ты останешься и никуда не пойдешь!

В порыве радости она бросилась на шею Жанне и так пылко ее ласкала, что я в смущении опустил глаза, мечтая о несбыточном счастье. Как тяжело чувствовать себя обойденным, сознавать себя лишенным того, что считаешь самым драгоценным в этом мире!

Жанна сказала:

– В таком случае, сообщи в мою главную квартиру: завтра я не явлюсь.

– С удовольствием выполню поручение.

– Спасибо! Ты очень любезна. Но как ты это сделаешь? Донесение должно иметь официальную форму. Может, я сама составлю?

– Да, да. Тебе известны и обороты речи и правила приличий, а я в этом деле ничего не смыслю.

– Тогда пиши вот так: «Начальнику штаба предписывается довести до сведения всех королевских войск, охраняющих город и действующих на фронте, что главнокомандующий французской армии завтра не примет участия в битве с англичанами из боязни получить ранение». Подпись: Жанна д'Арк, рукою Катерины Буше, любящей Францию.

Наступила та особая, мучительная тишина, когда человек невольно бросает взгляд на окружающее, запоминая каждую мелочь. Жанна ласково улыбалась, а лицо Катерины залилось густым румянцем, ее губы задрожали, на глазах навернулись слезы. Наконец, она проговорила:

– О как мне стыдно за себя! Ты такая благородная, храбрая, умная, а я такая жалкая и глупая!

Она не выдержала расплакалась. Как мне хотелось обнять ее и утешить! Но это сделала Жанна, и мне ничего не оставалось, как быть молчаливым свидетелем. Жанна приласкала ее с нежностью, от всей души, и я мог бы поступить так же, но сознавал, что все это не к месту, было бы чересчур дерзко и поставило бы всех нас в неловкое положение. Я подавил свое желание и, надеюсь, поступил правильно, хотя потом меня не раз терзали сомнения: а вдруг я упустил удобный случай, который мог бы в корне изменить мою жизнь, придав ей красоту и счастье, чего – увы! – я никогда впоследствии не имел. Вот почему я и теперь с болью вспоминаю об этой сцене, стараюсь не думать о ней во избежание приступа острой тоски.

Как хороша, как хороша и полезна в этом мире легкая безобидная шутка! Она придает бодрости, делает нас человечнее, очищает от плесени наши сердца. Невинная ловушка, придуманная для Катерины, наглядно показала, какую нелепость она требовала от Жанны. Забавно, не правда ли, если хорошенько всмотреться? Даже Катерина перестала плакать и рассмеялась, представив себе удивление англичан, узнавших причину, почему французский главнокомандующий уклонился от участия в сражении. Она поняла, – это было бы им только на руку.

Мы опять принялись за сочинение письма, и, конечно, никто из нас больше не предлагал вычеркивать фразу о ранении. Жанна чувствовала себя прекрасно, но когда она начала передавать приветы всем прежним подружкам и сверстницам, товарищам детских игр, ей представилось наше село, Волшебное дерево, цветущие луга с пасущимися на них овцами, вся мирная прелесть нашего скромного уголка. Жанна перечисляла знакомые имена с нарастающим волнением, а когда дошла очередь до Ометты и Манжетты, она не могла сдержаться – голос ее пресекся, и она остановилась. Выждав с минуту, Жанна сказала:

– Передайте им мою любовь, мою горячую любовь, любовь от всего сердца! Не видеть мне больше родного дома. Никогда!

В это время вошел Паскерель, духовник Жанны, и представил храброго рыцаря, сьера де Рэ, посланного к нам с поручением. Рыцарь сообщил, что ему велено передать от имени совета следующее: поскольку замечательных свершений уже достаточно, надежнее и лучше довольствоваться тем, что бог дал; город хорошо снабжен продовольствием и в состоянии выдержать длительную осаду, а следовательно, было бы разумно снять войска с того берега реки и перейти к обороне. На том совет и порешил.

– Неисправимые трусы! – воскликнула Жанна. – Вот для чего они уговаривали меня оставить войско, с таким усердием ссылались на мою усталость. Передайте мое распоряжение не совету – я не стану разговаривать с этими переодетыми служанками, – а настоящим мужчинам: бастарду и Ла Гиру. Скажите им, что армия останется на месте, и если приказ не будет выполнен, ответственность ляжет на них. И еще скажите, что завтра утром наступление возобновится. Можете идти, любезный сьер.

Затем Жанна обратилась к своему священнику: – Встаньте пораньше и весь день не отлучайтесь от меня. Завтра мне предстоит много работы и меня ранят в ключицу.

Глава XXII

Мы поднялись на заре и после мессы выступили в поход. В зале нас встретил хозяин дома. Добрый старик сетовал, что Жанна отправляется в такой трудный путь не позавтракав, и просил ее задержаться и чего-нибудь поесть. Но у нее не было времени, а точнее – терпения, ибо она горела желанием как можно скорее захватить последнюю вражескую крепость, взятие которой завершило бы первый этап борьбы за освобождение Франции.

Старик Буше нашел другой предлог:

– Обратите внимание, мы, бедные осажденные жители города, за столько месяцев почти забыли вкус рыбы, но теперь мы опять запаслись рыбой, и все благодаря вам. У нас превосходный лещ на завтрак. Отведайте, прошу вас.

– О, скоро у вас будет вдоволь рыбы, – ответила Жанна. – Сегодня весь берег реки у города перейдет в ваше полное распоряжение.

– Ах, ваше превосходительство, вы трудитесь для нашего блага, это я знаю. Но мы не так уж много и требуем, даже от нас. Разве можно сделать все в один день, ведь у вас впереди целый месяц, – не спешите, останьтесь и поешьте хорошенько. Есть пословица о рыбаке, который дважды в день переправлялся в лодке через реку: сначала рыбку съешь, а потом лови, – поймал, не поймал – голодным не будешь.

– Эта пословица ко мне не подходит, так как сегодня я только один раз переправлюсь в лодке.

– Ах, не говорите этого! Разве вы не вернетесь к нам?

– Вернусь, но не в лодке.

– А как же тогда?

– По мосту.

– Вот еще – по мосту! Зачем же так шутить, дорогой генерал? Вы лучше послушайте меня. Рыба чудесная.

– В таком случае оставьте мне, пожалуйста, кусочек на ужин. Я еще приведу с собой какого-нибудь англичанина, и на его долю не забудьте оставить.

– Что ж, поступайте, как знаете. Но кто постится, тот не способен совершать подвиги. Как говорят: постился-постился, да и с силенкой простился. Когда же вы думаете вернуться?

– Когда сниму осаду Орлеана. Вперед!

Мы ускакали. Улицы были запружены горожанами и войсками, но выглядело все это мрачно. На лицах ни одной улыбки, всюду – уныние, словно на людей навалилось тяжкое бедствие, убившее надежды и предвещавшее смерть. Для нас это было непривычно и удивительно. Но едва появилась Дева, как все вокруг пришло в движение, все с нетерпением спрашивали друг у друга:

– Куда она мчится? Куда так торопится? Жанна в ответ воскликнула:

– А как вы думаете, куда? Штурмовать Турель.

Невозможно описать, какое впечатление произвели эти несколько слов. Глубокая печаль сменилась радостью, восторгом, безумием. Могучее «ура» потрясло воздух и покатилося по улицам, в одно мгновение вдохнув жизнь в мертвенно-унылую толпу, пробудив в ней желание действовать, волю к борьбе. Солдаты отовсюду стекались под наше знамя; многие из горожан хватали копья, алебарды и присоединялись к нам. По мере продвижения вперед силы наши все умножались, а громкое «ура», не затихая, несло даже из раскрытых окон, переполненных возбужденными жителями.

Выяснилось, что совет приказал запереть Бургундские ворота и выставил перед ними сильную охрану под командой отважного Рауля де Гокура, орлеанского бальи, с приказанием не выпускать Жанну из города, дабы сорвать намеченную атаку на вражеский форт. Сей постыдный акт и был причиной всеобщего уныния. Теперь это чувство исчезло, горожане верили, что Дева отменит распоряжение совета, и не ошиблись.

Когда мы достигли ворот, Жанна велела Гокуру открыть их и пропустить ее.

Он ответил, что это невозможно, сославшись на имеющееся у него строжайшее указание. Жанна возразила:

– Надо мной никто не властен, кроме короля. Если у вас есть королевский приказ, покажите.

– Сознаюсь, у меня нет такого приказа, генерал.

– В таком случае – прочь с дороги или вы будете отвечать за последствия.

Он принялся спорить, доказывая свою правоту, ибо, как и все прочие представители оппозиции, предпочитал словесные схватки конкретным делам. Жанна оборвала его болтовню краткой командой:

– В атаку!

Мы ринулись вперед и без труда миновали ворота. Приятно было видеть удивление бальи, не ожидавшего такого напора. Впоследствии он рассказывал, что его речь прервали именно в тот момент, когда он собирался выдвинуть свой самый веский довод, бесспорный и неотразимый, после чего она бы вернулась наверняка.

– О, конечно, ты бы убедил ее! – иронически согласился с ним его собеседник.

Мы проскочили блестяще, шумели, кричали, смеялись. Вскоре авангард, переправившись через реку, двинулся вниз по берегу на Турель.

Прежде чем приступить к штурму последней бастилии, мы должны были захватить земляной вал перед фортом, называемый «бульваром». Тыл этого «бульвара» соединялся с основной крепостью подъемным мостом, под которым текли воды быстрого, глубокого рукава Луары. «Бульвар» был сильно укреплен, и Дюнуа сомневался – возьмем ли мы его, но Жанна не колебалась. Все утро, до полудня, она обстреливала «бульвар» из орудий, а после полудня приказала перейти в наступление и лично повела войска на штурм. Окутанные пороховым дымом, нещадно

осыпаемые ядрами, мы покатались в ров, а Жанна, подбадривая солдат, начала взбираться вверх по приставной лестнице. И вот тут-то и случилось несчастье, предусмотренное ею заранее: железный дротик, пущенный из арбалета³⁶, ударил Жанну между шеей и плечом, пробив ее панцирь. Почувствовав острую боль и увидев хлынувшую кровь, она испугалась – бедная девушка! – и, свалившись на землю, горько заплакала.

Англичане завопили от восторга и целой ордой бросились вниз, чтобы схватить ее. В течение нескольких минут силы обоих противников были сосредоточены на этом клочке земли. Над Жанной и вокруг нее отчаянно дрались англичане и французы, ибо она представляла Францию, являлась для обеих сторон олицетворением Франции. Взять ее означало бы овладеть Францией, и на этот раз навсегда. Здесь, на этом маленьком клочке земли, за несколько минут навсегда должна была решиться судьба Франции, и она решилась.

Если бы тогда англичане схватили Жанну, Карл VII вынужден был бы бежать, и договор, заключенный в Труа, вошел бы в силу. Покоренная Франция, ставшая собственностью англичан, несомненно превратилась бы в английскую провинцию и прозябала бы в плену до скончания века. Честь нации и честь короля были поставлены на карту, и на решение давалось времени столько, сколько нужно, чтобы сварить яйцо. Это были самые роковые десять минут в истории Франции из всех когда-либо отсчитанных курантами вечности. Если вам придется читать в книгах о трагических часах, днях и неделях, определивших судьбу того или иного народа, вспомните о них и пусть ваше сердце, сердце француза, забьется сильнее, вспомните те неповторимые минуты, когда Франция в лице Жанны д'Арк лежала во рву, истекая кровью, и два народа боролись за нее насмерть.

Не забудьте вспомнить и богатыря Карлика, который, не отходя от Жанны, сражался за шестерых. Держа секиру обеими руками, он ударял ею наотмашь и при каждом взмахе произносил лишь два слова: «За Францию!» Разрубленный шлем врага разлетался на части, хрустнув, как яичная скорлупа, а голова, носившая его, навсегда теряла способность оскорблять Францию. Карлик навалил перед собой множество трупов, груды закованных в железо мертвецов и, стоя сзади, продолжал драться. Когда, наконец, победа была за нами, мы окружили его со всех сторон, прикрывая щитами, а он с Жанной на руках выбрался по лестнице из глубокого рва, неся свою драгоценную ношу так легко, будто держал ребенка. Прямая угроза миновала. Встревоженные воины толпой сопровождали Жанну, с головы до ног залитую кровью, своей и вражеской. Там, во рву, тела убитых падали около нее, кровь увлажняла землю и струилась потоками, и ее белые латы окрасились в красный цвет. Смотреть на них было жутко.

Дротик все еще торчал в ране. Утверждают, что он насквозь пробил ключицу. Может, это и правда, но я не видел, даже не пытался увидеть. Дротик извлекли, и бедная Жанна снова жалобно вскрикнула. Утверждают, что она вынула его сама, так как другие не решались, боясь причинить ей боль. Как бы там ни было, я знаю только то, что дротик извлекли, рану смазали маслом и перевязали по всем правилам.

Ослабевшая, измученная Жанна долго лежала на траве, настаивая, чтобы сражение не прекращалось. И оно продолжалось, но безуспешно, потому что только под ее личным наблюдением солдаты превращались в героев и ничего не боялись. Они напоминали мне Паладина. Я полагаю, он боялся своей собственной тени, особенно после полудня, когда она становилась длиннее и больше. Но стоило Паладину оказаться вблизи Жанны, почувствовать на себе ее ободряющий взгляд, как он мгновенно преображался, превращаясь в льва. Страх улетучивался бесследно, – и это истинная правда.

К вечеру Дюнуа прекратил сражение. Жанна услышала звуки труб.

– Как! – закричала она. – Трубят отбой?

Забыв о своей ране, она немедленно отменила распоряжение Дюнуа и приказала офицеру, командиру батареи, дать пять последовательных залпов. Это был сигнал отряду Ла Гира, нахо-

³⁶...железный дротик, пущенный из арбалета. — Железные дротики — холодное оружие в виде стрел, широко применялось в средневековых войнах вплоть до появления огнестрельного оружия. Арбалет (от франц. *arbalette* — самострел) — старинное оружие особого устройства — лук для метания дротиков, стрел, камней и пр.

дившемуся на орлеанской стороне реки. Ла Гира, как утверждают некоторые историки, не было тогда с нами. Этот сигнал означал, что «бульвар» вот-вот попадет в наши руки, и тогда отряд Ла Гира должен произвести контратаку на Турель через мост.

Жанна села на коня и помчалась вперед в окружении штаба. Увидев нас, солдаты грянули громовое «ура» и воспылали желанием броситься в новую атаку на «бульвар». Жанна прямо поскакала к тому рву, где была ранена, и, стоя там под градом дротиков и стрел, приказала Паладину развернуть свое большое знамя и заметить, когда его бахрома коснется стен крепости.

Вскоре Паладин доложил:

– Знамя коснулось.

– А теперь, – обратилась Жанна к батальонам, ожидавшим ее команды, – крепость принадлежит вам, входите! Трубачи, играйте приступ! Всем слушать мою команду – вперед!

И мы рванулись, и мы пошли. И уж тут-то мы показали себя! Никогда в жизни вам не приходилось видеть такого напора. Мы, как муравьи, поползли вверх по лестницам, сплошной лавиной взметнулись на высокий вал, на зубчатые бастионы, – и «бульвар» стал нашим. Право, можно прожить тысячу лет и ни разу не видеть такой великолепной картины! Зазвенели мечи, копья скрестились с копьями. Мы дрались, как дикие звери, и не было пощады этим обреченным врагам, и не было для них другого убеждения, кроме разящего удара! Даже, мертвые они нам казались опасными. По крайней мере, так думали многие в те незабываемые дни.

Мы так были увлечены своим делом, что не обратили внимания на пять оружейных залпов, а они раздались сразу же после того, как Жанна приказала наступать. И пока мы били англичан, а они били нас в малой крепости, наш резерв со стороны Орлеана устремился по мосту и атаковал Турель с противоположной стороны. Вниз по течению реки была пущена горящая барка; ее подвели под самый подъемный мост, соединявший Турель с нашим «бульваром». И когда, наконец, мы погнались англичан перед собой, а они пытались перебежать узкий мост и присоединиться к своим в Туреле, пылающие бревна провалились под ними, и они все попадали в реку в своих тяжелых доспехах. Горестно было смотреть на храбрых солдат, погибавших таким ужасным образом.

– Да помилует их бог! – промолвила Жанна и прослезилась, созерцая печальное зрелище. Она произнесла слова прощения и пролила слезы сострадания, несмотря на то, что три дня тому назад один из этих утопающих грубо оскорбил ее, назвав непристойным именем, когда получил от нее письмо с предложением сдаться. Это был английский военачальник сэр Вильям Гласдель, весьма доблестный рыцарь. Закованный в броню, он, как топор, пошел ко дну и, конечно, больше не вынырнул.

Мы наскоро соорудили нечто, напоминавшее мост, и бросились на последний оплот англичан, отделявший Орлеан от друзей и баз снабжения. И не успело еще закатиться солнце, как этот исторический день закончился полной победой. Знамя Жанны д'Арк развевалось над фортом Турель. Она с честью сдержала свое слово и сняла осаду Орлеана!

Семимесячному окружению наступил конец. Осуществилось то, что казалось невозможным для опытных полководцев Франции. Маленькая семнадцатилетняя крестьянская девушка довела до конца свое бессмертное дело в течение четырех дней, несмотря на все козни, чинимые ей королевскими министрами и военными советниками. Хорошая новость, как и плохая, распространяется быстро. Пока мы готовились к возвращению торжественным маршем через мост, весь Орлеан сиял от праздничных костров, и вечернее небо, все в ярком зареве, широко улыбалось земным огням; грохот пушек и несмолкаемый звон колоколов сотрясали воздух. За все время своего существования Орлеан никогда еще не был свидетелем такого шума, блеска и ликования.

Когда мы прибыли туда, – нет, это не поддается никакому описанию! – толпы людей, сквозь которые мы с трудом пробивались, проливали такие ручьи счастливых слез, что река могла бы выйти из берегов. Не было ни одного человека в этом море огня, в этом ослепительном зареве, глаза которого оставались бы сухими. Если бы ноги Жанны не были закованы в броню, ей бы грозила опасность лишиться их, столь обильно народ осыпал их пылкими поцелуями. Кругом только и слышалось – «Ура! Да здравствует Орлеанская Дева!» Таков был общий крик; он повторялся сотни тысяч раз. А некоторые кричали просто: «Да здравствует наша Дева!»

История не знает женщины, которая достигла бы такого величия, как Жанна д'Арк в этот день. Вы, может быть, думаете, это ей вскружило голову и она засиделась допоздна, упиваясь музыкой приветствий и похвал? Нет. Другая бы так и поступила, но только не она. В ее груди билось самое благородное и самое простое сердце. Она сразу же отправилась спать, как и всякий ребенок, когда он устал. Народ, узнав, что она ранена и собирается отдыхать, закрыл все шлагбаумы и приостановил полностью движение в этом квартале. На всю ночь была выставлена стража, чтобы охранять ее сон. «Она дала нам покой, – говорили люди, – пусть же и сама отдохнет».

Люди знали, что завтра же вся провинция будет очищена от англичан, и говорили, что всегда будут отмечать этот благословенный день в память о Жанне д'Арк. Правдивость этих слов подтверждается вот уже более шестидесяти лет, Орлеан будет вечно помнить день восьмого мая и никогда не перестанет праздновать его. Это – день Жанны д'Арк, день священный³⁷.

Глава XXIII

Утром, на рассвете, Тальбот и английские войска оставили свои бастилии и ушли, ничего не предав огню, не разрушив, не захватив с собою, покинув все укрепления в их прежнем виде, с запасами провианта, оружия и снаряжения, необходимыми для продолжительной осады. Людям просто не верилось, что все это действительно свершилось, что они вновь обрели свободу и беспрепятственно могут входить и выходить через любые городские ворота. Не верилось, что грозный Тальбот, этот палач французов, одно имя которого могло парализовать французскую армию, сломлен, побежден и отступает, преследуемый какой-то девчонкой.

Город опустел. Из всех ворот толпами валили горожане. Как муравьи, они кишели вокруг английских фортов, подымая невероятный шум: выкатывали пушки, забирали провиант, а затем все двенадцать фортов превратили в гигантские костры, напомилавшие извержение вулканов; черный дым высокими столбами взвивался ввысь, подпирая безоблачный небосвод.

Восторг детей выражался по-иному. Для самых маленьких семь месяцев осады – это целая жизнь. За это время они ничего не видели, кроме пыльных улиц и переулков, забыли о весне и траве, и бархатные зеленые луга с журчащими ручьями казались им раем. После многих месяцев мрачного и томительного плена обширные равнины, простиравшиеся за городской чертой, казались им чудом. Они бегали, кувыркались, резвились по живописным берегам реки и возвращались домой в сумерках с охапками цветов, с раскрасневшимися щеками, здоровые, бодрые от свежего воздуха и быстрой ходьбы.

Уничтожив крепости врага, взрослое население весь день ходило за Жанной из церкви в церковь, вознося благодарственные молитвы за освобождение города. А вечером все чествовали Жанну и ее генералов. Улицы были иллюминированы, и все, от мала до велика, пиروвали и веселились. Перед рассветом, когда люди спали крепким сном, мы уже были в седлах и ехали в Тур, чтобы известить короля о победе.

Это праздничное шествие вскружило бы голову любому, но не Жанне. Всю дорогу мы ехали между двумя рядами ликующих благодарных крестьян. Они толпились вокруг Жанны, чтобы прикоснуться к ее ногам, к ее коню, к ее доспехам, а были и такие, что становились на колени посреди дороги и целовали следы подков ее коня.

Слава о ней гремела по всей стране. Самые именитые отцы церкви писали королю, перевозноя Деву, приравнивая ее к святым праведницам и библейским героям. Они предостерегали короля не допускать, чтобы «неверие, неблагодарность и прочие несправедливости препятствовали Промыслу божьему посылать помощь через нее». Возможно, в этом была какая-то доля пророчества, вполне возможно, но, мне думается, это больше свидетельствует о том, как хорошо эта духовная знать представляла себе вероломный, низкий характер короля.

Король сам выехал в Тур, чтобы встретить Жанну. Теперь это жалкое существо называют

³⁷ И поныне этот день ежегодно отмечается во Франции со всеми воинскими почестями и гражданскими церемониями. (Примечание М.Твена.)

Карлом Победителем в честь побед, одержанных для него другими, но в наше время у него было другое прозвище, более метко характеризующее его личные заслуги, – мы называли его Карлом Подлым. Когда мы явились на аудиенцию, он восседал на троне, окруженный свитой разодетых в блестящую мишуру щеголей и франтов. Весь затянутый в трико, он напоминал раздвоенную морковку; ноги его были обуты в башмаки с узкими носками длиной в целый фут, которые ему приходилось задира́ть вверх, к коленям, чтобы не мешали при ходьбе; плечи короля украшала бархатная пурпурная накидка, короткая, до локтей; на голове – высокий головной убор из фетра в виде наперстка, перевязанный бисерной лентой, куда, как в чернильницу, было воткнуто перо; из-под этого наперстка свисали до плеч густые, жесткие волосы, слегка загнутые по концам, так что голова его вместе с головным убором и волосами напоминала приспособление для игры в волан³⁸. Одежды его были богаты и ткани яркие. На коленях он держал крохотную левретку, свернувшуюся калачиком, которая при малейшем тревожившем ее движении рычала и злобно скалила зубы. Придворные щеголи были разодеты почти так же, как и король. Я вспомнил, как Жанна назвала членов военного совета Орлеана «переодетыми служанками», и мне сразу представились прожигатели жизни, шаркуны, беззаботно проматывающие свое состояние. Это название вполне подходило и к придворным канальям.

Жанна упала на колени перед монархом Франции и той презренной тварью, что лежала у него на коленях. Мне было так больно смотреть на это. Что сделал этот ничтожный человек для своей страны, для своих соотечественников, чтобы Жанна или кто другой преклонялись пред ним? Ведь Жанна только что совершила самый великий подвиг за все эти пятьдесят лет ради спасения Франции и освятила его собственной кровью. Им следовало бы поменяться местами.

Однако будем справедливы и отметим, что Карл в основном вел себя хорошо, гораздо лучше, чем обычно. Он передал собачку одному из придворных и снял шапку перед Жанной, словно она была королевой. Потом сошел с трона, сам поднял ее на ноги, радостно поздравил ее и поблагодарил за доблестный подвиг и верную службу. Мои предубеждения относятся к более позднему времени. Я бы не говорил о нем дурно, если бы он так действовал всегда.

На сей раз король вел себя прилично и, обращаясь к Жанне, сказал:

– Не преклоняйтесь предо мной, мой несравненный генерал. Вы сражались по-королевски и заслуживаете королевских почестей.

Заметив, что она бледна, он продолжал:

– Вам не следует стоять. Вы пролили свою кровь за Францию, и ваша рана еще свежа. Пойдемте! Он усадил ее и сам сел рядом.

– Ну, а теперь говорите со мной откровенно, как с человеком, который вам многим обязан и открыто признается в этом перед всеми присутствующими. Какой бы вы желали награды? Назовите ее.

Мне стало стыдно за короля, хотя это было и несправедливо с моей стороны. Разве можно было требовать, чтобы он постиг душу этой удивительной девушки за несколько недель, когда мы сами, зная всю ее жизнь, каждый день находили в чертах ее характера все новые красоты и добродетели, о существовании которых даже не подозревали? Но такова природа человека: если мы что-нибудь знаем, то к тем, кто этого не знает, относимся презрительно. Мне стало стыдно и за королевских придворных; они облизывались и глотали слюнки, завидуя успеху Жанны, хотя знали ее не лучше, чем их бездарный король. Щеки Жанны зарделись при мысли, что она трудилась для отечества ради награды. Она опустила голову и старалась спрятать лицо, как это обычно делают девушки, когда чувствуют, что краснеют. Неизвестно почему, но это именно так: чем больше они краснеют, тем больше смущаются, и чем больше смущаются, тем невыносимее для них посторонний взгляд. Король усугубил неловкость положения, обратив внимание на Жанну. Разве можно смотреть на девушку, когда она краснеет? Иногда, в незнакомой компании, когда вдруг все начинают пялить глаза, она может даже расплакаться, особенно, если находится в поре цветущей юности, как Жанна. Один бог знает причину этого, людям она неизвестна. Что касает-

³⁸...для игры в волан. — Волан (франц. volant) — небольшой, закругленный по концам кусок дерева с насаженными у одного конца перьями. Употребляется для игры, носящей то же название — игра в волан.

ся меня, то я краснею только тогда, когда начинаю чихать. Впрочем, эти рассуждения к делу не относятся, и я продолжу свой рассказ.

Король, видя смущение Жанны, счел возможным слегка пошутить, отчего она еще больше сконфузилась, вспыхнув как огонь. Сообразив, что поступил нетактично, он попытался успокоить ее и вежливо заметил, что румянец ей очень к лицу и что ей ни в коем случае не следует расстраиваться. Это было сказано так убедительно, что даже собачка подняла морду и наострила уши. После чего щеки Жанны стали пунцовыми, а из глаз брызнули слезы. Как я предчувствовал, так и случилось. Король» опечалился и сразу же переменял тему разговора. Он начал измышлять всевозможные комплименты, восхваляя ее отвагу при взятии Туреля, а потом, когда она немного успокоилась, снова напомнил о награде, настаивая, чтобы она высказала свое желание. Все с нетерпением ждали, чего же потребует Жанна. Когда, наконец, она заговорила, по выражению их перекошенных лиц можно было определить, что никто из них не ожидал такого ответа.

– О дорогой, милостивый дофин! У меня только одно желание, только одно. Чтобы ты...

– Не бойся, дитя мое, продолжай.

– Чтобы ты не терял попусту времени. Дорог каждый день. Моя армия сильна и полна мужества. Она горит желанием довести начатое дело до конца. Поезжай со мной в Реймс и возложи корону на свою голову.

Если бы вы видели, как вздрогнул беззаботный король, услышав эти слова! В своих крылатых одеждах он напоминал мотылька, готового взлететь.

– В Реймс! Это невозможно, любезнейший генерал! Пройти через самый центр расположения английских сил?

Нет, это были не настоящие французы! Ни один из этих выхоленных шалопаев не пришел в восторг от мужественного предложения девушки, наоборот, все радостно заулыбались, услышав возражение короля. Променять сытую праздность на трудности и лишения войны? Как это было неприятно для порхающих мотыльков! Они передавали друг другу изящные бонбоньерки с конфетами и шепотом одобряли практическую мудрость мотылька, восседающего на троне. Жанна с мольбой обратилась к королю:

– Прошу тебя, не упускай такого удобного случая. Все благоприятствует нам. Обстановка сложилась весьма удачно. Победа слишком свежа, и воинственный дух нашего войска еще не остыл. Надо действовать, пока англичане деморализованы поражением. Любая задержка может изменить обстановку. Видя, что мы колеблемся, не спешим использовать свои преимущества, наши солдаты будут удивлены, начнут сомневаться и потеряют мужество; видя, что мы колеблемся, англичане обретут уверенность, воспрянут духом и снова обнаглеют. Наступил решающий момент. Умоляю, согласись ехать!

Король покачал головой, а ла Трёмуйль, которому предложили высказаться, горячо поддержал короля:

– Сир, это противоречит благоразумию. Подумайте об английских укреплениях вдоль Луары; подумайте и о тех, которые находятся между нами и Реймсом.

Он хотел было продолжать, но Жанна, резко обернувшись, прервала его:

– Если мы будем медлить, неприятель получит подкрепления, и разбить его будет труднее. Какая от этого нам польза?

– Никакой.

– А если так, что же вы предлагаете? У вас есть конкретные предложения?

– Я думаю, следует ждать.

– Ждать? Чего же?

Министр замялся, понимая, что никаких веских доводов у него нет. Кроме того, он не привык, чтобы его допрашивали таким образом, устраивая ему экзамен на глазах у всех. Он раздраженно заметил:

– Государственные дела не являются предметом публичного обсуждения.

Жанна весьма вежливо возразила:

– Прошу прощения, мой поступок продиктован моей неосведомленностью. Я не знала, что

дела вашего ведомства являются государственными делами.

Министр насмешливо поднял брови и ядовито произнес:

– Я – главный министр короля, и мне непонятно, как вы могли заявить, что дела, относящиеся к моему ведомству, не являются делами государственными? Объясните, пожалуйста.

Жанна спокойно ответила:

– Потому что нет государства.

– Нет государства?

– Да, сир, нет государства и нет надобности в министрах. Франция сократилась до маленького клочка земли площадью в несколько акров. Ею мог бы управлять констебль шерифа³⁹. Ее дела нельзя признать государственными. Слишком громкое название.

Король, нисколько не смутившись, добродушно рассмеялся. Придворные также засмеялись, но беззвучно, из предосторожности отвернувшись в сторону. Ла Тремуйль в гневе открыл было рот, чтобы возразить, но король поднял руку и промолвил:

– Вот что. Я беру ее под свое королевское покровительство. Она сказала правду, правду без прикрас. Как редко я слышу правду! При всем моем блеске, при всем окружающем меня блеске, – я только шериф, бедный, несчастный шериф, владеющий двумя жалкими акрами земли, а ты всего лишь констебль, – и он снова от души рассмеялся. – О, Жанна, мой правдивый, честный генерал, вы должны назначить себе награду! Я пожалую вам дворянский титул: На вашем гербе будет красоваться корона с лилиями Франции, а вместе с ними и ваш победоносный меч, защищающий их. Говорите же.

Придворные оживленно зашептались, охваченные удивлением и завистью. Жанна покачала головой:

– Ах, не надо, дорогой и благородный дофин. Разве это не высочайшая награда – трудиться для блага Франции и отдавать свою жизнь за Францию? К ней нельзя ничего прибавить. Ничего! Дай мне одну-единственную награду, ту, что я прошу у тебя, – самую дорогую из наград, самую высокую: следуй за мною в Реймс и получи свою корону. Молю тебя на коленях...

Но король положил ей руку на плечо, и огонек отваги сверкнул в его глазах. Он твердо заявил:

– Не преклоняйте колен. Вы победили меня. Да будет так, как вы...

Предостерегающий жест министра прервал его речь, и он добавил к удовольствию всего двора:

– Хорошо, хорошо, мы все обдумаем и посмотрим. Вас это устраивает, мой неутомимый маленький воин?

Лицо Жанны просияло, когда она услышала его первые слова, но от последних слов ей стало грустно, глаза ее погасли и затуманились слезами. Спустя минуту, она заговорила в страстном порыве:

– О, не пренебрегай мною, умоляю тебя! Не пренебрегай, времени так мало!

– Мало времени?

– Всего один год. Я проживу только год, не больше.

– Полно, дитя мое, в твоём юном здоровом теле ещё добрых пятьдесят лет жизни.

– О нет, ты ошибаешься. Да, да, ты ошибаешься. Через год наступит конец. Времени так мало, так мало! Мгновения быстротечны, а впереди ещё столько дел! Не пренебрегай мною и не медли. Прекрасная Франция на грани жизни и смерти!

Даже эти придворные насекомые были тронуты ее пламенными речами. Король, глубоко взволнованный, погрузился в раздумье. Вдруг глаза его радостно вспыхнули, он встал, обнажил меч и высоко поднял его, потом медленно опустил меч на плечо Жанны и произнес:

– О, ты так скромна, так преданна, великодушна и благочестива! Ударом меча жалую тебе дворянский титул и тем самым присоединяю тебя к избранным Франции, – там твоё место. И в

³⁹...констебль шерифа. — Констебль (от англ. constable) — полицейский. Шериф (англ. sheriff) — в современной Англии и США, а в описываемые в романе времена и во Франции — высшее административное и судебное должностное лицо графства или области.

знак уважения к тебе мы отныне возводим в дворянское звание всю твою семью, твоих родных и их потомков, рожденных в браке не только по мужской, но и по женской линии. Но это не все, не все. Чтобы отличить твой род и возвысить его над всеми другими, мы прибавляем привилегию, которая еще никому не была пожалована в истории наших владений: все лица женского пола из вашей фамилии будут пользоваться правом передавать свое дворянство и мужьям своим, если те окажутся более низкого происхождения.

После милостивых слов короля придворные подобострастно заулыбались, выражая свое крайнее изумление и нескрываемую зависть. Король умолк и окинул взором присутствующих с явным наслаждением.

– Встаньте, Жанна д'Арк, отныне и впредь вы будете именоваться де Лис – в знак благодарного признания могучего богатырского удара, который вы нанесли, защищая лилии Франции. И эти лилии, и королевская корона, и ваш собственный победоносный меч дополняют друг друга, будут украшать ваш герб и навеки останутся символом вашего высокого дворянского звания.

Когда госпожа де Лис встала, позолоченные сыны и дочери всех рангов и всех привилегий устремились вперед, чтобы поздравить ее со вступлением в их ряды и назвать ее впервые вновь пожалованным именем. Но она была весьма встревожена и сказала, что такие почести не для нее, простой девушки из народа, и что, если ей будет оказана эта милость, она желала бы сохранить свое прежнее имя, оставаться Жанной д'Арк, и только.

И только! Разве можно придумать имя более возвышенное, более благородное! Госпожа де Лис! Как это мелко, тщеславно и недолговечно! Но Жанна д'Арк! Один звук этого светлого имени заставляет трепетно биться сердца!

Глава XXIV

Досадно было смотреть на то, что творилось в городе, а затем и по всей стране, когда распространилась эта новость. Жанне д'Арк пожалован дворянский титул самим королем! У людей вскружились головы, помутился рассудок. Вы не можете себе представить, как на нее пялили глаза, как ей завидовали! Словно на нее свалилось необыкновенное, огромное счастье. Но мы вовсе не считали это событие таким значительным. По нашему мнению, никто не мог прибавить славы Жанне д'Арк. Для нас она была солнцем, сияющим в небе, а ее новоиспеченный титул – тусклой свечкой, мерцание которой незаметно в лучах дневного светила. К своему титулу она и сама была равнодушна и безразлична, как солнце к мерцанию свечки.

Совсем по-иному чувствовали себя ее братья. Они были счастливы и гордились своим высоким положением, что вполне понятно. И Жанна искренне радовалась, видя их детский восторг. Король был догадлив. Воспользовавшись ее горячей привязанностью к семье и родным, он ловко обошел ее со стороны и сумел-таки навязать ей свою милость.

Жан и Пьер охотно выставляли свой герб напоказ, и всюду они были желанными гостями – и у знатных и у простого народа. Наш знаменосец говорил не без горечи, что только сейчас им дано отведать всех благ жизни, они с таким аппетитом вкушают свою славу, что готовы не спать, ибо кто же во сне помнит, что он дворянин, – поэтому сон для них есть не что иное, как напрасная трата времени. Потом добавил:

– Впрочем, они не могут занимать место впереди меня на военных торжествах и церемониях. Но когда дело коснется гражданских и общественных мероприятий, они, как я полагаю, преспокойненько поплетутся за тобой и рыцарями, а мы с Ноэлем будем шествовать сзади. Не так ли?

– Да, – согласился я, – ты, пожалуй, прав.

– Вот этого-то я и боялся, именно этого, – вздохнул знаменосец. – Как это боялся? Болтаю, как дурак. Я знал об этом и раньше. Разве я мог не знать? Болтаю, как дурак...

Ноэль Ренгессон заметил глубокомысленно:

– Я это сразу почувствовал. Мы рассмеялись.

– Почувствовал, говоришь? Видали, какой умник нашелся! Подожди, я сверну тебе шею когда-нибудь, Ноэль Ренгессон.

В разговор вмешался сьер де Мец:

– Паладин, твои опасения еще не так велики. В действительности все гораздо хуже. Неужели ты не понимаешь, что на гражданских и общественных церемониях они имеют преимущества над всеми членами штаба, над каждым из нас?

– Неужели? Быть не может.

– Ты убедишься сам. Посмотри на их герб. Главный рисунок на нем – лилии Франции. Не простые лилии, а королевские! Ты представляешь, что это значит? Они начертаны там волею короля. Ты представляешь, что это значит? Правда, лилии изображены не полностью, но тем не менее, занимают четверть герба. Какое великолепие, какая честь! Пойми, оцени, вдумайся! И нас пустят впереди этих парней? Ни за что! В лучшем случае разрешат смотреть им в спину. По-моему, во всем королевстве не сыщешь дворянина, который мог бы идти впереди них, кроме, пожалуй, герцога Алансонского, да, именно герцога Алансонского – принца королевской крови.

Теперь Паладин был обезоружен, и его можно было свалить с ног одним ударом гусяного пера. Он побледнел, с минуту беззвучно шевелил губами, потом пробормотал:

– А я-то ничего и не знал! Откуда я мог знать об этом? Дурак, дурак, тысячу раз дурак! Встретив их сегодня утром, я крикнул им, как и всегда: «Эй! Здорово, друзья!» Я совершенно забыл о правилах этикета. Но разве я мог знать хотя бы половину того, что вы только что сказали. Вот уж осел! Осел самый настоящий!

– Да, есть некоторые черты сходства, – небрежно заметил Ноэль Ренгессон. – Но мне непонятно, почему ты так удивлен?

– Непонятно! Непонятно! А разве ты не удивлен?

– Нет, для меня это не новость. Есть люди, которым свойственно удивляться. Если же подобное свойство закрепить на все время, то, в конечном счете, оно перейдет в однообразие, а всякое однообразие переходит в монотонность, монотонность же порождает скуку. Вот если бы ты заявил, что твое удивление есть результат привычных свойств осла – это было бы и логично и разумно. Выражать же изумление по этому поводу – это значит наверняка быть ослом, ибо состояние духа, заставляющее человека удивляться и волноваться без особых причин, а только в силу привычки, является...

– Довольно, хватит, Ноэль Ренгессон! Прикуси язык и проглоти свои длинные слова обратно. У меня в ушах трещит. Терпеть не могу твоей болтовни!

– Ого! Мне это нравится! Я ведь не спрашивался на разговор с тобой, а наоборот, пытался уклониться. Если тебе не по вкусу моя болтовня, тогда зачем ты вовлекал меня в разговор?

– Это я-то? Вот уж не думал.

– Не думал, а вовлек. Я имею законное право обижаться, и меня обижает твое грубое обращение. Мне кажется, что когда человек пристаёт, навязывается и силой втягивает другого в разговор, то с его стороны непристойно и нечестно заявлять, что его собеседник занимается болтовней.

– Ах, бедненький, он сейчас расплатится! Дайте-ка этому больному мальчику конфетку! Ну, а вы, сьер Жан де Мец, абсолютно уверены в этом?

– В чем?

– В том, что Жан и Пьер теперь займут первое место среди дворянства, конечно, если не считать герцога Алансонского?

– Полагаю, в этом нет никакого сомнения.

Знаменосец погрузился в раздумье и вздохнул так глубоко, что весь шелк и бархат на его мощной груди пришел в движение. Затем он проговорил:

– Да, да, высота недостижимая! Вот что может сделать счастливый случай. Ну, да мне все равно. Не хотел бы я такого повышения – грош ему цена. Лучше гордиться тем, чего достиг своими личными заслугами, чем очутиться в зените славы и чувствовать, что заброшен туда благодаря капризу судьбы, выстрелом из катапульты. По-моему, личная заслуга – это все, остальное – чепуха.

Как раз в этот момент затрубили сбор, и беседа наша оборвалась.

Глава XXV

Дни пролетали впустую – ничего не решалось, ничего не предпринималось. Армия была боеспособна, но сидела на голодном пайке. Казна пустела, солдаты не получали жалованья, их невозможно было прокормить. Изнуренные голодом и лишениями, они стали разбегаться к величайшей радости легкомысленного двора. Жалко было смотреть на беспомощную Жанну. Она мучительно страдала, видя, как таяло ее доблестное войско, от которого остался лишь один скелет.

Наконец, она не выдержала и отправилась в замок Лош, где развлекался король. Она застала его беседующим с тремя советниками: Робером Масоном, бывшим канцлером Франции, Кристофом д'Аркуром и Жераром Маше. Бастард Орлеанский также присутствовал там, и от него мы узнали все подробности о случившемся. Жанна бросилась к ногам короля и, обняв его колени, воскликнула:

– Благородный дофин, умоляю тебя: не трать драгоценного времени на бесполезные совещания, а спеши в Реймс и получи свою корону.

Кристоф д'Аркур спросил:

– Уж не твои ли «голоса» внушили тебе явиться сюда с докладом королю?

– Да, и весьма срочно.

– Тогда не скажешь ли ты нам в присутствии короля, каким же способом эти таинственные «голоса» общаются с тобой?

Это была коварная попытка заманить Жанну в ловушку и толкнуть ее на неблагоприятный шаг. Но ничего из этого не вышло. Жанна ответила просто и прямо, – даже хитрый епископ не мог поймать ее на слове. Она заявила, что когда встречает людей, сомневающихся в ее честной миссии, то обычно отходит в сторону и молится, жалуясь на их недоверие. В такие минуты она слышит исполненные милосердия, тихие, сладостные голоса: «Иди вперед, дочь господня, и я поддержу тебя».

– Когда я это слышу, – промолвила она, – сердце мое наполняется невыразимой радостью!

Бастард рассказывал, что при этих словах лицо ее просияло в блаженстве экстаза.

Жанна просила, убеждала, доказывала, и король мало-помалу начал сдаваться, но на каждом шагу она встречала упорное сопротивление советников. Она просила, она умоляла разрешить ей отправиться в поход. Наконец, возражения были исчерпаны, и советники признали, что, пожалуй, было ошибкой распускать армию, – но как помочь этому теперь? Как можно выступить в поход без армии?

– Надо объявить набор, – ответила Жанна.

– Но на это потребуется не менее шести недель.

– Ну и что же? Важно начать! Начнем!

– Слишком поздно. Несомненно, герцог Бедфордский стягивает силы, чтобы двинуть их на помощь своим укреплениям на Луаре.

– К сожалению, это так. Пользуясь нашей слабостью, он не зевал. Мы не должны терять ни минуты, надо действовать энергично.

Король все еще колебался, говоря, что для него слишком рискованно выезжать в Реймс, когда весь путь вдоль Луары заграждают сильнейшие вражеские укрепления.

– Мы их разрушим и расчистим тебе дорогу. Ты проедешь свободно.

Такой план был более по душе королю: можно отсиживаться дома, в безопасности, и спокойно ждать.

Жанна вернулась обратно в приподнятом настроении. Сразу же все пришло в движение. Были составлены пламенные обращения к народу с призывом взяться за оружие. У городка Селла, в провинции Берри, был устроен рекрутский лагерь, к которому дружно начали стекаться люди всех сословий.

Много дней в мае пропало даром, однако к шестому июня Жанна создала новую армию и приготовилась к выступлению. У нее было восемь тысяч воинов. Подумайте, какого труда стоило собрать такую армию в такой небольшой округе и за такой короткий срок! Притом вся армия

состояла из солдат-ветеранов. В сущности, в то время почти все мужчины во Франции были солдатами, ибо войны шли непрерывно из поколения в поколение. Да, большинство французов были воинами и в то же время превосходными бегунами, частью в силу привычки, частью благодаря наследственности. Искусству бегать они обучались в течение целого столетия. Но это не их вина: у них не было должного руководства, то есть полководцев, наделенных талантом и совестью. С давних времен король и его двор привыкли изменять полководцам, а полководцы привыкли не повиноваться королю, – каждый из них шел своим собственным путем, думая только о себе и не заботясь о других. При такой разобщенности победа была невозможна, и неудивительно, что французские войска легко обращались в бегство. А между тем, для того чтобы солдаты обрели боеспособность, им всего лишь нужен был хороший вождь, дельный, энергичный, преданный, – вождь, наделенный полнотой власти, а не десятой ее долей сообща с другими девятью генералами. И вот теперь у них был такой вождь, облеченный властью и безгранично преданный делу. И, конечно, теперь можно было ожидать успеха. У них была Жанна д'Арк, а под таким водительством их ноги должны были утратить печальную способность мгновенно поворачивать в кусты.

Итак, Жанна была в хорошем настроении. Она появлялась то здесь, то там, дни и ночи проводила в лагере, заботясь о будущем. И всюду, где бы она ни появлялась, объезжая ряды и производя смотр войскам, солдаты воодушевлялись и приветствовали ее радостными криками. Никто не мог сдерживать своего восторга: она являлась словно светлое видение юности, красоты и грации, как воплощение отваги, жизнелюбия и надежд! С каждым днем она становилась прекраснее; то была пора ее расцвета: почти семнадцать с половиной лет, – уже женщина, как видите.

Как-то к нам прибыли два молодых графа де Лавалья – двое милых братьев, состоящих в родстве со знатнейшими фамилиями Франции. Они горели желанием поскорее увидеть Жанну д'Арк. Король лично представил их Жанне. И, поверьте мне, она полностью оправдала их ожидания. Ее чудный голос прозвучал для них, как волшебная флейта; ее глубокие глаза и ее лицо, озаренное пламенем великой души, взволновали их, как героическая поэма, как страстная речь, как боевая музыка! Один из них писал своим родным домой: «Это настоящее божество. Нет ничего приятнее, чем видеть и слышать ее». Поистине, более справедливых слов никогда и никем не было сказано.

Юному графу де Лавалю посчастливилось увидеть ее и тогда, когда она была готова выступить в поход и начать кампанию. Вот что он писал об этом: «Вся она была облечена в белые латы, только голова оставалась непокрытой; в руке она держала маленький боевой топорик. Когда она приблизилась к стременам и собиралась вскочить на своего могучего вороного коня, он заржал, поднялся на дыбы и всячески противился. Тогда Жанна сказала: „Подведите его ко кресту“. Крест возвышался у входа в церковь, совсем недалеко. Коня немедленно подвели. И Жанна села в седло, и конь не шелохнулся, а стоял как вкопанный. И тогда, повернувшись к церковным воротам, она изрекла своим мелодичным голосом: „Вы, отцы духовные и служители церкви, устройте шествие и помолитесь за наши души!“ После этого она пришпорила коня, встала под знамя с боевым топориком в руке и воскликнула: „Вперед, марш!“ Один из ее братьев, прибывший восемь дней тому назад, поехал с нею. На нем были также белые доспехи».

В эти минуты я находился там и все видел своими глазами. Все происходило в точности, как описано выше. Как сейчас вижу в сиянии июньского дня блестящий топорик, изящную, украшенную перьями шапочку и белые латы. Все это встает предо мной так отчетливо, как будто случилось вчера. И я поехал вместе с ее штабом – вместе с ее личным штабом в числе первых соратников Жанны д'Арк.

Юный граф умирал от желания поехать с нами, но король пока удерживал его при себе. Однако Жанна обнадежила его, о чем он и упоминает в своем письме:

«Она сказала мне, что когда король отправится в Реймс, я тоже поеду с ним. Боже мой, боже мой, дождусь ли я этого часа! Мое сердце рвется в бой!»

Она обнадежила его во время прощания с герцогиней Алансонской. Герцогиня обратилась к ней с просьбой, что дало повод и другим поступить так же. Герцогиня беспокоилась за мужа,

предвидя кровавые бои. Прижав Жанну к груди и нежно глядя ее волосы, она сказала:

– Ты должна беречь его, дорогая, заботиться о нем и вернуть мне его целым и невредимым. Прощу тебя! Я не отпущу тебя, пока ты не дашь мне обещания.

Жанна ответила:

– Обещаю от всего сердца. И не только обещаю, а ручаюсь. Он вернется к вам без единой царапинки. Вы верите мне? Довольны вы теперь?

Взволнованная герцогиня не в состоянии была произнести ни слова. Она поцеловала Жанну в лоб, и они расстались.

Шестого июня мы двинулись в поход и дошли до Роморантена, а девятого июня Жанна торжественно, под гром пушечных салютов среди моря развевающихся флагов, вступила под триумфальные арки Орлеана. Генералитет в полном составе ехал вместе с нею во всем великолепии своих мундиров и наград: герцог Алансонский, бастард Орлеанский, сьер де Буссак-маршал Франции; лорд де Гревиль – командующий арбалетными войсками, сьер де Кюлан – адмирал Франции; Амбруз де Лорэ, Этьен де Виньоль по прозвищу Ла Гир, Готье де Брюсак и другие доблестные военачальники.

О великие времена! Бесчисленные толпы народа, приветственные возгласы, горящие восторгом глаза, со всех сторон устремленные на Жанну, – как все это было привычно и прекрасно! Мы с трудом добрались до своей старой квартиры, и я увидел, как старик Буше, его жена и милая Катерина бросились в объятия Жанны, осыпая ее поцелуями. У меня сжалось сердце! Я мог бы целовать Катерину без конца, с большим чувством и большей страстью, чем кто-либо другой. Но об этом нельзя было и думать, и я изнывал в тоске. Как она была прелестна, как очаровательна! Я полюбил ее с первого взгляда, в первый же день нашей встречи, и с того дня она стала для меня святыней. Вот уже шестьдесят три года я ношу в своем сердце этот самый дорогой для меня образ, и этот образ все время был единственным, ибо я не знал других увлечений; теперь я дряхлый старик, но образ этот всегда живет в моем сердце, он по-прежнему свеж, молод, весел, лукав, неотразимо обаятелен и непорочно чист, как и тогда, давным-давно, когда он впервые запал в мою душу, внося в нее благодное умиротворение на долгие, долгие годы. Воистину, любовь не стареет!

Глава XXVI

На этот раз, как и прежде, приказ короля генералам гласил: «Не предпринимать ничего без согласия Девы». Этому приказу подчинились и не нарушали его в течение всех последующих дней славной Луарской кампании.

Перемена изумительная! Поворот событий потрясающий! Все это ломало прежние традиции и доказывало, какое уважение на посту главнокомандующего приобрела эта девушка за десять дней, проведенных ею на поле боя. Она одержала победу над сомнениями и подозрительностью, завоевав такое доверие и расположение, о каком не мог мечтать ни один седовласый ветеран из ее штаба за тридцать лет. Вспомните, как шестнадцатилетняя Жанна, явившись в Туль и представ перед грозным судом, сумела сама защитить свое дело и выиграла его. Тогда старик-судья назвал ее «чудо-ребенком». И, как видите, он не ошибся.

Теперь уже военачальники больше не осмеливались действовать втайне и предпринимать что-либо без ее ведома – и это уже было большим успехом. Однако, находились и такие, которые боялись ее новой, стремительной тактики и серьезно задумывались над тем, как ее ограничить. Так, десятого июня, когда Жанна усердно занималась разработкой своих планов и неумоимо диктовала приказ за приказом, некоторые из ее военачальников, устроив частное совещание, как и раньше, проводили время в спорах и разглагольствованиях.

После полудня они явились в полном составе к Жанне на очередной военный совет, и в ожидании ее прихода обсуждали сложившуюся обстановку. Об этом ничего не упоминается в истории, но я лично присутствовал там и, надеюсь, вы поверите моим словам, ибо я не намерен давать вам ложную информацию.

Готье де Брюсак говорил от имени наиболее нерешительных. Сторону Жанны полностью

поддерживали герцог Алансонский, Дюнуа, Ла Гир, адмирал Франции маршал де Буссак и ряд других выдающихся полководцев.

Де Брюсак ссылаясь на серьезность положения: форт Жаржо, первый объект нашей атаки, неприступен; его мощные каменные стены ошетинились пушками и скрывают за собой семь тысяч отборных английских ветеранов под командой графа Суффолька и двух его неустрашимых братьев – де ла Полей. Ему казалось, что предложение Жанны взять такую крепость штурмом опрометчиво и слишком рискованно. Он хотел уговорить ее отказаться от штурма и отдать предпочтение такому проверенному и надежному средству, как длительная осада. Ему казалось, что новый метод взятия неприступных твердынь стремительной и яростной атакой идет вразрез с установленными правилами и способами ведения войны и что это есть не что иное, как...

Но ему не дали договорить. Ла Гир нетерпеливо тряхнул своим пернатым шлемом и выпалил:

– Клянусь богом, она свое дело знает и нечего ее учить!

Едва он закончил, как поднялись герцог Алансонский, бастард Орлеанский и полдюжины других, единодушно возмущаясь теми, кто явно или тайно не доверял мудрости главнокомандующего. А когда все высказались, Ла Гир еще раз взял слово:

– Есть люди, которые никогда не меняются. Обстановка изменяется, но до этих людей не доходит, что и они должны измениться, чтобы не отстать от жизни. Они привыкли шагать по проторенной дорожке своих отцов и дедов. И если бы случилось землетрясение и все было ввергнуто в хаос, а их проторенная дорожка вела в пропасть или в трясины, они все равно не стали бы искать новых путей. Нет, они упорно следовали бы по старому пути, идя навстречу своей неминуемой гибели. Господа, поймите: обстановка у нас в корне изменилась, и высший военный гений подметил это своим ясным оком. Необходимы новые пути. Ясное око Девы видит их и указывает нам направление. Человеку не было, нет и не будет жизни, если он не стремится к совершенству! Старые принципы приводили нас к поражениям, и только к поражениям. Это убивало дух нашей армии, лишало ее мужества и надежд. Можно ли было штурмовать вражеские твердыни с такой армией? Нет, нельзя было. Оставалось одно: сидеть перед ними и ждать, терпеливо ждать и, в лучшем случае, морить противника голодом. Теперь обстановка иная. Солдаты полны отваги, решимости, силы и энергии. Все это таит в себе великолепную мощь еще неразгоревшегося пожара! А что предлагаете вы? Медленное тление? Растоптать и погасить живое пламя? А что предлагает Жанна д'Арк? Она требует дать ему волю, и тогда, клянусь отцом небесным, наступит час возмездия, – пожар разгорится и огненная пучина поглотит врага! Ничто так не доказывает величие и мудрость ее военного гения, как умение мгновенно оценить происшедшую перемену и тут же направить ход событий по единственно правильному руслу. С ней не будешь бездельничать, измором брать противника, дремать, выжидать и колебаться. Нет! Только штурм, штурм и еще раз штурм! Загнать зверя в его берлогу, выпустить на него разъяренных французов и задавить. Штурм, штурм и еще раз штурм! Вот это в моем духе! Форт Жаржо? Пустяки! Что его стены и башни, смертоносная артиллерия и семь тысяч отборных солдат? Сама Жанна д'Арк ведет нас в бой, и, клянусь всемогущим богом, участь Жаржо решена!

Ла Гир обезоружил генералов своими доводами. Никто из них не пытался отстаивать прежнюю тактику. Все мирно уселись и продолжали беседу.

Вскоре вошла Жанна. Все встали и салютовали ей мечами. Она попросила их изложить свое решение. Ла Гир ответил:

– Все улажено, начальник. Тут спор шел о Жаржо. Некоторым казалось, что мы не овладеем крепостью.

Жанна весело рассмеялась. Ее беззаботный, мелодичный смех был так обаятелен, что, услышав его, даже угрюмые старцы почувствовали внезапный прилив молодости.

– Не бойтесь, – сказала она собравшимся. – Для страха нет оснований. Мы пойдем на приступ и разобьем англичан, вот увидите, что будет.

Ее глаза мечтательно устремились вдаль, на лицо легла тень задумчивости. И, мне показалось, перед ее отрешенным взором предстал домашний очаг и милые образы детства. Наконец, она тихо промолвила:

– Если бы я не знала, что нами руководит воля божья и победа близка, я бы лучше согласилась пасти овец, чем видеть все эти ужасы.

В этот вечер был устроен прощальный ужин без посторонних – только личная свита Жанны и хозяева дома. Но самой Жанны не было с нами: ее пригласили в городскую ратушу на торжественный банкет. Под непрерывный звон колоколов она отправилась туда вместе с верховным штабом по ярко освещенным улицам, напоминавшим собой Млечный Путь.

После ужина к нам пришло несколько знакомых молодых людей. Забыв о своем воинском долге, мы вели себя, как дети: резвились, шутили, танцевали, прыгали и хохотали до упаду. Никогда в жизни я не веселился так беззаботно. Боже, как далеко ушло то время! Как молод я был тогда! А за окнами слышалась размеренная поступь марширующих батальонов: остатки французских войск стягивались для участия в завтрашней трагедии на мрачной арене войны. Да, в те дни подобные контрасты встречались на каждом шагу. Направляясь на отдых, я натолкнулся еще на один такой контраст: у дверей перед комнатой Жанны в новых боевых доспехах стоял на страже Карлик, ее великан-телохранитель, словно живое воплощение грозного Духа Войны, а на его исполинском плече, свернувшись клубочком, спал котенок.

Глава XXVII

На следующий день, развернув знамена, мы проследовали под древними сводами Орлеанских ворот и покинули город. Чудное, великолепное зрелище! Во главе растянувшейся колонны ехала Жанна в сопровождении верховного штаба. Братья де Лавали прибыли также и примкнули к штабу. Они поступили правильно, присоединившись к нам, ибо война была их настоящим призванием. К тому же эти юноши приходились внуками прославленному воину Бертрану дю Геклену, некогда коннетаблю Франции. С нами отправились в поход также Луи де Бурбон, маршал де Рэ и видам⁴⁰ Шартрский. У нас были все основания для беспокойства: мы знали, что на помощь Жаржо движется пятитысячное войско под командованием сэра Джона Фастольфа. Тем не менее мы не проявляли особой тревоги: неприятель был еще далеко. Сэр Джон почему-то не торопился. Он медлил, теряя драгоценное время: четыре дня провел в Этампе и еще четыре в Жанвиле.

Подойди к Жаржо, мы сразу же взялись за дело. Жанна тотчас бросила на внешние укрепления значительные силы, которые прекрасно справились с задачей: захватили подступы и старались их удержать. Но вскоре противник предпринял несколько ожесточенных вылазок из города, и наши отряды вынуждены были отступить. Видя это, Жанна выехала вперед и, воодушевляя войска воинственными криками, под яростным артиллерийским огнем сама повела их на приступ. Не отстававший ни на шаг от нее Паладин был ранен. Он упал рядом, выпустив из рук знамя. Но Жанна тут же подхватила знамя и, подбадривая людей, продержала пробиваться вперед под градом стрел и ядер. На долгое время все смешалось в диком хаосе: воины сталкивались друг с другом, гроыхало железо, звенели мечи, нельзя было разобрать, где свои, где чужие. Грому пушек вторило эхо, и густая пелена дыма заволакивала поле битвы. Время от времени, когда дым рассеивался, перед нами обнажалась зловещая пустота. Оттуда вырывались судорожные и тусклые вспышки огня – вестники чудовищной трагедии, которая разыгрывалась там, за дымовой завесой. В эти мгновения вырисовывались очертания стройной фигуры в белых доспехах. Она была нашим сердцем, нашей душой, надеждой и верой, – и, видя ее, обращенную спиной к нам, а лицом к врагу, мы знали, что все идет хорошо. Наконец, раздался оглушительный крик; это был общий взрыв радости, возвещавший о том, что предместья взяты.

Да, мы их взяли. Враг был оттеснен и укрылся за стенами крепости. Надвигалась ночь, и мы разбили лагерь на земле, отвоеванной Жанной.

Жанна предложила англичанам сдаться, обещая отпустить их после этого с миром и разрешить им взять с собой коней. Никто не предполагал, что она сможет овладеть укрепленными

⁴⁰ *Видам* (от лат. *vice, dominus*) — лицо, которое в средние века временно замещало епископа и командовало его войсками.

предместьями города. Только Жанна знала об этом в своем вдохновенном предвидении. Однако, выиграв сражение, она проявила милосердие, о котором в те времена не имели понятия. Жестокое истребление пленных солдат и жителей захваченного города, в том числе ни в чем не повинных женщин и детей, считалось тогда обычным явлением. Многие из вас, вероятно, хорошо помнят о чудовищных зверствах Карла Храброго, когда он несколько лет тому назад, ворвавшись в Динан⁴¹, уничтожил почти все его население. К вражескому гарнизону Жанна проявила небывалое в истории войн благородство. Ее сердце было полно любви и сострадания. После победы над врагом она всегда старалась сохранить ему жизнь и пощадить его воинскую честь.

Англичане попросили перемирия на пятнадцать дней, чтобы обсудить предложенные условия. Тем временем подошел бы Фастольф со своим пятитысячным войском. Жанна ответила отказом. Но при этом согласилась еще на одну уступку: разрешила им взять с собой не только лошадей, но и личное оружие, предложив оставить крепость и убраться немедленно.

Английские ветераны, закаленные в боях, оказались твердолобыми упрямыми: они отклонили и это требование Жанны. Тогда она отдала своим войскам приказ к девяти часам утра готовиться к штурму. Герцог Алансонский предложил начать штурм позже, ссылаясь на усталость солдат после длительного перехода и жаркой битвы. Но Жанна сказала, что так будет лучше, и настояла на своем. Затем, как и всегда, воспылав духом перед неизбежным сражением, она обратилась к воинам с пламенным призывом: «За работу, за работу, и да поможет нам бог!» Можно смело утверждать – таков был ее девиз: всякое начатое дело доводить до конца. В борьбе она не знала ни праздности, ни равнодушия. И каждый, кто будет придерживаться этого девиза, добьется победы. Есть много путей к успеху в этом мире, но дорожке всего то, что достигнуто нами ценой упорного, вдохновенного труда.

Думаю, в тот день мы лишились бы своего богатыря-знаменосца, если бы не могучий Карлик, вынесший раненого Паладина из самой гущи боя. Паладин потерял сознание и был бы насмерть раздавлен копытами наших же коней, если бы его не подхватил доблестный Карлик и но оттащил в безопасное место. Через пару часов Паладин пришел в себя и встал на ноги. Как он был счастлив и горд, как носился со своей раной, показывая всем белую повязку! Он напоминал большого ребенка, получившего новую игрушку. Ребенок, сущий ребенок! Нашел чему радоваться – ране! Я не представляю, как бы он возгордился, если бы ему оторвало голову! Впрочем, тщеславие Паладина было совершенно безвредным, и на него не обращали внимания. Сначала он говорил, что его ударили из катапульты камнем величиною с тыкву. Но тыква продолжала расти. Вскоре он утверждал, что неприятель обрушил на него целый дом.

– Оставьте его в покое, – посоветовал Ноэль Ренгессон. – Не мешайте ему выдумывать. Увидите, завтра эта тыква превратится в кафедральный собор.

Он сказал это в узком кругу, а назавтра камень действительно превратился в собор. Никогда я еще не встречал человека с таким необузданным воображением.

На рассвете Жанна была уже на коне. Гарцуя, она появлялась то тут, то там, тщательно изучала местность, выбирая наиболее выгодные позиции для артиллерии. Она расставила свои пушки так удачно, что даже герцог Алансонский, ее заместитель, восхищенно говорил об этом в своих показаниях на Процессе реабилитации четверть века спустя.

Герцог Алансонский показал, что в Жаржо, утром двенадцатого июня, она разместила войска не как новичок, а как «испытанный в боях и знающий свое дело полководец с двадцати– или тридцатилетним опытом».

Посвятившие войне всю свою жизнь французские полководцы утверждали, что она пре-

⁴¹...хорошо помнят о чудовищных зверствах Карла Храброго в Динане. — Герцог Бургундский Карл Храбрый (Смелый), сын герцога Карла Доброго, в 1435 г. заключил с Карлом VII сепаратный мир, по которому Бургундия стала независимым от Франции государством. В дальнейшем, ведя истребительные захватнические войны, Карл Храбрый присоединил к Бургундскому герцогству ряд важнейших промышленных и торговых областей Западной Европы — часть Голландии, Брабант, Люксембург и др. В 1466 г. герцог Карл Храбрый учинил кровавую расправу над восставшими жителями города Динана, пытавшимися освободиться из-под его власти. В тексте указание на этот исторический факт исходит будто бы от Луи де Конта, который писал свои воспоминания о Жанне д'Арк в конце 60-х годов XV века.

восходно разбиралась во всех военных делах и, прежде всего, подчеркивали ее непревзойденное умение разместить артиллерию и использовать ее.

Кто научил эту девушку-пастушку творить такие чудеса? Ведь она была неграмотна и не имела возможности усвоить теорию и практику военного искусства. Все это остается загадкой для моего разума, непостижимой и таинственной – история не дает другого подобного примера. История не знает ни одного великого полководца, каким бы одаренным он ни был, достигнувшего успеха без точных знаний, глубокого изучения и некоторого опыта. Эта тайна никогда не будет раскрыта. Мне думается, гениальные способности и редкие качества Жанны были врожденными, и она применяла их безошибочно, руководствуясь интуицией.

В восемь часов всякое движение прекратилось. Все замерло в безмолвном ожидании. Тишина была зловещей и многозначительной. Ни малейшего звука. Застыло все, даже воздух. Флаги на башнях и крепостных стенах беспомощно повисли. За каким бы занятием ни застал человека этот час, человек этот замирал, выжидая и прислушиваясь. Мы собрались на командном пункте, окружив Жанну. Невдалеке от нас во все стороны тянулись улочки с убогими домишками широко раскинувшегося предместья. Было видно множество людей: все стояли неподвижно и настороженно прислушивались. Вон какой-то человек приставил гвоздь, пытаясь вбить его в косяк своей лавки, и вдруг остановился. В одной руке он держал гвоздь, а другой приготовился ударить молотком, но, забывшись, тревожно повернул голову и весь превратился в слух. Даже дети, почувствовав опасность, прекратили свои игры. Я заметил мальчугана, который катил перед собой обруч и собирался было уже повернуть с ним за угол, как вдруг остановился и начал прислушиваться, а обруч катился дальше сам по себе. А вон там в открытом окне, как в рамке, стоит молодая девушка и поливает из лейки горшки с красными цветами. Но вода перестала литься: девушка тоже прислушивается. Везде виднелись выразительно застывшие неподвижные фигуры, движение замерло, кругом воцарилась жуткая тишина.

Жанна д'Арк взмахнула мечом, и по ее сигналу тишина взорвалась грохотом начавшегося сражения. Пушки одна за другой изрыгали пламя и дым, сотрясая землю оглушительными раскатами грома. Из башен и бойниц крепости на нас обрушился шквал ответного огня, сопровождаемый грозной музыкой грохочущих орудий. В одну минуту стены и башни исчезли, а на их месте выросли громадные облака и застывшие пирамиды белоснежного дыма. В испуге девушка выронила из рук лейку, всплеснула руками – и в тот же миг ее упругое прелестное тело было разорвано пушечным ядром.

Артиллерийская дуэль не прекращалась. Каждая сторона била изо всех сил с яростным ожесточением. Несчастный маленький городок подвергался невероятному разрушению. Пушечные ядра сыпались на ветхие постройки, и они разваливались, как карточные домики. Ежеминутно можно было видеть огромные глыбы, пролетающие дугой над облаками дыма; они падали вниз и пробивали крыши. Затем вступал в свои права огонь, языки пламени и столбы дыма высоко вздымались в небо.

В скором времени яростной артиллерийской дуэль отразились и на погоде: небо затянуло тучами, поднялся сильный ветер, и дым, скрывавший от нас английские бастионы, развеялся.

И мы увидели чудную картину: на фоне хмурого свинцового небо отчетливо вырисовывались зубчатые серые стены и башни, трепещущие на ветру полотнища ярких флагов, багровые языки пламени и столбы белого дыма, рядами вздымающиеся ввысь. Потом засвистели ядра, взрыли землю, все окуталось черной пылью и смотреть мне стало неинтересно. У англичан было орудие, которое с каждым выстрелом все точнее накрывало наши позиции. Указав на это орудие, Жанна предупредила герцога:

– Любезный герцог, отойдите в сторону, а не то эта махина убьет вас.

Герцог Алансонский послушался, но его место поспешил занять господин де Люд, и в одно мгновение ему оторвало голову ядром.

Наблюдая за всем, Жанна выбирала удобный момент для начала штурма. Наконец, примерно в девять часов, она подала команду:

– Теперь – на приступ! – и горнисты протрубили атаку.

Мгновенно несколько наших подразделений бросились туда, где массивным артилле-

рийским обстрелом была разрушена верхняя часть крепостной стены на большом протяжении. Солдаты спустились в ров и начали приставлять осадные лестницы. Скоро и мы присоединились к ним. Заместитель главнокомандующего считал атаку преждевременной, но Жанна сказала:

– Милейший герцог, неужели вы робеете? Разве вы не помните, что я поручилась доставить вас домой целым и невредимым?

Во рвах закипела работа. Враг, столпившись на стенах, обрушивал на нас град камней. Среди англичан был один верзила, причинявший нам больше вреда, чем десяток его собратьев вместе взятых. Появляясь в самых опасных местах, он швырял вниз огромные глыбы, которые давили солдат и ломали лестницы, – после чего, довольный собой, разражался дьявольским хохотом. Но герцог скоро свел с ним счеты; разыскав знаменитого канонира Жана из Лотарингии, он сказал ему:

– А ну-ка, наведи свое орудие, свали мне этого дьявола.

Жан первым же выстрелом поразил англичанина прямо в грудь, и он кувырком полетел вниз за стену.

Противник так отчаянно и упорно сопротивлялся, что наши солдаты начали проявлять признаки неуверенности и беспокойства. Видя это, Жанна повторила свой боевой воодушевляющий клич и с помощью Карлика спустилась в ров. Паладин со знаменем в руках самоотверженно следовал за ней. Она начала уже подыматься по приставной лестнице, как вдруг огромный камень с грохотом ударился об ее шлем и сбил ее с ног; оглушенная, она упала. Но Жанна быстро пришла в себя. Карлик тут же помог ей встать на ноги, и она вновь принялась взбираться по лестнице, воодушевляя солдат:

– На приступ, друзья! На приступ! Мы их одолеем! Решающий час настал!

С диким ревом и криками «ура!» мы бросились на укрепления и, как муравьи, поползли по стенам. Враг дрогнул и побежал, преследуемый отовсюду. Жаржо стал нашим!

Граф Суффольк был заперт и окружен; герцог Алансонский и бастард Орлеанский предложили ему сдаться. Но он был гордым дворянином, отпрыском гордого знатного рода. Отказавшись отдать шпагу людям ниже его по чину, граф Суффольк заявил:

– Умру, но в плен не сдамся. Я могу вручить свою шпагу только Орлеанской Деве.

Так он и сделал, и Жанна обошлась с ним милостиво и любезно.

Оба его брата отступили к мосту, сражаясь за каждую пядь земли, а мы теснили отчаявшихся, обезумевших врагов, уничтожая их пачками. Резня продолжалась и на мосту. Александр де ла Поль то ли сам прыгнул в воду, то ли был сброшен с моста и утонул. Более тысячи ста англичан нашли свою смерть в реке; Джон де ла Поль отказался от дальнейшего сопротивления. Щепетильный и гордый, как и его брат граф Суффольк, он не намерен был сдаваться первому встречному. К нему приблизился французский офицер Гийом Рено. Сэр Джон спросил у него:

– Вы – дворянин?

– Да.

– И рыцарь? – Нет.

И тут же на мосту, в центре кровавой сечи, сэр Джон, с присущим ему английским хладнокровием, произвел над ним обряд посвящения в рыцари. А затем, учтиво поклонившись, взял меч за острие и протянул его офицеру рукояткой вперед. Это означало, что он сдается. Да, что ни говори, гордецы эти господа де ла Поли!

То был великий день, незабываемый день, и одна из самых блестящих побед! Мы захватили множество пленных, но Жанна запретила чинить над ними расправу.

Взяв их с собой, мы на следующий день вернулись в Орлеан, сопровождаемые, как всегда, бурей восторженных приветствий.

Народ воздал должное своему вождю. Везде, на всех улицах и площадях, из толпы выделялись энтузиасты – новые рекруты; они протискивались вперед, чтобы прикоснуться к мечу Жанны и обрести для себя хотя бы частицу той таинственной силы, которая делала его непобедимым.

Глава XXVIII

Армия нуждалась в отдыхе, и для этого было выделено два дня.

Утром, четырнадцатого, я писал под диктовку Жанны в маленькой комнатке, которой она иногда пользовалась для своих частных занятий, когда хотела избавиться от слишком назойливых официальных посетителей. В комнату вошла Катерина Буше. Усевшись, она сказала:

– Жанна, дорогая, я не помешала? Мне хотелось бы поговорить с тобой.

– О нет,нисколько. Наоборот, я даже рада. О чем же ты хочешь говорить?

– Вот о чем. Вчера я всю ночь не могла заснуть. Ты слишком рискуешь собой, дорогая! Паладин рассказал мне, как ты спасла жизнь герцогу, заставив его уйти из-под обстрела.

– Ну, и что же? Разве я неправильно поступила?

– Ты поступила правильно. Но ведь ты и сама была там. Это ужасно! Кому нужна такая бессмысленная отвага!

– Почему же бессмысленная? Мне ничто не угрожало.

– Как ты можешь так говорить, когда на тебя со всех сторон сыпались эти смертоносные штуки?

Весело рассмеявшись, Жанна попыталась перевести разговор на другую тему, но Катерина не отступала.

– Ты подвергалась смертельной опасности. Разве можно стоять на виду? А потом ты повела войска в атаку. Жанна, не искушай провидение. Дай мне слово, что больше не будешь ходить в атаку, а если это уж так необходимо, пусть идут другие. Я трепещу от страха. Обещай мне, что ты будешь беречь себя. Обещаешь?

Ее просьба осталась без ответа. Огорченная Катерина некоторое время сидела молча, а потом спросила:

– Жанна, дорогая, скажи, ты всегда будешь солдатом? Боже, как надоели эти войны! Воюем, воюем... Когда же конец?

Сверкнув глазами, Жанна промолвила:

– Самое трудное в этой кампании будет завершено в ближайшие четыре дня, потом все пойдет легче, без особого кровопролития. Да, через четыре дня Франция одержит такую же победу, как и под Орлеаном. Это будет второй важный шаг на пути к свободе.

Катерина вздрогнула, и я тоже. Как зачарованная, она уставилась на Жанну, повторяя про себя: «Четыре дня, четыре дня». Наконец, тихо, с благоговением спросила:

– Жанна, скажи мне, откуда ты это знаешь? Я чувствую – ты действительно знаешь.

– Да, – ответила Жанна задумчиво. – Да, я знаю. Я нанесу два удара. А на исходе четвертого дня еще один удар. – Она замолкла. Удивленные, мы сидели окаменей. С минуту Жанна смотрела на пол и беззвучно шевелила губами, потом чуть внятно произнесла: – И от этого удара английская власть во Франции так пошатнется, что им не восстановить ее и через тысячу лет.

Мурашки пробежали у меня по спине. Мне стало жутко. Я видел: она опять была в экстазе, как некогда на лугу в Домреми, когда предсказывала деревенским ребятам их судьбы в войне, а затем забыла о своем предсказании. Я видел: она была вне себя. Но Катерина, ничего не подозревая, радостно воскликнула:

– О, я верю, верю! Как я счастлива! Ты вернешься к нам и проживешь с нами всю жизнь. Ты будешь в почете. Мы будем тебя так любить, так любить!..

Лицо Жанны передернулось судорогой, и отрешенно, скорбным голосом она промолвила:

– Не пройдет и двух лет, как я умру мучительной смертью.

Я вскочил с места и предостерегающе поднял руку. Только поэтому Катерина и не вскрикнула, хотя я хорошо видел, что она готова была закричать от ужаса. Я шепотом попросил ее выйти из комнаты и никому не говорить о случившемся. Я сказал, что Жанна заснула и бредит во сне. Катерина шепотом ответила:

– О, как я рада, что это только бред! Ее слова прозвучали как пророчество.

И она вышла.

Как пророчество! Да, это было пророчеством – я-то знал. Я сел и горестно заплакал, предчувствуя, что нам суждено ее потерять. Очнувшись, Жанна вздрогнула, осмотрелась и, увидев

меня в слезах, вскочила со стула и бросилась ко мне, полная жалости и сострадания. Положив руку мне на голову, она проговорила:

– Бедный мой мальчик! Что с тобой? Ну, подними голову и скажи мне.

Я вынужден был ей солгать. Хотя это и претило мне, но иного выхода у меня не было. Я схватил со стола какое-то старое письмо, написанное бог знает кем и бог знает о чем, и сказал, что оно только что получено от отца Фронта, который сообщает, что наше Волшебное дерево срубил какой-то негодяй и что...

Я не закончил. Она выхватила у меня письмо и принялась тщательно его рассматривать, вертя перед глазами и так и этак. Крупные слезы катились по ее щекам, и, громко всхлипывая, она проговорила:

– Какая жестокость, какая жестокость! Почему люди так бессердечны? Нет больше нашего милого Волшебного Бурлемонского бука! Как мы, дети, любили его! Покажи мне то место, где это написано.

И я, продолжая лгать, показал ей наугад мнимые роковые слова на мнимой роковой странице. А она, глядя на них сквозь слезы, говорила, что это противные, гадкие слова, написанные противными, гадкими буквами.

В это время чей-то громкий голос в коридоре возвестил:

– Гонец от его величества к ее превосходительству главнокомандующему французской армией с донесением!

Глава XXIX

Я знал, что ей было видение Волшебного дерева. Но когда? Сказать точно не могу. Несомненно, до того, как она просила короля воспользоваться ее услугами, утверждая, что ей осталось жить немного – всего лишь один год. В то время я не догадывался об этом, но сейчас твердо убежден, что именно тогда и явилось ей Волшебное дерево. Не подлежит сомнению, оно сообщило ей приятную новость, иначе она не была бы такой жизнерадостной и веселой, как в эти последние дни. Предвестие о скорой кончине несколько не испугало ее. Смерть для нее была сокращением срока изгнания, разрешением уйти на покой.

Да, ей было видение Дерева. Никто не принял близко к сердцу ее пророческих слов, сказанных королю, и для этого, несомненно, была причина: никто не хотел принимать их всерьез. Все старались выбросить их из головы, забыть о них, не желая рисковать своим спокойствием и благополучием. И все забыли. Все, за исключением меня. Один я должен носить в себе ни с кем не разделенную, страшную тайну. Какая горечь, какая тяжесть на душе! Сердце разрывается при мысли об этом. Ей суждено умереть – и так скоро! Я не мог этого даже представить! Ведь она, как весенний цветок, украшала наш бранный мир, и каждый прожитый день умножал ее права на безмятежную, почетную старость. В то время старость казалась мне чем-то значительным, – не знаю, почему я так думал. Должно быть, все молодые люди так думают и, будучи неопытными и полными предрассудков, верят этому.

Итак, она видела Дерево. В ту тягостную, бессонную ночь мне вспоминались старинные стихи:

А в горький час тоски по ней
Яви их взору сень ветвей, –
Земли родной виденье!

А на рассвете заиграли трубы, ударили барабаны, вспугнули утреннюю тишину, и мечты мои рассеялись. Все вскочили на коней и собрались в поход. Нам еще предстояли кровавые дела.

Мы подошли к Менгу без задержки и с ходу штурмом захватили мост. Оставив небольшие силы для охраны моста, на следующее утро наша армия двинулась на Божанси, где укрепился свирепый лев Гальбот, гроза французов. Увидев нас, англичане отступили и заперлись в замке, а наше войско расположилось в покинутом ими городе.

В то время самого Тальбота там не было: он отправился встречать запоздавшего Фастольфа и его пятитысячное подкрепление.

Жанна расставила орудия и обстреливала замок до наступления ночи. Неожиданно поступило сообщение, что к нам на помощь движутся войска Ришмона, коннетабля Франции. Он долгое время находился в немилости у короля из-за грязных интриг и козней де ла Тремуйля и его сторонников. Жанна очень нуждалась в помощи, особенно теперь, когда Фастольф был уже недалеко. Ришмон хотел присоединиться к нам еще тогда, когда мы впервые выступили на Орлеан, но глупец король, послушный раб своих бездарных советников, запретил Ришмону приближаться к нему и отверг всякое примирение с ним.

Я говорю об этих подробностях, ибо они важны тем, что раскрывают в Жанне новые необычные качества: не только исключительную находчивость, но и государственную мудрость. Удивительно, непостижимо, откуда такое обилие талантов у необразованной деревенской девушки семнадцати лет? Но тем не менее, она обладала ими.

Жанна стояла за то, чтобы радушно принять Ришмона, ее поддерживали Ла Гир, юные братья Лавали и многие военачальники. Лишь генерал-заместитель герцог Алансонский упорно противился, заявляя, что у него есть строжайший приказ короля не признавать Ришмона и, если с его мнением не посчитаются, он туг же уедет из армии. Это было бы тягчайшим ударом. Но Жанна решила сама убедить герцога в том, что спасение Франции выше частных интересов и даже приказов венценосного осла. Ей удалось достигнуть цели. Она уговорила герцога не подчиниться королю в интересах народа, примириться с графом Ришмоном и протянуть ему руку. Вот это и есть государственная мудрость самого высокого класса. Что бы вы ни называли великим, обратитесь к примеру Жанны д'Арк, и вы найдете это великое в ней.

Ранним утром семнадцатого июня разведка донесла, что Тальбот и Фастольф со своим пополнением приближаются к нам. Барабаны забили тревогу, и мы сразу же отправились навстречу англичанам, оставив Ришмона с отрядом охранять замок Божанси и держать в осаде его гарнизон. Вскоре противник был уже у нас на виду. Еще до встречи с нами Фастольф пытался убедить Тальбота отступить, не ввязываться на этот раз в бой, в разместить новых рекрутов по английским крепостям вдоль Луары, чтобы помешать нам захватить важные пункты, а затем вооружиться терпением и ждать дополнительных подкреплений из Парижа. Он предлагал ежедневно и систематически изнурять армию Жанны мелкими, стычками. И, наконец, выбрав удобное время, напасть врасплох на ее ослабевшие войска и сокрушить их. Старый Фастольф был умным и опытным полководцем. Но разъяренный Тальбот и слышать не хотел об отсрочке. Его бесило, что Дева смогла нанести ему поражение под Орлеаном. «Клянусь богом и святым Георгием, я рассчитаюсь с ней, если даже мне придется сражаться один на один!» – таковы были его слова. Фастольф вынужден был уступить, хотя и предупредил, что они рискуют потерять теперь все, что завоевано англичанами ценой многолетней борьбы и трудов.

Противник занял выгодную, сильно укрепленную позицию и ждал боя, расположив впереди себя лучников, огражденных от нас частоколом.

Приближалась ночь. От англичан примчался герольд с дерзким вызовом немедленно начать бой. Но Жанна невозмутимо, вежливо и с достоинством заявила гонцу:

– Скачи обратно и передай, что сегодня слишком поздно начинать бой; а вот завтра, если будет на то воля божья, мы померимся силами.

Наступила ночь, темная и дождливая. Моросил тот мелкий, теплый дождик, который, беззвучно падая на землю, навевает безмятежное спокойствие и дремоту. Около десяти часов в штабную палатку явились герцог Алансонский, Дюнуа, Ла Гир, Потон де Сентрайль и еще два-три военачальника. Они собрались, чтобы обсудить обстановку совместно с Жанной. Некоторые сожалели, что Жанна отклонила бой, другие, наоборот, соглашались с нею. Потон спросил ее, почему она отклонила предложение англичан. Жанна ответила:

– Есть несколько причин. Так или иначе, англичане в наших руках и никуда от нас не денутся. Зачем же рисковать? Был уже вечер, а более слабой стороне нужно время, и ей лучше сражаться днем. Как вы знаете, силы наши ослаблены: отряд в девятьсот наших воинов под командой маршала де Рэ удерживает мост в Менге да еще полторы тысячи во главе с коннетаблем

Франции прикрывают второй мост и охраняют замок в Божанси.

– Печально, конечно, что наши силы так разбросаны, ваше превосходительство, – сказал Дюнуа, – но другого выхода нет. Да ведь и завтра положение не улучшится.

Жанна прохаживалась по палатке. Она дружелюбно рассмеялась, услышав мрачные рассуждения старого тигра войны, положила свою маленькую ручку ему на голову и, дотронувшись до одного из перьев на шлеме, спросила:

– А ну-ка, скажите мне, мудрый человек, до какого пера я дотрагиваюсь?

– Не знаю, ваше превосходительство.

– Эх, Дюнуа, Дюнуа, такой пустяк, и вы не знаете, а беретесь судить о великих делах, хотите угадать заранее, что таится во чреве еще не родившегося дня! Вы говорите, что наши резервы не будут с нами! А мне думается, они будут.

Все оживились. Каждому хотелось узнать, откуда ей это известно. Но тут вмешался Ла Гир:

– Все будет так, как она сказала. И никаких сомнений.

Потон де Сентрайль задал вопрос:

– Ваше превосходительство, вы изволили заявить, что имелись и другие причины не принимать бой?

– Да, И главная из них та, что мы слабы. День был на исходе, и сражение могло бы не закончиться. А уж если начинать, то надо заканчивать победой, и только победой.

– Дай-то бог! А какие еще причины?

– Есть и еще одна. – Она заколебалась в нерешительности, но потом проговорила: – Не настал еще час, предусмотренный свыше. Завтра настанет час.

Военачальники собирались было задать еще ряд вопросов, но Жанна, подняв руку, остановила их. Она сказала:

– Это будет самая великая и блестящая победа, какую бог когда-либо даровал Франции. Не спрашивайте, откуда я это знаю, а верьте, что все свершится именно так.

Присутствующие радостно заулыбались, выражая полное доверие. Начался негромкий разговор, но скоро он был прерван появлением гонца с передовых постов. Гонец сообщил, что около часа тому назад в английском лагере наблюдались шум и движение, необычные в столь позднее время. Немедленно были посланы лазутчики, которые под покровом ночи и дождя должны были проникнуть в расположение противника и разузнать, в чем дело. Они только что вернулись и доложили, что большие соединения англичан были выведены тайно из лагеря и двинулись по направлению к Менгу.

Лица военачальников вытянулись. Они недоумевали.

– Это отступление, – сказала Жанна.

– Да, похоже, – согласился герцог Алансонский.

– Конечно, отступление, – заметили Дюнуа и Ла Гир.

– Вот чего уж никак нельзя было ожидать! – воскликнул Луи де Бурбон. – Теперь, судя по их действиям, цель их ясна.

– Да, – ответила Жанна, – Тальбот одумался, его пыл охладел. Он намерен теперь захватить Менгский мост и улизнуть на тот берег. Решив ускользнуть от нас, он понимает, что тем самым оставляет гарнизон в Божанси на произвол судьбы, но ведь у него нет другого выхода, чтобы избежать сражения с нами. Он это тоже понимает. Только ему не овладеть мостом, мы уж как-нибудь этого не допустим.

– Мы должны преследовать его и помешать, – сказал герцог Алансонский. – А как быть с Божанси?

– Оставьте Божанси мне, любезный герцог. Я разделаюсь с ним за два часа и без всякого кровопролития.

– Совершенно верно, ваше превосходительство. Одного этого известия, которое мы только что услышали, будет достаточно, чтобы их гарнизон не замедлил сдать.

– Конечно. А на рассвете я уже буду с вами в Менге, подстегивая коннетабля и его полуторатыежный отряд. Весть о падении Божанси произведет на Тальбота удручающее впечатление.

– Клянусь святой мессой, так и будет! – воскликнул Ла Гир. – Соединившись с менгским гарнизоном, он двинется на Париж. А наши отряды у моста и у Божанси примкнут к нам, и мы станем сильнее на две тысячи четыреста опытных солдат для завтрашнего жаркого дела, как вы нам и предсказали час тому назад. Право, этот англичанин работает на нас, избавляя нас от лишнего кровопролития и лишних хлопот. Приказ, ваше превосходительство, отдайте приказ!

– Это проще всего. Пусть солдаты поспят еще часа три. В час ночи вы поведете авангард вместе с Потонем де Сентрайлем; в два часа второй отряд под командованием герцога Алансонского последует за вами. Сохраняйте полное спокойствие в тылу врага и постарайтесь избежать столкновения. Я поеду с охраной в Божанси и попытаюсь уладить все поскорее, чтобы до рассвета присоединиться к вам вместе с коннетаблем Франции и его войском.

Она сдержала свое слово. Охрана вскочила на коней, и мы под дождем отправились в путь, прихватив с собой пленного английского офицера в качестве свидетеля и связного для передачи сообщения от Жанны. Вскоре мы прибыли на место и предложили замку сдаться. Ричард Гетен, адъютант Тальбота, убедившись, что ему и его людям неоткуда ждать помощи, счел дальнейшее сопротивление бесполезным. Он не надеялся на какие-то особые милости, но она и здесь проявила свое великодушие: гарнизону в пятьсот солдат разрешалось взять коней, оружие и разного имущества на сумму в пятьсот серебряных марок. Они могли идти на все четыре стороны при условии, что в течение десяти дней никто из них не подымет оружия против Франции.

Еще до рассвета мы соединились с нашей армией, включая все войско коннетабля, кроме той небольшой части, которая осталась в замке Божанси. Впереди слышалась глухая артиллерийская пальба, и мы знали, что это Тальбот атакует мост. Но не успело взойти солнце, как стрельба прекратилась и больше не возобновлялась.

Гетен послал через наши линии гонца с пропуском от Жанны, уведомляя Тальбота о своей сдаче. Гонец, конечно, опередил нас. Теперь Тальбот благоразумно повернул обратно и начал отступать к Парижу. На рассвете он скрылся из виду с лордом Скейлсом и менгским гарнизоном.

Какой обильный урожай мы собрали за эти три дня! Сколько крепостей пало перед нами, тех самых крепостей, которые с наглым высокомерием бросали вызов Франции до тех пор, пока мы не пришли и не взяли их.

Глава XXX

Я уже сказал, что неприятеля и след простыл, когда наступило, наконец, то памятное утро, восемнадцатого июня. Но это меня не смущало. Я знал, мы настигнем противника и нанесем тот обещанный удар, от которого, как предсказывала Жанна, английская власть во Франции не оправится и через тысячу лет.

Враг пробирался по обширной равнине Бос, лишенной проезжих дорог, покрытой кустарником и редкими рощицами – в такой местности армия легко могла укрыться. Заметив следы на мягкой, сырой земле, мы двинулись в том же направлении. Судя по всему, противник отступал в полном порядке, без паники и суматохи.

Опасаясь засад, мы продвигались с большими предосторожностями: в такой местности можно было наткнуться на любую неожиданность. Поэтому Жанна выставила вперед несколько отрядов кавалерии под командованием Ла Гира, Потона и других военачальников, чтобы разведать дорогу. Некоторые офицеры начали проявлять беспокойство: эта игра в прятки надоела им и они стали сомневаться в благополучном исходе операции. Разгадав их мысли, Жанна горячо возразила:

– Помилуй бог, что с вами? Мы должны уничтожить этих англичан, и мы их уничтожим! Никуда им от нас не уйти. Даже если они спрячутся в облаках, мы и там найдем их.

Мало-помалу мы приближались к Патэ, находясь от него примерно на расстоянии Одного лье. В это время наша разведка, прочесывая кустарник, вспугнула оленя, который, сделав несколько прыжков, мгновенно пропал из виду. Не прошло и минуты, как со стороны Патэ послышались громкие крики. Это были голоса английских солдат. Неся гарнизонную службу в крепостях они так долго питались всякой тухлятиной, что теперь, завидев чудесное, свежее мясо,

скачущее прямо им в руки, не могли удержаться от восторга. Бедное животное! Какую плохую услугу оказало оно нации, солдаты которой так любили лакомиться оленьим мясом! Теперь французы знали точно местонахождение англичан, англичане же и не подозревали, что французы рядом.

Ла Гир прекратил поиски и немедленно известил о случившемся. Жанна просияла от радости. Герцог Алансонский обратился к ней со следующими словами:

– Очень хорошо! Мы обнаружили их. Прикажете начинать бой?

– У вас хорошие шпоры, герцог?

– А что? Разве нам придется удирать?

– *Nenni en nom de Dieu!*⁴² Эти англичане в наших руках. Их судьба решена. Они побегут. Но чтобы нагнать их, вам придется крепко пришпоривать коня. Сомкнуть ряды! Вперед!

Англичанам удалось обнаружить нас до того, как мы присоединились к Ла Гиру. Армия Тальбота двигалась тремя колоннами: сначала авангард, затем артиллерия и, наконец, на значительном расстоянии главные ударные силы под командованием сэра Джона Фастольфа. Тальбот вышел из зарослей и двигался теперь по открытой местности. Он тут же расставил артиллерию и разместил авангард и пятьсот отборных лучников вдоль изгородей, мимо которых должны были проходить французы, и надеялся удержать эту позицию до прибытия главных сил. Войска Фастольфа галопом мчались на помощь. Используя удачный момент, Жанна приказала Ла Гиру наступать, и он мгновенно бросился со своими храбрецами в атаку и, как всегда, ураганом помчался на врага.

Герцог и Дюнуа хотели было последовать за ним, но Жанна остановила их:

– Погодите! Еще не время.

И они ждали, ерзая в седлах от нетерпения. Но Жанна была невозмутима; она внимательно следила за происходящим, взвешивала, прикидывала, рассчитывала до мелочей по минутам, секундам, долям секунды, и вся ее благородная душа отражалась в глазах, в гордо поднятой голове, в величественной посадке, – она была хозяином положения и владела собой великолепно.

А там, удаляясь все дальше и дальше, с развевающимися на шлемах перьями, то исчезая из виду, то вновь появляясь, неслась стремительно грохочущим потоком бешеная конница Ла Гира во главе с огромной фигурой своего вождя, который возвышался над всеми, взметнув длинный меч, как древко знамени.

– Сам сатана со своим отродьем летит на крыльях мести! – заметил кто-то в глубоком восхищении.

И вот они все ближе и ближе к сомкнутым отрядам Фастольфа, спешившим на выручку.

Противники столкнулись, и ряды их смешались. Герцог и Дюнуа приподнялись в стременах, чтобы лучше видеть. Дрожа от нетерпения, они повернулись к Жанне.

– Пора!

Но она остановила их взмахом руки, все еще всматриваясь, взвешивая, рассчитывая, и повторила свои слова:

– Еще не время, погодите!

Преследуемые отряды Фастольфа яростно рвались на соединение с авангардом. Но тому вдруг показалось, что они в панике спасаются от Жанны, и в тот же миг авангард, обезумев от ужаса, дрогнул и пустился в беспорядочное бегство, не обращая внимания на дикие крики и проклятия Тальбота.

Это был самый удобный момент. Жанна пришпорила коня и, взмахнув мечом, подала знак к атаке. «За мной!» – крикнула она и, прижав голову к шее коня, помчалась вперед, как ветер.

Мы врзались в толпы убегающих и целых три часа безжалостно рубили, кололи, крошили. Наконец, трубы заиграли отбой.

Сражение при Патэ было выиграно.

Жанна д'Арк соскочила с коня и, остановившись, в глубокой задумчивости смотрела на страшное поле битвы.

⁴² Что вы, бог с вами! (*франц.*)

– Хвала богу! – проговорила она. – Его могучая десница повергла врага. – А потом, немного помолчав, подняла голову и, устремив взгляд вдаль, будто размышляя вслух, добавила: – И через тысячу лет английская власть во Франции не сможет оправиться от этого удара!

Она еще постояла немного, погруженная в свои мысли, потом, повернувшись к столпившимся вокруг нее военачальникам, воскликнула:

– О друзья мои, сознаете ли вы, знаете ли вы? Франция на пороге своего освобождения!

Ее лицо выражало торжество, глаза сияли.

– Она была бы в неволе, если бы не Жанна д'Арк, – сказал Ла Гир и, проезжая мимо, низко ей поклонился.

Все остальные последовали его примеру. А он, отъезжая от толпы, негромко произнес:

– И будь я проклят, если когда-нибудь откажусь от этих слов!

Затем, бурно выражая свой восторг, мимо нее проходило, батальон за батальоном, наше победоносное войско. Солдаты изо всех сил кричали: «Да здравствует навеки Орлеанская Дева! Слава, слава, слава!» Счастливая Жанна улыбалась и салютовала им мечом.

На обагренных кровью полях Патэ я видел Орлеанскую Деву не в последний раз. К концу дня мне еще раз довелось увидеть ее там, где недавнее сражение разметало и свалило в груды убитых и раненых. Наши солдаты смертельно ранили одного пленного, слишком бедного, чтобы дать за себя выкуп. Заметив издали это ужасное дело, Жанна примчалась к месту происшествия и сразу же послала за священником. И вот голова умирающего врага уже лежит на ее коленях, и она, как родная сестра, облегчает его предсмертные муки словами любви и утешения, и горькие слезы текут по ее щекам.⁴³

Глава XXXI

Жанна оказалась права: Франция действительно находилась на пороге своего освобождения.

Война, прозванная Столетней, в последнее время велась весьма вяло. Впервые за девяносто один год борьбы англичане начали проявлять слабость.

Следует ли судить о сражениях по количеству убитых, по размерам разрушений? Не лучше ли судить по результатам, к которым они приводят? Справедливо замечено, что сражение считается по-настоящему великим или малым именно в зависимости от результатов. В этом вопросе мнения единодушны.

Судя по результатам, битва при Патэ имеет такое же огромное значение, как и те битвы, которые принято считать наиболее важными, начиная с древнейших времен, когда люди для разрешения своих споров впервые прибегли к силе оружия. Пожалуй, битва при Патэ не имеет себе равных даже среди этих выдающихся битв. Ее необходимо выделить особо, как яркую вершину среди исторических бурь и конфликтов. Когда она началась, Франция лежала поверженной, еле живой; с точки зрения политических врачей ее состояние было абсолютно безнадежным. Но когда три часа спустя битва закончилась, кризис миновал и Франция была уже на пути к выздоровлению; для полного восстановления сил ей ничего не требовалось, кроме времени и обычного ухода. Самый плохой врач мог бы заметить это, и не нашлось бы ни одного, кто бы осмелился утверждать обратное.

Многие нации, находившиеся при смерти, исцелялись, проходя через огонь многочисленных и длительных сражений, через постоянно встающие на их пути губительные препятствия. И только одна нация сумела оправиться от тяжелой болезни за один день, за одно сражение. Эта нация – французы, это сражение – битва при Патэ. Помните об этом, дети Франции, и гордитесь, ибо вы – французы! Битва при Патэ – самое великое событие, которое когда-либо фиксировалось

⁴³ Лорд Рональд Гауэр пишет: «Мишле нашел подтверждение этому факту в показаниях пажа Жанны д'Арк Луи де Конта, который, вероятно, присутствовал при этом». И это соответствует истине. Изложенный факт является частью показаний автора «Личных воспоминаний о Жанне д'Арк», данных им на Процессе реабилитации в 1456 г. (Примечание М.Твена.)

в анналах истории вашей страны. Памятник о нем вздымается под самые облака. И когда вы вырастаете, то непременно постарайтесь побывать на поле Патэ, остановитесь там и снимите шапку... Перед чем? Перед величественным монументом, который уходит вершиной в облака. Все народы во все времена воздвигали на местах сражений монументы, чтобы свято хранить в своих сердцах память о бессмертных подвигах и о тех, кто совершил их. Разве Франция забудет когда-нибудь Патэ и Жанну д'Арк? Никогда! Разве Франция не воздвигнет им достойного монумента, подобного тем, которые воздвигаются другими народами? Вероятно, воздвигнет, если для этого найдется достаточно места под небосводом.

Теперь предлагаю вернуться назад и рассмотреть некоторые странные и удивительные явления. Столетняя война началась в 1337 году. Шли годы, шли долгие годы, а война все свирепствовала и бушевала. Наконец под Креси Англия сокрушила Францию страшным ударом. Но Франция все же поднялась и продолжала бороться многие годы, пока не была повержена вновь мощным ударом при Пуатье. Но и на этот раз она кое-как собралась с силами, пытаясь сопротивляться. А война все бушевала и бушевала. Тянулась десятками лет. За это время люди рождались, вырастали, женились и умирали. А война все бушевала и бушевала. Их дети в свою очередь вырастали, женились и умирали. А война все бушевала и бушевала. Третье поколение, вырастая, опять увидело Францию разгромленной, на этот раз при Азенкуре. А война все бушевала и бушевала. Вот уже и их правнуки успели вырасти, пожениться, а война продолжалась по-прежнему.

Франция была разбита, унижена, лежала в руинах и пепелищах. Часть страны принадлежала Англии, и никто не решался оспаривать права англичан на нее. Другая же часть еще никому не принадлежала, но и над ней через три месяца взвился бы английский флаг, так как французский король готовился бросить свой шаткий трон и бежать за море.

И вот из далекой глуши явилась неграмотная деревенская девушка, сумевшая мужественно предстать пред жутким ликом войны, броситься в пламя, свирепствовавшее на протяжении трех поколений. И началась еще невиданная в истории по краткости и силе натиска военная кампания, изумившая весь мир. Она окончилась через семь недель. Через семь недель эта девушка обезвредила и повергла в прах старуху-войну, которой шел уже девяносто первый год. От удара, нанесенного ею под Орлеаном, у врага подкосились ноги, а удар при Патэ переломил ему хребет.

Подумайте об этом! Да, подумать можно, а вот как понять? Никто никогда не объяснит этого изумительного чуда.

Семь недель борьбы, и так мало человеческих жертв, так мало кровопролития! Пожалуй, единственное исключение – битва при Патэ, где собралось шесть тысяч англичан. Две тысячи из них остались лежать на поле брани. Полагают, что только в трех сражениях-при Креси, Пуатье и Азенкуре – французы потеряли сто тысяч. А сколько же погибло в прочих битвах этой длительной войны? Число убитых не поддается никакому счету, представляя из себя бесконечный траурный список. Десятки тысяч человек пали а боях; количество же мирных жителей, стариков, женщин и детей, погибших от голода и лишений, исчисляется миллионами.

Эта война – ненасытный великан-людоед, людоед, который свободно бродил по земле на протяжении почти целого века, перемалывая свои жертвы чудовищными челюстями, с которых ручьями стекала кровь. И вот семнадцатилетняя девушка сразила его своей маленькой рукой. Теперь он, поверженный, лежит там, на полях Патэ, и никогда не подыметя больше, пока существует наш древний мир.

Глава XXXII

Говорили в народе, будто весть о победе при Патэ разнеслась по всей Франции за сутки. Не знаю, так ли это, но несомненно одно: каждый, узнав об этом, с криками радости и громко прославляя бога, спешил поделиться новостью с соседом. Тот немедленно бежал в следующий дом, и весть о победе, нигде не задерживаясь, летела по стране. И если человек узнавал об этом ночью, то он, несмотря на поздний час, вскакивал с постели и спешил поделиться с другими этой великой радостью. Радость народа напоминала собой яркий свет, разливающийся по земле в тот

миг, когда затмение отступает и сходит с солнечного лика. И в самом деле, разве все эти мучительные годы Франция не лежала во мраке затмения? Да, она была погружена в глубокий мрак, который теперь отступал и рассеивался перед ослепительным блеском благой вести.

Эта весть настигла врага, пытавшегося укрыться в Иовилле, но город восстал против английских хозяев и запер ворота перед их собратьями-бургундцами. Тогда неприятель бросился и Мон-Пипо, и Сен-Симон и другие английские крепости. И сразу же гарнизоны поджигали их, убегая в поля и леса. Наши отряды заняли Менг и разграбили его.

Когда мы вошли в Орлеан, обезумевший от радости город бушевал в сто раз больше, чем когда-либо прежде, а это говорит о многом. Наступила ночь, и улицы были так ярко иллюминированы, что нам казалось, будто мы плывем в море огня. Шум был потрясающий: приветственные крики восторженных толп, громоподобная стрельба из пушек, оглушительный звон колоколов, Такого не было еще никогда. Когда мы проехали через городские ворота, приветственные крики и возгласы слились в непрекращающийся рев:

– Слава Жанне д'Арк! Дорогу Спасительнице Франции! – И потом: – Креси отомщен! Пуатье отомщен! Азенкур отомщен! Да здравствует Патэ!

Творилось нечто невообразимое! В центре колонны шли военнопленные. Когда их увидел народ и узнал своего лютого старого врага Тальбота, который годами заставлял французов плясать танец смерти под свою суровую военную музыку, можете себе представить, как взревела толпа, – мое перо бессильно описать это. Торжествуя и злорадствуя, народ готов был броситься, вытащить его из рядов и повесить. Поэтому Жанна сочла необходимым вести его рядом с собой, взяв под свою защиту. Жанна д'Арк и Тальбот вместе – какой поразительный контраст!

Глава XXXIII

Да, Орлеан ликовал, Орлеан блаженствовал. Жанна пригласила короля в город, приготовив ему великолепную встречу, но король не изволил явиться. В то время он был жалким рабом, а ла Тремуиль его господином. Господин взял раба к себе в замок Сюлли-сюр-Луар и держал его там.

В Божанси Жанна обязалась примирить коннетабля Ришмона с королем. Она поехала вместе с Ришмоном в Сюлли-сюр-Луар и все благополучно уладила.

Известны пять великих деяний Жанны д'Арк:

1. Снятие осады Орлеана.
2. Победа при Патэ.
3. Примирение в Сюлли-сюр-Луар.
4. Коронация короля.
5. Бескровный поход.

Поговорим сначала о бескровном походе и коронации. Этот продолжительный и победоносный поход Жанна совершила по территории врага от Жьена до Реймса, а оттуда до ворот Парижа, захватывая находившиеся в руках англичан крепости и города, преграждавшие ей путь. Англичане сдавались без сопротивления, услышав лишь ее имя, и не было пролито ни капли крови. Пожалуй, эта кампания является самой необычной в истории и самой славной из всех военных подвигов Жанны.

Примирение было также одним из замечательных ее успехов. Никто другой не смог бы решить эту задачу, да в сущности никто из высокопоставленных лиц и не пытался ее решать. По уму, по знанию военного искусства и по умению вести государственные дела коннетабль Ришмон был самым способным человеком во Франции. Он был до конца предан Франции, и его честность находилась вне подозрений. Все это возвышало его над пошлостью и ничтожеством королевского двора.

Возвращая Ришмона Франции, Жанна обеспечила успешное завершение начатого ею великого дела. Впервые она увидела Ришмона, когда он явился к ней со своим отрядом. Разве не примечателен тот факт, что с первого взгляда она угадала в нем того человека, который сможет довести до конца и навечно упрочить ее великие завоевания? Как могла она, юная девушка, знать об этом? Но она знала. У нее было «ясновидящее око», как выразился когда-то один из

наших рыцарей. Да, она обладала этим великим даром, замечательнейшим и редчайшим из даров природы. Непреодолимых трудностей впереди уже не было, но достижение цели было не по плечу королевским идиотам, – оно требовало умелого руководства, терпения и выдержки. На протяжении целой четверти века еще необходимо было наносить удары врагу, пусть небольшие, пусть изредка, но это было необходимо. Только умный и ловкий человек мог справиться с этой задачей – постепенно изгнать англичан с захваченной территории, не причинив излишнего беспокойства и ущерба другим областям страны.

Так и случилось. Под влиянием Ришмона король стал человеком, настоящим мужчиной, королем в полном смысле этого слова, смелым, способным и решительным воином. В течение шести лет после битвы при Патэ он лично водил войска на штурм, дрался в крепостных рвах, стоя по пояс в воде, под ураганным огнем взбирался по осадным лестницам, проявляя такое бесстрашие, что сама Жанна д'Арк осталась бы им довольна. Через некоторое время он вместе с Ришмоном полностью освободили страну от врага, изгнав англичан даже из тех провинций, в которых они господствовали на протяжении трех столетий. В этих провинциях нужно было проводить мудрую и гибкую политику, так как англичане не чинили там жестокостей и справедливо относились к населению, которым управляли, а в таких случаях народ не всегда жаждет перемен.

Какое же из пяти основных деяний Жанны д'Арк можно назвать самым главным? Мне думается, каждое из них по-своему велико. Вместе взятые, они, так сказать, дополняют друг друга, взятые же в отдельности, они одинаково важны.

Понятно ли вам это? Каждое из них было как бы ступенькой одной лестницы. Выбросить одно из них – и все рухнет. Свершить любое из них не вовремя и не в положенном месте значит тоже потерпеть фиаско.

Возьмем коронацию. Где вы найдете в нашей истории лучший образец дипломатического хода? Предугадывал ли король важность этого хода? Нет. А его министры? Нет. А хитрый Бедфорд, представитель английской короны? Нет. Ведь для короля и для Бедфорда все это имело огромное значение. Король мог добиться успеха лишь смелым ударом, а Бедфорд без всяких усилий. Но ни тот, ни другой не протягивали руки, чтобы повернуть события в свою сторону. Из всех мудрых государственных деятелей Франции только один человек знал и понимал всю важность этого мероприятия – семнадцатилетняя неграмотная девушка Жанна д'Арк. Она поняла это и с самого начала говорила о коронации как о существенной части своей исторической миссии.

Как же объяснить это? Весьма просто. Она была крестьянкой, и в этом вся суть. Жанна вышла из народа и знала народ. Другие же, вращаясь в высших сферах, ничего не знали о нем. Мы мало придаем значения этой загадочной, бесформенной, косной массе, этой могучей, основополагающей силе, именуемой «народом». Сколько презрительного смысла вкладывается в это понятие! Странно, очень странно! Ведь в конце концов мы знаем, что трон устойчив лишь тогда, когда его поддерживает парод, но стоит эту опору убрать – и трон рухнет, и ничто в мире не спасет его.

Вдумайтесь в этот факт и оцените его значение. Чему верит приходский священник, тому верит и его паства. Прихожане любят и почитают его, он их лучший друг, утешитель в горе, первый защитник и помощник в черные дни. Они раскрывают ему свои сердца и поступают так, как он скажет, слепо и беспрекословно повинуюсь во всем, чего бы это ни стоило. Сложите все эти факты воедино – и вы придете к выводу, что приходский священник правит народом. А если приходский священник лишает короля своей поддержки и отрицает его власть? От короля остается только тень, и ему надо отречься от престола.

Вам понятна моя мысль? Тогда продолжим. Священника возводит в его сан всемогущая десница божья через своего представителя на земле, и никакая сила не может отнять у него этот сан. Он дается ему раз и навсегда. Никто не в состоянии что-либо изменить, никто не может сместить священника, никто, ни один человек, даже папа. Это даровано богом, и он навеки – лицо священное и неприкосновенное. Самый невежественный прихожанин знает об этом. Для священника и его паствы всякий помазанник божий обладает властью несомненной и бесспорной, поэтому для священника и его паствы некоронованный король – лишь подобие короля, временный правитель, все равно что непосвященный священник, не наделенный божественной властью,

и на его место всегда может быть назначен другой. Одним словом, король без короны является сомнительным королем. Но если бог возведет короля в сан, а его слуга епископ совершит над ним помазание, все сомнения устраниваются; священник и паства немедленно становятся его верными подданными, и, пока он жив, они не будут признавать иного короля.

Для Жанны д'Арк, крестьянской девушки, Карл VII не являлся королем до тех пор, пока он не был коронован; для нее он был Только дофином, то есть наследником престола. И если когда-нибудь я говорил, что она называла его королем, что была ошибка; Жанна называла его дофином и только дофином до тех пор, пока не свершилось коронавание. Все это показывает вам, как в зеркале, – а Жанна д'Арк являлась зеркалом, ясно отражавшим интересы низов Франции, – что для всей этой многоликой основополагающей силы, именуемой «народом», король до коронации был только дофином, и лишь после коронации стал королем.

Теперь вы представляете, каким важным ходом был акт коронации на политической шахматной доске. Впоследствии Бедфорд понял это и попытался исправить ошибку, короновав своего короля⁴⁴. Но что пользы в этом? Никакой.

Великие подвиги Жанны можно сравнить с ходами в шахматной игре. Каждый ход был точно рассчитан, каждый был действенным и значительным, составляя последовательную цепь. Рассматриваемый в отдельности, каждый из них казался наиболее своевременным и блестящим. Но лишь окончательный результат свидетельствует о их полном единстве и равенстве.

Вот каким образом разыгрывалась партия:

1. Первый ход: Орлеан и Патэ – шах.
2. Второй ход: примирение в Сюлли-сюр-Луар, и, не объявляя шаха, игрок выбирает необходимую позицию, чтобы добиться успеха в дальнейшем.
3. Третий ход: коронация – шах.
4. Далее, бескровный поход – шах.
5. Последний ход (завершенный уже после ее смерти) делает помирившийся с французским королем коннетабль Ришмон – мат.

Глава XXXIV

Луарская кампания открыла дорогу на Реймс. Теперь не было никакой существенной причины, которая бы мешала коронации. Коронация явилась бы завершением миссии, возложенной на Жанну небом, дала бы ей возможность покончить навсегда с войной, вернуться домой к своей матери, к стадам овец и никогда больше не разлучаться с родным очагом и счастливой мирной жизнью. Такова была ее мечта; она не могла найти себе покоя, ей не терпелось увидеть осуществление своей мечты, Жанна была так увлечена этим, что я начал сомневаться в ее предсказаниях о преждевременной смерти и гнал от себя прочь всякие мрачные мысли.

Король боялся двинуться на Реймс, ибо вдоль дороги повсюду торчали английские крепости. Но Жанна не придавала этому большого значения. При сложившихся обстоятельствах англичане были бессильны.

И она оказалась права. Поход на Реймс напоминал увеселительную прогулку. Жанна не взяла с собой даже артиллерии, она была уверена, что пушки ей не понадобятся. Мы выступили из Жьена с двенадцатитысячной армией. Это было двадцать девятого июня. Дева ехала по правую сторону короля, герцог Алансонский по левую. За герцогом следовали еще три принца королевской крови, затем Дюнуа, маршал де Буссак и адмирал Франции, потом Ла Гир, Сентрайль, ла Тремуйль и, наконец, длинная процессия рыцарей и дворян.

Три дня мы отдыхали под Оксерром. Город снабжал армию продовольствием, и к королю явилась депутация с просьбой войти в город, но мы так и не побывали в нем.

⁴⁴ Бедфорд понял это и попытался исправить ошибку, короновав своего короля. — Речь идет о следующем историческом факте: после смерти своего отца и Карла VI — короля Франции, английский король Генрих VI еще долгие годы оспаривал французскую корону и, по настоянию Бедфорда, даже был коронован в Париже (в декабре 1431 года, уже после сожжения на костре Жанны д'Арк). Таким образом, у Франции в то время оказалось два короля.

Перед королем распахнул ворота и Сен-Флорентен.

Четвертого июля мы достигли Сен-Фаля. Впереди лежал Труа, представлявший для нас, парней, жгучий интерес; мы еще помнили, как семь лет тому назад к нам на луга в Домреми пришел с черным флагом Подсолнух и принес весть о заключении позорного Труанского договора, согласно которому Францию отдавали Англии, а дочь королевской династии вступала в брак с палачом Азенкура. Несчастный город, конечно, был в этом неповинен, но наши сердца забились сильнее при воспоминании о тех временах. Мы надеялись, что здесь произойдет столкновение, и всей душой желали сначала взять город штурмом, а потом сжечь его. Большой гарнизон города состоял из английских и бургундских войск и ожидал подкреплений из Парижа. В сумерках мы расположились у городских ворот и в два счета разгромили вражеский отряд, пытавшийся сделать вылазку.

Жанна потребовала сдачи Труа. Комендант города, видя, что у нее нет артиллерии, с насмешкой отверг предложение и направил ей длинное оскорбительное письмо. Пять дней мы совещались и вели переговоры, но все безрезультатно. Король уже готов был уступить и повернуть обратно. Он боялся двигаться дальше, оставляя в тылу такую мощную крепость. Тогда, не выдержав, вмешался Ла Гир. Его слова прозвучали пощечиной для некоторых советников его величества:

– Этот поход предпринят по личному указанию Орлеанской Девы, и она возглавляет его. Полагаю, ей лучше знать, как действовать, чем некоторым другим, пусть себе даже и весьма высокопоставленным лицам.

Слова были мудрыми и справедливыми. Тогда король послал за Девой и, когда она явилась, спросил, каковы по ее мнению перспективы на будущее, Она ответила решительно и без колебаний:

– Через три дня крепость будет нашей.

– Если бы мы были в этом уверены, – заметил чопорный канцлер, – то подождали бы и шесть дней.

– Шесть дней? Так долго? Боже мой, мы войдем в ворота завтра!

Потом она вскочила на коня и принялась объезжать войска, восклицая:

– Готовьтесь! За работу, друзья, за работу! Завтра на рассвете – штурм!

В ту ночь она трудилась в поте лица, прикладывая свою руку ко всему, как простой солдат. Она приказала приготовить фашины и вязанки хвороста, сбросить их в ров и заполнить его для последующей переправы. В этой черной работе она участвовала наравне со всеми.

На рассвете Жанна возглавила атакующую колонну, и трубы заиграли боевой сигнал. В это мгновение на стенах крепости взвился белый флаг, и Труа сдался без единого выстрела.

На следующее утро наша армия во главе с королем, в сопровождении Жанны и Паладина со знаменем торжественно вступила в город. Это была превосходная армия, ряды которой множились изо дня в день.

Тут-то и произошел любопытный случай. По договору, заключенному с городом, гарнизону английских и бургундских солдат разрешалось захватить с собой «собственность». Решение, конечно, правильное. Нельзя же оставлять людей без средств к существованию. Так вот. Вражеские войска должны были выйти из города через определенные ворота. Желая видеть это шествие, мы, молодые парни, вместе с Карликом отправились туда в назначенный для отбытия час. Скоро они показались из ворот и двинулись нескончаемой вереницей. Впереди шла пехота. По мере ее приближения можно было разглядеть, что каждый, согнувшись, тащил на себе непосильную ношу: «Не слишком ли это жирно для простых солдат?» – подумали мы. Когда они были совсем близко, мы увидели... Не удивляйтесь! Каждый из этих негодяев тащил на своей спине французского пленного. Они уносили свое добро, свою «собственность», строго придерживаясь условий договора.

Как они нас надули! До чего ловко они нас надули! Что могли мы сказать? Что могли мы сделать? Ведь по-своему они были правы. Пленники считались собственностью, и никто не мог этого отрицать. Дорогие друзья, а что, если бы это были пленные англичане? Ведь это, прямо сказать, целое богатство! Англичане за эти сто лет попадались в плен редко, и цена на них была

сравнительно высокая. С пленными же французами никто не считался. Их было слишком много. Владелец подобной движимости на выкуп не рассчитывал и, как правило, довольно скоро убивал своего раба, чтобы зря не кормить. Как видите, люди ценились дешево в те времена. Когда мы взяли Труа, теленок стоил тридцать франков, овца – шестнадцать, а пленный француз – восемь. Всюду требовался скот, и цены на него были просто баснословными. У войны два закона: цены на мясо повышаются, а на пленников – падают.

Итак, этих бедных французских пленников тащили на себе. Какие наглецы! Что делать? Не рассчитывая на успех, мы все же приняли некоторые меры: немедленно отправили гонца к Жанне, а сами вместе с французской стражей, чтобы выиграть время, остановили солдат якобы для переговоров. Один здоровенный бургундец, потеряв терпение, поклялся, что никто и ничто его не остановит-он пойдет дальше, забрав своего пленника с собой. Но мы отрезали ему путь; и он увидел, что тут дело серьезное – его задерживают. Тогда, разразившись отборной руганью, осыпая нас гнуснейшими оскорблениями, он сбросил пленника со спины и поставил его, связанного и беспомощного, на ноги рядом с собой. Потом вытащил нож и, злорадно ухмыляясь, торжественно заявил:

– Что ж, я могу и не уносить его, как вы предлагаете, хотя он и принадлежит мне по праву. Раз мне не дают взять с собой мою собственность, я найду другой выход. Да, да, я могу убить его. Любой дурак из вас не осмелится оспаривать моих законных прав. А? Что? Забыли об этом, сволочи?

Несчастный, ослабевший от голода человек глазами молил о спасении. Потом он сказал, что дома у него есть жена и маленькие дети. Вы представляете, какая жалость охватила наши сердца? Но чем могли мы помочь? Бургундец пользовался своим правом. Мы только могли уговаривать, упрашивать его пощадить несчастного пленного. И мы уговаривали, упрашивали. Бургундцу это доставляло огромное удовольствие. Он не спешил прикончить свою жертву. Он издевался над нами, наслаждаясь своим превосходством. Становилось невтерпех. Тогда заговорил Карлик:

– Прошу вас, молодые господа, разрешите-ка мне побеседовать с ним, вы ведь хорошо знаете, коль скоро требуется убедить кого-нибудь, то я на это мастак. Улыбаетесь? Я с вами вполне согласен. Это мне в наказание за мое хвастовство. И тем не менее мне хотелось бы немножко поиграть с этим молодчиком, так, слегка...

С этими словами Карлик шагнул к бургундцу и повел с ним душевный разговор своим приятным певучим тенорком. Он упомянул о Деве, о ее добром сердце, собираясь разъяснить, как бы она похвалила и высоко оценила его великодушный поступок, который, конечно...

Но речь свою он не закончил. Бургундец оборвал его плавную речь оскорбительным замечанием по адресу Жанны. д'Арк. Мы рванулись к нему, но Карлик с мертвенно бледным лицом отстранил нас и промолвил серьезно и угрожающе:

– Прошу терпения. Разве не я ее телохранитель? Предоставьте это мне.

Говоря это, он мгновенно выбросил вперед свою правую руку, схватил здоровенного бургундца за глотку и, приподняв его, воскликнул: – Ты оскорбил Деву; а Дева – это Франция, Язык, произносящий подобную мерзость, нуждается в длительном отпуске.

Мы услышали приглушенный хруст костей. Глаза бургундца начали вылезать из орбит, сделались свинцовыми и тупо уставились в пространство. Лицо налилось кровью, стало багрово-синим. По телу прошли смертные судороги. Руки повисли, как плети, ноги вытянулись, мускулы ослабли. Карлик разжал руку, и громадное неподвижное тело бесшумно осунилось на землю.

Мы перерезали узлы веревок, связывавшие пленника, и сказали ему, что он свободен. В тот же миг его рабская покорность сменилась безумной радостью, а смертельный ужас перешел в дикую ярость. Он рванулся к трупу, начал пинать его ногами, плевать в лицо, плясать на нем, запихивая комья грязи в рот своей жертвы. Он хохотал, кривлялся, глумился, ругался, выкрикивая непристойные слова, доходя до скотского состояния, словно пьяный дьявол. Этого и следовало ожидать: ратный труд не порождает ангелов. Многие, наблюдавшие за этой сценой, смеялись, некоторые относились к ней безразлично, но никто не удивлялся. Вдруг в своей отвратительной пляске освобожденный неожиданно подскочил к группе поджидавших его бур-

гундцев, и тут один из них ловко вонзил ему нож в горло: француз с пронзительным воплем упал на землю, а искрящаяся кровь прямой, яркой, как луч света, струей, брызнула на высоту десяти футов. Все дружно захохотали – и свои, и враги. Вот так и закончился один из самых интересных эпизодов моей богатой приключениями военной жизни.

Тут подросла взволнованная Жанна и, выслушав требование гарнизона, сказала:

– Право на вашей стороне. Это ясно. Данный пункт договора не был достаточно продуман, и вы можете толковать его как угодно. Но вам не разрешается брать этих бедняг с собой. Я не допущу этого: они французы. За каждого из них король даст выкуп. Подождите, пока я не пришлю от него ответ. И говорю вам: ни один волос не должен упасть с их головы, иначе вам это дорого обойдется.

Все уладилось. На некоторое время пленные были спасены. Жанна сразу же помчалась к королю и потребовала немедленного принятия мер, не желая выслушивать ни оправданий, ни возражений. Король разрешил ей поступить по своему усмотрению; она вскоре прискакала обратно и от имени короля выкупила пленников, дав им полную свободу.

Глава XXXV

Именно здесь нам опять довелось увидеть королевского гофмейстера, в чьем замке гостила Жанна, когда впервые пришла из своей родной деревни в Шинон. Теперь с согласия короля она назначила его балью города Труа.

Затем мы снова выступили в поход. Шалон сдался. Здесь, под Шалоном, кто-то спросил у Жанны, не опасается ли она чего-нибудь в будущем. Жанна ответила, что она боится одного – измены. Кто мог поверить этому? Кто мог подумать? Однако смысл этих слов был пророческий. Воистину человек – жалкое животное.

Мы шли и шли, шли не останавливаясь. Наконец, шестнадцатого июля увидели город, к которому были прикованы наши мысли: перед нами вырисовывались величественные шпили Реймского собора! Громовое «ура» прокатилось по всему строю от авангарда до тыла. Что касается Жанны д'Арк, то она, сидя на коне в своих белых доспехах, пристально всматривалась вдаль. Ее задумчивое красивое лицо светилось глубокой-глубокой, какой-то неземной радостью. О нет, в этот момент она не была существом во плоти. Она была светлым духом, небесным видением. Ее великая миссия завершалась полным триумфом. Завтра она сможет сказать: «Мое дело окончено. Отпустите меня».

Мы разбили лагерь, и сразу же поднялась суматоха, беготня, шум праздничных приготовлений. Прибыл архиепископ Реймский вместе с многочисленной депутацией. А затем со знаменами и музыкой, оглашая воздух приветственными криками, поплыли бесконечные потоки горожан и крестьян. Опьяненные радостью, они, как вешние воды, затопили лагерь. Всю ночь напролет в Реймсе кипела работа: стучали молотки, украшались улицы, воздвигались триумфальные арки, древний собор снаружи и изнутри одевался в ослепительно роскошный наряд.

Ранним утром в намеченный час мы двинулись в путь: коронационные торжества должны были начаться ровно в девять и длиться пять часов. Мы знали, что гарнизон англичан и бургундцев окончательно отказался от мысли оказывать сопротивление Деве, что городские ворота гостеприимно раскроются перед нами и весь город с восторгом встретит наше появление.

Утро было восхитительное, полное яркого солнца, свежести и бодрящей прохлады. Армия в парадной форме покидала место привала. Приятно было смотреть, как, растянувшись красочной лентой, колонны двигались в Реймс для участия в коронационных торжествах. Это было мирное шествие, заключительный этап нашей бескровной кампании.

Жанна на вороном коне, в сопровождении герцога Алансонского и всего штаба, остановилась, чтобы произвести последний смотр и проститься с армией, ибо с завтрашнего дня, исполнив свой долг, она не намеревалась больше командовать этими или другими войсками. Солдаты знали и чувствовали, что в последний раз видят милое девичье лицо своего маленького бесстрашного полководца, свою любимицу, свою гордость, свое сокровище – ту, которую боготворили в сердцах, называя «Дочерью божьей», «Спасительницей Франции», «Любимицей победы»,

«Оруженосцем Христа», не говоря уже о многих других ласковых именах, которые подчас звучали очень наивно и простодушно. Подобными ласковыми именами осыпают взрослые горячо любимых детей. Этот смотр был необычным, и нечто новое, небывалое увидели мы. Душевное волнение Жанны передалось солдатам. Прежде на парадах батальоны проходили мимо с восторженными криками, высоко подняв голову и сверкая глазами; били барабаны, гремели победные марши. Сейчас ничего этого не было. Один-единственный звук назойливо сверлил воздух, и, закрыв глаза, можно было представить себя в мертвом царстве. Только один звук улавливался ухом в тишине этого летнего утра – только один – приглушенный топот марширующих войск. По мере того как сомкнутые ряды проплывали мимо, солдаты прикладывали правую руку к виску, ладонью вперед, отдавая честь и обращая свой взор к Жанне в безмолвном «прости» и «да благословит тебя бог». Они смотрели на нес с любовью и долго-долго не опускали рук, удаляясь в почтительном молчании. И всякий раз, когда Жанна подносила платок к глазам, легкая дрожь пробегала по лицам марширующих солдат.

Парад победы обычно наполняет сердца радостью и ликованием, на этот раз их терзала печаль.

Мы направлялись к резиденции короля, находившейся в загородном дворце архиепископа. Узнав, что король приготовился к торжествам, мы галопом примчались обратно и, присоединившись к армии, возглавили шествие. Тем временем бесчисленные толпы окрестных жителей стекались со всех концов и выстраивались по обеим сторонам дороги, чтобы увидеть Жанну. Так повторялось всегда с первого дня похода. Наш путь пролегал теперь по зеленой равнине, и люди, стоящие вдоль дороги, напоминали двойную кайму, сотканную из лилий и маков. Каждая женщина и каждая девушка была в белой кофте и красной юбке. Мы двигались среди улицы из живых цветов. Пестрые цветы, окаймлявшие дорогу, не стояли неподвижно, не встречали нас равнодушно. Нет. Они кланялись, кланялись и кланялись. Люди-цветы простирали руки и, проливая слезы, благодарными глазами смотрели на Жанну д'Арк. Те, кто стоял поближе, бросались к ее ногам, обнимали их и, прижимаясь влажной щекой, осыпали пылкими поцелуями. В эти дни мне ни разу не пришлось видеть человека, будь то мужчина или женщина, который не преклонил бы колена при ее приближении, или мужчины, не обнажившего голову. Позже, на Великом процессе, все эти трогательные сцены были использованы в качестве улики против Жанны. Несправедливый суд обвинил ее в том, что она являлась предметом обожания простого народа, а следовательно – еретичкой.

Когда мы приблизились к городу, высокая извилистая цепь валов и башен была уже украшена весело реющими флагами и усеяна черными толпами народа. Воздух содрогался от оружийных залпов, и пелена серого дыма медленно расплывалась вокруг. Мы торжественно вступили в ворота, и процессия двинулась по городу. За войсками, в праздничных одеждах, со своими знаменами, шли гильдии и цехи. По обе стороны улиц теснился ликующий народ; в окнах – люди, на крышах – люди, люди везде; с балконов свисали разноцветные дорогие ткани; тысячи белых платочков мелькали в воздухе, напоминая издали снежную бурю.

Имя Жанны произносилось в церковных молитвах – честь, до сих пор оказываемая лишь особам королевского достоинства. Но простые люди оказали ей еще более высокую честь. Они отчеканили свинцовые медали с изображением ее лика и герба и носили их, как талисманы. Такие медали можно было видеть на каждом шагу.

Из дворца архиепископа, в котором мы остановились и где должны были расположиться король и Жанна, король направил послов в аббатство Сен-Реми, находящееся за городскими воротами, чтобы доставить оттуда *Sainte Ampoule*⁴⁵ – сосуд со священным елеем. Этот елей не был земным елеем, он также, как и сосуд, изготовлялся на небесах. Сосуд с елеем был доставлен на землю голубкой и передан святому Реми как раз в то время, когда он собирался крестить короля Хлодвига⁴⁶, обращенного в христианство. И я верю, что это правда. Я узнал об этом давным-

⁴⁵ Священный сосуд (франц.)

⁴⁶ Хлодвиг (Кловис) — король, основатель Франкского государства (род. в 406 г., умер в 511 г.); в 486 году завоевал последние римские владения в Галлии; позже разбил алеманов и вестготов; в 496 году принял католичество, был

давно от отца Фронта в Домреми. Трудно передать те благоговейные чувства, которые я испытывал, увидев сей сосуд. Ведь я своими глазами созерцал предмет, побывавший на небесах. Вероятно, его созерцали ангелы и, вне всякого сомнения, господь бог, пославший его, А теперь смотрел на него я. Я даже мог дотронуться до него, но побоялся, – а что, если в самом деле к нему прикасался господь? Мне думается, так оно и было.

Из этого сосуда был помазан на царство Хлодвиг, а затем и все короли Франции. С тех пор прошло девятьсот лет. Я уже сказал, что за сосудом послали, и мы ждали его с нетерпением. Без святого елея коронация была бы недействительной, я в этом убежден.

Для того чтобы взять сей сосуд, необходимо было совершить древний обряд, ибо, в противном случае, настоятель аббатства Сен-Реми, наследственный хранитель святого елея, не вручил бы его послан короля. Итак, согласно обычаю, король направил к церкви аббатства пять лучших дворян – великолепно вооруженных и роскошно экипированных всадников в качестве почетной охраны архиепископа Реймского и его каноников, которым надлежало выполнить волю короля и доставить елей. Перед тем как отправиться в путь, они выстроились в ряд и опустились на колени. Сложив руки, облеченные в железные перчатки, и воздев их к небу, они поклялись жизнью в целостности доставить священный сосуд и в целостности вернуть его обратно в церковь святого Реми после свершения таинства помазания короля.

Архиепископ и его подчиненные, сопровождаемые почетным эскортом, направились в аббатство Сен-Реми. Архиепископ был в пышном облачении, с митрой на голове и крестом и руках. У врат церкви святого Реми процессия остановилась, изготовившись для приятия священного фиала. Вскоре послышались мощные звуки органа и пение хора. Затем под мрачными сводами церкви проследовала вереница служителей с зажженными свечами; наконец, облаченный в золототканые ризы, в окружении сонма клириков, появился настоятель аббатства, несущий фиал. Строго соблюдая древний обряд, он торжественно вручил фиал архиепископу. Потом началось обратное, не менее впечатляющее шествие. Процессия двигалась между двумя рядами припавших лицом к земле мужчин и женщин. Объятые благоговейным страхом, они молча молились, пока мимо них проносили сей ниспосланный богом предмет.

Величественная процессия медленно приблизилась к западным вратам собора. И как только архиепископ вступил в него, грянул приветственный гимн и громадный, собор наполнился звуками. Тысячи людей собрались под сводами гигантского здания. Все места были заняты. Только посередине к алтарю был оставлен широким проход. Туда важно шествовал архиепископ с канониками, а за ними пять статных рыцарей в блестящих доспехах, с феодалскими знаменами, верхом на великолепных лошадях.

Как это было потрясающе красиво! Всадники двигались под гулкими сводами храма, освещенные яркими лучами, падающими с высоты через цветные витражи стрельчатых окон. Невозможно представить себе что-нибудь более грандиозное!

Рассказывали, что, отъехав от дверей на расстояние четырехсот футов, они остановились перед самым клиросом. Там архиепископ отпустил их, и в знак повиновения они так низко поклонились ему, что перьями шлемов коснулись конских грив. Затем они заставили своих ретиво гарцующих красавцев-рысаков попятиться назад к двери. Какое изящество! Какая прелесть! У самого выхода они поставили их на дыбы и круто повернули, – кони рванулись вперед и скрылись из виду.

И сразу, же наступила тишина, тысячи людей замерли в ожидании. Тишина была такой глубокой, что казалось, будто все вокруг окаменело, застыло, погрузилось в летаргический сон. В этом безмолвии можно было услышать трепет крыл пролетающего насекомого. Но вот своды собора вздрогнули от мощного пения четырехсот серебряных труб, и под стрельчатой аркой большого западного портала, словно в раме, появились Жанна и король. Сопровождаемые бурей восторженных приветствий, они медленно, рука об руку, двигались вперед. Взрывы радостных возгласов смешались с глухим рокотом органа и набегающими волнами сладостной мелодии хора. За Жанной и королем шел Паладин с развернутым знаменем в руках. Какая могучая фигура!

окрещен святым Реми в Реймском соборе.

Какая гордая, величавая осанка! Он знал, что на него смотрят, что тысячи глаз любуются его роскошным нарядом, прикрывающим доспехи.

Рядом с Паладином шел сьер д'Альбре, представлявший особу коннетабля Франции. Он нес государственный меч.

За ними по рангам следовали пэры Франции: трое принцев королевской крови, ла Тремуиль и юные братья Лавали.

Затем двигалось высшее духовенство: архиепископ Реймский, епископы Шалонский, Ланонский, Орлеанский и еще какой-то епископ.

Далее шел верховный штаб, все наши великие, прославленные полководцы и генералы. Каждому не терпелось взглянуть на героев. И, по мере их продвижения, среди грома и гула слышались здравницы: «Слава бастарду Орлеанскому!», «Да здравствует гнев божий – Ла Гир!»

Достигнув назначенного места, процессия остановилась, и торжественный акт коронации начался. Он был продолжителен и производил сильное впечатление. Здесь было все: и молитвы, и гимны, и проповеди, все, что предусмотрено для данного случая. В эти волнующие часы Жанна стояла со своим боевым знаменем возле короля. Наконец, свершилось самое главное: король принял присягу и был миропомазан. Затем пышно разодетый сановник в сопровождении шлейфодосцев и прочих слугителей приблизился к королю и, преклонив колени, поднес ему на подушечке корону Франции, предлагая взять ее. Король был в нерешительности, – да, да, он колебался. Его рука, протянутая к короне, повисла в воздухе. Но это длилось лишь одно мгновение, лишь один краткий миг, но как заметен бывает миг, который захватывает дух и останавливает сердцебиение у двадцати тысяч человек. Уловив на себе счастливый и благодарный взгляд Жанны, король улыбнулся, легко приподнял корону Франции и красивым жестом, полным величия и достоинства, возложил ее себе на голову.

Ликование было неопишное. Собор содрогался от здравниц и радостных воплей, гудения органа и пронзительного пения хора. А снаружи трезвонили колокола и грохотали пушки.

Итак, осуществилась фантастическая, неправдоподобная, невероятная мечта крестьянской девушки – английское господство сломлено, наследник французского престола коронован.

Жанна словно преобразилась; ее лицо озарилось неземным сиянием, когда она опустилась на колени перед королем и сквозь слезы взглянула на него. Губы ее дрожали, и она заговорила тихим, нежным голосом, полным счастья и грусти:

– Наконец-то, милостивый король, свершилась воля божья: ты пришел в Реймс и получил корону, которая принадлежит по праву тебе и никому другому. Возложенная на меня миссия закончена; благослови же меня и отпусти с миром домой к матери, которая бедна, стара и нуждается во мне.

Король поднял Жанну и перед всем народом, пылко и красноречиво принялся прославлять ее великие подвиги. Он перечислил все ее титулы, еще раз утвердил ее в дворянском звании; равным графскому, и, в соответствии с ее новым достоинством, выделил ей слуг и свиту. Потом сказал:

– Ты спасла корону. Говори, проси, требуй. Ты получишь все, что попросишь, хотя бы для этого потребовалось разорить мое королевство.

Как это было щедро, как по-королевски! Жанна тут же опять опустилась на колени и сказала:

– Тогда, милостивый король, если ты столь великодушен, повели, молю тебя, снять налоги с моей бедной, разоренной войной деревни.

– Будет исполнено. Продолжай.

– Это все.

– Все? И ничего более?

– Да. Других желаний у меня нет.

– Но ведь это ничто, меньше даже, чем ничто. Проси, не бойся.

– Мне не о чем больше просить, милостивый король. Не настаивай. Тебе известно мое желание.

Король, казалось, впал в замешательство. Некоторое время он стоял молча, стараясь понять

сокровенный смысл этого странного бескорыстия. Потом, гордо выпрямившись, сказал следующее:

– Она спасла отечество и увенчала нас короной. И за это просит оказать ей лишь ничтожную милость, да и то не для себя, а для других. В этом мы усматривали истинное благородство! Сей поступок соответствует достоинству человека, душа и сердце которого таят сокровища во много раз ценнее тех, какие может предложить король, даже если бы ему пришлось отдать все, чем он располагает. Ее желание будет исполнено. А посему отныне повелеваем: Домреми, родную деревню Жанны д'Арк, Спасительницы Франции, прозванной Орлеанской Девой, освободить от всех податей отныне и навеки.

Король умолк. И в тот же миг заиграли трубы, прославляя его добрые дела.

Именно эта сцена, как вы помните, предстала Жанне в ее видениях еще там на пастбищах Домреми, и мы тогда же спросили у нее: чего бы она пожелала от короля, если бы ей когда-нибудь представился удобный случай? Были ей видения или нет – неважно: ее поступок свидетельствует о том, что несмотря на обилие благ, свалившихся на нее, она осталась таким же простым и бескорыстным человеком, каким была и прежде.

Итак, Карл VII отменил навечно взимание налогов с деревни. Часто благодеяния королей и правительств теряют свою силу, их обещания забываются или умышленно нарушаются. Но вы, дети Франции, должны знать и гордиться, что на сей раз Франция честно сдержала свое слово. С того дня прошло шестьдесят три года. Шестьдесят три раза взимались налоги в той провинции, где находится Домреми, шестьдесят три раза все деревни этой провинции платили подати, за исключением Домреми. Сборщик податей и до сего времени никогда не появляется в Домреми. Село давно забыло, как выглядит этот безжалостный исполнитель, сеющий горе и слезы. Шестьдесят три податных книги были заполнены за это время, все они хранятся вместе с другими государственными документами, и желающие могут их увидеть. В начале каждой страницы этих шестидесяти трех книг стоит название деревни, а под названием – столбцы цифр, подробный перечень взысканных налогов. Лишь одна страница остается незаполненной. И это правда, это именно так. В каждой из шестидесяти трех книг есть страница, озаглавленная «Домреми», но под этим заголовком нет ни одной цифры. Вместо цифр значатся три слова, которые переписываются без изменений из года в год. Да, эта страница чиста, и кроме слов, начертанных в знак благодарной памяти, здесь ничего нет. Три трогательных слова:

DOMREMI
RIEN – LA PUCELLE

«Домреми. Ничего – Орлеанская Дева». Как кратко, но как многозначительно! Это голос нации. В этих черствых документах вы слышите голос народа. Власти склоняются перед именем Девы и говорят своему исполнителю: «Сними шапку и проходи мимо – таково веление Франции». Да, обещание выполняется и, как сказал король, будет выполняться вечно.⁴⁷

В два часа дня торжественный обряд коронации был завершен. Процессия, возглавляемая Жанной и королем, направилась к выходу. Они шествовали посредине собора под звуки фанфар и такие восторженные крики всех присутствующих, каких еще не слышало человеческое ухо. Так окончился третий по счету, великий день жизни Жанны. Эти дни стоят почти рядом – 8 мая, 18 июня, 17 июля.

⁴⁷ Все это точно выполнялось на протяжении более трехсот шестидесяти лет, однако самоуверенные предсказания восьмидесятилетнего старца не сбылись. Когда разразилась французская революция, об указе забыли и привилегия была отнята. Отнята и не восстановлена. Жанна ничего не просила для себя, но Франция свято чтит ее память; Жанна никогда не просила воздвигнуть ей монумент, но Франция расщедрилась и на это; Жанна никогда не просила построить ей церковь в Домреми, но Франция строит ее; Жанна никогда не просила причислить ее к лику святых, но и это скоро свершится. Все, о чем не просила Жанна д'Арк, дается ей с избытком, лишь одна единственная милость, о которой она просила и которую ей оказали, была отнята у нее. В этом есть нечто глубоко волнующее. Франция задолжала Домреми сумму податей за столетие, и вряд ли найдется хоть один гражданин в этой стране, который был бы против возвращения этого долга. (Примечание М.Твена.)

Глава XXXVI

Никогда не забуду тех счастливых минут, когда мы, вскочив на коней, тронулись в обратный путь. В богатейших нарядах, с колыхающимися перьями на шлемах, мы продвигались между двумя рядами ликующего народа. Люди склонялись перед нами, точно нива под серпом жнеца, и на коленях приветствовали помазанника божьего и его спутницу, Освободительницу Франции. Проехав во всем блеске по главным улицам города, мы уже приближались к дворцу архиепископа, как вдруг у гостиницы «Зебра» натолкнулись на странное явление: на обочине дороги стояли, выделяясь из общей массы коленопреклоненных зрителей, два человека. Они стояли в первом ряду, остолбенев от удивления, и пристально смотрели на нас. Оба были в грубой крестьянской одежде. Двое стражей с алебардами, пылая гневом, бросились к ним, чтобы проучить их за непочтение. Они уже готовы были схватить их, как вдруг Жанна вскрикнула: «Стойте!» и, мгновенно соскользнув с седла, бросилась к одному из них с распростертыми объятиями, называя нежными именами и громко рыдая. То был ее отец, а стоявший с ним рядом – ее дядя Лаксар.

Новость тотчас же облетела всех, вызвав бурю восторга, и в один миг два презренных, жалких плебея стали знаменитыми и известными. Все им завидовали, каждый стремился поскорее взглянуть на них, чтобы потом всю жизнь хвастаться, что ему выпало счастье видеть отца Жанны д'Арк и брата ее матери. Как легко она творила подобные чудеса! Она была, как солнце, лучи которого, разгоняя мрак, озаряли мир сиянием славы.

– Подведите их ко мне, – сказал любезно король.

И она подвела их. И все трое предстали перед королем. Она – улыбающаяся, счастливая, а они – растерянные, испуганные, комкали свои шапки в трясущихся руках. И тогда, на глазах у изумленной свиты и всего народа, король протянул им руку для поцелуя и сказал старому д'Арку:

– Благодарю бога, что ты отец этого дитя, этого источника бессмертия. Ты носишь имя, которое останется в памяти благодарного человечества даже тогда, когда все короли будут забыты. Не подобает тебе обнажать голову перед бранным величием одного дня. Покрой ее!

Поистине, он был великолепен, произнося эти трогательные слова. Затем он приказал позвать реймского бальи и, когда тот предстал перед ним, низко склонив обнаженную голову, король промолвил: – Эти двое – гости Франции! – и велел ему принять их со всем радушием.

Но я должен заметить, что старый д'Арк и Лаксар так и остались в маленькой гостинице «Зебра». Бальи хотел переселить их в лучшую гостиницу, предоставить им разные удобства и окружить приятными развлечениями, но скромные жители села уклонились от предложенных благ и упростили бальи оставить их в покое. Всеобщее внимание и почет не доставили бы им удовольствия. Бедняги не знали даже, как себя держать, куда спрятать свои непослушные руки. Бальи старался изо всех сил. Он велел хозяину гостиницы отвести им целый этаж и приказал доставлять им без ограничений все, что они пожелают, возложив расходы на городскую казну. Кроме того, каждому из них он подарил лошадь и сбрую. От удивления, восхищения и гордости они не могли вымолвить ни слова; они даже не смели мечтать о подобном богатстве и никак не могли поверить сначала, что лошади живые и настоящие, что они не исчезнут, не развеются как дым. Впечатление от подарка было настолько сильным, что они без конца повторяли «мой конь», «мой конь» и ни о чем другом не желали говорить. Они наслаждались звучанием этих слов и смаковали их, причмокивая губами, при этом вытягивали ноги и, заложив большие пальцы в проймы жилетов, блаженствовали, как господь бог, когда он созерцает созвездия, плывущие по мрачным глубинам вселенной, сознавая, что все они принадлежат ему, и только ему. Это были самые счастливые, самые простодушные старики-младенцы, которых когда-либо видел свет.

Во второй половине дня город давал грандиозный банкет в честь Жанны, короля, двора и главного штаба. В разгаре пиршества вспомнили об отце Жанны д'Арк и Лаксаре. В гостиницу были немедленно посланы гонцы с приглашением, но старики никак не решались пойти туда до

тех пор, пока им не пообещали, что они будут сидеть отдельно, высоко на галерее, и лишь следить за происходящим. Они уселись рядышком и наблюдали за великолепным зрелищем. Чудесно, прекрасно, умирительно! Они до слез были растроганы теми невероятными почестями, какие воздавались их маленькой любимице, и тем, как свободно, спокойно и уверенно она сидела среди знати, выслушивая похвалы, сыпавшиеся на нее как из рога изобилия.

Но это спокойствие было неожиданно нарушено. Ее сердца не тронули ни изящная речь короля, ни комплименты герцога Алансонского, ни восторженные признания Дюнуа; даже громовой голос Ла Гира, штурмом взявшего слово, нисколько не подействовал на нее. Но, как я уже сказал, нашлись силы, которым она не могла сопротивляться. В конце пиршества король поднял руку, требуя внимания, и ждал с поднятой рукой, пока не замер последний звук. Наступила глубокая, почти ощутимая тишина. И тогда в дальнем углу громадного высокого зала послышался грустный напев, и в торжественном безмолвии зазвучала нежная, чарующая мелодия нашей простой детской песенки о Волшебном Бурлемонском буке. Тут Жанна не выдержала и, закрыв лицо руками, зарыдала. Как видите, в одно мгновение ничего не осталось от ее серьезности и величия; она снова была маленькой пастушкой, перед которой раскинулись зеленые луга с пасущимися на них овцами. Картины же войны – кровь, страдания, смерть, безумие и ярость битв – все это лишь тяжелый сон. Какая могучая сила таится в музыке, этой волшебнице из волшебниц! Стоит ей взмахнуть своей палочкой и произнести магическое слово, как все реальное исчезает, а призраки фантазии, облакаемые в плоть, предстают перед вами.

Этот приятный сюрприз придумал король. Должен признаться, он обладал многими хорошими качествами, которые, правда, редко проявлялись из-за интригана де ла Тремуиля и прочих льстецов, вращающихся около него. Король, желая избавить себя от забот и волнений, во всем соглашался с этими интриганом, предоставляя им полную свободу действий.

Вечером мы, представители личного штаба и земляки Жанны, встретились с ее отцом и дядей в гостинице. Сидя все вместе, мы пили крепкие напитки и вели непринужденную беседу о Домреми и наших земляках. Вдруг дверь распахнулась: принесли большой сверток от Жанны и велели не разворачивать его до ее прихода. Вскоре явилась и она сама. Отослав своих телохранителей, Жанна сказала, что займет одну из комнат отца и проведет ночь под одной с ним кровлей, как некогда в родном доме. При ее появлении мы, штабные, поднялись, вытянулись в струнку и стояли так, пока она не приказала нам сесть. Жанна обернулась и увидела своих стариков, которые также вскочили, но стояли в замешательстве и отнюдь не по-военному. Это было забавно, и она чуть не рассмеялась. Однако сдержала себя, не желая обидеть их. Жанна усадила их, села сама, устроившись поудобнее между ними, взяла каждого за руку и, положив их руки к себе на колени, сказала:

– Оставим всякие церемонии, мы, как и прежде, – одна семья. Я покончила с великими войнами, вернусь вместе с вами домой и увижу... – Она умолкла, и на мгновение счастливое лицо ее стало печальным, – казалось, ее мучит какое-то сомнение или предчувствие. Вдруг ее лицо снова озарилось, и Жанна воскликнула в страстном порыве: – Ах! Скорее бы наступил этот радостный день! Домой, домой, вместе с вами!

Отец изумленно спросил:

– Как, дитя мое, неужели ты серьезно? Перестать творить настоящие чудеса, за которые все тебя славят? И ты готова оставить блестящее общество принцев и генералов, чтобы вновь превратиться в простую крестьянку, в ничто? Это же неразумно!

– Удивляюсь и не понимаю. Что за странные речи? – сказал дядюшка Лаксар. – Раньше она меня удивляла, когда безудержно рвалась на войну, а теперь удивляет еще больше. Не хочет воевать и бросает службу! Говоря откровенно, я впервые в жизни слышу такое. Мне хотелось бы понять, что это значит.

– Понять нетрудно, – ответила Жанна. – Я всегда была противницей страданий, и не в моей натуре причинять их. Распри и ненависть между людьми глубоко огорчали меня, а звон мечей и грохот орудий никогда не ласкали мой слух. Я хочу мира, покоя и благополучия для всех живущих на земле. Такая уж я есть! Разве могу я при этом помышлять о войнах и умиляться при виде пролитой крови, горя и скорби, которые приносит война? Но бог послал своих ангелов и возло-

жил на меня эту миссию. Могла ли я послушаться? Я выполнила свой долг. И не так уж много дел поручил мне господь. Всего лишь два: снять осаду Орлеана и короновать законного наследника в Реймсе. Дело сделано – и теперь я свободна. Разве при виде бедного сраженного солдата, будь то друг или враг, я не ощущала такой же боли, как и он, разве слезы его родных не жгли моего сердца? Это повторялось изо дня в день. Какое блаженство сознавать, что наступил час избавления и я не увижу больше этих кошмаров и мне не придется выносить эти пытки! Так почему же я не должна вернуться в родную деревню, стать такой же, как и была? Это же рай! А вы удивляетесь моему желанию! Ах, мужчины, мужчины! Вот моя мать поняла бы меня!

Они ничего не могли возразить и некоторое время сидели молча, уставившись в пространство. Потом старик д'Арк сказал:

– Твоя мать поняла бы – это правда. Я никогда не видел таких женщин! Она не находит себе места, волнуется и волнуется. Просыпается по ночам и думает о тебе, думает и волнуется. А когда шумит ветер и льет дождь, она стонет и приговаривает: «О боже, жалься над ней, она ведь там одна со своими промокшими солдатами!» Когда же небо рассекают молнии и раздаются страшные раскаты грома, она вся дрожит и, заламывая руки, шепчет молитву: «Боже, спаси ее! Ведь это же, как те ужасные пушки и смертоносные стрелы! И она там мчится на коне, беззащитная, и нет меня там, чтобы заслонить ее!»

– Бедная, бедная мама! Как мне жаль ее!

– Да, очень странная женщина, я это не раз замечал. Когда в деревню приходит весть о победе и все радуются и гордятся, она мечется, как безумная, и спрашивает только о тебе. Когда же узнает, что ты жива и здорова, падает на колени, иногда прямо в грязь, и благодарит бога не за дарованную победу, а за милосердие, проявленное к тебе, повторяя одни и те же слова: «Теперь все. Теперь Франция спасена. Теперь она вернется». А тебя все нет и нет, и она опять горюет.

– Довольно, отец, у меня сердце разрывается. Зато, вернувшись в родной дом, я утешу ее. Все буду за нее делать, стану ее опорой и поддержкой, и ей не придется страдать из-за меня.

Некоторое время беседа велась в том же духе; наконец дядя Лаксар промолвил:

– Ты выполнила волю божью, дорогая, и теперь, можно сказать, со всеми в расчете. Это правда, и никто не посмеет этого отрицать. Но как посмотрит король? Ведь ты у него лучший воин. А вдруг он велит тебе остаться?

Это был удар – и притом неожиданный. Жанна смутилась, задумалась, потом ответила скромно и просто:

– Король – мой повелитель. Я – его слуга.

Она умолкла и снова задумалась, но вскоре ее лучистые глаза заблестели по-прежнему и она воскликнула:

– Прочь мрачные мысли! К чему предаваться унынию! Расскажите лучше, что делается дома.

И старые болтуны развязали языки. Они говорили и о том и об этом, припоминая самые незначительные происшествия. Приятно было слушать их. Жанна по своей доброте пыталась и нас втянуть в разговор, но из этого, конечно, ничего не получилось. Ведь она была главнокомандующим, а мы – никто. Ее имя было на устах всей Франции, мы же были лишь невидимые пылинки; она была соратником принцев и героев, мы – никому не известные солдаты; она была выше всех знатных и великих мира сего, ибо сам господь указал ей путь. Словом, она была Жанной д'Арк, и этим сказано все. Для нас: она являлась божеством, а это значит, что нас разделяла бездонная пропасть, мы ей были не чета. Вы сами понимаете, что это было бы невозможно.

И все же она была такой человеческой, такой обходительной и любезной, такой веселой и очаровательной, такой искренней и непосредственной!.. Нет! Я слишком слаб! Бледны и бесцветны слова, чтобы воссоздать образ Жанны хотя бы частично. Эти старые простаки не понимали ее и не могли понять. Общаясь с простыми смертными, они подходили к явлениям с весьма ограниченной меркой. Оробев сначала, они быстро оправились, осмотрелись и увидели в ней обычную девчонку и ничего более. Поразительно! Меня бросает в дрожь при мысли, как спокойно, легко и свободно они чувствовали себя в ее присутствии, беседуя с ней, как с любой дру-

гой французской девушкой.

Простодушный старик Лаксар как ни в чем не бывало сидел, развалившись в кресле, и болтал о таких пустяках, что нам было стыдно слушать. Ни он, ни отец д'Арк даже не подумали о том, что в обществе существует Этикет, который должен строго соблюдаться. Свой нелепый рассказ они считали важным и интересным, для нас же его познавательная ценность равнялась нулю. Все, что им казалось волнующим и трогательным, вовсе не было трогательным, а лишь вызывало смех. По крайней мере так мне казалось тогда и так мне кажется теперь. Да, я убежден, что это было именно так, поскольку их дурацкая болтовня рассмешила Жанну. И чем больше было в их рассказе печали, тем громче она смеялась. Паладин говорил, что и он расхохотался бы, если бы не присутствие Жанны. Ноэль Ренгессон утверждал то же самое. Старик Лаксар поведал нам о том, как недели две-три тому назад ему пришлось побывать на одних похоронах в Домреми. Все его лицо и руки были в красных пятнах, и старик обратился с просьбой к Жанне смазать их какой-нибудь целебной мазью. Пока Жанна занималась врачеванием, утешая, лаская и успокаивая дядюшку, он рассказал ей, как все произошло. Прежде всего он спросил, помнит ли она того черного теленка, который был у них еще тогда, когда она жила дома. Жанна сказала, что помнит хорошо и что он был очень мил и она его очень любила, и сразу же посыпались вопросы: а каков он теперь – здоровый, большой, красивый? Старик ответил: «Еще бы! Теперь это уже не теленок, а бычок, и такой резвый, что принимал участие в похоронах». Жанна удивилась: «Кто – бычок?» Старик пояснил: «Да нет, бычка не пригласили, пригласили меня, но и он принимал участие». А дело было так: дядя Лаксар ушел из дому и направился к Волшебному дереву. У дерева он прилег на травку в своей праздничной траурной одежде с длинной черной лентой на шляпе и вздремнул. Проснувшись, увидел по солнцу, что время уже позднее и нельзя терять ни минуты. В испуге он мгновенно вскочил и увидел бычка, щипавшего траву. И пришло ему в голову, что на этом животном он сможет добраться скорее и как раз успеет к выносу покойника. И вот он набрасывает на бычка уздечку, берет поводья, садится верхом и – в путь. Бычок, не привыкший к подобному обращению, забеспокоился. Он метался во все стороны, летел, как шальной, брыкался и мычал. Дядюшка Лаксар был в полной мере удовлетворен путешествием и хотел было уже отказаться от своей затеи, намереваясь пересесть на другого быка или в крайнем случае добираться какими-нибудь другими, более надежными средствами, да не осмелился. Ему стало жарко, и, хотя день был воскресный, он устал так, что едва дышал, а слезать не решался. А бычок, потеряв терпение, задрал повыше хвост и с диким ревом бросился вниз с холма. У самой деревни он опрокинул несколько пчелиных ульев. Пчелы черной тучей вылетели и устремились за ними. Они облепили бычка и злополучного всадника, кружились, жужжали и беспощадно жалили их. Бычок мычал, седок кричал... Обезумев от боли, они вихрем промчались по деревне и врезались в самую гущу похоронной процессии. Люди с воем бросились врассыпную, а пчелы вдогонку. Во мгновение ока от многолюдной процессии остался лишь один покойник. Наконец, бычок метнулся к реке и бултыхнулся в воду. Дядюшка Лаксар чуть не утонул, его выудили из реки, как рыбу. Он был искусан пчелами, и лицо его напоминало рисовый пудинг с изюмом.

Рассказав о своем приключении, старый чудака обернулся и долго с недоумением смотрел на Жанну. Она, уткнувшись лицом в подушку, прямо умирала со смеху.

– В чем дело, чего это она смеется? – спросил он.

Старик д'Арк растерянно глядел на Жанну и, почесывая затылок, также признался, что ничего не понимает, – возможно, случилось что-нибудь такое, чего они не заметили.

Оба старика думали, что эта история интересна и трогательна. А по-моему, она была только смешной и ни для кого не представляла интереса. Таково мое мнение и тогда и теперь. Что касается истории, то здесь нет ничего общего с историей, ибо задача истории – собирать важные и поучительные факты. Сие же странное и случайное событие ничему не учит, разве только тому, что не следует верхом на бычке отправляться на похороны. Но рассудительному человеку, конечно, не нужны подобные поучения.

Глава XXXVII

Теперь, как вы знаете, по указу короля эти милые, простодушные старики стали дворянами. Но они этого не понимали, не сознавали своего привилегированного положения. Такая честь была бесплотным призраком, не имела практического значения и никак не укладывалась в их головах. Нет, высокое звание их не волновало. Они думали только о своих лошадях, они ими жили. Лошади представляли собой нечто осязаемое, реальное, являлись бесспорным фактом и, конечно, произведут сильное впечатление в Домреми. Но вот кто-то вспомнил о коронации, и старый д'Арк заметил, что по возвращении домой они с удовольствием расскажут, что были в том городе, где свершилось это великое событие.

– Как все же обидно! – сказала Жанна с огорчением. – Вы оба были здесь и не сообщили мне ни слова. Вы были в самом Реймсе! Ведь вы могли бы сидеть рядом с дворянами, вам все было бы рады, могли бы вблизи видеть весь обряд коронации, запомнить все подробности, – вот тогда было бы что рассказать дома. Ах, отец, почему ты обидел меня, почему не дал мне знать?

Старик-отец был смущен, явно смущен и не знал, что и говорить. А Жанна, положив руки ему на плечи, смотрела ему в лицо и ждала ответа. Он должен был что-то сказать. И вдруг, тяжело дыша от волнения, старик прижал ее к своей груди и, с трудом выдавливая слова, промолвил:

– Не смотри на меня так, дитя мое, и позволь своему старому отцу смиренно признаться тебе. Видишь ли, я... ты понимаешь, я не посмел. Откуда я мог знать, что все эти почести не вскружат твою молодую головку? Это же так естественно. Я мог бы опозорить тебя перед этими важными...

– Отец!

– А потом, я еще трусил, помня те жестокие слова, которые когда-то сказал тебе в своем греховном гневе. О избранница небес, отмеченная перстом всевышнего для свершения величайших воинских подвигов! В слепом гневе и невежестве я ведь грозил утопить тебя своими собственными руками, если ты возьмешься за неженское дело и опозоришь наше доброе имя. Ах, как я мог сказать тебе это, такой доброй, такой милой и славной девушке!.. Я боялся, потому что чувствовал за собой вину. Теперь тебе понятно, дитя мое? Прости меня...

Видали вы такое? Даже у этого жалкого старика, у этого ограниченного деревенского краба, была своя гордость! Разве это не удивительно? Более того: у него была и совесть, он имел понятие о справедливости и несправедливости, он был способен раскаиваться. Это кажется невозможным, невероятным, но это так. Я уверен, что наступит день, когда все поймут, что крестьяне – тоже люди. Да, да, – во многих отношениях они такие же существа, как и мы! И я верю, что когда-нибудь и сами они поймут это – и тогда!.. Тогда, мне кажется, они восстанут и, конечно, потребуют, чтобы их рассматривали как часть народа, в результате чего начнется великая смута. Всякий раз, когда в книгах или в королевских манифестах встречаешь слова «нация», «народ», то представляешь себе только высшие классы, только их, никакой другой «нации» мы не знаем, для нас и для королей другой нации не существует. Но с того дня, когда я увидел, что старик д'Арк, этот крестьянин, чувствовал и поступал точно так же, как и я, если бы был на его месте, у меня сложилось убеждение, что наши крестьяне совсем не вьючные животные, не рабочий скот, созданный милостивым богом, чтобы добывать хлеб насущный и прочие блага для «нации», а нечто большее и лучшее. Вы не верите? Ну, что же, – дело ваше. Так уж мы воспитаны, а каково воспитание, таков и образ мыслей. Что касается меня, то я благодарен этому случаю за то, что он просветил меня, и никогда об этом не забываю.

Постойте, на чем же я остановился? Старость всегда не в ладу с памятью: потеряешь мысль, а потом лови, ищи ее. Кажется, я уже говорил, что Жанна успокоила старика. Конечно, а что же ей еще оставалось делать? И напрасно я это повторяю. Она приласкала, приголубила, утешила его, и воспоминание о причиненной ей когда-то жестокой обиде улетучилось, исчезло. По крайней мере на то время, пока она жива. Позже он вспомнит об этом – да, да, и как еще вспомнит! Боже мой, как жалят и жгут несправедливые слова, сказанные в прошлом невинному человеку, которого уже нет в живых. Терзаясь угрызениями совести, мы повторяем с тоской: «Ах, чего бы только не дал, чтобы вернуть их!» Но, жалея не жалея, а знаю из опыта, это не поможет. По-моему, лучше всего не говорить обидных слов вообще. И не я один придерживаюсь такого мнения. Оба наших рыцаря утверждали то же самое. А еще один человек в Орлеане, –

нет, кажется, это было не в Орлеане, а где-то в Божанси, словом, в одном из этих мест, но скорее всего в Божанси, – так вот, этот человек высказался в том же духе, словно прочитал мою мысль, – смуглолицый человек, косоглазый, и, помнится, одна нога у него была короче другой. Звали его, – что же это такое? – не могу вспомнить, как его звали, а ведь минуту тому назад помнил его имя. Оно начинается с буквы... нет, не помню, с какой буквы оно начинается. Ну, не важно; как-нибудь вспомню и скажу вам.

Вскоре старик-отец стал расспрашивать Жанну, как она себя чувствовала, находясь в гуще боя, когда кругом сверкали и звенели скрещенные мечи, мелькали копья, когда все кололи и рубили и на ее щит градом сыпались удары, когда из мертвенно бледного, рассеченного поперек лица ближайшего солдата прямо ей на грудь брызгала горячая кровь, когда внезапно первые ряды конницы, не выдержав яростного лобового натиска неприятеля, попятились назад и вокруг валились наземь выбитые из седел воины, когда боевые знамена, падая из мертвых рук, то тут, то там прикрывали поверженных, заслоня на мгновение картину ожесточенной схватки, и когда в этом движущемся, грохочущем, обезумевшем скоплении людей и животных, в общей сумятице подковы лошадей погружались в еще теплые, живые тела и в ответ раздавались ужасные вопли и стоны; и, наконец, – как она держалась, когда поднялась паника, отступление, бегство, а вдогонку – смерть и ад?.. Старик при этом сам все больше и больше входил в азарт, его язык вращался, как мельница; расхаживая взад и вперед, он сыпал вопрос за вопросом, ни на один не ожидая ответа; в конце концов он умолк, отвел Жанну на середину комнаты, отступил назад и, критически осмотрев ее, сказал:

– Нет, не понимаю. Никак не возьму в толк, – ведь ты такая маленькая, маленькая и хрупкая. Сегодня, когда ты была в доспехах, они еще придавали тебе некоторую воинственность, но в этих красивых шелках, в этом бархате ты выглядишь как нарядный паж, а не как грозный рубака, воин-гигант, который предводительствует полчищами и мчится на коне в облаках дыма, среди грома и пламени. Хотел бы я хоть раз увидеть тебя в бою, чтобы рассказать обо всем твоей матери! Быть может, тогда бы она успокоилась, бедняжка. Научи-ка меня владеть оружием, ремеслу солдата, чтобы я мог все объяснить ей.

И она исполнила его желание. Она дала ему копьё и, показав все основные приемы обращения с ним, заставила своего ученика маршировать и даже делать выпады. Он, неповоротливый и мешковатый, шагал с непривычки весьма неуклюже и столь же неуклюже проделывал упражнения с копьём. Но он не сознавал этого и был вполне доволен собой; его очаровывали и возбуждали краткие, выразительные слова команды. Если бы искусство воина состояло лишь в том, чтобы иметь гордый и счастливый вид, ручаюсь, он мог бы послужить для всех образцом.

Потом ему захотелось научиться фехтованию на рапирах. Но, конечно, для этого он был слишком стар. Приятно было смотреть, как Жанна владела рапирой, и старику было далеко до нее. Он пугался самого вида рапиры и только увертывался от ударов, метался из стороны в сторону, как женщина, которая теряет голову, обнаружив в комнате летучую мышь. Для смотря он был никудышен. Вот если бы на его месте был Ла Гир!

Я видел не раз, как он фехтовал с Жанной. Правда, Жанна легко побеждала его, но зрелище всегда было захватывающим. Ла Гир был превосходным фехтовальщиком, но какой быстротой и ловкостью обладала Жанна! Вот она стоит вытянувшись, пятки вместе, над головой изогнутая дугою рапира: в правой руке – эфес, в левой – пуговка. А напротив – старый вояка: корпус вперед, левая рука за спиной, в вытянутой правой руке вздрагивающая на весу рапира; пристальный взгляд устремлен на противника. И вдруг, в одно мгновение, она делает молниеносный прыжок вперед – назад, и опять стоит на прежнем месте, высоко подняв изогнутую дугой рапиру. Ла Гир получил точный удар, но зритель успел лишь заметить, что в воздухе что-то слабо блеснуло, и больше ничего.

Чествуя гостей, мы пускали кубок по кругу, к удовольствию бальи и хозяина гостиницы. Оба старика, Лаксар и д'Арк, чувствовали себя за столом отлично, пили охотно, но в меру. Они показали нам гостинцы, закупленные для родных в деревню – незатейливые, дешевые вещицы, которым весьма обрадуются дома. При этом они вручили подарки и Жанне: оловянный образок пресвятой богородицы от священника Фронта и небольшую голубую шелковую ленту от матери.

Жанна обрадовалась, как ребенок, и – все это заметили – была тронута до глубины души. Она расцеловала эти скромные вещицы, словно ей вручили редчайшие драгоценности. Образок она прикрепила к камзолу, и, послав слугу за своим шлемом, стала повязывать ленту на шлем то так, то этак, то еще иначе; и всякий раз, укрепив ленту по-новому, она надевала шлем на руку и проверяла эффект, наклоня головку то в одну сторону, то в другую, как птичка, поймавшая нового жучка. Она призналась, что не прочь снова идти в бой; теперь она сражалась бы с удвоенным мужеством, имея при себе предмет, освященный прикосновением матери.

Старик Лаксар выразил надежду, что она опять пойдет на войну, но сперва пусть побывает дома, где все ее с нетерпением ждут.

– Они гордятся тобой, дорогая! – сказал Лаксар. – Гордятся так, как никогда ни одна деревня на свете не гордилась кем-либо из своих односельчан. И это законно и разумно, ибо никогда еще деревня не выдвигала такого человека, как ты, – человека, которым можно гордиться и при этом называть своим. Странно и вместе с тем замечательно: теперь у нас твое имя дают всякому живому существу, появившемуся на свет, конечно, если это не нарушает приличий. Прошло лишь полгода, как ты ушла от нас и как о тебе разнеслась добрая молва, – и прямо поражаешься, скольких новорожденных в нашем округе назвали при крещении твоим именем. Сначала просто давали имя Жанна, потом Жанна Орлеанская, потом Жанна-Орлеан-Божанси-Патэ, а в дальнейшем, конечно, младенцы будут именоваться полным перечнем твоих подвигов, включая и коронацию в Реймсе. То же самое и с животными. Все знают, как ты любишь животных, и желая оказать тебе честь, каждому божьему созданию стараются дать твое имя. И это настолько вошло в привычку, что стоит вам выйти во двор и позвать: «Жанна, поди сюда!» – как тут же возле вас соберется дюжина кошек и всякой иной твари; и каждая из них думает, что зовут только ее, а все вместе надеются, что, если даже произошла ошибка, им все же перепадет лакомый кусочек. А тот котенок, помнишь, – последний, которого ты где-то подобрала и приютила у себя, – он тоже носит твое имя и взят на воспитание отцом Фронтом; теперь он вырос и такой баловень! Им гордится все село; люди идут за десятки миль, чтобы взглянуть на знаменитую кошку, некогда принадлежавшую Жанне д'Арк. Это тебе всякий скажет, а однажды, когда какой-то прохожий запустил в нее камнем – разумеется, он не знал, что кошка твоя, – вся деревня, от мала до велика, возмутилась. Мерзавца схватили и не долго думая повесили. Тогда отец Фронт...

Но тут его прервали. Вошел гонец от короля с посланием к Жанне, которое я немедленно прочел. В послании король сообщал, что, поразмыслив и посоветовавшись с военачальниками, он считает своим долгом просить Жанну остаться по-прежнему во главе армии и взять обратно ходатайство об отставке. При этом он хотел бы знать, не прибудет ли она безотлагательно в штаб и не сможет ли присутствовать на военном совете. И, как только я закончил чтение, где-то рядом за окном благодатную тишину ночи нарушила дробь барабанов, послышалась команда, и мы догадались: приближалась охрана, чтобы ее сопровождать.

Глубокое огорчение омрачило ее лицо, но лишь на мгновение; потом это выражение сразу же исчезло. И вместе с ним исчезло милое видение скромной девушки, тоскующей по дому и родным. Перед нами снова была Жанна д'Арк, главнокомандующий армией, готовая приступить к исполнению своих обязанностей.

Глава XXXVIII

Совмещая двойную должность пажа и секретаря, я отправился вместе с Жанной. Она вошла в зал заседаний совета с видом опечаленной богини. Как изменилось это резвое дитя! Со всем недавно оно забавлялось лентой и весело хохотало, слушая рассказ о злоключениях глуповатого крестьянина, которому вздумалось примчаться на похороны верхом на искусанном пчелами быке. От прежней непосредственности не осталось и следа. Жанна подошла прямо к столу и остановилась. Ее взгляд скользил по лицам присутствующих и там, где он задерживался, одних озарял, как факелом, других обжигал. Она знала, кому нанести удар, и, кивнув генералам, проговорила:

– Разговор будет не с вами, не вы добивались созыва военного совета, а с ними, – и Жанна

обратилась к ближайшим советникам короля. – Да, именно с вами, – продолжала она. – Военный совет! Удивительно, право. У нас один-единственный, да, да, один лишь путь, а вы созываете военный совет! Военные советы имеют смысл, если необходимо принять решение при наличии двух или нескольких сомнительных направлений, иначе они бесцельны. К чему же созывать военный совет, когда у нас только один путь? Представьте себе: человек в лодке, а его семья – за бортом, и вместо того чтобы ее спасти, он плывет к своим приятелям и спрашивает, как ему лучше поступить. Военный совет! Боже правый, что же на нем решать, что?

Она умолкла и бросила на ла Тремуйля суровый, испепеляющий взгляд. Сердца присутствующих забились сильнее, атмосфера явно накалялась. Но вот, взвесив в уме каждое слово, Жанна сказала раздельно и твердо:

– Всякий здравомыслящий человек, чья преданность королю искренна, а не притворна, понимает, что перед нами только один разумный путь – поход на Париж!

Ла Гир одобрительно стукнул кулаком по столу. Ла Тремуйль побледнел от гнева, но усилием воли сдержался. Даже ленивая кровь короля заходила, и в глазах его сверкнули искорки, потому что все-таки и в нем где-то глубоко-глубоко теплился воинственный огонек, и откровенная смелая речь всегда раздувала в его душе еле тлеющий жар. Жанна выждала, чтобы убедиться, осмелится ли первый министр защищать свою позицию; но тот был опытен, благоразумен и не собирался зря тратить свои силы, плывя против течения. Рассудив, что рано или поздно ухо короля будет в его полном распоряжении, он предпочел не возражать.

И тогда заговорил благочестивый лис – канцлер Франции. Потирая свои холеные пухлые лапки и самодовольно улыбаясь, канцлер обратился к Жанне:

– Приличествует ли, ваше превосходительство, опрометчиво выступать в поход, не дождавшись ответа от герцога Бургундского? Вы, может быть, не осведомлены, что мы ведем переговоры с его высочеством и что, по всей вероятности, можно надеяться на заключение двухнедельного перемирия между обеими договаривающимися сторонами? Ожидается, что с его стороны последует обязательство сдать нам Париж без боя и даже без утомительного похода.

Жанна обернулась к нему и строго сказала:

– Здесь не исповедальня, ваша светлость. Вам не было необходимости признаваться здесь в своем позоре. Канцлер покраснел, но отпарировал удар:

– В позоре? Что вы усматриваете в этом позорного? Жанна ответила ровным, невозмутимым тоном:

– Это может объяснить вам каждый, не прибегая к изысканному красноречию. Мне известно все об этой жалкой комедии, ваша светлость, хотя кое-где и не предполагали, что я буду об этом знать. Похвально со стороны ее сочинителей, что они пытались скрыть от меня свою комедию, содержание которой можно определить двумя словами.

– Вот как? Желательно было бы услышать, ваше превосходительство, эти два слова, – съязвил канцлер с присущей ему иронией.

– Трусость и измена!

На этот раз все генералы стукнули кулаками по столу, а глаза короля загорелись еще ярче. Канцлер вскочил и с мольбой обратился к королю:

– Сир, я взываю к вашему заступничеству!

Но король, примирительно махнув рукой, велел ему сесть и сказал:

– Успокойтесь! Она имеет право требовать, чтобы с ней посоветовались перед началом действий, ибо это в одинаковой степени касается и войны и политики. Наш долг выслушать ее хотя бы теперь.

Канцлер сел, дрожа от негодования, и резко заметил Жанне:

– Из милосердия к вам я приму во внимание, что вы все же не знали, по чьей инициативе проводятся те меры, которые вы здесь заклеили столь бесцеремонно.

– Приберегите свое милосердие для другого случая, ваша светлость, – ответила Жанна с прежним спокойствием. – Всякий раз, когда втихомолку затевается нечто во вред интересам Франции, с целью унижить ее честь и достоинство, все, кроме мертвых, знают имена двух главных заговорщиков.

– Сир, сир! Это инсинуация...

– Это не инсинуация, ваша светлость, – не повышая голоса, прервала канцлера Жанна, – это обвинение. Я предъявляю его первому министру короля и его канцлеру.

Теперь они вскочили оба, настаивая, чтобы король остановил дерзкую Жанну, но тот и ухом не повел. Речи его придворных были пресной водичкой, а тут короля угостили хорошим, крепким вином, и, представьте, неплохим на вкус. Он сказал:

– Сядьте и успокойтесь! Что разрешается одному, то, по справедливости, должно быть разрешено и другому. Учтите это и будьте справедливы. А разве вы ее щадили? Разве, говоря о ней, вы не поносили ее имени, не возводили на нее чудовищных обвинений? – И, немного поостыв, он добавил с озорным огоньком в глазах: – Если все это вы считаете обидным и оскорбительным, то между вашими делами и ее речами я вижу разницу лишь в том, что она говорит неприятные вещи вам в глаза, а вы строите свои козни за ее спиной.

Король был доволен своим метким ударом, от которого те двое съежились, а Ла Гир громко расхохотался; другие же генералы из приличия посмеивались себе в ладонь. Жанна продолжала с невозмутимым спокойствием:

– С самого начала эта политика колебаний и нерешительности сковывала наши действия. Что за манера: совещаться, совещаться и совещаться без конца, когда говорить не о чем, а надо воевать. Мы заняли Орлеан 8 мая и могли бы очистить всю провинцию в каких-нибудь три дня, предотвратив тем самым кровопролитие при Патэ. Мы могли бы быть в Реймсе шесть недель тому назад, а сегодня – в Париже, и, самое большее, через полгода выгнать последнего англичанина из Франции. Но после Орлеана мы, вместо того чтобы нанести следующий удар, повернули обратно и ушли в сельские районы, на лоно природы. Зачем? Затем, видите ли, чтобы заседать на военных советах, а в действительности, чтобы дать Бедфорду время послать подкрепления Тальботу, чем он, конечно, сразу же воспользовался, и Патэ пришлось брать с боя. После сражения при Патэ – новые совещания, новые потери драгоценного времени. О мой король, как бы мне хотелось убедить тебя! – Слегка волнуясь, она с жаром проговорила: – У нас есть еще одна благоприятная возможность. Если мы без промедления ударим по врагу, все будет хорошо. Вели мне идти на Париж! Через двадцать дней он будет твоим, а через шесть месяцев – и вся Франция! Дела у нас не больше, чем на полгода, но если время будет упущено, нам не наверстать его и за двадцать лет. Скажи свое слово, милостивый король, одно только слово!

– Пощадите! – прервал ее канцлер, заметив опасную искру воодушевления, сверкнувшую в глазах короля. – Поход на Париж? Вы забываете, ваше превосходительство, что дорогу туда преграждают английские крепости!

– Вот что станет с вашими английскими крепостями! – сказала Жанна, презрительно щелкнув пальцами. – Откуда мы наступали в последний раз? Из Жьена. Куда? На Реймс. Что встречали на своем пути? Английские крепости. Чьи они сейчас? Французские. Причем без всяких жертв и потерь. – Генералы дружно зааплодировали, и Жанна умолкла, ожидая, пока уляжется шум.

– Да, перед нами щетинились английские крепости, но теперь за нами стоит стена французских крепостей! Какой же вывод? Тут и ребенок разберется. Крепости между нами и Парижем заняты той же породой англичан, теми же солдатами, что и в прежних гарнизонах, с теми же сомнениями, с теми же слабостями и с тем же страхом перед тяжелой десницей всевышнего, занесенной над ними. Нам остается только идти вперед, немедленно, и эти крепости – наши, Париж – наш, Франция – наша! Скажи свое решительное слово, милостивый король! Повелевай своей слуге...

– Стойте! – воскликнул канцлер. – Было бы безумием наносить такое ужасное оскорбление его высочеству герцогу Бургундскому. В силу договора, который, как мы надеемся, будет заключен с ним...

– О этот договор, на который возлагается столько надежд! Герцог Бургундский презирал вас долгие годы и пренебрегал вами. Уж не думаете ли вы, что ваши заискивания заставили его смягчиться и склонили прислушиваться к вашим предложениям? Нет. Его убедила сила! Да, да – поражения, которые мы нанесли ему. Ибо только силой можно убедить этого матерого мятежни-

ка. Очень ему нужна эта болтовня! Договор! Вы надеетесь с ним заключить договор? Эх, вы! С его помощью освободить Париж? Последний нищий в нашей стране больше способен на это, чем он. Он – освободитель Парижа!? Вы представляете себе, как будет смеяться Бедфорд? Какой жалкий предлог! Слепой может видеть, что эти наши переговоры с полумесячным перемирием дают возможность Бедфорду подтянуть и бросить свои войска против нас. Еще одна измена, всегда измена! Мы созываем военный совет, а советоваться не о чем; Бедфорд же не нуждается в подсказке, он знает, каково наше единственное направление. Он прекрасно знает, как бы поступил на нашем месте. Он перевешал бы всех изменников и двинулся бы на Париж! О милостивый король, очнись! Путь свободен, Париж зовет, Франция с мольбою смотрит на тебя! Одно твое слово, и мы...

– Сир, это безумие, явное безумие! Ваше превосходительство, мы не можем, мы не имеем права отказаться от того, что уже сделано: мы сами предложили переговоры, и мы должны договориться с герцогом Бургундским.

– И мы договоримся! – сказала Жанна.

– И вы уверены? Каким образом?

– Острием копья!

Весь зал, как один человек, поднялся. Вскочили все, в ком билось французское сердце, раздался взрыв рукоплесканий, и они нарастали волна за волной. В приветственном шуме послышался могучий голос Ла Гира: «Острием копья! Ей-богу, да это же музыка!» Король тоже встал, обнажил меч, взял его за клинок, шагнул к Жанне и, вложив рукоятку меча в ее руку, произнес: – Король сдается. Неси этот меч в Париж.

И снова загремели рукоплескания. Исторический военный совет, овеянный славой и легендами, был окончен.

Глава XXXIX

Было уже далеко за полночь; предыдущий день был беспокойным и утомил всех смертельно, но Жанне все было нипочем, когда предстояло большое дело. Она и не подумала ложиться. Генералы последовали за ней в ее штаб-квартиру, и она едва успевала отдавать распоряжения; те, в свою очередь, немедленно рассылали их в соответствующие части и подразделения; верховые мчались галопом в разные стороны, понукая лошадей; тишина сонных улиц была нарушена топотом и криками. Вскоре послышались отдаленные звуки рожков и дробь барабанов – признаки приготовления к походу. на заре должен был выступить наш авангард.

Генералов скоро отпустили, но я остался – теперь поработать был мой черед. Жанна прохаживалась по комнате и диктовала послание герцогу Бургундскому, требуя, чтобы он сложил оружие, заключил мир и извинился перед королем, а если ему уж так хочется воевать, то пусть воюет с сарацинами. «*Pardonnez-vous l'un a l'autre de bon coeur, entierement, ainsi que doivent faire loyaux chretiens, et, s'il vous plait de guerroyer, allez contre les Sarrasins*»⁴⁸. Длинновато несколько, но звучит неплохо, и к тому же скреплено ее личной печатью, вырезанной на золотом перстне. Полагаю, это был один из самых прекрасных, простых и вместе с тем выразительных и красноречивых государственных документов, которые она когда-либо диктовала.

Послание было немедленно передано курьеру, который тотчас же поскакал с ним к герцогу. Жанна отпустила меня, сказав, чтобы я шел отдыхать в гостиницу, а утром не забыл отдать ее отцу сверток, который прошлый раз она там оставила. В свертке были подарки родственникам и друзьям в Домреми и крестьянская одежда, купленная Жанной для себя. Она обещала, что заглянет утром проститься с отцом и дядей, если они не захотят остаться еще на некоторое время, чтобы осмотреть город.

Разумеется, я ничего не сказал ей; но я мог бы сказать, что никакие цепи не смогли бы удержать их в городе даже на полдня. Разве могли они отказаться от такой чести – первыми при-

⁴⁸ «От всего сердца простите друг другу, не помня обид, как это подобает благочестивым христианам, а если вам хочется воевать, воюйте с сарацинами» (франц.)

нести великую новость в Домреми: «Подати отменяются навсегда!» – и под веселый перезвон колоколов быть первыми свидетелями народного ликования? Нет, они не могли. Патэ, Орлеан и коронация в Реймсе – все это события, огромное значение которых смутно укладывалось в их сознании; это был грандиозный, но туманный и расплывчатый призрак, а вот отмена податей – нечто ясное и осязаемое!

Когда я пришел туда, вы думаете, они спали? Как бы не так. Старики и все прочие были изрядно навеселе и вели непринужденную беседу. Паладин с отменным пафосом рассказывал о своих сражениях, а старики так усердно ему аплодировали, что дрожали стены и звенела посуда. Наш знаменосец приступил к описанию битвы при Патэ. Нагнувшись, он объяснял расположение позиций и передвижения войск, чертя острием своего увесистого меча то тут, то там по полу, а крестьяне, упершись руками в расставленные колени и подавшись вперед, сидели, не спуская с него возбужденных глаз, то и дело вскрикивая и прищелкивая языком от удовольствия.

– Да, так вот здесь стоим мы и ждем, – продолжал Паладин. – Ждем, стало быть, команды; кони храпят, танцуют, неудержимо рвутся вперед, и мы натягиваем поводья изо всех сил, отваливаясь всем корпусом на их могучие спины; наконец послышалась команда: «Вперед!» – и мы пошли. Пошли? Какого черта, пошли – понеслись как бешеные! Это был вихрь, буря, ураган!.. Как налетели, как ударили! Бегущие англичане валились от одного ветра, падали, как подкошенная трава. Но вот мы врезались в гущу разъяренных молодчиков Фастольфа. В два счета мы разметали их в пух и прах, – вся дорога за нами была усеяна горами трупов. Никакой передышки, никакого промедления, поводья натянуты, как струна! Все вперед, вперед и вперед, – вдали виднелась наша главная добыча: Тальбот со своим войском, темневшим на горизонте, как грозная туча. Мы с ураганной быстротой устремились к ним, а за нами – летучие стаи мертвых листьев, поднятые в воздух нашей стремительной атакой. Еще минута – и мы врезались бы в них, как сорвавшиеся со звездных орбит светила врезаются в Млечный Путь, но, к несчастью, по воле неисповедимого провидения, они узнали меня! Таль-бот побледнел, как полотно, и воскликнул: «Спасайтесь, это – знаменосец Жанны д'Арк!» После чего он так вдавил шпоры в бока коня, что они, наверное, встретились в середине конского брюха, и обратился в бегство, сопровождаемый всеми своими полчищами. Я готов был проклинать себя, что не успел переодеться и не изменил внешности. Я увидел упрек в глазах ее превосходительства, и мне было стыдно. По-видимому, я навлек непоправимую беду. Другой на моем месте стал бы горевать в сторонке, не видя никакого способа поправить дело; но я, слава богу, не из таких. Тяжелые случаи, как зов боевой трубы, только мобилизуют во мне дремлющие резервы моей находчивости. Нет худа без добра, – и я в миг сообразил, что, как бы то ни было, это, быть может, и есть наилучшая возможность для подвига. Одним прыжком поворачиваю в лес и исчезаю, как вспышка молнии! Прямоком и обходями, как на крыльях, мчался я сквозь густую зеленую завесу, и никто не знал, куда я девался, что со мною, каковы мои намерения. Проходила минута за минутой, а я все мчался и мчался, вперед и вперед; наконец с громким криком «ура!» подымаю знамя, трепещущее на ветру, и как из-под земли вырастаю перед Тальботом! О, это была блестящая мысль! Все это обезумевшее стадо перепуганных врагов закружилось и подалось назад, как волна прилива, разбившаяся о берег, и победа была за нами! Жалкие, беспомощные твари! Они очутились в ловушке, они были окружены; они не могли показать нам пятки, повернув назад, ибо там была наша армия, и не могли пробиться вперед: там был я. Сердца их замерли в страхе, руки их бессильно опустились. Они покорно стояли, и мы легко, шутя, перекололи и порубили их всех до единого, – всех, за исключением Тальбота и Фастольфа; этих я оставил: взял каждого под мышку и унес с собой.

Действительно, Паладин был в блестящей форме в тот вечер – ничего не скажешь. Какой слог! Какое благородство жестов, какая манера держать себя, какой пыл, когда он входил в роль. Какие постепенные переходы и какое уверенное дыхание! Какие чудесные оттенки голоса в зависимости от весомости слова, какие мастерски рассчитанные повороты к неожиданностям и эффектам, какая неотразимая искренность тона, какая естественность мимики, сколько силы и страсти, клокотавшей в груди! А какая ослепительно яркая обрисовка эпизода, когда он, в латах и с развевающимся знаменем, предстал перед охваченной ужасом армией! А с каким тонким мастерством была подана последняя половина его заключительной фразы – эта небрежность, это

равнодушие, словно, рассказав правдивую историю из своей жизни, он между прочим упомянул о мелкой, не относящейся к делу детали и только лишь потому, что это произошло с ним под самым концом.

Забавно было смотреть на его доверчивых слушателей. Что делалось! Казалось, все лопнут от восторга. А старики хлопали в ладоши с таким усердием, что мог бы обрушиться потолок, проснулись бы даже покойники. Когда все, наконец, слегка поостыли и наступила тишина – надо же было отдышаться! – старик Лаксар воскликнул с восхищением:

– Вот ты какой молодец! По-моему, ты один заменяешь целое войско.

– Еще бы! – убежденно сказал Ноэль Ренгессон. – Он гроза и ужас, и не только в здешней округе. Одно его имя приводит в трепет самые отдаленные края – одно лишь имя; а когда он хмурится в гневе, тень от его бровей падает до самого Рима; даже куры – глупые птицы-и те усаживаются на насест часом раньше. Говорят даже...

– Ноэль Ренгессон, ты хочешь иметь неприятность! Стоит мне сказать тебе лишь одно словечко, и ты...

Я понял: начинается старая песня, и ей не будет конца. Дальнейшее было уже неинтересно, и, передав поручение Жанны, я отправился спать.

Жанна распрощалась со своими стариками утром; тут были и нежные объятия, и вздохи, и слезы, и все это на глазах многочисленной толпы сочувствующих; старики гордо двинулись в путь на своих великолепных лошадях, торопясь доставить домой радостные новости. Конечно, я видывал лучших всадников, но разве можно упрекать новичков, впервые обучающихся искусству верховой езды.

Наш авангард выступил на рассвете; взвились знамена, торжественно заиграла музыка. Второй отряд выступил в восемь утра. Затем явились бургундские послы и отняли у нас полностью весь день, оставшись и на следующий. Но, к счастью, здесь была еще Жанна, и они ничего не добились. Остальные войска выступили через день, утром 20 июля. Но сколько мы прошли? Не более шести лье. Дело в том, что коварный Тремуйль по-прежнему оказывал влияние на безвольного короля. Король задержался в Сен-Маркуле и молился там три дня. Для нас – проигрыш, потеря драгоценного времени, для Бедфорда – выигрыш времени. Уж кто-кто, а он наверняка сумеет им воспользоваться!

Мы не могли следовать дальше без короля; это означало бы оставить его в лагере заговорщиков. Жанна умоляла, убеждала, доказывала; наконец, мы опять тронулись в путь.

Предсказание Жанны сбылось. Наш поход напоминал очередную увеселительную прогулку. Английские крепости, попадавшиеся по дороге, сдавались без боя; мы оставляли в них французские гарнизоны и двигались дальше. Тем временем к нам приблизился Бедфорд со своей новой армией; 25 июля враждующие силы столкнулись и стали готовиться к сражению; но здравый рассудок Бедфорда взял верх – он повернул обратно и отступил к Парижу. Нам это было на руку, и наши войска чувствовали себя отлично.

Просто не верится! Король – эта жалкая тряпка – дал своим недостойным советникам уговорить себя вернуться в Жьен, туда, откуда мы начали свой поход в Реймс на коронацию! И действительно, мы повернули назад. Пятнадцатидневное перемирие с герцогом Бургундским было только что заключено, и нам предложили отправиться в Жьен и терпеливо ждать, пока нам сдадут Париж без боя.

Мы дошли до Бре, но там в голове короля подули новые ветры, и взор его опять обратился к Парижу. Жанна продиктовала послание жителям Реймса с призывом сохранять мужество, несмотря на перемирие, и обещая вступить за них. Она сама известила их о перемирии, заключенном по воле короля, и, сообщая об этом, как всегда, оставалась прямодушной и откровенной. Она писала, что недовольна перемирием и еще не уверена, будет ли соблюдать его; если же и будет, то единственно из уважения к королю, охраняя его честь. Все французские дети знают наизусть эти замечательные слова. Как они просты! «De cette treve qui a ete faite, je ne suis pas contente, et je ne sais si je la tiendrai. Si je la tiens, ce sera seulement pour garder l'honneur du roi».⁴⁹

⁴⁹ «Заключением этого перемирия я недовольна и не знаю, буду ли я соблюдать его. Если буду, то единственно из уважения к королю, охраняя его честь» (франц.)

Во всяком случае, сказала Жанна, она не позволит никому нарушать королевскую волю и будет держать армию в полной готовности к боевым действиям по истечении срока перемирия.

Бедное дитя! Сражаться с Англией, Бургундией и в то же время бороться с заговором среди своих же французов – не слишком ли это тяжело? С внешними врагами она еще могла справиться, но с внутренними – кто в силах одолеть заговор, когда сама его жертва так слаба и податлива! В те тревожные дни она сильно печалилась из-за этих задержек, проволочек и всевозможных препятствий, печалилась так, что из глаз ее готовы были брызнуть слезы. Однажды, беседуя со своим старым другом и верным помощником бастардом Орлеанским, она сказала:

– Ах, дай бог, чтобы я поскорее могла снять с себя эти стальные доспехи, вернуться к своим родителям и вместе с сестрой и братьями по-прежнему пасти овец. Они так бы обрадовались мне!

12 августа мы расположились лагерем вблизи Даммартэна. К вечеру произошла стычка с арьергардом Бедфорда, и мы рассчитывали на большое сражение на следующий день, однако ночью Бедфорд со всем своим войском ушел к Парижу.

Король Карл послал герольдов в Бовэ и принял делегацию жителей этого города, выразивших свои верноподданнические чувства. Епископ Пьер Кошон⁵⁰, верный друг и раб англичан, не мог воспрепятствовать этому, несмотря на все свои старания. Тогда он был мало известен, но впоследствии его имя облетело весь свет, заслужив печное проклятие французского народа. Не обижайтесь, если я и теперь мысленно, плюну на его могилу.

Компьен капитулировал и спустил английский флаг. 14 августа мы стояли лагерем в двух лье от Сенлиса. Бедфорд повернул нам навстречу, приблизился и занял сильную позицию. Мы двинулись на него, но все наши попытки выманить его из укреплений не имели успеха, хотя он и обещал сразиться с нами в открытом поле. Наступила ночь. Мы с нетерпением ждали утра. Но утром оказалось, что враг ускользнул опять.

В Компьен мы вступили 18 августа, изгнав английский гарнизон и водрузив свой флаг.

23 августа Жанна отдала приказ выступать на Париж. Король и его клика были весьма недовольны этим и с ропотом вернулись в Сенлис, только что перешедший в наши руки. В течение нескольких дней сдалось несколько укрепленных пунктов – Крейль, Пон-Сен-Максанс, Шуази, Гурне-сюр-Аронд, Реми, Ла-Нефвиль-ан-Эц, Могэ, Шантильи, Сентин. Английское господство рушилось, разваливалось, рассыпалось на глазах. А король все еще ворчал, выражал недовольствие, боясь нашего похода на столицу. 26 августа 1428 года Жанна стояла в Сен-Дени, по существу – под самыми стенами Парижа.

А король упирался и трусил. О, если бы только он был в наших рядах и мы могли опереться на его авторитет! Бедфорд потерял мужество и решил не сопротивляться, а сосредоточить свои силы в лучшей, самой надежной провинции, которой он еще владел, – в Нормандии. Ах, если бы только нам удалось уговорить короля прибыть и поддержать нас своим присутствием и одобрением в этот решающий момент!

Глава XL

Мы слали королю гонца за гонцом, и каждый раз он обещал прибыть, но все не появлялся. Герцог Алансонский лично отправился к нему, взял с него новое обещание, которое также было нарушено. Так мы потеряли девять дней. Наконец, 7 сентября он прибыл в Сен-Дени.

Тем временем неприятель стал приходить в себя; безволие короля и не могло дать другого

⁵⁰ Пьер Кошон (? —1442) — ректор Парижского университета, а позже епископ города Бовэ, добровольный слуга англичан. У Кошона были свои основания ненавидеть Жанну д'Арк: победы ее армии на севере страны вынудили его покинуть свое прибыльное епископство и, спасаясь от гнева населения города Бовэ, поддерживавшего Карла VII, искать спасения в Руане. Во время Руанского суда над Жанной д'Арк он, состоя на жалованье у англичан, председательствовал в суде и, таким образом, являлся убийцей Жанны. Однако не только он был главным виновником в ее уничтожении, в убийстве Жанны были виновны и богословы Парижского университета и высшие органы «святой» инквизиции Ватикана.

результата. Начались приготовления к обороне города. Шансы, Жанны уменьшались, но она и ее военачальники по-прежнему считали, что успех все еще может быть обеспечен. Атака была назначена на восемь часов следующего утра и началась точно в указанное время.

Жанна расставила орудия и принялась обстреливать укрепления, прикрывавшие ворота Сент-Оноре. В полдень, когда укрепления были уже в значительной степени разрушены, мы бросились на приступ и взяли их штурмом. После этого мы начали штурмовать самые ворота и шли на приступ несколько раз – волна за волной; Жанна со своим боевым знаменем была впереди всех; облака едкого дыма заволакивали наши ряды, и на наши головы градом сыпались удары.

При последнем приступе, в результате которого мы, несомненно, взяли бы ворота и, следовательно, освободили бы Париж и всю Францию, Жанна была ранена стрелой из арбалета; наши войска сразу же дрогнули и подались назад, почти в панике. Да и что они могли сделать без нее? Она была не только душой армии, но и самой армией.

Лишенная физической возможности сражаться, Жанна не соглашалась уходить с поля боя и умоляла начать новую атаку, утверждая, что мы должны победить. Воинственный огонек сно-ва вспыхнул в ее глазах, и она добавила:

– Я возьму Париж сегодня же или умру!

Ее пришлось унести силой – это сделали Гокур и герцог Алансонский.

Но теперь ее воодушевление достигло высшей точки. Она пылала энтузиазмом и распорядилась, чтобы ее утром доставили к воротам, заявив, что через полчаса Париж, без сомнения, будет наш. И она сдержала бы слово. Против этого нельзя возразить. Но она забыла о короле, об этом бледном отражении той силы, которая называлась ла Тремуйлем. Король запретил дальнейшие попытки атаки!

Дело в том, что опять прибыли представители от герцога Бургундского и для видимости затевались новые постыдные торги.

Разумеется, все это чуть не разбило сердце Жанны. Боль от раны и душевная боль не давали ей спать почти всю ночь. Несколько раз стража слышала подавленные рыдания из темной комнаты в Сен-Дени, где она лежала, и скорбные слова: «Мы могли бы овладеть Парижем!» «Его можно было взять!» Только это она и твердила.

Через день Жанна, окрыленная новой надеждой, заставила себя подняться с постели. Герцог Алансонский навел мост на Сене у Сен-Дени. Нельзя ли ей переправиться там и нанести удар по Парижу в другом месте? Но король прослышал об этом и велел разрушить переправу! Более того: он объявил кампанию законченной! И, что еще хуже – заключил новое перемирие, на этот раз продолжительное, согласно которому обязывался оставить Париж целым и невредимым и отойти к Луаре, откуда он и пришел!

Жанна д'Арк, никогда не знавшая поражений, была побеждена своим же королем. Когда-то она сказала, что больше всего боится одного – измены. И вот теперь измена нанесла свой первый удар. Жанна повесила свои белоснежные доспехи в королевской часовне в Сен-Дени и отправилась к королю просить, чтобы он освободил ее от командования и отпустил домой. Как и всегда, она поступила разумно. Грандиозным планам, крупным военным передвижениям теперь подходил конец; в дальнейшем, когда истечет срок перемирия, военные действия, вероятно, будут ограничиваться мелкими случайными стычками, – дело, как раз подходящее для второстепенных, подчиненных военачальников и не требующее руководства военного гения высшего полета. Но королю не хотелось ее отпускать. Перемирие не распространялось на всю Францию; оставались еще французские укрепления, которые надо было охранять и защищать; она ему еще понадобится. Как видите, ла Тремуйль хотел держать ее под рукой только для того, чтобы все время мешать и вредить ей.

Тут ей опять послышались «голоса»: «Оставайся в Сен-Дени!» Они не объясняли, не говорили – почему. То был глас господний, и она ставила его выше распоряжения короля. Жанна решила остаться. Но это повергло ла Тремуйля в ужас: Жанна была слишком грозной силой, чтобы предоставить ее самой себе; несомненно, она расстроила бы все его планы. Он хитростью убедил короля прибегнуть к принуждению. Жанне пришлось покориться, поскольку она была

ранена и беспомощна. На Великом процессе она заявила, что ее унесли насильно и что, если бы она не была ранена, этого никогда бы не случилось. Ах, могучий дух был у этой хрупкой девушки, – такой дух, который мог бы совладать со всякими земными силами и одолеть их! Мы так никогда и не узнаем, почему эти загадочные «голоса» велели ей оставаться. Одно только нам известно: если бы ее послушались, то история Франции была бы не такой, как она теперь изложена в учебниках. Да, в этом мы твердо уверены.

13 сентября армия, опечаленная и приунывшая, выступила в поход и повернула к Луаре, но уже без музыки. Да, в глаза бросалась именно эта подробность. Двигалась похоронная процессия – да-да, только так можно было это назвать. Унылое, бесконечное шествие, – ни веселого возгласа, ни шутки; на всем пути сочувствующие провожали войска со слезами, враги – со злорадством и насмешками. Наконец, мы добрались до Жьена, откуда меньше чем три месяца тому назад начался наш торжественный поход на Реймс с развернутыми знаменами, с музыкой и барабанным боем; наши лица сияли от радости по случаю победы при Патэ, и толпы народа громко приветствовали нас и еще больше воодушевляли. Теперь же барабанил дождь по крышам, день стоял пасмурный, небо – низкое и скорбное, зрителей было мало; мы не слышали приветствий, нас встречали молча и провожали слезами.

Затем король распустил это благородное войско, армию героев; она свернула знамена, сложила свое оружие, – посрамление Франции было завершено. Ла Трёмуйль носил венец победителя; Жанна д'Арк – непобедимая – была побеждена.

Глава XLI

Получилось так, как я и говорил: Жанна уже держала Париж и Францию в кулаке и попирала пятой Столетнюю войну, а король заставил ее разжать пальцы и убрать ногу.

Теперь наступил почти восьмимесячный период странствий вместе с королем и его советом; двор короля – веселый, нарядный, танцующий и флиртующий, забавляющийся соколиной охотой, серенадами и сплетнями – то и дело перекочевывал из города в город, из замка в замок; такая жизнь могла нравиться нам, членам личного штаба Жанны, но никак не ей. Она лишь созерцала ее, но не жила этой жизнью. Король искренне старался сделать ее счастливой и постоянно оказывал ей любезное внимание и проявлял заботу. Все остальные должны были соблюдать тягостные правила придворного этикета, одна только Жанна пользовалась привилегией и была свободна от этих цепей. Она раз в день являлась на поклон к королю, чтобы сказать ему пару приятных слов, ничего другого от нее и не требовалось. И, вполне естественно, она невольно сделалась отшельницей и все остальное время дня проводила в своих покоях наедине со своими думами, посвящая свой досуг составлению планов новых военных кампаний, которым отныне уже никогда не суждено было осуществиться. Мысленно она передвигала войска с одного пункта в другой, точно учитывая покрываемые расстояния и характер местности; рассчитывала время для каждой из группировок на сближение – в такой-то день, в такой-то час, в таком-то месте – для предстоящей битвы. Это была ее единственная игра, ее единственная утеха и спасение от тоски и вынужденного бездействия. Она играла в эту игру часами, как иные играют в шахматы; в ней она забывалась и тем самым находила отдых для ума и отраду для уязвленного сердца.

Разумеется, она никогда не жаловалась. Это было не в ее натуре. Она была из тех, которые страдают безмолвно. И все же она походила на орлицу, посаженную в клетку, тоскующую по чистому воздуху, по горным вершинам и дикой прелести бури.

Вся Франция была полна бродягами – распущенными по домам солдатами, готовыми на любое дело, какое подвернется. Несколько раз, когда тягостное заточение становилось для Жанны невыносимым, ей позволяли отнести душу: набрать конный отряд и совершить набег на противника. Такие набегии освежали ее и немного поднимали настроение.

Нам казалось, что вернулись прежние времена, когда однажды, при Сен-Пьер-ле-Мутье, она, возглавляя атаку, отходила и снова повторяла нападение с нарастающей энергией и воодушевлением до тех пор, пока наконец град ядер не стал таким густым, что старый д'Олон, который был ранен, протрубил сигнал к отступлению (король под страхом смерти приказал ему

наблюдать, чтобы с Жанной ничего не случилось); он предполагал, что все бросились за ним, но, обернувшись и посмотрев назад, увидел, что мы по-прежнему рвались вперед; тогда и он помчался за нами и стал убеждать Жанну повернуть обратно, говоря, что безумно с ее стороны бросаться в львиную пасть с горсткой людей. В ее глазах заиграл веселый огонек, и, обратясь к д'Олону, она воскликнула:

– Горстка людей! Боже мой, да у меня их пятьдесят тысяч, и я никогда не отступлю ни на шаг, пока не займу этого пункта. Трубите сигнал к атаке!

Сигнал был дан, мы ринулись на стены – и крепость стала нашей. Старый д'Олон подумал, что Жанна слишком увлеклась; вероятно, она хотела сказать, что чувствует в своем сердце такую уверенность, как если бы она управляла пятидесятитысячным войском. На первый взгляд это кажется фантастичным, по в сущности вернее и не скажешь.

Потом был случай у Ланьи, где мы по открытому полю четыре раза шли в атаку на окопавшихся бургундцев и в последней атаке одержали победу; главной добычей в этой схватке был Франке из Арраса, известный мародер и разбойник, наводивший ужас на всю округу. Подобные стычки продолжались и впредь, пока, наконец, где-то на исходе мая 1430 года, мы не очутились под Компьеном, и Жанна решила пойти на помощь этому городу, осажденному герцогом Бургундским.

В одной из последних стычек я был ранен и не мог ездить верхом без посторонней помощи; наш добрый Карлик посадил меня на свою лошадь, я держался за его плечи и чувствовал себя в безопасности. Мы выступили в полночь, под теплым дождем, и ехали медленно и осторожно в мертвой тишине – нам надо было незаметно проскользнуть через неприятельские линии. Лишь один раз нас окликнули, но мы не отвечали; затаив дыхание, мы продолжали настойчиво пробираться вперед, не встречая препятствий. В три или в половине четвертого мы достигли Компьена, как раз тогда, когда на востоке занимался тусклый рассвет.

Жанна сразу же взялась за дело; она согласовала с Гийомом де Флави, комендантом города, план совместной ночной вылазки против неприятеля, расположившегося тремя отрядами по ту сторону реки Уазы, на открытой равнине. На нашем берегу одни из городских ворот сообщались с мостом. Противоположный конец моста, на том берегу, прикрывался укреплением, называемым «бульваром»; этот «бульвар» занимал господствующее положение над насыпной дорогой, проходившей прямо перед ним по равнине на деревню Марги; отряд бургундцев занимал эту деревню, а другой их отряд располагался в Клеруа, примерно в двух милях выше насыпной дороги; населенный пункт Венетта, в полутора милях ниже этой дороги, удерживался англичанами. Как видите, расположение противника имело вид лука и стрелы: дорога – стрела, «бульвар» – ее оперение, Марги – на зубце, Венетта – на одном конце лука, Клеруа – на другом. План Жанны состоял в том, чтобы идти прямо по дороге на Марги, овладеть деревней с ходу, потом круто повернуть на Клеруа направо, захватить таким же образом и этот лагерь, затем перегруппировать силы и быть готовой к горячей схватке, потому что за Клеруа стоял резерв герцога Бургундского. Помощник коменданта Флави с лучинками и пушкарями с «бульвара» должен был сдерживать английские войска и прикрывать левый фланг, чтобы они не подошли снизу, не перекрыли дорогу и не отрезали Жанне путь к отступлению в том случае, если бы ей это понадобилось. Кроме того, флотилия крытых лодок должна была стоять неподалеку от «бульвара» в качестве вспомогательного средства на случай вынужденного отхода.

Это было 24 мая. В четыре часа пополудни Жанна выступила во главе отряда в шестьсот всадников в свой последний поход.

У меня сердце разрывается при одном воспоминании о нем. Мне помогли вскарабкаться на стену, и оттуда я видел многое из того, что вскоре произошло; остальное мне рассказали значительно позже два наших рыцаря и другие очевидцы. Жанна переправилась по мосту, пересекла «бульвар» и поскакала по извилистой насыпной дороге, сопровождаемая по пятам своими всадниками. На ней поверх лат была надета блестящая парчовая епанча, и я наблюдал, как она развевается и сверкает, словно языки серебристого пламени.

День был ясный, и равнина хорошо просматривалась далеко-далеко. Вскоре мы увидели англичан, двигавшихся быстро и в образцовом порядке, поблескивая на солнце оружием.

Жанна стремительно налетела на отряд бургундцев в Марги, но была отброшена. Тогда мы заметили другое подразделение бургундцев, выходящее из Клеруа. Жанна перегруппировала свой отряд и снова пошла в атаку, но была вторично отброшена. На две атаки ушло немало времени, а время ценилось здесь дорого. Из Венетты англичане уже приближались к дороге, но из укреплений у «бульвара» по ним открыли огонь, и они были остановлены. Жанна подбадривала своих солдат вдохновенными словами и опять повела их в атаку в образцовом порядке. На этот раз она заняла Марги под крики «ура!». А потом она сразу же круто повернула направо, на равнину, и ударила по неприятелю, как раз подоспевшему в направлении Клеруа. Началось трудное дело: обе стороны яростно дрались и поочередно то продвигались вперед, то теснили назад друг друга; победа колебалась между теми и другими. И вдруг – поднялась паника на нашей стороне. Объясняют это разными причинами. Одни утверждают, что, услышав канонаду, наши передние ряды вообразили, что пути отхода отрезаны англичанами; другие же доказывают, что в задних рядах пронесся слух, будто Жанна убита. Как бы то ни было, наши силы дрогнули и обратились в беспорядочное бегство к насыпной дороге. Жанна пыталась собрать их и повернуть обратно, она кричала, что победа обеспечена, но это не помогло; солдаты рассыпались и промчались мимо нее, как морская волна. Старик д'Олон умолял ее отступить, пока еще была возможность спастись, но она отказывалась; тогда он схватил ее коня под уздцы и, несмотря на ее возражения, повел его рядом со своим конем вслед за остатками разбежавшегося войска. Потеряв голову, солдаты жалкой, беспорядочной толпой неслись вдоль дороги; пальбу пришлось прекратить, вследствие этого англичане и бургундцы благополучно сомкнулись: первые – впереди, вторые – сзади своей добычи. Этим же охватывающим маневром противник устроил французам кровавую баню у самого «бульвара»; и там, в углу, образуемом флангом укреплений и скатом дорожной насыпи, они храбро сражались в безнадежном бою и погибли все – один за другим. Флави, наблюдавший все это с городской стопы, приказал запереть ворота и поднять мост; путь отхода Жанне был отрезан.

Маленький отряд ее телохранителей таял на глазах. Оба наших славных рыцаря были ранены, точно так же как и оба брата Жанны, а за ними и Ноэль Ренгессон, – все они получили тяжелые ранения, самоотверженно прикрывая Жанну. Остались только Карлик и Паладин, они ни за что не хотели сдаваться и стояли несокрушимо, как две железные башни, обрызганные и залитые кровью. Куда бы ни обрушивался топор одного или меч другого, там враг только вскрикивал и падал замертво. Храбро сражаясь и свято выполняя свой долг до последнего вздоха, эти добрые простые воины окончили свой славный путь. Мир их праху! Они были мне очень дороги...

Вдруг послышались злорадные крики, и Жанна, все еще упорно защищавшаяся мечом, была схвачена за епанчу и сброшена с лошади. Ее унесли пленницей в лагерь герцога Бургундского, и за ней, с диким ревом, последовали торжествующие победители.

Ужасная весть сразу же распространилась по всей округе, она передавалась из уст в уста и всюду, куда она доходила, поражала людей, как паралич; люди перешептывались, повторяя, как во сне, одни и те же слова: «Орлеанская Дева схвачена!.. Жанна д'Арк в плену!.. Спасительница Франции погибла для нас!..» И они, бедняги, повторяли это без конца, словно не могли постичь, как это могло случиться, как милосердный господь мог допустить такое бедствие.

Вы, вероятно, знаете, как выглядит город, когда он от крыш до мостовой завешен черными траурными полотнищами? Тогда вы представите себе, как выглядел Тур и некоторые другие города. Но можно ли выразить в словах глубину печали, охватившей крестьянство по всей Франции? Нет, никто этого не сможет сделать, и сами они, бедные бессловесные существа, не могли бы ни высказать, ни выплакать свою скорбь; но она – эта глубокая скорбь – заполняла все уголки их души. Да что говорить: душа всей нации облеклась в траур!

Итак, 24 мая. Опускается занавес над самой невиданной, самой патетической и самой удивительной военной драмой, когда-либо разыгранной на мировой сцене. Жанна д'Арк уже никогда больше не отправится в поход.

Книга третья

«Суд и мученичество»

Глава I

Мне больно, невыносимо больно останавливаться подробно на позорной истории лета и зимы, следовавших за пленением Жанны. Некоторое время я не особенно беспокоился, так как со дня на день ждал известия, что за Жанну потребуют выкуп и что король, нет, не король, а вся благодарная Франция поспешит внести его. По законам войны, ее не могли лишить привилегии быть выкупленной. Она не была мятежницей; согласно всем законам, она была воином, поставлена самим королем во главе французской армии и не была виновна ни в каком преступлении, предусмотренном военным кодексом; поэтому ее нельзя было задержать ни под каким предлогом, если бы только выкуп был внесен.

Но тянулись дни за днями, а никакого выкупа не предлагали! Трудно поверить, но это правда. Может быть, эта гадина Тремуйль наушничал королю? Нам известно только то, что король молчал, проявляя полнейшее равнодушие и не предпринимая ничего в пользу этой бедной девушки, которая для него так много сделала.

К несчастью, во вражеском стане усердия хватало с избытком. Весть о пленении Жанны дошла до Парижа на другой же день, и ликующие англичане вместе с бургундцами весь день и всю ночь оглашали окрестности колокольным звоном и громом артиллерийских салютов; а на следующий день главный викарий инквизиции прислал герцогу Бургундскому письмо с требованием выдать пленницу в руки католической церкви, которая намерена судить ее как еретичку.

Англичане усмотрели в этом удобный предлог, хотя в сущности здесь с самого начала действовала английская власть, а не церковь. Церковью они воспользовались как слепым орудием, как ширмой, и не случайно: церковь могла лишить Жанну д'Арк не только жизни, но и подорвать ее влияние, ее вдохновляющее воздействие на войска, тогда как англичане могли только казнить ее тело, а это не ослабило бы притягательной силы ее имени, напротив, это прославило бы и обессмертило ее на вечные времена. Жанна д'Арк была единственным авторитетом во Франции, который признавали англичане, единственной силой, с которой они считались. Они были уверены, что если удастся убедить церковь лишить ее жизни, объявив ее идолопоклонницей, еретичкой и колдуньей, посланной не небесами, а дьяволом, то тем самым английское господство легко было бы восстановить.

Герцог Бургундский ко всему прислушивался, но выжидал. Он не сомневался, что французский король или французский народ вскоре предложат выкуп покрупнее, чем англичане. Он держал Жанну в строгом заточении в надежной крепости и терпеливо ждал длительное время. Он был все же принцем французской крови, и в глубине души ему было совестно продавать Жанну англичанам. Однако его ожидания не оправдались: с французской стороны предложения не поступало.

Как-то раз Жанна ловко провела своего тюремщика: неожиданно выскользнув, она заперла его вместо себя. Но при попытке к бегству ее заметил часовой; Жанна была поймана и снова водворена в темницу.

После этого ее перевезли в замок Бореуар, укрепленный еще сильнее. Это было в начале августа – уже более двух месяцев Жанна находилась в плену. Там ее заточили на самом верху каменной башни высотой в шестьдесят футов. Там она снова томилась, томилась долго – около трех с половиной месяцев. И все эти тягостные пять месяцев ее мучило сознание, что англичане, под прикрытием церкви, торгуются за нее, точно за лошадь или рабыню, а Франция молчит, король безмолвствует, молчат все ее друзья. Поистине, это было ужасно!

Тем не менее, услышав однажды, что Компьен осажден и вот-вот будет захвачен, а неприятель угрожает уничтожить всех жителей поголовно, не щадя и семилетних детей, она почувствовала непреодолимое желание сейчас же броситься к ним на помощь. Разорвав на полосы постельные принадлежности и связав их, ночью она стала спускаться по этой непрочной веревке; но слабая ткань порвалась, она упала, сильно расшиблась и три дня пролежала без сознания, не принимая ни пищи, ни воды.

Наконец, к нам на выручку подоспел французский отряд, возглавляемый графом Вандомским; Компьен отстояли, и осада была снята. Для герцога Бургундского это было настоящим бедствием. Он сильно нуждался в деньгах, и теперь было удобнее всего сделать ему предложение выдать Жанну д'Арк. Англичане немедленно послали французского епископа, того самого презренного Пьера Кошона из города Бовэ, – да будет он проклят! В случае успеха ему была обещана часть архиепископства Руанского, в то время вакантного. Он же требовал, чтобы его назначили председателем церковного суда над Жанной, поскольку место битвы, где она была взята в плен, находилось в пределах его епархии.

По военному обычаю того времени, выкуп принца королевской крови определялся в 10 000 ливров золотом, что составляет 61 125 франков; эта установленная сумма должна была быть принята, если ее предложат, – отказа быть не могло.

Кошон сообщил, что именно такую сумму предлагают англичане в качестве выкупа за бедную крестьянскую девушку из Домреми. Это с поразительной наглядностью свидетельствует о том огромном значении, которое ей придавали англичане. Предложение было принято. За эту сумму Жанна д'Арк, освободительница Франции, была продана, продана своим врагам, врагам ее родины, тем самым врагам, которые угнетали и разоряли Францию, вымолачивали и выколачивали все до зернышка из ее закровов, терзали и истязали ее живое тело в течение целого столетия, не давая отдыха даже в воскресные дни; врагам, которые давным-давно забыли, как выглядит в лицо живой француз, – настолько они привыкли видеть его дрожащую спину, видеть его бегущим в паническом ужасе; врагам, которых она беспощадно громила в открытом бою, устрашала, усмиряла и приучала уважать французскую доблесть, вновь возродившуюся в народе под влиянием ее великого примера; врагам, которые жаждали ее крови, ибо она была единственной силой, стоящей между торжеством англичан и унижением Франции; – продана французскому попу французским принцем при молчаливом попустительстве французского короля и французского народа, равнодушно смотрящих на этот позор!

А она? Что говорила она? Ничего. Ни единого слова упрека не сорвалось с ее уст. Она была выше этого – она была Жанной д'Арк, и этим сказано все.

Ее воинская честь была незапятнанной. Привлекать ее к ответственности за боевые действия нельзя было никак. Требовалась более хитрая уловка, и, как видите, уловка нашлась. Жанну собирались судить церковным судом за преступления против религии. Если таковые не обнаружатся, их можно будет создать искусственно. Обделать это грязное дело и взялся негодяй Кошон.

Местом для ведения процесса был избран Руан – центр английского владычества; его население находилось под властью англичан на протяжении жизни нескольких поколений и теперь едва ли могло считаться французским, разве только по языку. Город сильно охранялся войсками. Жанну доставили туда примерно в конце декабря 1430 года и бросили в тюрьму. Да, эту свободную душу бросили в тюрьму и заковали в цепи!

И по-прежнему Франция бездействовала. Чем это объяснить? Мне кажется, здесь возможно лишь одно объяснение. Вы помните: всякий раз, когда Жанна не участвовала в походе, французы сдерживались и ничего не предпринимали; но всякий раз, когда она, встав во главе армии, вела ее за собой, французы сметали все на своем пути, сражались, как львы, до тех пор, пока могли видеть перед собой ее белые доспехи или ее знамя; и каждый раз, когда она падала раненой или проносился слух о ее гибели, – как это случилось под Компьеном, – они бросались в бегство, как стадо баранов. Из этого я делаю вывод, что они были еще далеки от настоящего возрождения, что в глубине их душ еще сохранялись следы страха и трусости, накопившиеся веками, как результат неудач, поражений, отсутствия доверия друг к другу и к своим вождям, ибо они знали из горького опыта, что всюду гнездится измена. Короли изменяли своим виднейшим вассалам и полководцам, а те, в свою очередь, предавали и главу государства и друг друга. Солдаты видели, что они могут полагаться только на Жанну и ни на кого больше. Не стало ее – и все пропало. Она была солнцем, под лучами которого пробуждались и бурлили замерзшие потоки; закатилось это солнце – и потоки опять затянуло льдом; армия и вся Франция опять стали тем, чем были прежде – сборищем мертвецов, неспособных ни к мысли, ни к надежде, ни к честолюбию, ни к дей-

ствию.

Глава II

Моя рана долго не заживала и беспокоила меня до половины октября, и лишь наступившее похолодание восстановило мое пошатнувшееся здоровье. Все это время ходили слухи, что король собирается выкупить Жанну. Я верил этому по молодости лет, не сознавая еще всей мелочности и низости жалкого рода человеческого, который так хвастливо кричит о себе и считает себя выше и лучше других живых существ.

В октябре я уже настолько оправился, что смог участвовать в двух вылазках, и во второй из них, 23 числа, снова был ранен. Как видите, счастье от меня отвернулось. В ночь на 25 октября осаждающие отступили; в стане врага поднялась суматоха, и один из пленников бежал, благополучно добрался до Компьена и приковылял ко мне в комнату, взволнованный и бледный как полотно.

– Как? Ноэль Ренгессон? Ты – жив?

Да, это был он. Вам нетрудно представить, какой радостной была наша встреча! Она была радостной и вместе с тем грустной. Мы не решались произнести имя Жанны. Наш голос обрывался, сдавленный спазмами. Мы хорошо понимали, что связано с этим именем; поэтому мы могли говорить лишь «она» или «ее», по дорогого имени не упоминали.

Заговорили о ее личном штабе. Старый д'Олон, раненный и взятый в плен, все еще находился при Жанне и служил ей с разрешения герцога Бургундского. С Жанной обходились почтительно, в соответствии с ее рангом и достоинствами, как с высокопоставленной пленницей, захваченной в честном бою. Так продолжалось до тех пор, – мы об этом узнали позже, – пока она не попала в руки подлого исчадия сатаны – Пьера Кошона, епископа города Бовэ.

Ноэль произнес прекрасную, прочувствованную речь в похвалу нашего добродушного хвастуна и весельчака, нашего богатыря знаменосца, который теперь уже умолк навсегда. Совершив все свои настоящие и воображаемые битвы, рассчитавшись с земными делами, он с честью закончил свой жизненный путь.

– А ведь подумать только, как везло человеку! – воскликнул Ноэль со слезами на глазах. – Всегда он был баловнем судьбы! Диву даешься, как счастье следовало за ним по пятам с первого и до последнего шага; на поле брани и всюду он выделялся своей статной фигурой, все его замечали, все за ним ухаживали, все тайно или явно ему завидовали; всегда ему представлялся случай отличиться, совершить что-то важное, благородное, и никогда он такого случая не упускал. Вначале его прозвали Паладином в шутку, а потом стали звать его так и всерьез, потому что он великолепно оправдывал это прозвище. Наконец ему выпало высшее счастье: он пал на поле брани в боевых доспехах, – пал, верный своему долгу, с боевым знаменем в руках, и закрыл свои глаза навеки – о, вы только подумайте! – под одобряющим ласковым взглядом самой Жанны д'Арк! Он осушил до последней капли чашу славы и, торжествуя, ушел на вечный покой, счастливо избежав тех бедствий, того позора, которые обрушились на нас потом. Какое счастье, какое счастье! А мы? За какие грехи мы осуждены оставаться здесь – мы, завоевавшие право лежать рядом со счастливыми мертвецами?

Немного помолчав, он продолжал:

– Они вырвали священное знамя из его мертвой руки и унесли с собой эту добычу, самую драгоценную после той, кому оно принадлежало. Но у них его теперь нет. Месяц тому назад мы рискнули своей жизнью: оба наших славных рыцаря – мои товарищи по плену – и я, мы выкрали знамя и переправили его в надежные руки в Орлеан; теперь оно там в безопасности, в хранилище казначейства.

Как я был благодарен Ноэлю за радостное известие! Впоследствии я видел это знамя не раз, когда ежегодно, 8 мая, приезжал в Орлеан в числе самых почетных гостей, чтобы занять первое место на банкетах и в процессиях (разумеется, после того, как скончались братья Жанны). Знамя и впредь будет храниться там, свято оберегаемое любовью всей Франции, может

быть, тысячу лет, словом, – до тех пор, пока не истлеет его последний лоскуток.⁵¹

Две или три недели спустя после этой беседы до нас дошла ошеломляющая, страшная весть, поразившая нас, как удар грома, – Жанна д'Арк продана англичанам!

Никогда ни на минуту мы не допускали мысли, что подобное случится. Мы были молоды, конечно, и, как я уже говорил, еще не знали, как жесток род человеческий! Мы так гордились своей родиной, так верили в ее благородство, в ее величие, в ее признательность! Мы малого ждали от короля, зато всего ждали от Франции. Каждому было известно, что во многих городах и селениях священники-патриоты устраивали церковные шествия, убеждая народ жертвовать деньги, имущество, все что можно, чтобы выкупить свою спасительницу, посланную небесами. В том, что необходимая сумма выкупа будет собрана, мы нисколько не сомневались.

Но теперь все кончено, все погибло. Настали тяжкие времена. Казалось, само небо покрылось мраком; надежда и радость покинули нас. Неужели этот мой добрый друг, сидящий у моей постели, это когда-то веселое, беззаботное существо, вся жизнь которого была сплошной шуткой, о котором по праву можно было сказать, что он больше смеялся, чем дышал, – неужели этот весельчак был тем Ноэлем Ренгессоном? Нет, нет! Тот прежний Ноэль исчез безвозвратно. Сердце его было разбито. Он как во сне блуждал по комнате, звонкий ручей его смеха иссяк в самом источнике.

Впрочем, может быть, это и лучше. У меня было такое же настроение. Мы были друзьями по несчастью. Он терпеливо ухаживал за мной в течение долгих томительных недель; наконец, в январе я окреп настолько, что мог выходить. Тогда он спросил меня:

– Ну что, пойдём?

– Да.

Объяснений не требовалось. Сердца наши были в Руане, туда мы и направлялись. Все самое дорогое для нас было там, в стенах руанского замка. Мы не могли ей помочь, но все же для нас было некоторым утешением находиться поблизости, дышать одним с нею воздухом и каждый день смотреть на крепостные стены, в которых она была заперта. А что, если нас там схватят? Ну что ж, мы готовы и на это, – пусть решает судьба. Чему быть, того не миновать.

И вот мы отправились. Сперва мы не представляли, какие перемены произошли в стране. Казалось, мы могли свободно выбирать направление и идти куда угодно без всяких препятствий. Пока Жанна д'Арк вела военные действия, повсюду царил панический ужас, но теперь, когда ее не было, страх исчез. Никто на вас не обращал внимания, никто вас не боялся; никто не интересовался ни вами, ни вашим делом; все были равнодушны.

Вскоре мы убедились, что в Руан удобнее добираться по Сене, водным путем, во всяком случае, менее утомительно. Так мы и сделали; примерно на расстоянии одного лье от Руана мы оставили лодку и сошли на берег, но не на холмистой стороне реки, а на левой, противоположной, где берег совершенно пологий. Никому не разрешалось входить в город или выходить из него без надлежащей проверки. Англичане боялись, как бы кто-нибудь не попытался освободить Жанну.

Мы прибыли без особых хлопот и поселились за городом в крестьянской семье среди полей и лугов. За стол и ночлег мы помогали хозяевам в работе и провели вместе с ними целую неделю, стараясь подружиться. Мы приобрели себе такую же одежду, как у них, и когда нам удалось, наконец, побороть их подозрительность и завоевать доверие, оказалось, что в груди у них бьются истинно французские сердца. Тогда мы стали действовать откровенно и рассказали им

⁵¹ Зная это хранилось там 360 лет и, наконец, было сожжено на костре вместе с двумя мечами, пернатым головным убором, одеждой и другими реликвиями Орлеанской Девы, уничтожено толпами народа во время революции. Ничего не осталось теперь из того, к чему, по преданиям, прикасалась рука Жанны д'Арк, за исключением немногих, свято хранимых, государственных и военных документов, подписанных ею, причем, — поскольку она сама писать не умела, — рукой ее водил писец, быть может, ее секретарь Луи де Конт. Остался еще камень, с которого, по преданию, она однажды садилась на коня, отправляясь в поход. Лет двадцать пять тому назад существовал еще один волосок с ее головы. Он был продет в восковую печать, прикрепленную к пергаменту государственного документа. Волосок этот был похищен вместе с печатью и документом каким-то вандалом, собирателем древностей, и исчез бесследно. Нет сомнения в том, что он существует, но где — это известно только вору. (Примечание М.Твена)

обо всем; выяснилось, что они готовы сделать все возможное, чтобы помочь нам. План составили быстро, и был он предельно прост. А именно: мы помогаем крестьянам гнать стадо овец на городской рынок.

Однажды рано утром, под морозящим дождем, мы решились рискнуть и без задержки прошли через мрачные городские ворота. У наших друзей были хорошие знакомые в городе, проживавшие над винной лавкой в высоком старинном доме в одном из узких переулков, идущих от собора к реке; у них мы и остановились. На другой день нам тайком принесли нашу настоящую одежду и другие личные вещи. Семья Пьерронов, приютившая нас, сочувствовала французам, и мы не скрывали от них своих намерений.

Глава III

Мне прежде всего нужно было изыскать средства, чтобы прокормить себя и Ноэля, и когда Пьерроны узнали, что я умею писать, они от моего имени обратились к своему духовнику. Он пристроил меня к одному доброму священнику, по фамилии Маншон, который был назначен главным протоколистом на предстоящем большом судебном процессе над Жанной. Я попал в необычное положение: быть писцом у такого человека очень опасно, если узнают о моих симпатиях и прежних делах. Впрочем, для опасений не было веских причин. Маншон в глубине души сочувствовал Жанне и не выдал бы ни меня, ни моего настоящего имени, так как я выбросил из своей фамилии все дворянские признаки и выдавал себя за человека простого.

Я состоял при Маншоне весь январь и февраль и часто посещал вместе с ним тюремный замок, ту самую крепость, где находилась в заключении Жанна, однако в каземате, где она была заточена, я не был и видеть ее мне не пришлось.

Маншон рассказал мне о всех предыдущих событиях. С того самого дня, когда была продана Жанна, Кошон тщательно подбирал состав присяжных, замышляя физическое уничтожение Орлеанской Девы. Уже много недель он занимался своими гнусными поисками. Парижский университет прислал ему несколько ученых, способных и надежных духовных лиц именно такого образа мыслей, какой ему требовался; со своей стороны, он набрал из разных мест еще многих церковников того же направления и такой же репутации, пока, наконец, не укомплектовал всю коллегия грозного судилища, численностью до полусотни знаменитых мракобесов. Фамилии они носили французские, но их интересы и симпатии были целиком на стороне англичан.

Из Парижа был также прислан видный представитель инквизиции, ибо обвиняемая подлежала следствию и суду по законам инквизиции; но это был смелый и справедливый человек; он заявил напрямик, что данный суд неправомочен разбирать подобное дело, а посему он отказывается принимать в нем участие. Такое же честное заявление было сделано и еще двумя-тремя лицами.

Инквизитор был прав. Процесс, возобновлявшийся здесь против Жанны, проводился некогда в Пуатье, и суд вынес решение в ее пользу. Причем, то был трибунал более компетентный, ибо в нем председательствовал архиепископ Реймский, в подчинении которого был Кошон. Итак, здесь, как видите, суд низшей инстанции без всяких оснований, с вопиющей наглостью готовился пересматривать и вновь решать дело, уже рассмотренное и решенное судом высшей инстанции. Можете вы это себе представить? Нет, нельзя было беспристрастно разбирать это дело еще раз! Кошон не имел права быть председателем этого суда по многим причинам: во-первых, Руан не входил в пределы его епархии, во-вторых, Жанна не была взята под стражу по месту своего постоянного жительства, а таковым является Домреми, и, наконец, этот намеченный главный судья был заклятым врагом обвиняемой, а следовательно, по закону, подлежал исключению из состава суда. Однако всеми этими важными обстоятельствами пренебрегли. Местный капитул Руана в конце концов выдал территориальные полномочия Кошону, хотя и не без борьбы и прямого принуждения. Насилие было применено также и к инквизитору, и тот вынужден был уступить.

Итак, малолетний король Англии через своего представителя формально отдал Жанну в руки правосудия, однако с оговоркой: если же, паче чаяния, суд не сможет осудить преступни-

цу, то обязан вернуть ему оную незамедлительно.

О боже мой, какие же шансы на спасение оставались у покинутого всеми дитяти, не имевшего там ни друзей, ни защитников? Забытого и покинутого всеми – это самые точные слова. Ибо Жанна была брошена в мрачное подземелье, окружена полудюжиной грубых и жестоких солдат, карауливших день и ночь тот каземат, в котором находилась ее клетка; да, да! – ее посадили в клетку, железную клетку, и приковали к постели за шею, за руки и ноги. Никогда возле нее не было ни одного знакомого лица, ни одной женщины. Это ли не покинутая, это ли не забытая всеми?

Жанну взял в плен под Компьеном какой-то вассал Жана Люксембургского, и этот бессовестный Жан продал ее герцогу Бургундскому. И этот же бессовестный Жан не постеснялся пойти лично взглянуть на Жанну в ее клетке. Его сопровождали два английских графа – Варвик и Стаффорд. И эта гадина Жан Люксембургский заявил Жанне, что выпустит ее на свободу, если она даст обещание больше не воевать против англичан. Она уже достаточно долго мучилась в своей клетке, но не настолько, чтобы пасть духом, и ответила своему обидчику с презрением:

– Свидетель бог! Ты насмехаешься надо мной! Я знаю, у тебя нет на то ни власти, ни желаний.

Он настаивал. Честь и воинское достоинство Жанны были оскорблены; она подняла свои закованные в цепи руки и, с лязгом опустив их, сказала:

– Взгляни! Мои руки знают больше, чем ты, и могут лучше предсказать. Я знаю, что англичане собираются умертвить меня, надеясь, когда меня не станет, снова завладеть Францией. Но этого не будет! И сто тысяч ваших наемников не смогут поработить ее!

Этот вызывающий ответ привел Стаффорда в ярость, и он... (Вы только представьте – он, сильный, свободный мужчина, а она – закованная в цепи беззащитная девушка!) обнажил свой кинжал и бросился на нее с намерением убить. Но Варвик схватил его за руку и оттащил. Варвик был умен. Лишить ее жизни таким способом? Отпустить ее на небо чистой и неопозоренной? Да это сделало бы ее кумиром Франции! Вся нация поднялась бы и устремила к победе, вдохновленная ее беспримерным героизмом. Нет, ее надо было приберечь для иной участи.

Но приближалось время Великого процесса. Более двух месяцев Кошон всеми средствами выискивал и выуживал отовсюду подобия улик и свидетельств, предположений и догадок, которые можно было бы использовать против Жанны, и, наоборот, – тщательно отметал факты и доказательства, говорящие в ее пользу. У него были неограниченные возможности, средства и полномочия для подготовки и составления обвинительного акта, и он широко ими воспользовался.

А у Жанны не было никого, чтобы подготовить ее к защите; она была заперта в каменных стенах каземата и не имела друзей, к которым могла бы обратиться. Она не могла выставить ни одного своего свидетеля, ибо все они были далеко, под французскими знаменами, а здесь был английский суд; их схватили бы и перевешали, если бы они показались у ворот Руана. Никакой помощи! Подсудимая оставалась единственным свидетелем – свидетелем со стороны обвинения и свидетелем со стороны защиты, и смертный приговор ей был предreshен еще до начала судебного заседания.

Узнав, что судебная коллегия подобрана из духовных лиц, представляющих интересы англичан, она попросила, чтобы, справедливости ради, в состав суда было включено столько же священников и с французской стороны. Кошон поиздевался над ее просьбой и даже не счел нужным ответить.

По законам церкви, Жанна, как не достигшая совершеннолетия – двадцати одного года – имела право потребовать себе адвоката, который вел бы ее дело, давал советы, как отвечать на допросе, и ограждал бы ее от всевозможных ловушек, расставленных коварными обвинителями. Вероятно, она не знала, что имеет на это право и может законно настаивать на предоставлении ей защиты. Никто ей ничего не объяснил, однако она догадалась сама и обратилась в суд с соответствующей просьбой. Кошон отказал. Она молила, убеждала, ссылаясь на свою молодость, неопытность и незнание кодекса законов, многочисленных параграфов, пунктов и правил судебного производства. Кошон снова отказал, заявив, что ей надлежит выпутываться самой, как сможет и как сумеет. Ах, не сердце у него было, а камень!

Кошон подготовил обвинительный акт. Я назову его стряпню точнее: перечень частностей. Это был подробный перечень приписываемых ей преступлений, на основании которого суд должен вынести решение по совокупности. Преступлений? Нет, скорее это был список подозрений и обывательских слухов. В тексте этого чудовищного акта так прямо и говорилось: она подозревается в ереси, колдовстве и прочих подобных злодеяниях, направленных против религии.

Опять таки, по законам церкви, процесс такого рода мог быть начат только после завершения предварительного следствия, которое установило бы историю жизни и репутацию обвиняемого лица; существенно важно при этом, чтобы следственные материалы были присоединены к обвинительному заключению, как его неотъемлемая часть. Вы помните, что это условие было строго соблюдено на процессе в Пуатье. Теперь повторили то же самое. В Домреми был послан священник-следователь. Там и в близлежащих селениях он провел по делу Жанны тщательный опрос и розыск и вернулся назад со своими выводами. Они были ясны. Следователь доложил, что, по данным дознания, нравственный облик Жанны во всех отношениях безупречен, такой, какого он «пожелал бы своей родной сестре». Примерно такой же отзыв, как вы помните, был представлен и в Пуатье. И это была правда, чистая правда. Добродетели Жанны выдерживали любые испытания.

Заключение священника было веским доводом в пользу Жанны. То есть, было бы, если бы оно увидело свет; но Кошон не дремал, и отзыв следователя исчез из материалов обвинения еще до разбора дела. Из осторожности никто даже не спрашивал, куда он девался.

Можно было думать, что Кошон уже вполне подготовился к началу судебного процесса. Но нет, он затеял новую хитрость, желая во что бы то ни стало погубить бедную Жанну, и его замысел был смертельно опасен.

Одним из важных членов суда, присланных Парижским университетом, был священник Никола Луазелер. Это был высокий, статный мужчина с несколько печальным выражением лица, приятным мягким голосом и учтивыми, вкрадчивыми манерами. Глядя на него, казалось, что в этом человеке нет ни малейшего признака вероломства и лицемерия, а в сущности он был полон и того и другого. Ночью, под видом башмачника, его ввели в темницу Жанны; он прикинулся ее земляком и тайным патриотом и представился ей как лицо духовное. Ей было весьма радостно видеть пришельца с ее родных долин и холмов, столь дорогих ее сердцу; а еще более обрадовалась она возможности встретиться со служителем церкви и облегчить свою душу исповедью, ибо, измученная телом, она жаждала пищи духовной, которой также была лишена. Она открыла этой твари свое невинное сердце и, выразив ей сочувствие, лукавый священник дал ей такие советы, которые могли бы погубить ее на суде, если бы не врожденное благоразумие, всегда подсказывавшее ей правильный выбор.

Вы спросите, какое значение мог иметь этот план, если тайна исповеди священна и не подлежит разглашению? Это верно, но допустим, некто третий подслушал исповедь. Тогда этот третий не связан обетом сохранения тайны. Так и сделали. Кошон приказал заранее просверлить дыру в стене темницы и, самолично приложив к ней ухо, подслушал все. Горестно думать о подобной подлости! Удивляешься, как они могли так обращаться с несчастной девочкой! Она ведь не сделала им никакого зла.

Глава IV

Вечером во вторник, 20 февраля, когда я сидел и работал у своего хозяина, он вошел опечаленный и сообщил, что первое заседание суда решено провести завтра в восемь часов утра и что я должен подготовиться помогать ему.

Разумеется, я давно ждал этого известия, но все же был так поражен, что задрожал как лист, и у меня захватило дыхание. В глубине души я все еще бессознательно надеялся на чудо: быть может, в последнюю минуту случится что-нибудь необычное, что помешает этому роковому процессу; быть может, Ла Гир прорвется через ворота в город со своими молодцами-рубаками или сам бог сжалится и протянет свою могучую десницу. Но теперь – теперь все надежды рухнули!..

Судебный процесс должен был вестись публично в капелле крепости. Печальный и угрюмый, побрел я к Ноэлю и предупредил его прийти туда как можно раньше и занять место. Ему предоставлялся случай взглянуть еще раз на ту, которую мы так уважали и так безгранично любили. По дороге к нему и на обратном пути мне приходилось проталкиваться сквозь радостные толпы оживленно болтающей английской солдатни и французских горожан, продавшихся иноземцам. Разговор шел только о предстоящем суде. И не раз я слышал, как, злорадно смеясь, они говорили:

– Наконец-то этот толстый епископ обтяпал дело так, как ему хотелось; он утверждает, что заставит чертову колдунью поплясать. Веселенький будет танец, да недолгий!

Впрочем, иногда попадались и огорченные лица, и не только у одних французов. Английские солдаты боялись Жанны и вместе с тем восхищались ее мужеством, храбростью и великими подвигами.

На следующий день мы с Маншоном вышли рано: тем не менее, приблизившись к воротам крепости, увидели многочисленные толпы народа, стекавшегося отовсюду. Капелла была переполнена, и никого из посторонних туда уже не впускали. Мы заняли указанные нам места. На возвышении, напоминавшем трон, восседал председатель суда Кошон, епископ города Бовэ, в парадном облачении, а перед ним в черных мантиях расположились рядами члены суда: пятьдесят именитых церковников, мужей высокого сана, благообразной внешности и великой учености, ветеранов стратегии и казуистики, весьма искушенных в искусстве ставить капканы и ловушки для доверчивых умов и неосторожных ног. Когда я взглянул на это сборище мастеров юридического фехтования, именуемого правосудием, на эту стаю воронов, собравшихся с целью вынести несправедливый приговор, и вспомнил, что Жанна должна защищать свое доброе имя и свою жизнь одна-одинешенька, – я с отчаянием спросил себя: на какую случайность может рассчитывать бедная, неученая девятнадцатилетняя деревенская девушка в такой неравной борьбе? Сердце мое болезненно сжалось. Когда же я взглянул еще раз на этого заплывшего жиром председателя, который пыхтел и сопел, как кузнечный мех, при каждом вздохе поднимая и опуская свое необъятное чрево, на его тройной подбородок – складка над складкой, на его угреватую, багровую физиономию, на этот шишковатый, как цветная капуста, приплюснутый нос, в его злые, холодные, трусливо бегающие глазки, – во все это жестокое, беспощадное и отталкивающее в его облике, – сердце мое сжалось еще больше. Когда же я заметил, что все боятся этого человека и беспокойно ежатся и трепещут под его сверлящим взглядом, – последний слабый луч надежды вздрогнул и угас в моем окаменевшем сердце.

В зале суда оставалось одно незанятое место, только одно, – у самой стены, на виду у всех. То была небольшая деревянная скамья, без спинки, стоявшая отдельно на невысоком помосте. Два рослых воина в латах, шишаках и стальных рукавицах неподвижно вытянулись, как и их алебарды, по обе стороны этого помоста, и больше там не было ни одной живой души. Меня так растрогала эта маленькая скамья: я знал, для кого она предназначалась; мои воспоминания перенеслись в другое место: в зал заседаний первого суда в Пуатье, где Жанна сидела на такой же точно скамье и спокойно сражалась в хитроумном поединке с изумленными докторами богословия и юристами и, одержав победу, встала с той скамьи под громовые рукоплескания и ушла, чтобы наполнить весь мир славой своего имени.

Какой прелестной она была тогда, какой кроткой, невинной, какой обаятельной и нежной в пышном расцвете своих семнадцати лет! То были незабываемые, славные дни. И, кажется, так недавно, – теперь ей ровно девятнадцать лет, – а сколько она видела и пережила с тех пор, какие чудеса она совершила!

Но теперь – о, теперь все изменилось! Почти девять месяцев она провела в темницах без воздуха и света, не видя ни одной дружеской улыбки, – она, дитя солнца, верная подруга птиц и всех вольных, счастливых созданий! Теперь она изнурена, измучена долгой неволей, силы ее надломлены; быть может, она даже пала духом, понимая, что надежды нет. Да, как все изменилось!

Все время слышался невнятный говор, шелест мантий и сутан, шарканье ног по полу, сдержанный шум, наполнявший капеллу. Вдруг раздался голос:

– Вести подсудимую!

Я затаил дыхание. Сердце застучало, как молот. Наступила тишина – полная тишина. Звуки замерли, словно их никогда и не было. Тишина стала удручающей, гнетущей, будто какая-то тяжесть навалилась на всех присутствующих. Все лица повернулись к дверям – другого нельзя было и ожидать, ибо большинство здесь собравшихся, несомненно, почувствовало, что сейчас предстанет перед ними наяву та, которая была для них раньше лишь воплощением чуда, сказкой, мечтой, таинственным именем, прогремевшим на весь мир.

Безмолвие продолжалось. Но вот издалека, по вымощенному плитами коридору, послышались шаги, сопровождаемые лязгом железа: чок-чок-чок. Это шла Жанна д'Арк, – спасительница Франции, – в оковах!

В глазах у меня потемнело, мысли смешались... Я понял: это все!

Глава V

Даю вам слово, что я не собираюсь исказить или приукрашивать факты, описывая это жалкое судилище. Нет, я изложу их вам добросовестно, со всеми подробностями, точь-в-точь так, как мы с Маншоном день за днем заносили их в официальный протокол суда, и в том виде, как об этом можно прочесть в опубликованных исторических документах. С одной лишь разницей: беседуя с вами откровенно, я буду пользоваться своим правом комментировать ход дела, пояснять некоторые обстоятельства, чтобы вы могли лучше все понять; кроме того, время от времени я буду останавливаться на некоторых частных моментах, представляющих интерес для меня и для вас, но не настолько значительных, чтобы попасть в официальный протокол.⁵²

Теперь продолжим... На чем же я остановился?... Да, мы услышали звон цепей и гулкие шаги по коридору – приближалась Жанна.

И вот она перед нами. По залу пробежал трепет, послышались глубокие вздохи. Два стражника неотступно следовали за ней. Она двигалась медленно, слегка потупив голову; видно было, что она слаба, а ее цепи тяжелы. На ней была мужская одежда, вся черная, из какой-то мягкой шерстяной ткани, совершенно черная, черная, как на покойнике, без единого светлого пятнышка. Широкий складчатый воротник из такой же черной материи облегал ее плечи и грудь; рукава ее камзола, широкие в плечах, от локтей были узки; ноги затянуты в узкое черное трико; на ногах и на руках – оковы.

Направляясь к скамье, она остановилась как раз в том месте, где яркий солнечный луч, пробившись сквозь решетку окна, упал ей на лицо. Жанна медленно подняла голову. И снова весь зал затрепетал, – ее лицо было смертельно бледным, белым как снег. Какой разительный контраст – белоснежное лицо и эта стройная неподвижная фигура в траурных одеждах! Каким девственно чистым и нежным, несказанно прекрасным, бесконечно грустным и милым было это лицо! Но, боже мой, когда пламенный взгляд ее неукротимых глаз устремился на судью и, воспрянув духом, она вся выпрямилась, как гордый воин перед сражением, мое сердце готово было выпрыгнуть от радости! Я сказал себе: все хорошо, все хорошо, ее не сломали, ее не покорили, она по-прежнему остается Жанной д'Арк! Да, теперь я знал: в ней все еще пылает огонь дерзаний, и этот грозный судья не в силах ни запугать, ни утратить ее.

Она подошла к своему месту, поднялась на помост, села на скамью, собрав на коленях цепи и положив на них свои маленькие белые руки, и стала ждать спокойно и с достоинством; казалось, она была здесь единственным человеком, невозмутимым и безучастным. Какой-то загорелый, бронзоволицый, рослый английский солдат, стоявший в непринужденно воинственной позе в первых рядах городской публики, почтительно поднял руку и галантнейшим образом отдал ей честь; она приветливо улыбнулась и, привстав с места, ответила ему тем же; это маленькое происшествие вызвало у зрителей сочувственные аплодисменты, но судья сурово прервал их.

Начался всем известный суд инквизиции, именуемый в истории Великим процессом. Пять-

⁵² Он сдержал свое слово. Его отчет о Великом процессе, весьма точный и подробный, вполне соответствует неопровержимым историческим фактам. (Примечание М.Твена.)

десять искусных законовевдов против одной неопытной девушки, и никого, чтобы выступить в ее защиту!

Судья вкратце изложил обстоятельства дела, основанные на непроверенных слухах, измышлениях и догадках; затем он потребовал, чтобы Жанна стала на колени и дала клятву, что будет говорить только правду и отвечать на все задаваемые ей вопросы.

Разум Жанны не дремал. Она сообразила, что под этим внешне справедливым и безобидным требованием могла скрываться большая опасность. Она ответила с присущей ей простотой, которая так часто разбивала самые хитроумные планы ее врагов на процессе в Пуатье:

– Нет! – ведь я не знаю, что вы намерены спрашивать; вы можете задать мне такой вопрос, на который я не обязана отвечать.

Это очень не понравилось суду и вызвало взрыв гневных протестов. Жанна не смутилась. Кошон возвысил голос и среди общего шума продолжал свою речь; но епископ был так раздражен, что с трудом выговаривал слова:

– Именем нашего вседержителя, господа бога, мы требуем, чтобы ты исполнила веление суда для твоего же блага и очищения твоей совести. Поклянись, возложив персты на евангелие, что будешь правдиво отвечать на все задаваемые вопросы, – и, сказав это, он ударил своим жирным кулаком по председательскому столу.

Жанна спокойно возразила:

– Если вы пожелаете узнать о моих родителях, моей вере и о делах моих во Франции, я охотно отвечу; что же касается откровений, ниспосланных мне богом, то мои голоса запретили мне разглашать их кому бы то ни было, кроме моего короля...

Последовал новый взрыв негодующих возгласов; священники заерзали в креслах, публика заволновалась; Жанна умолкла, ожидая пока прекратится шум; но вот ее восковое лицо слегка зарумянилось, она чуть-чуть выпрямилась, пристально взглянула на судью и звонким голосом закончила начатую фразу:

–... и я никогда не разглашу этого, хотя бы вы угрожали отрубить мне голову!

Вы, вероятно, знаете, как ведут себя экспансивные французы в собраниях. В одно мгновение председатель и добрая половина членов суда вскочили с мест и, потрясая кулаками, разразились неистовой бранью по адресу подсудимой. Они кричали, ревели и топали ногами так, что нельзя было разобрать не только чужих слов, но даже собственных мыслей. Столпотворение продолжалось несколько минут, и все это время Жанна оставалась равнодушной. Невозмутимость Жанны выводила судей из себя, и они бесновались еще больше. Только один раз она промолвила с проблеском бывшего озорства в глазах и движениях:

– Будьте любезны, высказывайтесь по одному, уважаемые господа, тогда я отвечу всем вам сразу.

Три часа длились яростные споры относительно присяги, а положение не изменилось ни на йоту. Епископ все еще настаивал на безоговорочной присяге, а Жанна в двадцатый раз отказывалась ее принять, повторяя вновь и вновь свои прежние доводы. Постепенно их боевой задор угас. Измученные бесплодными препирательствами, охрипшие, осунувшиеся, судьи уселись в свои кресла, тяжело дыша. Жалкие люди! Одна лишь Жанна сохраняла спокойствие и, казалось, нисколько не была утомлена.

Шум утих; все чего-то ждали. Наконец, председатель вынужден был уступить и не без горечи разрешил подсудимой принять присягу по своему усмотрению. Жанна сразу же опустила на колени, и, когда она протянула руки к евангелию, все тот же бравый английский солдат высказал вслух свое мнение:

– Клянусь богом, будь она англичанка, ее бы не держали здесь и полсекунды!

Это был голос солдатской души, сочувствующей своему товарищу. Но какой это был язвительный упрек, какое порицание всему французскому народу и французскому королю! О, если бы он мог произнести эти слова так, чтобы их услышал Орлеан! Я убежден, что этот благородный город, город, обожающий Жанну, поднялся бы весь – все мужчины и женщины – и двинулся бы на Руан. Есть слова, позорящие человеческое достоинство, – они врезаются в память и остаются там навеки. Мне не забыть тех слов английского солдата – они насквозь прожгли мое сердце.

це.

После принятия присяги Кошон спросил у Жанны, как ее имя, где она родилась, задал несколько общих вопросов, касающихся ее родителей, а также спросил, сколько ей лет. Она на все ответила. Затем он спросил, чему она училась.

– Моя мать научила меня молитвам – «Отче наш», «Ave Maria»⁵³ и «Верую». Она была моим единственным учителем.

Несущественные вопросы подобного рода задавались еще долго, К концу заседания устали все, кроме Жанны. Судьи перешептывались, собираясь расходиться. Епископ Кошон счел нужным предупредить Жанну, запретив ей любую попытку побега из тюрьмы под страхом уголовной ответственности применительно к статьям о богохульстве и ереси. Какой ум, какая логика! На это она только ответила:

– Это запрещение, меня не касается! Если бы я смогла бежать, я бы не считала себя виновной. Я вам такого обещания не давала и не дам.

Потом она пожаловалась, что оковы слишком тяжелы, и просила, чтобы их сняли, так как и без того ее усиленно охраняют, и цепи совершенно не нужны. Но епископ отказал ей, напомнив, что она уже дважды пыталась бежать из тюрьмы.

Жанна д'Арк была слишком горда, чтобы настаивать. Поднявшись со скамьи, готовая следовать под конвоем в темницу, она промолвила:

– Это правда, я хотела бежать, и все время думаю о свободе. – И, вздохнув, она добавила с такой печалью, что, казалось, не выдержит и каменное сердце: – Это право каждого пленника.

Она удалилась среди всеобщего молчания, в котором еще резче, еще явственнее выделялся зловеющий звон ее тяжелых цепей.

Какая сила духа! Казалось, ее невозможно было застать врасплох. Ноэля и меня она заметила в толпе сразу, как только села на скамью; мы вспыхнули до ушей от волнения и трепета, а на ее лице не отразилось ничего, она ничем не выдала своих мыслей. Глаза ее, быть может, десятки раз искали нас в этот день, но, едва они находили нас, она поспешно отводила их в сторону, и в них не промелькнуло даже намека, что она узнала нас. Другая на ее месте вздрогнула бы, проявила бы хоть чем-нибудь свою радость, и тогда – тогда бы, конечно, нам не поздоровилось.

Медленно брели мы с Ноэлем домой; каждый был глубоко погружен в свою печаль, и не было слов, чтобы ее выразить.

Глава VI

В тот вечер Маншон сообщил мне, что, по распоряжению Кошона, в продолжение всего судебного заседания в оконной нише прятались писцы, которым было поручено составить отчет, заведомо подтасовав и извратив смысл ответов Жанны. О, это был поистине самый жестокий и самый бессовестный человек на земле! Но план его провалился. У писцов оказались добрые сердца, и это гнусное поручение возмутило их. Они честно и смело составили правильный отчет, за что Кошон обрушил на них свои проклятия и велел убираться прочь, пока их не утопили, – это была его самая любимая угроза. Прodelка Кошона получила огласку и вызвала неприятные для него толки, так что прибегнуть вторично к подобной подлости он уже не мог. Это меня немного утешило.

На следующее утро мы обнаружили в крепости некоторые перемены. Капелла была слишком тесна для ведения процесса, и для судебных заседаний отвели одно из лучших помещений замка. Число судей было увеличено до шестидесяти двух, и лицом к лицу с такой силой – простая необразованная девушка, не имевшая возле себя никого, кто бы мог помочь ей.

Ввели подсудимую. Она была бледна по-прежнему, но не казалась более утомленной, чем в первый день своего появления в суде. Не удивительно ли! Вчера она просидела целых пять часов на жесткой скамье, в цепях, подвергаясь преследованиям, травле и всевозможным нападкам этого совета нечестивых, не получив ни глотка воды, чтобы утолить жажду, ибо ей никто ничего не

⁵³ Радуйся, дева Мария! (лат.)

предлагал, а сама она, как вы знаете, не могла унижаться и просить милости у этих людей; потом она провела ночь в своей клетке в холодном сыром каземате, прикованная к постели, и все же явилась в суд, как я уже сказал, решительной, собранной, готовой бороться до конца. Да, только она одна среди всех в этом зале не проявляла ни малейших признаков утомления после вчерашнего дня.

А ее глаза, – ах, увидели бы вы их – сердце ваше разорвалось бы от жалости! Вы когда-нибудь замечали этот затуманенный внутренний блеск, эту гордую скорбь оскорбленного достоинства, этот неукротенный и неукротимый дух, что горит и сверкает во взоре орла, посаженного в клетку? Разве вы не чувствовали себя пристыженным и жалким под бременем его безмолвного упрека? Таковы были ее глаза! Как они были красноречивы, как прекрасны! Да, во все времена, при любых обстоятельствах они могли отражать всю сложность, все тончайшие оттенки ее чувств. В них таились и потоки яркого солнечного света, и мягкие спокойные сумерки, и грозовые тучи и молнии. Ее глаза несравнимы! Единственные в мире! И каждый, кто имел счастье видеть их, согласится со мною, я в этом убежден.

Судебное заседание началось. И чем началось, как вы думаете? Тем же, чем и вчера, – той же скучной процедурой, с которой, казалось, следовало покончить раз и навсегда после столь бурных препирательств. Епископ начал так:

– Теперь от тебя требуется, чтобы ты дала клятву, что будешь говорить правду и только правду, чистосердечно отвечая на все задаваемые тебе вопросы.

Жанна спокойно возразила:

– Я поклялась в этом вчера, ваше преосвященство, и этого вполне достаточно.

Но епископ не отступал и настаивал все с большим упорством; Жанна сидела молча и лишь изредка отрицательно качала головой. Наконец, она не выдержала:

– Я приняла присягу вчера, с меня хватит. – Потом, вздохнув, добавила: – Если говорить правду, вы чересчур притесняете меня.

Епископ настаивал, требовал, приказывал, выходил из себя, но был не в силах заставить ее вторично принять присягу. Наконец, он сдался и передал допрос своему помощнику – опытнейшему мастеру в делах сутяжничества, крючкотворства, ловушек и придинок – некоему Боперу, доктору богословия. Теперь обратите внимание на форму, в какую этот хитрый ловец душ облек свой первый вопрос, брошенный небрежным тоном, способным усыпить бдительность всякого неосторожного человека:

– Так вот, Жанна, дело весьма простое: говори громко, внятно и отвечай правдиво на все вопросы, какие я стану тебе задавать, как ты и поклялась.

Но его постигла неудача. Жанна не зевала. Она сразу же подметила каверзу и сказала:

– Нет. Есть такие допросы, на которые я не могу и не должна отвечать.

Затем, поразмыслив над тем, как глупо и нагло, позоря свой священный сан эти служители бога стараются проникнуть в дела, совершенные по его велению и под печатью его великой тайны, она добавила предостерегающе:

– Если вы все обо мне знаете, вам бы лучше поскорее сбить меня с рук. Все мои поступки определялись небесным откровением.

Бопер отказался от лобового удара и начал действовать в обход. Он хотел поймать ее из засады, прикрывшись невинными и ничего не значащими вопросами.

– Обучалась ли ты дома какому-нибудь ремеслу?

– Да, шить и прясть, – при этом непобедимый воин, победительница при Патэ, укротительница льва-Тальбота, освободительница Орлеана, национальный герой, вернувший корону королю, главнокомандующий французскими войсками гордо выпрямилась, слегка тряхнула головой и с наивным самодовольством добавила: – О, в этом занятии я могу соревноваться с любой женщиной Руана!

Толпа зрителей дружно зааплодировала, и это было приятно Жанне; кое-кто улыбался ей с явным сочувствием. Но Кошон гневно прикрикнул на народ, требуя соблюдения тишины и приличий.

Бопер задал еще несколько вопросов, а потом:

– А еще у тебя дома было какое-нибудь занятие?

– Да. Я помогала матери по хозяйству и гоняла на пастбище овец и коров.

Голос ее немного дрожал, но это не каждому было заметно. И мне припомнились прежние счастливые дни; образы прошлого нахлынули на меня, и некоторое время я не различал того, о чем писал.

Бопер прошупывал возможности приблизиться к запретной зоне при помощи разных вопросов и в конце концов повторил тот же вопрос, на который она отказалась отвечать незадолго до этого, а именно – принимала ли она святое причастие в другие праздники, кроме пасхи.

Жанна ответила просто: – Переходите к следующему, – иными словами: оставайтесь в границах своей компетенции.

Я услышал, как один из членов суда сказал своему соседу:

– Обыкновенно подсудимые и свидетели – это мелкая глупая рыбешка, раз-два – и они трепыхаются в руках опытного судьи. Их нетрудно запутать и запугать, но эту девчонку, право, ничем не возьмешь.

Но вот все насторожились и стали внимательно прислушиваться, ибо Бопер перешел к так называемым «голосам» Жанны, – вопросу весьма интересному и вызывавшему всеобщее любопытство. Бопер стремился совратить ее на легкомысленные признания, которые могли бы указать, что эти «голоса» давали ей иногда дурные советы, а следовательно, они исходили от дьявола, – вот куда он метил!.. Признание, что она имела связь с дьяволом, быстро привело бы ее на костер, а это и нужно было суду.

– Когда ты впервые услышала эти «голоса»?

– Мне было тринадцать лет, когда я впервые услышала глас божий, указавший мне путь к праведной жизни. Я испугалась. Он послышался мне в полдень, в саду моего отца, летом.

– Постилась ли ты в тот день?

– Да.

– А накануне?

– Нет.

– С какой стороны он послышался?

– Справа, со стороны церкви.

– Сопровождался ли он сиянием?

– О да! Он был озарен сиянием. Когда я позже прибыла во Францию⁵⁴, я часто слышала голоса очень ясно.

– Как звучал этот «голос»?

– Это был величавый голос, и мне казалось, что он исходил от бога. В третий раз, когда я услышала его, я признала в нем голос ангела.

– И ты могла понять его?

– Весьма легко. Он всегда был чист и ясен.

– Какие сонеты он давал тебе для спасения души?

– Он говорил мне, что я должна жить праведно и аккуратно посещать церковь. И еще он сказал мне, что я должна отправиться во Францию.

– В какую форму облакался «голос», когда он являлся перед тобой?

Жанна подозрительно взглянула на священника, а потом спокойно ответила:

– Вот этого я вам и не скажу.

– Часто говорил с тобой «голос»?

– Да. Два или три раза в неделю, и неизменно твердил: «Оставь свое селение и иди во Францию».

⁵⁴ Когда я позже прибыла во Францию... — Родная деревня Жанны д'Арк — Домреми (поместье собора святого Реми) хотя и входила во владения французского короля, но не полностью. Другая часть той же деревни — по другую сторону ручья, пересекающего Домреми с запада на восток, находилась уже во владении герцогства Барруа. Жители северной части деревни считались королевскими подданными, жители же южной ее части — подданными Германской империи (Лотарингия в те времена входила в состав Германской империи). Поэтому у местного лотарингского населения было представление о Франции не как о своей стране, а как бы об иностранном государстве.

– Знал ли отец о твоём намерении?

– Нет. Голос говорил: «Иди во Францию», и я не могла больше оставаться дома.

– Что еще он говорил?

– Чтобы я сняла осаду Орлеана.

– И это все?

– Нет, мне было велено идти в Вокулер, где Робер де Бодрикур должен был дать мне солдат, чтобы они следовали за мной во Францию, а я возражала и говорила, что я бедная девушка, что я не умею ни сидеть на коне, ни воевать.

Потом она рассказала, как ее задерживали и не пускали в Вокулер, но в конце концов она все же получила солдат и отправилась в поход.

– Как ты оделась в поход?

Суд в Пуатье определенно установил и оговорил в своем решении, что, поскольку сам бог определил ей исполнять мужскую работу, вполне допустимо и не противоречит религии, чтобы она носила мужскую одежду; но это ничего не значило: новый суд готов был использовать против Жанны любое оружие, даже сломанное и признанное негодным, и таким оружием пользовались все время, пока не закончился этот гнусный процесс.

– Я оделась, – отвечала Жанна, – в мужскую одежду и повязала меч, подаренный мне Робером де Бодрикуром, другого оружия у меня не было.

– Кто посоветовал тебе носить мужскую одежду? Жанна опять насторожилась. Ей не хотелось отвечать.

Вопрос был повторен. Она не отвечала.

– Отвечай, суд приказывает!

– Переходите к следующему, – вот все, что она сказала. И Бопер был вынужден временно перейти к другим вопросам.

– Что сказал тебе Бодрикур перед твоим отъездом?

– Он заставил солдат, которые отправлялись со мной, дать слово, что они будут охранять меня. Мне же он сказал: «Ступай, и будь что будет!» (*Advienne que pourra!*)

После разных расспросов, не относящихся к делу, у нее опять спросили об одежде. Она ответила, что ей было необходимо одеваться по-мужски.

– Так тебе советовали твои «голоса»?

– Я полагаю, мои голоса давали мне хорошие советы, – ответила Жанна спокойно.

Это все, чего можно было добиться от нее. Допрос пришлось переключить на другие обстоятельства дела. Наконец, речь зашла о ее первой встрече с королем в Шиноне. Она рассказала, что узнала короля, которого раньше никогда не видела, с помощью откровения, полученного от «голосов». После того как эта тема была исчерпана, Бопер спросил:

– Ты и теперь слышишь эти «голоса»?

– Я их слышу каждый день.

– Чего ты просишь у них?

– Я никогда не прошу у них земных благ, лишь молю о спасении души.

– Разве «голос» всегда настаивал, чтобы ты не отлучалась от войска?

Судья осторожно подползал к главному. Она отвечала:

– Он велел мне остаться в Сен-Дени. Я повиновалась бы, если бы могла, но я была ранена, беспомощна, и рыцари увезли меня насильно.

– Когда и где тебя ранили?

– Меня ранили во рву, перед Парижем, во время штурма.

Следующий вопрос выдал тайные намерения Бопера:

– В этот день был престольный праздник?

Вы поняли? Сущность уловки заключалась в том, что «голос», исходящий от бога, вряд ли посоветовал бы или разрешил нарушать святость праздника войной и кровопролитием.

Жанна смутилась и, немного помедлив, ответила:

– Да, это было в престольный праздник.

– Теперь скажи-ка мне вот что: ты не усматривала греха, предпринимая атаку в такой день?

Это был выстрел, который мог бы пробить первую брешь в стене, не имевшей до сих пор ни единой трещины. Судьи умолкли, зал притих в напряженном ожидании. Но Жанна разочаровала судей. Она сделала лишь легкое движение рукой, словно отмахнулась от мухи, и равнодушно промолвила:

– Переходите к следующему!

Даже самые суровые лица на мгновение озарились улыбкой; кое-где послышался смех. Западня была расставлена с большой осмотрительностью, – и вот она захлопнулась, ничего не поймав.

Суд встал. Сидеть часами без отдыха было весьма утомительно. Большую часть времени заняли казалось бы пустые и явно бесцельные расспросы о происшествиях в Шиноне, об изгнанном герцоге Орлеанском, о первом обращении Жанны к англичанам и так далее; но вся эта на первый взгляд безобидная болтовня была полна скрытых ловушек. Однако Жанна счастливо обошла их все: одни – благодаря удаче, которая часто сопутствует неведению и неопытности, другие – по счастливой случайности, а большинство – при поддержке своего самого лучшего, самого надежного помощника – ясного ума и безошибочной интуиции.

Эта ежедневная злобная травля, это жестокое преследование беззащитной девушки, пленницы в цепях, продолжались без конца. Достойная забава, нечего сказать! Свора кровожадных собак-волкодавов, преследующая котенка! Могу засвидетельствовать под присягой – это было так, именно так с первого и до последнего дня! Когда останки бедной Жанны пролежали в могиле уже целую четверть столетия, папа римский снова созвал особый суд, чтобы пересмотреть это дело, и лишь тогда только справедливый приговор очистил ее прославленное имя от пятен и грязи и заклеил приговор и поведение Руанского трибунала плевком вечного позора. Маншон и некоторые из судей, принимавших участие в Руанском процессе, предстали в качестве свидетелей перед папским судом, реабилитировавшим Жанну посмертно. Вспоминая о гнусных проделках, о которых я только-что рассказал, Маншон показал следующее (вы можете лично убедиться в этом, ознакомившись с данными официальной истории):

«Когда Жанна давала показания о своих видениях, ее прерывали чуть ли не на каждом слове. Ее мучили бесконечными допросами о всевозможных вещах. Почти ежедневно утренний допрос продолжался три-четыре часа; потом из протоколов утреннего допроса извлекали наиболее трудные и щекотливые пункты, и они служили материалом для последующих допросов в послеобеденное время, также длившихся два-три часа. Поминутно они перескакивали с одного предмета на другой; и несмотря на это, она неизменно отвечала с поражающей мудростью и необыкновенной точностью. Часто она поправляла судей, замечая: „Но я уже однажды отвечала вам на этот вопрос, потрудитесь заглянуть в протокол“, – и отсылала их ко мне».

А вот показания одного из судей Жанны; читая их, помните, что речь идет не о двух-трех днях, а о долгой веренице тяжелых, мучительных дней:

«Они задавали ей свои мудрые вопросы, и она превосходно отвечала. Иногда допрашивающие меняли тактику и, внезапно разорвав логическую цепь мыслей, переключали ее внимание на иной предмет, дабы убедиться, не будет ли она противоречить сама себе. Они изнуряли ее в течение нескольких часов непрерывными допросами, которые даже для самих судей были утомительны. Из сетей, которые на нее набрасывали, с трудом выпутался бы самый искусный человек. Она же давала свои ответы с величайшей осмотрительностью, и ее эрудиция была совершенной в такой степени, что все эти три недели я думал, не действует ли она по вдохновению свыше».

Ну что, разве не была она одарена таким умом, как я описал? Видите, что показали эти священники под присягой, эти служители церкви, избранные для ужасного суда по заслугам своей учености, опытности, остроты практического разума и непримиримого предубеждения против подсудимой. Они приравнивают эту бедную деревенскую девушку, почти подростка, к целой коллегии из шестидесяти двух ученейших мужей; более того – они ее одну ставят выше их всех! А разве это не так? Они – из Парижского университета, а она – из овчарни и коровника! О да, она была велика, она была недосыгаема! Понадобилось шесть тысяч лет, чтобы породить такое чудо, но и через пятьдесят тысяч лет оно не повторится. Таково мое мнение.

Глава VII

Третье заседание суда происходило в том же просторном замковом зале на следующий день, 24 февраля. Как оно началось? Да так же, как и вчера. Когда все было подготовлено и шестьдесят два церковника в судейских мантиях уселись в кресла, а стража и блюстители порядка заняли свои обычные места, Кошон, обратившись к Жанне с высоты своего трона, приказал ей возложить руки на евангелие и поклясться говорить только правду, ничего кроме правды, и отвечать на все вопросы суда.

Жанна вся вспыхнула и поднялась; поднялась и стояла, величественная и благородная, повернувшись лицом к епископу.

– Побойтесь бога, что вы делаете, ваше преосвященство! – воскликнула она. – Вы – мой судья, а берете на себя такую ответственность! Вы слишком много себе позволяете.

Это вызвало всеобщее замешательство; Кошон, заикаясь от гнева, заявил, что если она не подчинится, приговор ей будет вынесен немедленно. Кровь застыла у меня в жилах, и я заметил, как побледнели многие присутствующие: ведь это означало сожжение на костре! Но Жанна держалась гордо и отвечала ему без малейшего смущения:

– Все духовенство Парижа и Руана не может осудить меня, вам не дано на это права!

Поднялся невероятный шум: крики, ругань, аплодисменты. Жанна опустила на скамью. Разъяренный епископ требовал присяги. Жанна сказала:

– Я уже приняла присягу. Этого достаточно.

– Отказываясь дать клятву, ты навлекаешь на себя подозрения! – завопил епископ.

– Пусть будет так. Я поклялась – и этого достаточно.

Кошон продолжал настаивать. Жанна ответила, что будет «говорить лишь то, что знает, однако, не все, что знает».

Ее мучитель не сдавался. И тогда она тихо промолвила:

– Я пришла от бога, и здесь мне нечего больше делать. Возвратите меня к богу, пославшему меня.

Горько было это слышать; ее слова означали: вы хотите отнять у меня жизнь, – берите ее и оставьте в покое мою душу.

Епископ все еще бушевал:

– Еще раз приказываю тебе...

Жанна спокойно прервала его: «Переходите к следующему», – и Кошон вышел из борьбы; но на этот раз он отступил, соблюдая видимость приличий, и предложил компромисс. Жанна, быстро сообразив, усмотрела в этом некоторую защиту для себя и охотно приняла предложение. Она должна была поклясться говорить правду «касательно всего, записанного в обвинительном акте». Теперь ее уже не могли увлечь в сторону; отныне в безбрежном море вопросов был проложен какой-то курс – и она его будет держаться. Уступка была большей, чем показалось вначале епископу; он не мог ее честно выполнить и явно досадовал.

По его приказанию Бопер возобновил допрос. Поскольку в это время был великий пост, представлялся случай уличить Жанну в нарушении религиозного обряда. Я мог бы заранее предсказать ему неудачу. Еще бы, ведь ее вера была ее жизнью!

– Когда ты в последний раз пила или ела?

Если бы с ее уст сорвался хоть малейший намек, что она принимала пищу, то ни ее молодость, ни тот факт, что она изголодалась в тюрьме, не избавили бы ее от опасного подозрения в неуважении к уставу церкви.

– Я не ела и не пила со вчерашнего полудня. Священник снова перешел к «голосам».

– Когда ты в последний раз слышала «голос»?

– Вчера и сегодня.

– В какое время?

– Вчера он послышался мне утром.

– Что ты делала тогда?

– Я спала, и он разбудил меня.

– Как разбудил? Коснувшись плеча? – Нет, он не прикасался ко мне.

– Благодарила ты его? Преклонила колени?

Вы, вероятно, догадываетесь, что он имел в виду дьявола и, конечно, надеялся, что постепенно ему удастся доказать, что она поклонялась сатане и служила заклятому врагу господу богу и всего рода человеческого.

– Да, я поблагодарила его, и преклонила колени на жестком ложе, к которому была прикована, и сложила руки и умоляла его ходатайствовать перед престолом всевышнего, чтобы господь просветил меня и наставил, как отвечать на вопросы в суде.

– И что же сказал этот «голос»?

– Он сказал: «Не бойся, отвечай смело, и господь поможет тебе». – И, повернувшись к Кошону, она воскликнула: – Вот вы говорите, что вы мой судья. А я опять повторяю вам: будьте осторожны в своих действиях, ибо я поистине послана богом, и вы подвергаете себя большой опасности.

Бопер спросил:

– Всегда ли советы «голоса» были постоянными, не было ли в них противоречий?

– Нет, советы были неизменны. Сегодня он снова велел мне отвечать смело.

– А скажи, это он запретил тебе отвечать на часть вопросов?

– Об этом я умолчу. У меня есть откровения, касающиеся короля, моего повелителя, и я не могу разглашать их.

И, вся затрепетав, со слезами на глазах, она воскликнула с глубоким убеждением:

– Я верю, – столь же непоколебимо, как и в христианское вероучение, и в то, что спаситель являлся для искупления грехов наших, что сам бог говорит со мною через посредство таинственного голоса.

На дальнейшие вопросы относительно «голосов» она отвечала, что не вправе разглашать то, что ей запрещено.

– Ты думаешь, бог бы прогневался, если бы ты поведала нам всю правду?

– Голос повелел мне нечто открыть королю, а не вам, и кое-что совсем недавно – вчера вечером; и мне бы хотелось, чтобы он об этом узнал. Он бы чувствовал себя гораздо лучше за обедом.

– Почему же «голос» сам не обращается к королю, как это случалось раньше, когда ты была там? Разве он бы не внял твоей просьбе, если бы ты пожелала этого?

– Не знаю, угодно ли это было богу.

Она задумалась и сидела минуту или две, отрешенная от всего, углубившись в свой внутренний мир; потом высказала вслух одну мысль, и в ней Бопер, чуткий и настороженный, тотчас же усмотрел неожиданную возможность поставить Жанне ловушку. Не думайте, что он сразу же набросился на это, обрадовавшись удобному случаю, как это сделал бы какой-нибудь желторотый новичок в делах насилия и в умении хитрить. О нет, наоборот, он сделал вид, что ничего не заметил. Оценив всесторонне находку, он отошел от нее подальше и равнодушно стал расспрашивать о вещах, не имеющих отношения к делу, чтобы впоследствии подползти и одним прыжком напасть на свою жертву, так сказать, из-за угла; он задавал разные скучные и пустые вопросы, как например: поведал ли ей «голос», что она совершит побег из тюрьмы, подсказал ли он ей ответы для сегодняшнего заседания, сопровождался ли «голос» ярким сиянием, были ли у него глаза и так далее.

Вот эта опасная мысль, высказанная Жанной вслух: «Без благодати божьей я ничего не могла делать».

Судьи поняли азартную игру старого священника и наблюдали за его жертвой с жадным любопытством. Бедная Жанна отвечала рассеянно и безучастно; вполне возможно, что она устала. Жизнь ее находилась в большой опасности, а она и не подозревала этого. Но вот, улучив момент, Бопер бесшумно подкрался и быстро набросил сеть.

– Находишься ли ты под благодатью божьей?

Но все же в этой своре псов нашлось два-три честных, смелых человека, и один из них –

Жан Лефевр, Вскочив с места, он крикнул:

– Это страшный вопрос! Обвиняемая не обязана отвечать на него!

Кошон побагровел от гнева, увидев человеческую руку, протянутую утопающему ребенку; он затопал ногами и завопил:

– Молчать! Садитесь на место! Обвиняемая ответит на этот вопрос!

Не было никакой надежды, не было никакого выхода; скажет ли она «да», скажет ли она «нет» – и в том и в другом случае ей угрожала гибель, ибо в писании сказано – этого знать никому не дано. Какие же надо иметь жестокие сердца, чтобы юную неопытную девушку с наслаждением гнать в роковой капкан, прикрываясь именем церкви! Это был жуткий, незабываемый миг. Секунды казались мне вечностью. Весь зал трепетал в возбуждении, многие злорадствовали. Жанна взглянула на эти алчные лица за судейским столом, окинула их невинным, светлым взглядом, потом смиренно и кротко произнесла те бессмертные слова, которые смели прочь ужасный капкан, как ветер сметает паутину:

– Если я не нахожусь под благодатью господней, то молю бога, чтобы он ниспослал ее мне; если же я нахожусь под его благодатью, то пусть господь бог и сохранит меня в ней.

Ах, если бы вы только видели, какой это произвело эффект! Но я слишком слаб, чтобы передать мои чувства. Воцарилась гробовая тишина. Люди в изумлении переглядывались, некоторые в ужасе крестились, и я услышал, как Лефевр прошептал:

– Ее ответ превзошел мудрость человеческую/Дитя глаголет, осененное вдохновением свыше.

Бопер снова взялся за свое гнусное дело, но позор поражения угнетал его; он никак не мог собраться с мыслями и продолжал допрос вяло и бессвязно.

Он задавал Жанне сотни вопросов о ее детстве, о дубовой роще, о феях-волшебницах, о детских играх и забавах под нашим милым Волшебным деревом Бурлемона. Это пробудило у Жанны воспоминания прошлого, и голос ее немного дрожал, на глаза набегали слезы, но в общем она успешно вышла из всех испытаний, отвечала толково и хорошо.

Заканчивая, священник снова спросил ее об одежде – вопрос, который никогда не упускался ими из виду на протяжении всей их преступной игры и всегда висел над ее головой очередной угрозой, чреватой печальными последствиями.

– Ты желала бы облечься в женскую одежду?

– По правде сказать, да, если бы я могла выйти из этой тюрьмы; но здесь – нет.

Глава VIII

Следующее заседание суда состоялось в понедельник, 27 февраля. Нет, вы только подумайте – по-прежнему епископ не хотел признавать договоренности, ограничивающей ведение дела вопросами, включенными в обвинительный акт, и опять стал требовать, чтобы Жанна приняла присягу безоговорочно. Она ответила:

– Не пора ли вам успокоиться, ваше преосвященство, я уже достаточно присягала.

И она настояла на своем; Кошону снова пришлось отступить.

И опять ее стали расспрашивать о «голосах».

– Ты показала, что, услышав их в третий раз, признала в них голоса ангелов. Каких именно ангелов?

– Святой Екатерины и святой Маргариты.

– Откуда ты узнала, что это были именно эти две святые? Как ты могла отличить их одну от другой?

– Я знаю, что это были они. Я знаю, как их различать.

– По какому признаку?

– По их обращению и приветствиям. Семь лет они являлись мне, и я знаю, кто они, ибо они сами открылись мне.

– Чей был первый «голос», беседовавший с тобой, когда тебе было тринадцать лет?

– Голос архангела Михаила. Я видела его воочию, и он был не один, а в окружении сонма

ангелов.

– Ты видела архангела и сопровождавших его ангелов во плоти или духовно?

– Я видела их наяву – точно так же, как вижу вас; и когда они скрылись, я заплакала, что они не взяли меня с собой.

И в моем воображении снова предстал тот величественный призрак в ослепительно белом сиянии, который явился ей в тот день под Волшебным деревом Бурлемона, и трепет объял меня, хотя это случилось так давно. Давно ли? Нет, недавно. Но с тех пор свершилось столько событий, что их хватило бы на целую вечность.

– В каком образе являлся тебе святой Михаил?

– Мне не дозволено об этом говорить.

– Что тебе возвестил архангел при первом явлении?

– Сегодня я вам ответить не могу.

Мне думается, это означало, что она хотела предварительно посоветоваться со своими «голосами».

После ряда вопросов относительно откровений, переданных при ее посредстве королю, она с сожалением отметила, что суд понапрасну теряет время:

– Я вынуждена повторить то, что говорила не раз на этих заседаниях. Я уже отвечала на все вопросы подобного рода на суде в Пуатье; и мне бы хотелось, чтобы вы распорядились доставить сюда протоколы этого суда и зачитали мои показания. Прошу вас, пошлите за ними.

Ответа на просьбу не последовало. Предмет был таков, что его лучше было обойти, и протоколы первого суда предусмотрительно упрятали подальше, ибо в них были изложены факты, которые здесь могли бы оказаться очень некстати. Между прочим, там было заключение суда, утверждавшее, что миссия Жанны исходит от бога, тогда как нынешний суд, суд низшей инстанции, силился доказать, что Жанна действует по наущению дьявола. Там было также постановление, разрешавшее Жанне носить мужскую одежду, тогда как данный суд пытался использовать это обстоятельство против нее.

– Почему ты решилась вдруг отправиться во Францию? Ты это сделала по собственному желанию?

– Да, и по указанию свыше. Без воли божьей я бы не пришла сюда. Я бы скорее согласилась, чтобы меня разорвали на части, привязав к лошади, чем нарушать волю всевышнего.

Бопер снова стал расспрашивать ее об одежде, как о чем-то особо важном и значительном; он говорил об этом торжественным тоном. Жанна потеряла терпение и прервала его:

– Это мелочь, не относящаяся к делу. Я носила мужскую одежду не по совету людей, а по указанию свыше.

– Робер де Бодрикур не заставлял тебя одевать ее?

– Нет.

– Думаешь ли ты, что поступила хорошо, облачаясь в мужскую одежду?

– Я думаю, что, повинувшись во всем воле божьей, я поступала хорошо.

– А в данном частном случае думаешь ли ты, что поступила хорошо, облачаясь в мужскую одежду?

– Я не делала ничего без указания свыше.

Бопер бросался на всевозможные уловки, чтобы заставить Жанну впасть в противоречие с собой и добиться хоть какого-нибудь несоответствия ее слов и действий словам священного писания. Но это была напрасная потеря времени. Он спрашивал о ее видениях, о сиянии, сопровождавшем их, о ее встречах с королем, о чем угодно, лишь бы запутать ее.

– Был ли ангел над головой короля в первый раз, когда ты встретила с ним?

– Клянусь пресвятой девой Марией!.. – начала было она с жаром, но тут же сдержала себя и спокойно промолвила: – Если он и был там, то я не видела его.

– Было ли сияние?

– Там было более трехсот солдат и пятьсот факелов, сияния было много – в том числе и духовного.

– Что заставило короля поверить откровениям, которые ты поведала ему?

– Ему самому являлись знамения, кроме того, он пользовался советами духовенства.

– Какие откровения ты поведала королю?

– В этом году вы ничего больше не узнаете, – и, помолчав, она добавила: – На протяжении трех недель меня подробно расспрашивали священники в Шиноне и Пуатье. Королю было знамение еще до того, как он поверил в мою миссию; а что касается священников, то, по их мнению, мои поступки хороши, а не дурны.

Короля на время оставили в покое. Бопер перешел к вопросу о чудотворном мече из Фьербуа, стараясь выискать здесь что-нибудь, уличающее Жанну в колдовстве.

– Как ты узнала, что существует древний меч, зарытый в земле под алтарем церкви святой Екатерины в Фьербуа?

На этот вопрос Жанна ответила откровенно:

– Я знала, что меч находится там, ибо об этом мне сообщили голоса; я послала за мечом и просила вручить его мне, чтобы пользоваться им в сражениях. Я знала, что он зарыт неглубоко. Служители церкви разыскали меч и извлекли из земли; потом его очистили, и ржавчина легко сошла.

– Скажи, когда тебя взяли в плен у Компьена, меч был при тебе?

– Нет. Но я носила его постоянно до тех пор, пока не покинула Сен-Дени после боев под Парижем.

Имелось подозрение, что этот меч, обнаруженный так таинственно и неизменно приносивший победу, был заколдован.

– Был ли сей меч освящен? От кого исходило благословение и в чем его сущность?

– Нет, его не освящали. Он был мне дорог потому, что был найден в церкви святой Екатерины, а я всегда любила и почитала эту церковь.

Она любила ее потому, что церковь была построена в честь одной из являвшихся ей святых.

– Не возлагала ли ты сей меч на алтарь, испрашивая о даровании победы? (Бопер имел в виду алтарь церкви Сен-Дени).

– Нет.

– Молилась ли ты, чтобы он приносил тебе удачу?

– А разве это дурно – желать, чтобы мое оружие приносило мне удачу?

– Так, значит, не этот меч был при тебе в сражении под Компьеном? Какой же меч ты носила тогда?

– Меч бургундца Франке из Арраса, захваченного мною в плен в стычке при Ланьи. Я сохранила его, потому что это был хороший боевой меч, весьма удобный для нанесения ударов противнику.

Она сказала это так естественно, так просто, и контраст между ее маленькой хрупкой фигуркой и суровыми воинскими словами, которые так легко слетали с ее уст, был так велик, что многие зрители невольно улыбнулись.

– Что же стало с прежним мечом? Где он теперь?

– Разве вопрос об этом включен в обвинительный акт?

Бопер не ответил. Он спросил:

– Что тебе дороже: твое знамя или твой меч? При упоминании о знамени глаза ее радостно заблестели, и она воскликнула:

– О, знамя мое мне дороже во сто крат! Иногда я носила его сама, когда бросалась в атаку, – мне так не хотелось никого убивать! – Потом она наивно добавила, и как-то странно было слышать из уст юной девушки эти слова: – Я никогда никого сама не убила.

Снова веселое оживление в зале, и это немудрено, – ее облик был воплощением женской невинности. Трудно было поверить, что она когда-либо участвовала в кровавых битвах, – до такой степени она казалась не созданной для этого.

– Во время последней битвы под Орлеаном говорила ли ты своим солдатам, что стрелы неприятеля, равно как и камни из его катапульт, не поразят никого, кроме тебя?

– Нет. И вот вам доказательство: более сотни моих солдат были поражены. Я говорила им

только, чтобы они не поддавались ни сомнениям, ни страху, а твердо верили, что мы снимем осаду города. Я была ранена стрелой в ключицу во время штурма бастилии, господствовавшей над мостом, но святая Екатерина поддержала меня: я выздоровела через полмесяца, не покинув на это время ни седла, ни обычных занятий.

– Ты знала, что будешь ранена?

– Да, и я заранее предупредила об этом короля. Мне предсказали это мои голоса.

– Когда ты заняла укрепления в Жаржо, почему ты не назначила выкуп за коменданта этой крепости?

– Я предложила ему покинуть крепость и уйти невредимым вместе со своим гарнизоном; в случае его несогласия, я овладела бы ею штурмом.

– Что ты и сделала, я полагаю?

– Да.

– А скажи, твои «голоса» тебе советовали взять крепость штурмом?

– Я этого не помню.

Так безрезультатно закончилось это утомительное, долгое заседание. Были испробованы все средства уличить Жанну в нечестивых помыслах, дурных поступках или неуважении к церкви и даже в грехах, совершенных ею в раннем детстве дома и вне дома, – и никакого успеха. Жанна с честью выдержала все испытания.

И что же, суд был обескуражен? Ничуть. Конечно, он был удивлен, более того – поражен, видя, что его задача оказалась столь хлопотливой и трудной, а не простой и легкой, как это ожидалось; но у него были могущественные сообщники – голод, холод, усталость, интриги, ложь и вероломство; и против всего этого полчища бед стоял один-единственный человек – беспомощная, неграмотная девушка, которую систематически утомляли телесно и духовно, стараясь во что бы то ни стало загнать в одну из расставленных ловушек.

Но неужели все эти бесконечные заседания оказались столь бесплодными? Да. Суд ощупью выискивал путь, цепляясь то за то, то за это, и, наконец, отыскал один-два еле заметных следа, которые надеялся постепенно освежить и впоследствии использовать в качестве неоспоримых доказательств – мужская одежда, например, а также таинственные видения и «голоса». Разумеется, никто не сомневался в том, что Жанне являлись сверхъестественные существа, что они беседовали с ней и давали ей советы. Никто, конечно, не сомневался, что сверхъестественные силы помогли Жанне сотворить чудеса, например, узнать в толпе короля, которого она никогда раньше не видела, или найти меч, зарытый под алтарем. Было бы нелепо сомневаться в этом, ибо всем известно, что вселенная наполнена бесами к ангелами, которые видимы либо колдунам, либо безгрешным праведникам. Но многие – пожалуй, даже большинство – сомневались в том, что ее видения, «голоса» и чудеса исходят от бога. Полагали, что со временем можно будет доказать, что сие есть не что иное, как проявление мощи дьявола и его присных. Отсюда вы легко можете заключить: если суд так настойчиво возвращался к этому основному предмету, любопытствуя и копаясь в его мельчайших деталях, он не тратил попусту время, а преследовал вполне определенную цель.

Глава IX

Следующее заседание открылось в четверг, 1 марта. Присутствовало пятьдесят восемь судей, – остальные отдыхали.

Как обычно, от Жанны потребовали принять присягу, и опять же – без всяких оговорок. На этот раз она не проявила ни малейшего раздражения. Она считала свою позицию надежно подкрепленной условием не выходить за рамки обвинительного акта, – компромисс, от которого Кошон всячески хотел отвертеться; на этот раз она решительно и твердо отказалась от присяги.

– Что касается пунктов, включенных в обвинительный акт, – добавила она со всей искренностью и прямоотой, – я готова говорить правду, говорить откровенно и исчерпывающе, как бы я говорила перед самим папой.

Наконец-то им представился случай! В то время у нас было несколько пап – два или три –

и, конечно, только один из них мог быть настоящим. Рассуждать на эту тему было очень опасно, и благоразумные люди помалкивали. Теперь представилась возможность столкнуть неопытную девушку в пропасть, и недостойный судья незамедлительно воспользовался этим, с притворным равнодушием он, как бы мимоходом, спросил:

– Которого из, пап ты считаешь настоящим? Весь зал замер в ожидании ответа, предвидя, что тут-то Жанна неминуемо попадет в ловушку. Но последовавший ответ поверг судью в замешательство, а в публике многие рассмеялись, ибо Жанна спросила с такой беспредельной наивностью, что почти обманула меня, – ребенок, сущий ребенок!

– А разве их два?

Один из членов суда, сочетавший в себе ученость и крайнюю невоздержанность в божбе, заметил так громко, что услышала половина зала:

– Клянусь богом, – это мастерский удар!

Оправившись от этого мастерского удара, судья снова перешел в наступление, но был уже более осторожен и пропустил вопрос Жанны мимо ушей.

– Правда ли, – продолжал он, – что ты получила письмо от графа д'Арманьяка⁵⁵ с просьбой дать указание, которому из трех пап он должен подчиняться?

– Да, получила и ответила на него.

Были зачтены копии писем. Жанна сказала, что ее письмо скопировано не совсем точно. Она утверждала, что получила письмо графа как раз в то время, когда садилась на коня, и добавила:

– Я успела продиктовать лишь несколько слов в ответ – я сказала, что постараюсь написать ему из Парижа или из другого места при первой возможности.

Ее снова спросили, которого из пап она считает настоящим.

– Я не имею права вмешиваться в дела церкви и не давала графу д'Арманьяку никаких указаний о папах. – Потом без всякого страха, что было так необычно в этом вертепе казуистов и приспособленцев, она сказала: – Что касается меня, я считаю, мы обязаны подчиняться его святейшеству папе, пребывающему в Риме.

С этим вопросом пришлось покончить. Затем была зачитана копия первого официального документа Жанны – ее обращение к англичанам, призывающее снять осаду Орлеана и покинуть Францию, – творение великое и поистине прекрасное для неопытной девушки в семнадцать лет.

– Ты признаешь подлинность документа, оглашенного судом?

– Да, за исключением тех ошибок, которые в нем имеются, – а именно: тех слов, которые преувеличивают мое значение. – Я понял, о чем пойдет речь, и сгорал от стыда. – Например, я не говорила: «сдайте Деве» (*rendez a la Pucelle*) – я говорила: «сдайте королю» (*rendez au Roi*); кроме того, я не называла себя «главнокомандующим» (*chef de guerre*). Все эти слова были, наверное, вставлены моим секретарем; возможно, он не расслышал меня или забыл, о чем я говорила.

Отвечая суду, Жанна не смотрела на меня; она чувствовала, в каком я затруднении. Я вовсе не ослышался и ничего тогда не забыл. Я умышленно изменил отдельные выражения, так как она действительно была главнокомандующим и имела право так называться, – это было правильно и уместно; и кто бы сдал крепость ничтожному королю, который в то время был не более как пешкой? Капитуляция была возможна лишь перед благородной Девой из Вокулера, уже знаменитой и могущественной, хотя она еще и не нанесла по врагу ни одного удара.

Ах, какой трагический случай произошел бы тогда со мной, если бы эти безжалостные судьи узнали, что писец, которому было продиктовано это воззвание, личный секретарь Жанны д'Арк, присутствует здесь, и не только присутствует, но и помогает составлять протокол; более того, – ему суждено через много-много лет дать показания, изобличающие искажения и ложь, занесенные в судебный протокол по воле Кошона, и предать их действия вечному позору!

– Признаешь ли ты, что сама диктовала это воззвание?

⁵⁵...ты получила письмо от графа д'Арманьяка. — Гасконский феодал, могущественный вассал французской короны граф Пьер д'Арманьяк (1380? —1456) был отлучен «законным» папой и намеревался просить его прощения за временную приверженность одному из самозванных пап.

– Признаю.

– Раскаиваешься ли ты? Отрекаешься ли от него? Она воскликнула с негодованием:

– Нет! Даже эти цепи, – она потрясла цепями, – даже эти цепи не смогут охладить надежд, выраженных мною в воззвании. Более того!..

Она встала и гордо выпрямилась; лицо ее сияло дивным светом, и слова потоком полились из ее уст:

– Предупреждаю вас, не пройдет и семи лет, как на англичан обрушится бедствие, – да, бедствие во много раз ужаснее, чем падение Орлеана! и...

– Молчать! Садись!

–... и наступит время, когда они лишатся, всех своих завоеваний во Франции!

Учтите следующее. Французской армии уже не существовало. Дело освобождения Франции заглохло, король бездействовал, не было даже намека на то, что со временем коннетабль Ришмон выступит в поход, чтобы продолжить и довести до конца великое дело Жанны д'Арк. И несмотря на это, Жанна предсказывала с полной уверенностью, и ее предсказание сбылось!

Через пять лет, в 1436 году, Париж пал, и наш король вступил в него под развевающимися знаменами победы. Итак, первая половина пророчества сбылась; в сущности, сбылась и вторая половина, ибо, когда Париж оказался в наших руках, все остальное было уже обеспечено.

Двадцать лет спустя вся Франция стала нашей, за исключением одного лишь города – Кале.

Вспоминается более раннее предсказание Жанны. Собираясь взять Париж – и она легко могла это сделать, если бы король согласился, – она сказала, что теперь самая золотая пора; что, захватив Париж, мы овладеем всей Францией в шесть месяцев. Но если эта золотая пора будет упущена, понадобится двадцать лет, чтобы освободить Францию.

И она была права. После того как в 1436 году пал Париж, дело подвигалось медленно; приходилось брать город за городом, крепость за крепостью, и на все это ушло ровно двадцать лет.

Да, именно в первый день марта 1431 года здесь, на суде, публично, она произнесла свои знаменитые пророческие слова. Иногда бывает, что предсказания сбываются, но если всмотреться и разобраться поглубже, всегда возникает подозрение – а не записаны ли они задним числом. Здесь же совсем другое. Предсказание Жанны было занесено в официальный протокол в тот же час и в ту же минуту, то есть за много лет до его исполнения, и вы можете прочесть его там и сегодня. Спустя двадцать пять лет после смерти Жанны протокол этот был оглашен на Великом процессе по реабилитации и клятвенно удостоверен Маншоном и мною; оставшиеся в живых члены суда также подтвердили подлинность данного документа.

Поразительное пророчество Жанны в этот столь знаменательный день 1 марта вызвало большое волнение, и прошло немало времени, пока все успокоились. Волнение вполне естественное, ибо всякое пророчество вызывает суеверный страх, независимо от того, считают ли его исходящим из преисподней или от духа святого. Во всяком случае, эти люди были твердо убеждены в том, что вдохновение невозможно без вмешательства могущественных, таинственных сил, и готовы были пойти на все, чтобы узнать, из какого источника оно берет свое начало.

Допрос возобновился.

– Откуда ты знаешь, что все это так и будет?

– Мне было откровение. Я знаю это так же точно, как и то, что вы сидите здесь передо мной.

Такого рода ответ не смягчил накала страстей. Поэтому, задав еще несколько незначительных вопросов, судья оставил эту скользкую тему и перешел к другой, которая была ему более по вкусу.

– На каком языке говорят твои «голоса»?

– На французском.

– И святая Маргарита тоже?

– Конечно, а почему бы нет? Она стоит за нас, а не за англичан.

Итак, святые и ангелы – и те не желают говорить по-английски! Какое оскорбление! Их нельзя было привлечь к суду и покарать за неуважение к властям, но трибунал мог молчаливо принять во внимание замечание Жанны и, запомнив его, использовать против обвиняемой, что

он впоследствии и сделал. Судьи не брезговали ничем.

– Скажи, носят ли твои святые ангелы драгоценности – диадемы, перстни, серьги?

Жанна считала подобные вопросы глупыми, вздорными, недостойными внимания; она отвечала на них с полным безразличием. Но в данном случае это ей нечто напомнило, и она обратилась к Кошону:

– У меня было два перстня. Их отняли у меня при взятии в плен. Один из них я вижу у вас. Это подарок моего брата. Возвратите его мне. А если не мне, то прошу вас пожертвовать его церкви.

У судей возникло подозрение, что эти перстни предназначались для волшебства и чародейства, и они сразу же ухватились за эту мысль.

– Где второе кольцо?

– Его отобрали бургундцы.

– Откуда ты его получила?

– Мне подарили его родители.

– Расскажи, какое оно.

– Оно простое и гладкое, на нем вырезана надпись: «Иисус и Мария».

Каждому было ясно, что это совсем неподходящее орудие для свершения дьявольских дел. След оказался ложным. Однако, чтобы еще раз убедиться в этом, кто-то из судей спросил Жанну, не лечила ли она больных прикосновением перстня. Она ответила: «Нет».

– Теперь расскажи нам о феях, обитавших возле Домреми, существование которых подтверждается многочисленными слухами. Говорят, однажды в летнюю ночь твоя крестная мать застала этих духов пляшущими под деревом, именуемым «Волшебным Бурлемонским буком». Скажи, быть может, твои мнимые святые и ангелы и есть те самые феи?

– А это включено в обвинительный акт? – спросила Жанна и умолкла.

– Ты не беседовала со святой Маргаритой и святой Екатериной именно под этим деревом?

– Не помню.

– Или у родника около дерева?

– Да, временами.

– Какие обещания они тебе давали?

– Только те, которые исходили от бога.

– Какие же именно?

– Этого нет в акте, но я вам отвечу: они сообщили мне, что король обретет власть в своем королевстве вопреки всем врагам своим.

– А еще что?

Никакого ответа. Потом она смиренно сказала:

– Они обещали ввести меня в рай.

Если лица действительно выражают то, что у людей на душе, то на лицах многих в эту минуту мелькнуло подобие раскаяния и страха: а не занимаются ли они здесь преступной травлей избранницы и вестницы божьей? Интерес еще более усилился. Движение и шепот прекратились; напряженная тишина почти угнетала.

Вы, вероятно, заметили, что почти с самого начала характер вопросов, задаваемых Жанне, показывал, что в значительной степени спрашивающий заранее знал то, о чем спрашивал. Вы также, должно быть, заметили, что они обычно знали, как и где именно выискивать ее секреты, что она в сущности так или иначе знала ее главные тайны – чего она никак не подозревала – и лишь стремились разными коварными методами заставить ее публично выдать их.

Вы помните Луазелера, этого лицемера, священника-предателя, пешку в руках Кошона? Помните, что на исповеди Жанна свободно и доверчиво призналась ему во всем, кроме лишь тех немногих божественных откровений, о которых «голоса» запретили ей сообщать кому бы то ни было, и что бесчестный судья Кошон, спрятавшись, все время подслушивал ее исповедь?

Вам понятно теперь, что эти инквизиторы могли придумывать бесчисленное множество мелких, каверзных вопросов, – вопросов, тонкость, точность и изощренность которых были бы просто необъяснимы, если бы не был известен их источник – подлая проделка Луазелера.

Ах, епископ города Бовэ, как ты проклинаешь теперь свою жестокость и вероломство, про-
быв столько лет в аду! Кто поможет тебе? Кто заступится за тебя? Лишь одна душа, среди душ,
искупивших грехи свои, может пожалеть тебя и, протянув руку милосердия, извлечь тебя из ге-
енны огненной – это душа благородной Жанны д'Арк! Быть может, она уже спасла тебя.

Но вернемся к процессу.

– Они давали тебе еще какие-нибудь обещания?

– Да, но этот вопрос не предусмотрен актом. Теперь я не могу этого сказать, но не пройдет
и трех месяцев, как все станет известно.

Судья, по-видимому, знал то, о чем спрашивал; его выдал следующий вопрос:

– Сообщили ли тебе твои «голоса», что через три месяца ты будешь освобождена?

Жанна часто обнаруживала некоторое удивление при удачных догадках судей; она не
скрыла своего удивления и на этот раз. Меня же приводило в ужас, что мой разум (который я не
мог контролировать) критически относится к этим «голосам» и внушает мне: «Они тут как тут и
советуют ей говорить смело, то есть делать то, что она сделала бы и без посторонней помощи, но
когда следовало бы предостеречь ее, например, объяснить ей, как эти заговорщики умудряются
так ловко проникать в ее дела, – их нет, они отсутствуют, оставляя ее одну». Я от природы бого-
боязнен, и когда такие мысли приходили мне в голову, я трепетал от страха, а когда случалась в
ту пору гроза с громом и молнией, я чувствовал себя таким больным и разбитым, что с трудом
мог принудить себя оставаться на месте и продолжать свою работу.

Жанна отвечала:

– Этого нет в обвинительном акте. Я не знаю, когда буду освобождена, но кое-кто из тех,
кто желает, чтобы я покинула этот мир, сами уйдут из него раньше меня.

Это заставило некоторых судей вздрогнуть.

– Сказали тебе твои «голоса», что ты будешь освобождена из тюрьмы?

О, наверное они говорили, и судья хорошо это знал.

– Спросите меня об этом еще раз через три месяца, и тогда я отвечу вам точно.

Она умолкла, и лицо ее просветлело, озаренное счастьем – лицо измученной узницы! А я?
А Ноэль Ренгессон, притаившийся там в углу? Да мы были просто захлестнуты волною радости,
окатившей нас с ног до головы! Не знаю, как мы смогли усидеть и удержаться от роковой оши-
бки – неосторожным движением выразить свои чувства и выдать себя.

Через три месяца она выйдет на свободу. Таков был смысл ее слов; так мы ее и поняли. Так
сказали ей «голоса», и сказали правду, даже сообщили день – 30 мая. Но теперь мы знаем, что
они милосердно скрыли от нее, как именно она будет освобождена; и она пребывала в неведе-
нии. Вернется домой! – вот как мы с Ноэлем тогда поняли ее слова, об этом мы только и мечта-
ли, и теперь мы готовы были считать дни, часы, минуты. Они пролетят быстро; не успеешь огля-
нуться – и все кончится. Мы на руках принесем домой наше божество, и там, вдали от суетного
шумного света, заживем прежней счастливой жизнью, как некогда в детстве, – на свежем возду-
хе, согретые солнцем, в дружбе с кроткими овцами и добродушными людьми, в своем кругу,
среди прелестных лугов, лесов и рек, в блаженном спокойствии. Да, об этом мы мечтали все эти
три месяца, вплоть до страшной развязки, самая мысль о которой, мне кажется, убила бы нас,
если б мы знали о ней раньше и если б нам пришлось хранить эту горькую тайну в своих сердцах
хотя бы даже в течение половины тех тяжелых дней.

Мы толковали ее предсказание так. В душе короля все же заговорит совесть, и он вместе со
старыми боевыми друзьями Жанны, ее соратниками – герцогом Алансонским, бастардом Дюнуа
и Ла Гиром, решит спасти Жанну, и что ее освободят в конце этого трехмесячного срока. Итак,
наши мысли были подготовлены, и мы надеялись принять в этом деятельное участие.

На нынешнем и на последующих заседаниях от Жанны требовали, чтобы она в точности
назвала день своего освобождения, но этого она не могла сделать. Этого не разрешали ей «голо-
са». Более того, «голоса» не называли ей точной даты. Но после того как исполнилось пророче-
ство, я всегда был убежден, что Жанна видела свое избавление в смерти. Но не в такой смерти!
Исполненная божественного наития, неустрашимая в бою, она все же оставалась человеком. Она
была не только святой, не только ангелом; она была также девушкой из плоти и крови, – такой

же точно земной девушкой, как и всякая другая, полной нежности, чувствительности и любви. И вдруг – такая смерть! Нет, мне кажется, она не могла бы прожить те три месяца, предвидя такой исход. Вы помните, что когда она впервые была ранена, она испугалась и заплакала, – точно так же, как сделала бы всякая другая семнадцатилетняя девушка, хотя она и знала за восемнадцать дней вперед, что будет ранена в тот самый день. Нет, она не боялась обычной смерти, и, как мне думается, обычная смерть была в ее представлении лишь таинственной гранью перед просторами жизни вечной, ибо на лице ее было выражение радости, а не ужаса, когда она произносила свое пророчество.

Теперь объясню, почему я так думаю. За пять недель до ее пленения в сражении под Компьеном «голоса» уже предсказали ей то, что должно было случиться. Они не назвали ей ни числа, ни места, но сказали, что ее возьмут в плен и что это свершится накануне праздника святого Иоанна. Она просила: если смерть неизбежна – пусть она будет мгновенной, если плен неизбежен – пусть он будет недолгим, ибо душа ее возлюбила свободу и не приспособлена к ограничениям. «Голоса» не дали ей никаких обещаний, а лишь велели ей мужаться и твердо переносить все невзгоды и испытания. Но так как они не отказали ей в скоростижной смерти, то такое полное надежд юное существо, как Жанна, естественно, удовлетворилось и этим, лелея свою мечту о жизни будущей. И теперь, когда ей внушили, что она будет «освобождена» через три месяца, мне кажется, она поверила, что умрет внезапно на своей постели в тюрьме; вот почему она была так счастлива и довольна – перед ней открывались врата рая, она навсегда избавится от бранных забот; и срок был так краток, и награда так близка... И это придавало ей силы, она выдержала и довела бой до конца, как и подобает солдату – спасай себя, защищайся, борись до последней возможности, а если ее нет, умри храбро, лицом к врагу.

Уже потом, когда она обвиняла Кошона в попытке отравить ее рыбой, убеждение (если только у нее было такое убеждение, а я уверен, что оно у нее было), убеждение, что ее «освободит» смерть в тюрьме, должно было значительно укрепиться, и это понятно.

Но я увлекся и отошел от главной темы. Жанну попросили точно назвать время, когда она будет освобождена из заключения.

– Я много раз повторяла, что мне не разрешено обо всем говорить вам. Меня освободят, но я должна испросить у моих голосов позволения сообщить вам, в какой именно день это будет. Вот почему я хотела бы, чтобы с этим не торопились.

– Так что ж, – твои «голоса» запрещают тебе говорить правду?

– Быть может, вам желательно узнать что-либо о короле Франции? Я повторяю еще раз, он вернет свое королевство. Я это знаю так же твердо, как и то, что нахожусь в вашем присутствии. – Она вздохнула и, после краткой паузы, добавила: – Меня бы уже не было в живых, если бы не это откровение, которое всегда утешает меня.

Ей задали еще несколько незначительных вопросов об одеждах снятого Михаила и его внешнем виде. Она отвечала на них с достоинством, но было заметно, что это ей причиняет обиду. Помедлив немного, она сказала:

– Я счастлива при его появлении; когда я вижу его, я чувствую, что пребываю вне смертного греха... Иногда святая Маргарита и святая Екатерина позволяют мне исповедоваться им, – добавила она совсем наивно.

Судьям опять представилась возможность расставить сети перед этой детской наивностью.

– Скажи, когда ты исповедовалась, думала ли ты, что находишься под бременем смертного греха?

Но ответ ей нисколько не повредил. Тогда судьи еще раз обратились к откровениям, ниспосланным королю, – к тем тайнам, которые они столь упорно пытались выведать у Жанны, но всегда безуспешно.

– Итак, королю явилось знамение...

– Я уже говорила, что ничего не скажу вам об этом.

– Знаешь ли ты, какое это было знамение?

– Не спрашивайте. Ответа не будет.

Речь идет о секретной встрече Жанны с королем; переговоры велись с глазу на глаз в при-

сутствии лишь двух-трех посторонних. Стало известно – с помощью Луазелера, конечно, – что знаменем этим явилась корона, удостоверившая истинность призвания Жанны.

Все это остается тайной и по сей день – я имею в виду происхождение данной короны – и тайна эта непостижима. Мы никогда не узнаем, настоящая ли корона спускалась на голову короля или только ее символ, чудесный образ, созданный воображением.

– Скажи, ты видела корону на голове короля, когда ему было откровение?

– Не могу вам сказать этого, я дала клятву.

– Не эта ли самая корона была предложена королю в Реймсе?

– Я полагаю, король возложил себе на голову ту корону, которая была в соборе; другая, более драгоценная, была ему доставлена позже.

– А ты ее видела?

– Я поклялась молчать об этом. Но, видела я ее или нет, я слышала, что она была драгоценна и великолепна.

Они терзали ее расспросами об этой таинственной короне до изнеможения, но так ничего и не выпытали. Заседание закончилось. Тяжелый это был день для всех нас.

Глава X

Суд отдыхал день, потом снова приступил к работе в субботу, 3 марта.

Это было одно из самых бурных заседаний. Трибунал вышел из терпения, и не без причины. Эти пять дюжин выдающихся церковников, известных тактиков и столпов закона, покинули свои высокие посты, где требовалась их неусыпная бдительность, чтобы прибыть сюда из разных провинций и совершить простейшее и легчайшее дело: осудить и послать на казнь сельскую девушку девятнадцати лет, которая не умела ни читать, ни писать, не разбиралась в уловках и хитростях судопроизводства, не могла выставить от себя ни одного Свидетеля, которой не разрешили иметь ни защитника, ни советника и вынудили вести дело самой против хищного волка-судьи и стаи подтасованных заседателей. Не пройдет и двух часов, как она будет сбита с толку, безнадежно запутана, разбита и осуждена. Никто в этом не сомневался. Но они просчитались. Два часа растянулись на много дней; то, что обещало быть лишь мелкой стычкой, превратилось в длительную осаду; простое и легкое – в действительности оказалось поразительно трудным; жертва, которую собирались сдунуть, как перышко, стояла нерушимо, как скала; и в итоге получалось – если кто-либо и имел право смеяться, то только лишь эта деревенская девушка, а не судьи.

Однако она не смеялась: – это было ей несвойственно; зато смеялись другие. Весь город хохотал в рукав; суд знал об этом, и его достоинство было жестоко уязвлено. Церковники не могли скрыть своей досады.

Итак, как я уже сказал, заседание было бурным. Все видели, что эти люди задались целью вырвать сегодня у Жанны такие признания, которые должны были ускорить судебный процесс и привести его к желаемой развязке. Это свидетельствует, что, после всех своих многочисленных проб и экспериментов, они по-прежнему не знали ее. Начался жаркий бой. Вопросы задавались не одним лицом, а при активном участии всей коллегии. Жанну обстреливали отовсюду. Судьи засыпали ее вопросами, и она вынуждена была охлаждать их пыл и просить их вести огонь поочередно, а не всем взводом сразу. Начало было обычным:

– Мы еще раз требуем, чтобы ты принесла присягу – говорить только правду и отвечать на все вопросы.

– Я намерена отвечать на вопросы, предусмотренные обвинительным актом. Если же пожелаю сказать больше, скажу лишь то, что сама найду нужным.

– Сражение на прежних позициях возобновилось с небывалым ожесточением, дрались за каждый вершок, прибегали к угрозам и запугиваниям, но Жанна не сдавалась, и наступающие решили действовать в обход. Полчаса ушло на расспросы о видениях: во что они были одеты, какие у них волосы, каков их внешний облик и тому подобное, и все это в надежде выудить хоть что-нибудь такое из ее ответов, что могло бы ей повредить; результат был равен нулю.

Не забыли, конечно, и ее мужской одежды. Пережевав десятка два давно известных вопросов, выдвинули два-три новых.

– Просили ли тебя когда-нибудь король или королева снять мужскую одежду?

– Это к делу не относится.

– Думаешь ли ты, что совершила бы грех, если бы снова облеклась в одежды, приличествующие твоему полу?

– Я служу господу богу и повинуюсь его велениям. Немного погодя они стали расспрашивать о знамени Жанны в надежде приписать ей колдовство и магию.

– Носили ли твои солдаты подобие твоего знамени на своих флажках?

– Да. Копьеносцы моей личной охраны. Это делалось для того, чтобы отличить их от других войск. Причем не по моему желанию, а по их собственному.

– Эти флажки обновлялись?

– Да. Сломав копье, флажок обновляли. Цель этих вопросов сразу же выяснилась.

– А не говорила ли ты солдатам, что флажки с изображением твоего знамени приносят удачу?

Воинский дух Жанны был оскорблен этим наглым вопросом. Она гордо выпрямилась и, сверкнув глазами, дала достойный отпор: – Я им всегда говорила: «Бейте врагов, бейте англичан!» и сама показывала им пример.

Всякий раз, когда она бросала подобные изобличающие слова в лицо этим французским лакеям в английских ливреях, они приходили в бешенство. Десять, двадцать, тридцать человек вскакивали, как ужаленные, орали, топали ногами, но Жанна ничуть не смущалась. Так было и на этот раз.

Наконец, все успокоилось, и допрос продолжался.

Теперь они пытались обратить против Жанны те многие почести, которые ей оказывались, когда она поднимала Францию из грязи и позора столетнего рабства.

– Ты не заставляла изображать себя на картинах и портретах?

– Нет. В Аррасе я видела картину, изображающую меня в доспехах, коленопреклоненной перед королем и вручающей ему пергамент, но сама я не заказывала ничего подобного.

– Служили ли в твою честь мессы и молебны?

– Если это делалось, то вовсе не по моему приказанию. Но если кто и молился за меня – я думаю, в этом нет ничего дурного.

– Верили французы, что ты послана богом?

– Не знаю, верили они этому или нет, но все же я его посланница.

– Если они верили, что ты послана богом, мыслишь ли ты, что это хорошо?

– Если они верили, их вера не была обманута.

– Как ты мыслишь, что побуждало людей целовать тебе руки, ноги и одежду?

– Им радостно было меня видеть, и они проявляли свою радость; я не смогла бы воспрепятствовать им при всем моем желании. Бедные люди приходили ко мне с любовью, – ведь я не причиняла им зла; напротив, я делала для них все, что было в моих силах.

Обратите внимание, как просто, с какой предельной скромностью рассказывала она об этом трогательном зрелище – ее шествии по дорогам Франции среди ликующей толпы: «Им радостно было меня видеть!» Радостно? Еще бы! Да они были вне себя от радости, увидев ее! Когда они не могли целовать ее руки или ноги, они падали на колени в грязь и целовали следы копыт ее коня. Они боготворили ее, а это и пытались доказать церковники. Бессовестные судьи не придавали значения тому, что она не ответственна за поступки других. Ее обожали – и этого достаточно: значит, она повинна в смертном грехе. Странная логика, не правда ли!?

– Ты была крестной матерью младенцам, которых крестили в Реймсе?

– В Труа я крестила детей, и в Сен-Дени тоже; мальчикам я давала имя Карл, в честь короля, а девочкам – Жанна.

– Касались ли женщины своими кольцами твоих перстней?

– Да, многие; но я не знаю, зачем они это делали.

– Вносилось ли твое знамя в Реймский собор? Стояла ли ты у алтаря со знаменем в руке во

время коронавания?

– Да.

– Во время походов по стране ты когда-нибудь исповедовалась и причащалась в церквах?

– Да.

– В мужской одежде?

– Да. Только я не помню, были ли на мне доспехи.

Это была почти уступка; возможно, она забыла о разрешении, данном ей церковью в Пуатье. Коварный суд сразу же перешел к другим вопросам, отвлекая внимание Жанны от допущенной ею маленькой оплошности, ибо в силу своей природной сообразительности она легко могла догадаться и защитить себя. Бурное заседание притупило ее бдительность.

– Есть сведения, что ты оживила мертвого ребенка в церкви в Ланьи. Ты этого достигла своими молитвами?

– Право, не знаю. Много девушек молилось за ребенка, я присоединилась к ним, и мы молились вместе.

– Продолжай!

– Пока мы молились, ребенок ожил и заплакал. Он был мертв уже три дня и был черен, как мой камзол. Его немедленно окрестили, но он опять ушел из жизни и был похоронен в освященной земле.

– С какой целью ты пыталась бежать, прыгая ночью с башни в Боревуаре?

– Мне хотелось помочь осажденному Компьену.

Ей вменяли в вину попытку совершить тягчайшее преступление – самоубийство, чтобы избежать плена и не попасть в руки англичан.

– Не утверждала ли ты, что скорее готова умереть, чем быть отданной в руки англичан?

Жанна отвечала откровенно, не замечая ловушки:

– Да, я сказала: пусть лучше душа моя вернется к богу, чем ей томиться в неволе у англичан.

Теперь ее старались обвинить в том, будто она, возвратившись в тюрьму после неудачного побега, в раздражении поносила имя божье и будто она еще раз изрыгала на бога хулу, узнав об измене коменданта Суассона⁵⁶. Возмущенная клеветой, Жанна воскликнула:

– Это неправда! Я не могла кощунствовать. Не в моих привычках говорить дурные слова.

Глава XI

Объявили перерыв. Да и пора было. Кошон в этой битве терял под ногами почву. Жанна захватывала одну позицию за другой. Появились признаки, что и в самой судейской коллегии кое-кто из ее членов, увлеченный бесстрашием и находчивостью Жанны, ее моральной стойкостью, непреклонностью, благочестием, простотой и чистосердечием, ее невинностью, благородством характера, светлым умом и той справедливой, мужественной борьбой, которую она вела в одиночку, без друзей и защитников, при таком неравном соотношении сил, стал относиться к ней мягче. Были веские основания для опасений, что смягчение сердец будет продолжаться и рано или поздно поставит планы Кошона под угрозу.

Надо было что-то делать, и кое-что было сделано. Кошон не отличался добротой, но теперь и он доказал, что это качество не чуждо его натуре. Он пожалел бедных судей, уставших от длительных заседаний, и счел возможным ограничить их количество, ибо для ведения процесса было вполне достаточно нескольких человек. О милосердный судия! Но он не вспомнил о мучениях, которым подвергалась маленькая пленница!

Он разрешит всем членам суда, за исключением немногих, не присутствовать на заседаниях, но этих немногих он выберет сам. Так он и поступил. Конечно, он выбрал тигров. Если в эту

⁵⁶...узнав об измене коменданта Суассона. — Военный комендант Суассона, Гишар Гурнель, назначенный от имени короля Карлом VII охранять город от бургундцев, не пустил на постой в город французские войска и, нарушив клятвенное обещание, за крупную сумму уступил Суассон герцогу Бургундскому.

стаю и затесалось случайно два-три ягненка, то только лишь по недосмотру; обнаружив их, он бы знал, как с ними обойтись.

Теперь он собирал коллегия в узком составе, и в течение пяти дней они тщательно анализировали многочисленные протоколы с показаниями Жанны. Они отбрасывали всю шелуху, все, с их точки зрения, бесполезное – то есть все то, что могло бы говорить в пользу Жанны; и, напротив, оставляли только то, что, собранное вместе, могло повредить ей. И эти материалы они положили в основу нового процесса, который и по форме и по содержанию явился продолжением прежнего. И еще одно новшество. Было ясно, что открытый процесс успеха не предвещал; о заседаниях суда толковали по всему городу, и многие сочувствовали несчастной пленнице. С этим надо было покончить. Отныне заседания стали закрытыми и публика в крепость не допускалась. Итак, Ноэль больше не сможет приходить. Я передал ему эту новость. У меня не хватило сил лично сообщить ему об этом. Мне хотелось, чтобы он хоть немного успокоился, прежде чем я увижусь с ним вечером.

10 марта начались закрытые заседания. Прошла неделя с того дня, как я в последний раз видел Жанну. Ее вид испугал меня. Она выглядела усталой и ослабевшей. Она была апатична и рассеянна, и ее ответы показывали, что она подавлена и не может уследить за всем, что здесь делается и говорится. Всякий другой суд постыдился бы воспользоваться ее болезненным состоянием – здесь решался вопрос ее жизни – и, щадя подсудимую, отложил бы рассмотрение дела. Поступил ли так данный суд? Нет. Он изматывал ее часами, изматывал со злорадством и яростью, делая все, что было в его силах, чтобы использовать этот удобный случай до конца, первый такой случай за все время с начала процесса.

Ее брали измором до тех пор, пока она не стала давать противоречивые показания о «знамени» королю; на следующий день продолжалось то же самое, час за часом. В итоге она частично проговорила о некоторых деталях, которые ей запретили разглашать ее «голоса». Я даже заметил, что в своих показаниях она выдавала за действительное то, что на самом деле являлось аллегориями и смесью фантастического с реальным.

На третий день Жанна чувствовала себя лучше и выглядела менее усталой. Она была почти в норме и хорошо вела свое дело. Было немало попыток втянуть ее в разговор об интимных вещах, но она разгадала замысел судей и отвечала умно и осмотрительно.

– Известно ли тебе, что святая Екатерина и святая Маргарита ненавидят англичан?

– Они любят тех, кого возлюбил господь, и ненавидят тех, кого ненавидит господь.

– А разве бог ненавидит англичан?

– Мне неизвестно, любит или ненавидит бог англичан. Но я твердо знаю, что бог пошлет победу французам и что все англичане, кроме разве мертвых, будут выброшены из Франции! – Последнюю фразу она произнесла звонким голосом, с прежней воинской отвагой.

– Был ли господь на стороне англичан, когда они преуспевали во Франции?

– Я не знаю, гневается ли господь на французов, но я думаю – это им божья кара во искупление грехов.

Конечно, было довольно наивно отчитываться за кару, которая длится более девяноста шести лет. Но никто не находил в этом ничего необычного. Здесь не было ни одного человека, который бы не был способен наказывать грешника девяноста шесть лет подряд, если бы он только мог это сделать, как и не было никого, кто бы допустил даже мысль о том, что божий суд может быть менее строгим, чем суд человеческий.

– Ты когда-нибудь лобызалась со святой Маргаритой и святой Екатериной?

– Да, с обеими.

Злое лицо Кошона передернулось от удовольствия.

– Когда ты развешивала венки на Волшебном дереве Бурлемона, ты делала это в честь своих видений?

– Нет.

Снова удовлетворение. Теперь, несомненно, Кошон будет считать доказанным, что она развешивала их там в знак преступной любовной связи с нечистой силой.

– Когда перед тобой являлись святые, воздавала ли ты им почести, становилась ли на коле-

ни?

– Да, я кланялась им и воздавала самые высокие почести, какие могла.

Снова удачная зацепка для Кошона на тот случай, если ему удастся доказать, что эти столь чтимые ею святые были вовсе не святыми, а дьяволами в образе святых.

Теперь суд начал выяснять, почему Жанна держала в тайне от родителей эту свою сверхъестественную связь с видениями. Отсюда вытекало многое, и это было подчеркнуто в особом замечании, записанном на полях обвинительного акта: «Она скрывала свои видения от родителей и от всех». Полагали, что факт сокрытия подобных действий может сам по себе служить доказательством сатанинского происхождения ее миссии.

– Считаешь ли ты, что поступила правильно, отправившись на войну против воли родителей? В писании сказано: чти отца своего и мать свою.

– Я чту их и слушаюсь во всем, кроме этого, А за то, что ушла на войну, я просила у них прощения в письме, и они простили меня.

– Ах, ты просила у них прощения? Значит, ты сознавала свою вину и, стало быть, свой грех в том, что ушла без их согласия?

Жанна вздрогнула. Глаза ее сверкнули, и она воскликнула:

– Я была послана богом и ушла по праву! Будь у меня хоть сто отцов и сто матерей, если бы я даже была дочерью короля, – я все равно ушла бы.

– А ты никогда не спрашивала у своих «голосов» разрешения довериться родителям?

– Они, конечно, не возражали; но я ни за что на свете не решилась бы огорчить отца и причинить боль матери.

По мнению судей, такое упрямство проистекало от гордыни. А всякая гордыня может привести к кошунственному поклонению.

– Твои «голоса» не называли тебя дочерью господней?

В простоте души Жанна ответила, ничего не подозревая:

– Да, перед осадой Орлеана и после нее они несколько раз называли меня дочерью божьей.

Началось выискивание новых фактов проявления ее гордости и тщеславия.

– На каком ты ездила коне, когда попала в плен? Кто тебе его дал?

– Король.

– У тебя были еще какие-нибудь ценные вещи от короля?

– Для личного пользования у меня были кони и оружие и, конечно, деньги для выплаты жалованья людям из моей свиты.

– А разве у тебя не было казны?

– Была. Десять или двенадцать тысяч крон. – Сказав это, она добавила с наивностью: – Не очень-то велика сумма для ведения войны.

– Стало быть, ты имела казну?

– Нет. Это были деньги короля, и хранились они у моих братьев.

– Отвечай, что за оружие ты пожертвовала на алтарь в церкви Сен-Дени?

– Мои серебряные доспехи и меч.

– Ты оставила эти предметы для поклонения?

– Нет. Я их с благодарностью пожертвовала. У военных людей, особенно у тех, кто был ранен, вошло в обычай дарить церкви свое любимое оружие. Меня ведь тоже ранили под Парижем.

Ничто не трогало эти каменные сердца, эти тупые головы, и даже эта умилительная, так просто нарисованная картина, как раненная девушка-воин вешает в церкви свои игрушечные доспехи по соседству с мрачными и запыленными панцирями исторических защитников Франции, не взволновала судей. Ревниво и злобно они хватались за малейшее доказательство, чтобы погубить невинную, и только это волновало их.

– Кто кому помогал: ты знамени, или знамя тебе?

– А разве это имеет значение? Победы исходили от бога.

– Стремясь к победе, ты надеялась на себя или на свое знамя?

– Ни на себя, ни на знамя. Я надеялась на бога.

– А разве не твоим знаменем осенили короля во время коронации?

– Нет, оно было в стороне.

– Как же случилось, что именно твое знамя, а не знамена других военачальников, было выставлено в Реймском соборе при короновании короля?

И негромко, почти шепотом, были произнесены те замечательные слова, которым суждено жить на всех языках и наречиях и волновать отзывчивые сердца везде, куда бы они ни проникли, с начала и до конца времен:

– За бранный труд была ему и почеть.⁵⁷

Как просто и как прекрасно! Ученое красноречие мастеров ораторского искусства бледнеет перед этими словами! Красноречие было врожденным даром Жанны

д'Арк; слова лились из ее уст легко и свободно. Они были возвышенны, как ее дела, благородны, как ее натура, их источником было великое дело, а чеканщиком – великий ум.

Глава XII

На этот раз ближайшим мероприятием этого закрытого судилища специально подобранных святейших убийц была такая подлость, что даже теперь, в старости, мне трудно говорить о ней без содрогания.

С самого начала общения с «голосами» в Домреми дитя Жанна торжественно посвятила свою жизнь богу, дав обет служить ему непорочно телом и душой. Вспомните, как родители Жанны пытались отвлечь ее от войны и с этой целью привели ее в суд в Туль, надеясь заставить вступить в брак, от которого она навсегда отказалась, с нашим бедным другом – славным, могучим, ветреным, долговязым воином-рубакой, светлой памяти знаменосцем Паладином, который пал смертью храбрых в честном бою и в бозе покоится вот уже более шестидесяти лет – мир праху его! Вспомните также, как шестнадцатилетняя Жанна предстала там перед почтенными судьями и провела все дело сама: разорвала жалкие домогательства бедного Паладина в клочки и развеяла их одним дуновением, и как изумленный престарелый судья назвал ее «чудо-ребенком».

Все это вы помните. Теперь представьте, что я чувствовал, видя, как эти вероломные служители церкви здесь, в трибунале, где Жанна, как и раньше, уже в четвертый раз за три года вела в одиночку неравный бой, умышленно все извратив, старались доказать, что сама Жанна потащила Паладина в суд под тем предлогом, что он якобы обещал жениться на ней, и хотела насильно заставить его выполнить взятое обязательство.

Поистине, кажется, не было такого грязного закоулка, который эти люди не постыдились бы обшарить в своем подлом намерении лишить жизни беззащитную девушку. Они стремились любыми средствами доказать, что она совершила тяжкий грех: отреклась от своего первоначального обета безбрачия и пыталась нарушить его.

Жанна подробно изложила истинную суть дела, но под конец вышла из терпения и заключила речь словами, адресованными самому Кошону, – словами, которых он не забудет никогда, независимо от того, влачит ли он свое жалкое существование в этом брэнном мире или успел переселиться на жительство в ад.

Во второй половине этого дня и в начале следующего суд пережевывал старую тему – вопрос о мужской одежде Жанны; занятие низкое и недостойное серьезных людей, ибо им были хорошо известны причины, почему Жанна предпочитала мужскую одежду женской: спала ли она или бодрствовала, солдаты ее личной охраны всегда находились в ее комнате, и мужская одежда являлась лучшей защитой ее стыдливости, чем любая другая.

⁵⁷ То, что она сказала, переводилось много раз, но всегда безуспешно. Приведенная здесь строка — лишь безжизненный слепок с великолепного оригинала, не поддающегося точному переводу на наш язык. Мысль и форма оригинала непередаваемо свежи и изящны. Вот эти слова: «Il avait été à la peine, c'était bien raison qu'il fut à l'honneur». Прекрасно говорит об этом монсеньор Рикар, почетный викарий при архиепископе Экса, в своем трактате «Невинная Жанна д'Арк», стр. 197: «Этот бессмертный ответ входит в сокровищницу знаменитых изречений, как горестный вопль французской и христианской души, смертельно раненной за свой патриотизм и свою веру». (Примечание М.Твена.)

Суду было известно, что Жанна считала одной из важнейших своих задач вернуть из ссылки герцога Орлеанского, и ему хотелось узнать, как она намеревалась это осуществить. Ее план был деловит и прост, изложение – деловитым и кратким:

– Для его выкупа я бы захватила в плен нужное количество англичан; в том случае, если бы эта моя надежда не оправдалась, я бы вторглась в Англию и освободила его силой.

Таков был ее обычный метод. Поставив перед собой определенную цель, она увлекалась ею и немедленно, без всяких колебаний, начинала действовать. Вздыхнув, она добавила:

– Была бы я свободной хотя бы три года, я бы его спасла.

– Тебе разрешали твои «голоса» бежать из тюрьмы при первой возможности?

– Я просила у них такого разрешения несколько раз, но они мне его не давали.

Мне думается, как я уже сказал, она надеялась, что избавление принесет ей смерть – смерть в стенах тюрьмы до истечения трехмесячного срока.

– Ты бы совершила побег, если бы дверь оказалась открытой?

Она не колеблясь ответила:

– Конечно, ибо я усмотрела бы в этом волю господню. Пословица гласит: «Помогай себе сам, поможет и бог». Но если бы я знала, что нет на то воли божьей, я бы не тронулась с места.

Именно в этот момент случилось нечто такое, что убеждает меня всякий раз, когда я думаю об этом, – я был поражен и тогда – убеждает в том, что на какой-то миг она обратила свои надежды к королю и у нее, точно так же как и у нас с Ноэлем, возникла мысль о побеге с помощью своих преданных соратников. Мне кажется, она страстно желала вырваться на волю, но эта мысль мелькнула и быстро исчезла.

Резкое замечание епископа заставило ее напомнить ему еще раз, что он пристрастный судья и не по праву председательствует здесь и что своим поведением он навлекает на себя большую опасность.

– Какую опасность? – спросил Кошон.

– Не знаю. Святая Екатерина обещала помочь мне, но я не знаю, когда и каким способом. Я не знаю, освободят ли меня из тюрьмы или, когда вы отправите меня на казнь, произойдут волнения и меня освободят по дороге. Не вдаваясь в подробности, скажу вам лишь то, что так или иначе, а избавление придет.

И, помолчав, она произнесла незабываемые слова, смысл которых, возможно, был ей непонятен, – мы этого не знаем и никогда не сможем узнать; слова, смысл которых, быть может, она постигла во всей глубине, – чего опять-таки мы никогда не узнаем; но это были слова, загадочность которых исчезла давным-давно, а их реальное значение открылось перед всем миром:

– Но яснее всего мои голоса сказали, что свободу принесет мне великая победа.

Она умолкла. Сердце мое трепетно билось, ибо для меня эта великая победа означала не что иное, как внезапное вторжение наших доблестных воинов, шум битвы, звон клинков и в финале – освобожденную Жанну д'Арк несут на руках под всеобщее ликование... Но – увы – недолог твой век, сладостная мечта!

Наконец, она вскинула голову и в заключение произнесла те величественные слова, которые так часто повторяются и теперь, – слова, повергшие меня в трепет, ибо они звучали как пророчество:

– И они всегда говорили мне: приемли все, что уготовано тебе, и не скорби о муках своих, ибо через них ты увидишь в царстве небесное.

Думала ли она в эту минуту о костре, о сожжении? Мне кажется, нет. Все это рисовалось лишь в моем воображении, она же, я уверен, думала только о длительных и жестоких мучениях, причиняемых ей цепями, заточением в темнице, глумлением и несправедливостью. Мученичество – какое это все-таки точное определение того, что она вынесла!..

Теперь допрос вел Жан де ла Фонтэн. Он старался извлечь наибольшую выгоду из прежних показаний Жанны:

– Поскольку твои «голоса» пообещали тебе райские блаженства, ты, стало быть, уверена, что это так и будет и что место в аду тебе не уготовано. Не так ли?

– Я верю тому, что они мне говорили. Я знаю, что буду спасена.

– Этот ответ чреват последствиями.

– Сознание того, что я буду спасена, для меня дороже любого сокровища.

– Не думаешь ли ты, что после такого откровения ты не сможешь совершить смертного греха?

– Этого я не знаю. Я надеюсь спастись, строго соблюдая обет держать в чистоте свою душу и тело.

– Поскольку ты наверняка знаешь, что будешь спасена, находишь ли ты для себя нужным исповедоваться?

Западня была подставлена дьявольски хитро, но простой и смиренный ответ Жанны обезвредил ее:

– Никто не может ручаться, что его совесть всегда чиста.

Итак, мы подошли к последнему дню второго этапа процесса. Жанна стойко выдержала все испытания. Это была долгая и утомительная борьба. Были испробованы все способы, чтобы доказать вину невинной, и все они пока что оказались несостоятельными. Инквизиторы были крайне недовольны и раздражены. Но они решили проявить еще одно усилие, заставить себя потрудиться еще один день. Работа возобновилась 17 марта. С первых же минут утреннего заседания Жанне поставили явную ловушку.

– Согласна ли ты предоставить самой церкви судить о всех твоих словах и делах как хороших, так и дурных?

Задумано было неплохо. Жанна была на краю гибели. Если бы она, поспешив, сказала «да», судили бы не только ее, но и ее миссию, и каждый из судей ни минуты не колебался бы, какое решение принять относительно источника и сущности этой миссии. И наоборот: скажи она «нет», она тем самым дала бы повод для обвинения в ереси.

Но она выдержала и этот искуc. Она провела резкую грань между властью церкви над ней как верующей и ее миссией. Она ответила, что любит церковь и готова всеми своими силами поддерживать христианскую веру, но что касается ее миссии, то она подлжит только божьему суду, так как выполнялась по велению всевышнего.

Судья продолжал настаивать, чтобы она согласилась передать все на рассмотрение церкви. Но она возражала:

– Я подчиняюсь только господу богу, пославшему меня. Мне кажется, что он и его церковь составляют одно целое и не может быть разных толкований. – Потом, обратясь к суду, она добавила: – Зачем вы создаете затруднения там, где для них нет никакого основания?

Жан де ла Фонтэн внес поправку в ее представление о единстве церкви. – Есть две церкви, – разъяснил он, – церковь торжествующая – бог, святые, ангелы и спасенные души, обитающие в небесах, и есть церковь воинствующая, в которую входят: святой отец наш папа – наместник бога, прелаты, священники и все верующие христиане-католики; местопребывание этой церкви на земле, она управляется духом святым и не может заблуждаться. Ну так как же, согласна ты подчинить дела свои суду этой воинствующей церкви? – спросил он в заключение.

– Я пришла к королю Франции по указу церкви торжествующей, что на небесах, и этой церкви подчиняются все дела мои. Для церкви воинствующей у меня нет пока иного ответа.

Суд принял к сведению этот прямо выраженный отказ, надеясь извлечь из него выгоду в дальнейшем; но покамест этот вопрос оставили открытым и возобновилась травля по давно проторенному следу – снова вспомнили волшебство, видения, мужскую одежду и все прочее.

После полудня сатана-епископ сам занял председательское кресло и вел заключительное заседание суда до конца. Незадолго до окончания прений одним из судей был задан и такой вопрос:

– Ты заявила его преосвященству епископу, что намерена отвечать ему, как отвечала бы перед самим святым отцом нашим папой, а между тем был ряд вопросов, на которые ты настойчиво отказываешься давать показания. Отвечала бы ты папе более полно и откровенно, чем ты отвечала его преосвященству нашему епископу? Не чувствовала бы ты себя обязанной отвечать более полно его святейшему папе, божьему наместнику?

И тут грянул гром среди ясного неба:

– Доставьте меня к папе! Ему я отвечу на все, на что смогу ответить.

Багровое лицо епископа побледнело от ужаса. Если бы только Жанна знала, если бы она только знала! Случай дал ей возможность подвести мину под этих черных заговорщиков, мину, способную взорвать их всех вместе с епископом и развеять в пух и прах. А она об этом и не догадывалась! Она произнесла эти слова по наитию, не подозревая, какая страшная сила таится в их смысле, и никого не было, чтобы подсказать ей, как использовать эти слова. Я понимал это, понимал и Маншон, и если бы она умела читать, мы, быть может, сумели бы как-нибудь довести это до ее сведения; единственный способ – сообщить устно, но подойти к ней на близкое расстояние, чтобы сказать что-нибудь, было невозможно: никого не подпускали. И вот она сидела там, наша прежняя Жанна д'Арк – победительница, сама не сознавая этого. Она была очень измучена и истощена болезнью и продолжительной борьбой, которую вела в течение всего дня, иначе она непременно заметила бы, какой эффект произвели ее слова, и догадалась бы, в чем дело.

Много она наносила мастерских ударов, но этот был самым удачным. Обращение к Риму было ее неоспоримым правом. И если бы она настояла на нем, весь план Кошона рухнул бы, как карточный домик, и он убрался бы отсюда побитым, опозоренным так, как никто другой в этом столетии. Он был дерзок и крут, но не настолько, чтобы противиться высказанному требованию, если бы Жанна настаивала. Но нет, она была несведуща и, бедняжка, не понимала, какой удар она нанесла в борьбе за свою жизнь и свободу.

Одна Франция – это еще не вся церковь! Рим не был заинтересован в уничтожении этой божьей посланницы. Рим назначил бы над ней правый суд, а это как раз то, что было нужно ее делу. Из такого суда она ушла бы свободной, почитаемой и благословляемой.

Но ей было суждено другое. Кошон сразу же уклонился в сторону и поспешно стал заканчивать допрос.

Когда Жанна, шатаясь, еле побрела, влача за собой звенящие оковы, я чувствовал, что все во мне окаменело, разум словно помутился, и неотвязная мысль сверлила мой мозг: «Вот только-только она произнесла спасительные слова и могла бы выйти на волю, а теперь она идет отсюда на смерть; да, это смерть – я это знаю, я это чувствую. Они удвоят стражу, к ней теперь никого не допустят, пока не вынесут приговор, если ей не сделать намек и если она снова не заговорит о том же».

О, это был самый горький для меня день за все это смутное время.

Глава XIII

Итак, кончился и второй суд над Жанной. Кончился и – никакого определенного результата! Его особенности я описал вам. В одном отношении этот суд был гнуснее предыдущего: пункты обвинения не сообщались Жанне, следовательно, она вынуждена была бороться вслепую. У нее не было возможности обдумывать что-либо заранее, как и возможности предвидеть, какие ловушки ей могут расставить впереди, и приготовиться к ним. Поистине, это было постыдное преимущество над девушкой, лишенной всего.

Однажды опытному адвокату из Нормандии, некоему мэтру Лойе, случилось быть в Руане во время суда, и я приведу вам его мнение об этом процессе, чтобы вы убедились в честности и беспристрастности, моего изложения и что мои симпатии к обвиняемой не оказывали на меня никакого влияния, когда я говорил о непорядочности и неправомочности этого судилища. Кошон предъявил адвокату Лойе обвинительный акт и спросил, что он думает о процессе. Тот сказал, что вся процедура суда недействительна и незаконна по следующим причинам: 1) потому что разбирательство дела велось на закрытых заседаниях и не было обеспечено полной свободы слова и действия всем присутствовавшим; 2) потому что процесс касался чести монарха Франции, а между тем он не был приглашен в суд, чтобы защищать себя, и никто другой не был назначен в качестве представителя для защиты его интересов; 3) потому что подсудимой не были вручены материалы обвинения; 4) потому что обвиняемая, несмотря на молодость и неопытность, вынуждена была защищаться сама, без помощи адвоката, хотя на карту была поставлена ее жизнь.

Удовлетворил ли этот отзыв епископа Кошона? Нет, конечно. Он разразился дикими проклятиями и пригрозил утопить адвоката. Лойе бежал из Руана, а потом поспешно покинул Францию и тем самым спас свою жизнь. Итак, как я уже сказал, и вторичное рассмотрение дела не дало нужного результата. Но Кошон не уступал. Он мог выдвигать все новые и новые козыри, если понадобится. Ему была полуобещана великолепная награда – архиепископство Руанское, при условии, конечно, если ему удастся сжечь на костре тело и послать в ад душу этой юной девушки, никогда не причинявшей ему никакого зла; а подобная награда для такого человека, как епископ из Бовэ, стоила того, чтобы сжечь и заклеить проклятием не только одну, но и полсотни безобидных девушек.

И вот на другой день он снова взялся за дело с еще большим рвением и злорадно хвастался, что на этот раз непременно добьется своего. Ему и другим его прихвостням потребовалось девять дней, чтобы из показаний Жанны и своих собственных измышлений выудить достаточно данных для нового обвинения. И действительно, акт оказался внушительным: шестьдесят шесть пунктов! Этот объемистый документ был доставлен в крепость 27 марта, и там, в присутствии дюжины тщательно подобранных судей, началось новое рассмотрение дела.

Принимая во внимание мнения сторон, суд решил, что на этот раз Жанна должна выслушать обвинительное заключение полностью. Быть может, учли, замечание Лойе или, возможно, рассчитывали, что само чтение утомит узницу до смерти, ибо, как потом выяснилось, чтение это заняло несколько дней. Решено было также, что от Жанны потребуют ясных ответов на каждый пункт, а в случае отказа она будет признана виновной. Как видите, Кошон умудрялся все теснее и теснее затягивать петлю, не давая подсудимой ни малейших надежд на опасение.

Ввели Жанну, и епископ из Бовэ открыл заседание, обратившись к обвиняемой с речью, за которую даже такой человек, как он, мог покраснеть, – так разило от нее лицемерием и ложью. Он сказал, что суд состоит из благочестивых священников, сердца которых исполнены доброжелательства и сострадания к ней, и что они не имеют никакого намерения нанести ей телесный вред, а только горят желанием просветить ее и вывести на путь истины и спасения.

Как вам это нравится: дьявол в образе человека – и расписывает себя и своих послушных рабов в таких хвалебных выражениях!

Однако худшее было впереди. И вот теперь, помня один из намеков адвоката Лойе, он с неслыханной наглостью сделал Жанне предложение, которое, мне думается, ошеломит вас» когда вы о нем услышите. Он сказал, что, учитывая ее неграмотность и неспособность справиться со сложным и трудным делом без защиты, суд из сострадания и милосердия решил позволить ей выбрать из состава самих судей одного или нескольких человек, которые помогали бы ей советом и руководством!

Вы представляете – суд, состоящий из Луазелера и подобных ему пресмыкающихся. Это то же, что овце просить помощи у волка. Жанна посмотрела на него, желая убедиться, серьезно ли он это говорит, и, убедившись, что он, во всяком случае, хочет быть серьезным, разумеется, отказалась.

Епископ и не ожидал иного ответа. Ему нужно было показать свою объективность, тем более что этот его жест будет занесен в протокол – следовательно, он был вполне удовлетворен.

Затем он потребовал от Жанны отвечать конкретно на каждый пункт обвинения и пригрозил отлучить ее от церкви, если она не выполнит его приказ или будет задерживаться с ответами сверх положенного времени. Да, он шаг за шагом все более и более ограничивал ее возможности.

Тома де Курсель приступил к чтению длиннейшего обвинительного заключения, пункт за пунктом. Жанна отвечала на каждый пункт по очереди, иногда просто отрицая его правдивость, иногда указывая, что ее ответ по существу можно найти в протоколах предыдущих допросов.

Какой это был странный документ, в каком искаженном виде представлял он сердце и душу человека – единственного существа, которое по праву могло гордиться, что создано по образу и подобию божьему! Всякий, кто знал Жанну д'Арк, хорошо знал, что она безусловно благородна, чиста, правдива, храбра, сострадательна, великодушна, благочестива, самоотверженна, скромна, невинна, как полевой цветок, – словом, натура прекрасная и безупречная, душа возвышенная и великая. Если же судить о ней по этому документу, то в нем она представлена с прямо

противоположной стороны. Чем она была в действительности – об этом ни слова, и наоборот, все чуждое ей было расписано во всех подробностях.

Рассмотрим, в чем же ее обвиняли, и напомним некоторые из пунктов этого документа. Ее называли колдуньей, лжепророчицей, чародейкой, сообщницей злых духов, чернокнижницей, отступницей от католической веры, еретичкой; она – язычница, идолопоклонница, хулящая господу и его святых, клеветница, искусительница, соблазнительница, сеятельница мятежа и раздоров; она подстрекает людей к войне и кровопролитию; она нарушает приличия и целомудренность, подобающие ее полу, непристойно облачившись в мужскую одежду и занимаясь солдатским ремеслом; она обманывает и принцев и народ; она обкрадывает господу, присваивая себе его почести, и, уподобившись кумиру, заставляет боготворить себя, обожать себя, целовать свои руки и одежды.

Здесь каждый факт ее жизни извращен, искажен, выворочен наизнанку. В детстве она любила фей и заступалась за эти маленькие существа, когда их изгоняли из лесного убежища; она играла под их Волшебным деревом и возле их родника, – отсюда обвинение в преступной связи со злыми духами. Она подняла Францию из грязи, призвала ее бороться за свободу и повела от победы к победе, – отсюда вывод: она мятежница и нарушительница мира. Да, она нарушила спокойствие, спокойствие рабов и господ! Да, она сражалась с врагами родины! И за эти ее подвиги Франция будет гордиться ею, вспоминать о ней с благодарностью и прославлять ее имя в веках! Ее боготворили, – опять же она, бедняжка, виновата! Виновата в том, что ее любили. И закаленные ветераны, и необстрелянные новобранцы, – все черпали боевое вдохновение в ее сверкающих мужеством глазах; они касались своими мечами ее меча и, непобедимые, шли вперед, – отсюда вывод: она ведьма и чародейка.

Вот так истолковывали все этот документ с первой и до последней строки, превращая целительные источники жизни в отраву, золото – в уголь, доказательства жизни благородной и прекрасной – в свидетельства нечестия и мерзости.

Конечно, эти шестьдесят шесть пунктов обвинения были не чем иным, как перелицовкой старых вопросов, уже обсуждавшихся раньше, поэтому я лишь вскользь коснусь этого нового разбирательства. Жанна не считала нужным входить в подробности и обычно отвечала кратко: «Это неправда, переходите к следующему», или «Я отвечала на этот вопрос раньше, подымите протокол, справьтесь», или что-нибудь другое в таком роде.

Она отказалась дать согласие, чтобы ее миссия рассматривалась судом земной церкви. Отказ ее был принят к сведению и записан.

Она отвергла обвинение в идолопоклонстве, как и то, что она добивалась оказания ей каких-либо особых почестей.

По этому поводу она заявила:

– Если кто-либо и целовал мои руки и мои одежды, то это было не по моему желанию, и я делала все от меня зависящее, чтобы этого не было.

Она имела мужество заявить перед этим трибуналом убийц, что не считает безобидных фей духами зла. Она знала, что говорить здесь такое смертельно опасно, но раз она уже начала, не в ее натуре было отступать от правды. Грозившая опасность не вызывала у нее страха, Это ее заявление было также принято к сведению.

Как и прежде, она ответила отрицательно на вопрос: сменит ли она мужскую одежду на женскую, если ей дадут разрешение причаститься. Она сказала:

– Когда принимаешь святое причастие, не все ли равно, как человек одет? Разве это имеет значение в очах господу нашего?

Ее обвиняли в греховной привязанности к мужской одежде, столь упорной, что даже в храме, пред алтарем всевышнего, она не желает расстаться с ней. Жанна пылко ответила:

– Лучше умереть, чем изменить клятве, данной мною богу.

Ей бросили упрек, что на войне она выполняла мужскую работу, следовательно, занималась делами, несвойственными ее полу. Она ответила с легкой ноткой презрения:

– Что касается женских дел, то и без меня есть кому ими заниматься.

Мне всегда было приятно видеть, когда в Жанне пробуждался воинственный дух. Пока в

ней он живет, она будет оставаться Жанной д'Арк, способной смотреть судьбе и невзгодам прямо в лицо.

– Оказывается, эта твоя миссия, которую ты считаешь ниспосланной от бога, была направлена на разжигание войн и пролитие человеческой крови.

Жанна кратко и просто разъяснила, что война была не первым ее ходом, а вторым – вынужденным:

– Сначала я предложила заключить мир, но, ввиду отказа, была вынуждена сражаться.

Судья, говоря о противниках Жанны, смешивал бургундцев и англичан. Жанна заявила, что различала их и в делах своих и в словах; бургундцы – это французы, а следовательно, и обращение с ними должно быть мягче, чем с англичанами.

– Что касается герцога Бургундского, – сказала она, – я потребовала от него письменно, а также устно через его послов немедленно заключить мир с королем. С англичанами же условия мира были таковы: покинуть нашу страну и убираться восвояси.

Дальше она пояснила, что даже по отношению к англичанам она не была настроена враждебно, ибо всякий раз предупреждала их письменно, прежде чем напасть на них.

– Если бы они послушались меня, – сказала она, – они поступили бы разумно. – И еще раз во всеуслышание она повторила свое пророчество: – Не пройдет и семи лет, как они сами в этом убедятся.

После этого судьи снова принялись изводить ее расспросами о мужской одежде, пытаясь во что бы то ни стало добиться добровольного отречения от нее. Я никогда не отличался особой пронизательностью, поэтому не удивительно, что я был просто поражен их настойчивостью в таком, казалось бы, маловажном вопросе: я не мог понять, какими мотивами они руководствовались. Но теперь нам все известно. Теперь все мы знаем, какой это был коварный заговор против нее. Да, если бы только им удалось заставить ее формально отречься от своей мужской одежды, они бы так повернули игру, что Жанна в два счета была бы уничтожена. И так, они продолжали свои злонамеренные усилия до тех пор, пока ее не взорвало:

– Довольно! Без разрешения божьего я не сниму ее, если бы вы даже грозили отрубить мне голову!

В один из пунктов обвинения она внесла поправку, заявив:

– Вы мне приписываете, будто я сказала, что все, что я ни делала, делалось мною по велению всевышнего. Я сказала так: «Все доброе, что я делала...»

Под сомнение была поставлена и подлинность ее миссии, учитывая невежество и простое происхождение избранницы. Жанна только улыбнулась на это. Она могла бы напомнить этим людям, что господь, действуя нелицеприятно, выбирал для своих высоких целей людей низкого звания чаще, чем епископов и кардиналов; но она облекла свое возражение в более скромную форму:

– Право господя – избирать своим орудием того, кого он захочет.

Ее спросили, какой молитвой она пользовалась, испрашивая совета и помощи свыше. Она отвечала, что молитвы ее были просты и кратки; и тут же, обратив ввысь свое бледное лицо и сложив закованные руки, она произнесла:

– Милосердный господь, именем святых страстей твоих молю тебя, если ты любишь меня, поведай мне, как мне отвечать этим служителям церкви. Что же до одежд моих, мне ведомо, по чьей воле я облеклась в них, но я не знаю, каким образом я должна их оставить. Молю тебя, скажи мне, что делать.

Ее обвиняли в том, что она, вопреки заповедям господним и словам апостольским, в гордыне своей решила принять на себя предводительство над людьми и стать главнокомандующим. Это оскорбило ее как воина. Она питала глубокое уважение к священникам, но, как воин, мало считалась с мнением церковников в делах войны. Она не извинялась, не оправдывалась, равнодушно взглянула на судей и ответила по-военному, вежливо и кратко:

– Я стала во главе войск лишь для того, чтобы разбить англичан!

Смерть пристально глядела ей в лицо, но что ей до этого! Ей доставляло удовольствие заставлять извиваться этих французских червей с английскими душонками, и она не пропускала ни

одного удобного случая задеть их за живое. Эти небольшие эпизоды действовали на нее освежающе. Дни ее жизни были пустыней, а эти стычки – оазисами.

Ее пребывание на войне в обществе мужчин вменялось ей в вину, – она забыла женскую скромность! Она ответила:

– Везде и всюду, где только можно, – в городах и на квартирах – возле меня была женщина. В поле я всегда спала в доспехах.

Ей также вменялось в вину ее дворянское звание. Привилегии, пожалованные королем ей и ее родным, рассматривались как доказательство ее корыстолюбия и алчности. Она ответила, что никогда не добивалась этой награды, но такова была воля французского короля.

Наконец завершился и этот третий этап. И снова без определенного результата.

Быть может в четвертый раз удастся сломить эту все еще непобедимую девушку? И злобный епископ энергично взялся за дело.

Он назначил комиссию с целью извлечь из шестидесяти шести пунктов обвинения самые главные и, сократив их до двенадцати, представить эти сгустки лжи суду как основу для нового разбирательства. Так и сделали. На это ушло несколько дней.

Тем временем Кошон вместе с Маншоном и двумя судьями – Изамбаром де ла Пьером и Мартином Ладвеню явился к Жанне в темницу с намерением обмануть ее и уговорить дать согласие на то, чтобы вопрос о божественности ее миссии решался церковью воинствующей – то есть той ее частью, представителями которой был он сам и его послушные ставленники.

Жанна еще раз наотрез отказалась. Изамбар де ла Пьер не был лишен сострадания; ему до такой степени стало жаль этой бедной гонимой девушки, что он отважился на весьма рискованный шаг: он спросил, не согласится ли она передать свое дело на рассмотрение Базельского совета⁵⁸, пояснив при этом, что в совете столько же священников, преданных Франции, как и сторонников англичан.

Жанна воскликнула, что с радостью предстала бы перед столь справедливым трибуналом, но, прежде чем Изамбар успел ей ответить, Кошон яростно набросился на него:

– Заткните глотку, черт вас дерит!

Тогда Маншон, в свою очередь, решился на смелый поступок, хотя и дрожал за свою жизнь. Он спросил Кошона, должен ли он внести в протокол согласие Жанны предстать перед Базельским советом.

– Нет! Незачем! – заорал епископ.

– Ах, вот как! – промолвила бедная Жанна. – Вы записываете все, что против меня, и пропускаете все, что говорит в мою пользу.

Эти слова, полные горькой обиды, тронули бы сердце зверя, но Кошон был хуже зверя.

Глава XIV

Наступили первые дни апреля. Жанна была больна. Она слегла 29 марта, на другой день после окончания третьего этапа процесса, и ей стало еще хуже, когда разыгралась описанная мною сцена в тюрьме. Как это было похоже на Кошона: отправиться туда и попытаться воспользоваться болезнью узницы!

Укажем на некоторые особенности нового обвинительного заключения, этих коварных «Двенадцати наветов».

В первом пункте утверждалось, якобы Жанна говорила, что обрела себе спасение души. Никогда она не говорила ничего подобного. Там же утверждалось, что она отказалась подчиниться церкви. Неправда! Она согласилась передать дело на рассмотрение Руанского трибунала, за исключением того, что она свершила по велению бога во исполнение своей миссии; она оставляла за собой право представить эти свои деяния только на суд божий. Она отказывалась

⁵⁸ *Базельский совет*. — Базельский церковный собор (1431—1449) был созван с целью проведения реформации церкви. От Франции на соборе были представители как англо-бургундской партии, так и сторонники Карла VI — арманьяки-патриоты.

признавать церковь в лице Кошона и его сообщников, но согласна была предстать пред судом папы или Базельским советом.

В одном из этих «Двенадцати наветов» утверждалось, будто бы она, по ее собственному признанию, угрожала смертью тем, кто ей не подчинился. Явная ложь! В следующем пункте говорилось, будто она провозглашала, что все ею содеянное она свершила по велению бога. В действительности же она сказала: «Все содеянное мною доброе...» И вы знаете, что по ее требованию исправление было в свое время внесено в протокол.

Дальше утверждалось, будто она заявляла, что никогда не грешила. Никогда она не говорила этого.

В следующем пункте ей вменялось в грех ношение мужской одежды. Если это и так, то на это она имела разрешение от весьма высоких и авторитетных деятелей католической церкви – архиепископа Реймского и всего трибунала в Пуатье.

Десятый пункт усматривал ее вину в том, что она якобы «оклеветала» святых угодниц – Екатерину и Маргариту, заявив, что они беседовали с ней не по-английски, а по-французски и высказались в поддержку французской политики.

Эти «Двенадцать наветов» должны были отправить сперва на просмотр и одобрение ученых богословов Парижского университета. Они были переписаны и готовы к вечеру 4 апреля. Тут Маншон совершил еще один смелый поступок: на полях чистой копии он написал, что многие утверждения, приписываемые в этих двенадцати пунктах Жанне, прямо противоположны тому, что она фактически говорила. Но это свидетельство не могло показаться значительным Парижскому университету, как и не могло повлиять на его решение или пробудить в нем гуманные чувства – конечно, если таковые имелись, – ибо человеческих чувств он никогда не проявлял, когда действовал в качестве политического орудия, как это и было в данном случае. Но как бы то ни было, добрый Маншон поступил мужественно.

«Двенадцать наветов» были посланы в Париж на другой день, 5 апреля. Во второй половине этого дня в Руане начались волнения; толпы народа заперли все главные улицы, возбужденно толкуя о происшедшем и охотясь за новостями: прошел слух, что Жанна д'Арк больна и состояние ее безнадежно. Действительно, эти моральные пытки измучили ее до смерти, и она захворала. Главари английской партии были в смятении: ведь если бы Жанна умерла, не осужденная церковью, сошла в могилу незапятнанной, то жалость и любовь народа обратили бы все ее обиды и страдания, да и самую ее смерть, в святое мученичество, и после смерти она оказалась бы во Франции еще более могущественной силой, чем была при жизни.

Граф Варвик и английский кардинал Винчестерский⁵⁹ поспешили в крепость и немедленно послали за лекарями. Варвик был человек жестокий, грубый, черствый, человек безжалостный. Перед ним в железной клетке лежала больная девушка, закованная в цепи, – такое зрелище, казалось бы, могло удержать от непристойных речей; но Варвик без всякого стеснения громко начал поучать врачей, и она все слышала:

– Смотрите, ухаживайте за ней хорошенько! Король Англии вовсе не желает, чтобы она умерла своей смертью. Она ему дорога, – он дорого заплатил за нее и желает, чтобы она умерла не иначе как на костре. Делайте все! Приказываю вылечить ее во что бы то ни стало!

Врачи спросили Жанну о причине болезни. Она сказала, что епископ города Бовэ прислал ей рыбы и это, вероятно, от нее.

Тогда Жан д'Эстивэ закричал на нее, начал всячески поносить и оскорблять. Ему показалось, что Жанна обвиняет епископа в попытке отравить ее, а это ему очень не понравилось, ибо он был одним из самых раболепных и бессовестных холопов Кошона. Он выходил из себя при мысли, что Жанна компрометирует его господина в глазах этих могущественных английских владык: ведь эти люди могли уничтожить Кошона и сделали бы это немедленно, если бы убеди-

⁵⁹ *Кардинал Винчестерский.* — Генрих де Бофор, кардинал Винчестерский, был дядей регента Бедфорда. В 1429 году прибыл во Францию во главе пятитысячного войска, снаряженного в «крестовый поход» в Богемию против «еретиков», последователей Яна Гуса. Однако Бедфорд, чувствуя острую нужду в солдатах оставил это войско во Франции для укрепления английских гарнизонов в Нормандии.

лись, что он способен избавить Жанну от костра, отравив ее и тем самым лишив англичан тех реальных преимуществ, которые они приобрели, выкупив ее у герцога Бургундского.

Жанну сильно лихорадило, и врачи предложили пустить ей кровь.

– С этим поосторожнее, – предупредил Варвик, – она догадлива и еще, чего доброго, убьет себя.

Он боялся, что Жанна, страшись костра, может сорвать повязку и умереть от потери крови.

Но врачи все же пустили ей кровь, и вскоре ей стало лучше.

Впрочем, ненадолго. Жан д'Эстивэ никак не мог успокоиться, – история с рыбой и намек на отравление сильно встревожили его ограниченный ум. Поэтому вечером он опять пришел к ней в каземат и распекал ее до тех пор, пока ее снова не начало лихорадить.

Уж будьте уверены – когда Варвик услышал об этом, его гнев не знал предела: еще бы! – жертва опять может ускользнуть от них, и все благодаря чрезмерному усердию этого навязчивого дурака. Варвик осыпал д'Эстивэ отборнейшей бранью, я бы сказал, бранью удивительной по силе выразительности, ибо, как говорили люди культурные, хотя она была и самой низкой пробы, но весьма доходчива. После этого услужливый холоп больше не вмешивался.

Жанна хворала более двух недель; наконец ей стало лучше. Она все еще была очень слаба, но уже могла переносить краткие допросы без особой опасности для жизни. Кошон счел возможным возобновить свои занятия. Он созвал некоторых из своих богословов и отправился с ними в темницу. Мы с Маншоном последовали за ними для составления протокола, то есть для записи того, что могло быть выгодно для Кошона, опуская все остальное.

Вид Жанны испугал меня. Увы, от нее осталась только тень! Мне не верилось, что это тщедушное маленькое создание со скорбным лицом и согбенной фигуркой – та самая Жанна д'Арк, которую я так часто видел, – огонь, порыв, вдохновение; та самая Жанна д'Арк, что во главе своих отрядов мчалась в атаку на боевом коне, как молния, сквозь тучи смертоносных стрел, под грохот орудийных залпов. Я был потрясен. Сердце мое разрывалось на части.

Но Кошона это не тронуло. Он произнес свою очередную речь, как всегда лицемерную, коварную, полную лжи и обмана. Он сказал Жанне, что среди ее прежних ответов есть такие, которые кажутся противоречащими основам религии; а так как она неграмотна и незнакома со священным писанием, то он привел к ней ученых богословов, добрых и мудрых людей, чтобы просветить ее, если она этого пожелает.

– Мы, служители церкви, – говорил он, – всегда готовы как по доброй воле, так и по велению нашего долга радеть о спасении души твоей и тела твоего в такой же мере, как бы мы это сделали для своих ближайших родственников или для самих себя. И, думая о благе твоём, мы лишь следуем примеру нашей святой церкви, которая никогда не закрывает материнского лона своего, приемля всех, кто пожелает вернуться к ней.

Жанна поблагодарила его за эти слова и сказала:

– Болезнь моя, по-видимому, приведет меня к смерти; и если будет угодно богу, чтобы я умерла здесь, я бы просила позволения исповедаться и причаститься святых тайн, а также прошу похоронить меня в освященной земле.

Кошон сразу же ухватился за счастливую возможность; это ослабевшее тело трепещет перед муками ада, боится уйти из жизни без покаяния. Наконец-то этот неукротимый дух сдается! И он промолвил:

– Ну что ж, если ты желаешь вкусить святых тайн, поступай так, как все добрые католики: подчинись нашей матери-церкви.

Он с нетерпением ждал ответа. Но когда ответ последовал, в словах Жанны не было покорности, – она твердо держалась прежних позиций. Отвернувшись, она устало проговорила:

– Мне больше нечего сказать.

Кошон взорвался: он грозно возвысил голос и сказал, что чем ближе она к смерти, тем больше ей следовало бы стремиться исправить свою жизнь, и наотрез отказался выполнить ее просьбу, если она не подчинится церкви. Жанна ответила:

– Если я умру в этой тюрьме, я прошу вас похоронить меня в освященной земле. Если же и этого нельзя, я отдаю себя в руки моего спасителя.

Беседа продолжалась более спокойно, но Кошон не удержался и снова потребовал, чтобы она подчинилась себе и все дела свои суду церкви. Его угрозы и запугивания не привели ни к чему. Тело ее было слабым, но дух, неукротимый дух Жанны д'Арк, не угасал, и от него исходили та ясность мысли, та решительность и непреклонность, которые были так хорошо известны этим людям и за которые они так искренне ее ненавидели.

– Будь что будет, а я не скажу ничего другого, кроме того, что было мной уже сказано на суде.

Тогда мудрые богословы пришли на помощь Кошону, и все вместе они замучили ее своими рассуждениями, аргументами и цитатами из священного писания; при этом они без конца твердили, что она обязана причаститься, и пытались соблазнить ее этим, надеясь, что она уступит и согласится передать свою миссию на суд церкви, то есть на их суд, как будто они представляли собой всю церковь! Но и это не дало ничего. Если бы меня спросили, я мог бы предсказать им это заранее. Но они никогда меня ни о чем не спрашивали, – я был в их глазах слишком мелкой козявкой.

Беседа закончилась угрозой, – угрозой жестокой и ужасной, рассчитанной на то, чтобы заставить христианку-католичку почувствовать, как почва уходит у нее из-под ног.

– Церковь вызывает к тебе – подчинись! Если ты ослушаешься, она отступится от тебя как от язычницы!

Вы представляете, что это значит – отлучить от церкви! Быть покинутой церковью – этой высшей властью, в руках которой судьба рода человеческого! Быть покинутой церковью, скипетр которой простирается выше самых дальних созвездий, мерцающих в небе, чье могущество господствует над миллионами живущих и над миллиардами усопших и дрожащих в чистилище в ожидании искупления или гибели! Быть покинутой церковью, чье благоволение открывает перед тобой врата рая и чей гнев ввергает тебя в неугасимое пламя адской бездны; быть покинутой властью, сила которой затмевает власть любого земного владыки настолько, насколько мощь и блеск земного монарха затмевает и подавляет пестроту деревенской ярмарки! Быть покинутой королем – о да, – это смерть, а смерть страшна, но быть покинутой Римом, быть отвергнутой церковью? Ах, перед этим ужасом смерть – ничто, ибо это означает осуждение на жизнь вечную, и на какую жизнь!

Мысленно я представлял себе красные, бушующие волны в безбрежном море огня, мне рисовались бесчисленные множества черных грешников, подбрасываемых языками пламени, стонущих, воющих и снова ввергаемых в пучину; я знал, что Жанна в своем воображении видела точно такую же картину, когда сидела молча в глубоком раздумье. И я поверил, что теперь она может уступить, и она непременно уступит, ибо эти люди способны были исполнить свою угрозу и предать ее на вечные муки; движимые злобой и ненавистью, они были способны на все.

Но какой же я был глупец, допуская подобные мысли и сомнения! Разве Жанна д'Арк такая, как другие? Верность принципу, верность истине, верность своему слову – все это было частью ее самой, ее плотью и кровью. Она не могла измениться, не могла отрешиться от этих прекрасных качеств. Она была олицетворением верности, воплощением стойкости. На чем она однажды остановилась, на том она и будет стоять до конца; и даже самый ад не сдвинет ее с места.

«Голоса» не разрешали ей подчиниться незаконным вымогательствам судей, и она не уступит никогда. Она будет терпеливо ждать, безропотно ждать, – и будь что будет.

Мое сердце изнывало в тоске, когда я выходил из темницы, а она оставалась безмятежной и ничем не озабоченной. Она поступила так, как велел ей долг, и этого достаточно; последствия – не ее дело. Прощальные слова ее были полны кротости и удовлетворенного спокойствия:

– Я родилась и крестилась доброй христианкой и такой же доброй христианкой хочу умереть.

Глава XV

Прошло еще две недели, наступило 2 мая; в воздухе потеплело, в долинах и на полях по-

явились первые луговые цветы, в лесах защелбетами птицы, природа сияла и нежилась под солнцем, всюду свежесть и обновление, сердца наполнились радостью, в мире пробудились надежды. Равнина за Сеной, бархатисто-зеленая, мягко простиралась вдаль; река была прозрачна и ласкова; островки, заросшие кустарником, были очаровательны, но еще более прекрасны были их нарядные отражения в сверкающих водах реки; и Руан, если смотреть с высокого обрыва над мостом, стал снова отрадой для глаз, представляя собой самую прелестную панораму города, какую можно где-либо видеть под прозрачным куполом голубых небес.

Сказав, что сердца наполнились радостью и надеждой, я подразумевал пробуждение природы и всего живого вообще. Но были исключения: мы – друзья Жанны д'Арк, и наша героиня – несчастная узница, брошенная в каменный склеп под мрачные своды огромной крепости, томящаяся без света и тепла, когда вокруг – лишь протяни руку – все залито солнцем, жаждущая увидеть хотя бы крохотный луч в своей темнице, – но, увы – ее лишили даже этого ничтожного блага мерзавцы в черных сутанах, готовившие ей гибель и поносившие ее доброе имя.

Кошону не терпелось продолжать свое грязное дело. Теперь он хотел испробовать новый план: нельзя ли чего-нибудь достичь путем убедительной аргументации и елейного красноречия, изливаемых на неисправимую пленницу устами опытного оратора. Таков был его план. Но читать ей «Двенадцать пунктов» нового обвинительного заключения он не посмел. Нет, даже Кошон стыдился показывать ей эту чудовищную клевету; червяк стыда, издыхавший в недрах его жирного тела, на этот раз проявил признаки жизни.

Итак, в погожий день второго мая вся черная свора собралась в просторном зале крепостного замка. Епископ из Бовэ поднялся на свой трон, а шестьдесят два члена коллегии усадились перед ним; стража и писцы заняли свои места, и на кафедре появился оратор.

Затем мы услышали в отдалении звон цепей: Жанна вошла в сопровождении тюремщиков и села на свою одинокую скамью. Теперь, после двухнедельного отдыха от изнурительных допросов, она казалась здоровой и заметно похорошела.

Она взглянула на судей, увидела оратора и сразу же поняла обстановку.

Оратор заготовил свою речь заранее, она была переписана и спрятана в рукаве. Речь была так объемиста, что походила на книгу. Начал он без запинки, однако посередине какого-то цветистого периода память изменила оратору и ему пришлось заглянуть в рукопись, что в значительной степени испортило эффект. Через минуту то же самое повторилось еще раз и, наконец, в третий раз. Оратор покраснел от смущения, присутствующие выразили сочувствие, и бедняга совсем растерялся. Тогда Жанна бросила реплику, которая окончательно до-канала его. Она сказала:

– Читайте вашу «книгу», а потом я отвечу.

Надо было видеть, как смеялись эти дряхлые старцы, многие хватались за животы, а незадачливый оратор имел такой глупый и беспомощный вид, что вызывал всеобщую жалость, и даже я готов был ему посочувствовать. Да, Жанна после отдыха была в хорошем настроении, и присущее ей чувство юмора снова пробивалось наружу. Она сделала ему замечание совершенно серьезно, но мне был понятен скрытый смысл ее слов.

Когда оратор снова обрел дар речи, он последовал благоразумному совету Жанны и больше не пытался блеснуть искусством импровизации, а прочел остаток речи по «книге». Он свел двенадцать пунктов к шести, и эти шесть тезисов размазал, как умел, в своей обвинительной речи.

Время от времени он останавливался и задавал вопросы, а Жанна отвечала. Подробнейшим образом были истолкованы сущность и значение церкви воинствующей, и от Жанны еще раз потребовали, чтобы она подчинилась ей.

Ответ был прежний.

Потом у нее спросили:

– Веришь ли ты, что церковь способна заблуждаться?

– Я верю, что она заблуждаться не может; но за дела и слова мои, совершенные и произнесенные по велению господина, я буду отчитываться лишь перед ним.

– Не хочешь ли ты этим сказать, что у тебя не может быть судьи на Земле? Разве святей-

ший отец наш папа не судья тебе?

– Об этом я вам ничего не скажу. Милосердный господь – владыка мой, и ему одному я подчинюсь во всем.

И тогда последовали страшные слова:

– Если ты не подчинишься церкви, высокие судьи здесь присутствующие признают тебя еретичкой и ты будешь сожжена на костре.

О, такая угроза сразила бы насмерть меня или вас, но в сердце Жанны д'Арк пробудилась прежняя отвага. Она порывисто встала, и ее ответ прозвучал, как вдохновенный призыв, как воинственный клич, как сигнал боевого рожка:

– Я могу сказать только то, что уже сказала, и в пламени костра я повторю то же самое!

Услышать еще раз ее вдохновенный голос, увидеть еще раз воинственный блеск ее глаз – как это действовало возбуждающе! Многие были взволнованы; каждый, кто был человеком, будь то друг или недруг, не мог оставаться равнодушным. Маншон, эта добрая душа, рискнул своей жизнью вторично, написав на полях протокола красивым каллиграфическим почерком замечательные слова: «*Superba responsio!*»⁶⁰ С тех пор прошло шестьдесят лет, но слова эти сохранились, и вы можете прочесть их там и по сей день.

«*Superba responsio!*» Да, именно так. Ибо этот «превосходный ответ» прозвучал в устах двенадцатилетней девушки, когда смерть и ад смотрели ей прямо в лицо.

Разумеется, не забыли выгащить за уши и вопрос о мужской одежде и, как всегда, прения на эту тему тянулись до бесконечности. Был заброшен старый крючок с приманкой: если она добровольно отречется от этой одежды, ей позволят присутствовать на мессе. Но Жанна отвечала так, как не раз отвечала до этого:

– Я готова ходить в женском платье на все церковные службы, если мне разрешат, а вернувшись в тюрьму – одеваться в мужское.

Ей расставлялись ловушки в самой соблазнительной форме: хитрые судьи делали ей разные условные предложения и с невинным видом пытались добиться ее согласия на одну часть предложения, не оговаривая, что они согласны выполнить его вторую часть. Но она легко разгадывала игру и расстраивала ее. Ловушки были примерно такого образца:

– Ты согласилась бы сделать то-то и то-то, если бы мы тебе разрешили то-то и то-то? На это она отвечала:

– Когда вы мне разрешите, тогда и узнаете.

Да, 2 мая Жанна чувствовала себя отлично. Она блистала умом, находчивостью, и поймать ее на чем-либо было невозможно. Заседание длилось целый день; борьба велась на старых позициях, которые приходилось отвоевывать вновь шаг за шагом; оратор-обвинитель пускал в ход все свои доводы, все свое красноречие, но успеха не имел и, огорченный, оставил кафедру. Итак, шестьдесят два блюстителя закона отступили на исходные рубежи, а их одинокий противник по-прежнему удерживал командную высоту.

Глава XVI

Прекрасная погода, великолепная погода, чудная погода стояла в начале мая, и сердца человеческие пели. Как я уже сказал, весь Руан был в веселом возбуждении и готов был смеяться по малейшему поводу. И вот, когда распространился слух, что молодая девушка в крепости нанесла еще одно поражение епископу Кошону, все жители города, приверженцы обеих партий, хохотали и злорадствовали. Епископа ненавидели все. Правда, поддерживавшее англичан большинство желало, чтобы Жанну сожгли, но это нисколько не мешало ему издеваться над человеком, которого ненавидел весь город. Жители боялись критиковать английских военачальников и многих судей – помощников Кошона, но посмеяться над самим Кошоном, или д'Эстивэ, или Луазелером было безопасно: никто не донесет.

Фамилия «Кошон» («*Cauchon*») созвучна слову «*co-chon*», что означает «свинья», – и это

⁶⁰ «Превосходный ответ!» (лат.)

давало неограниченную возможность для разных каламбуров и шуток; созвучием пользовались вовсю.

Некоторые из острот от частого употребления изрядно поистрепались, ибо всякий раз, когда Кошон затевал новый суд над Жанной, народ говорил: «Ну, свинья опять опоросилась», и всякий раз, когда суд заканчивался провалом, повторял то же самое, но уже в другом смысле: «Ну, свинья опять насвинячила!»⁶¹

3 мая мы с Ноэлем, слоняясь по городу, наблюдали, как то тут, то там какой-нибудь весельчак-мастеровой втирался в толпу и, давясь от смеха, распространял очередную шутку; потом переходил к другой группе, гордясь своим остроумием и наслаждаясь возможностью позубоскалить всласть:

– Ей-же-ей, свинья поросилась раз пять и – осрамилась опять!

Иногда попадались удальцы, этакие буйные головы, которые набирались смелости сказать, хотя и шепотом:

– Шестьдесят два судьи и все могущество Англии против одной девушки – и все же она вышла победительницей из пяти сражений.

Кошон жил в роскошном архиепископском дворце, охраняемом английскими солдатами; но, несмотря на это, не проходило ни одной темной ночи, чтобы наутро стены дворца не свидетельствовали о том, что здесь побывал неизвестный озорник с кистью и красками. Да, художник поработал, и притом изрядно, ибо священные стены дворца были испещрены изображениями свиньи, в самых нелестных видах; многие свиньи были в епископском облачении, с епископской митрой на ушах, лихо заломленной набекрень.

Кошон, раздраженный своими неудачами и бессилием, бесновался и ругался семь дней, после чего у него созрел новый план. Вы вскоре узнаете, что это был за план. Сами вы не догадаетесь, надо иметь слишком жестокое сердце, чтобы догадаться.

9 мая должно было состояться заседание; Маншон и я захватили с собой письменные принадлежности и отправились. На этот раз нам пришлось идти в другую башню, а не в ту, где томилась Жанна. Башня была круглая, серая и мрачная, сложенная из грубых неотесанных камней, с толстыми стенами – сооружение ужасное и отвратительное.⁶²

Мы вошли в круглую комнату первого этажа, и я увидел то, что заставило меня содрогнуться: орудия пыток и палачей наготове! Вот где черная душа Кошона проявилась во всей своей отвратительной наготы, вот где он окончательно доказал, что в его душе не было ни капли жалости. Можно было усомниться, была ли у него когда-нибудь родная мать, была ли у него сестра...

Кошон был уже там, вместе с ним вице-инквизитор, он же настоятель монастыря св. Корнелия; кроме того, там находилось еще шестеро других лиц и среди них предатель Луазелер. Стража охраняла вход; возле дыбы стоял палач со своими помощниками в красных трико и камзолах – цвет вполне подходящий для их кровавого ремесла. Я мысленно представил себе картину: Жанна, вздернутая на дыбу; ее ноги привязаны к нижнему концу, а руки – к верхнему, и эти кровавые великаны вертят колесо и вытягивают ее конечности из суставов. Мне чудилось, что я уже слышу, как лопаются сухожилия, трещат кости, разрывается на куски тело... И мне было непонятно, как эти благочестивые слуги милосердного Иисуса могли сидеть там и взирать на этот ужас с таким невозмутимым спокойствием.

Вскоре привели Жанну. Она увидела дыбу и палачей, и, вероятно, та же самая картина, что и у меня, предстала перед ее мысленным взором. И, вы думаете, она оробела, вздрогнула? Нет, ничего подобного. Она гордо выпрямилась, и лишь презрительная улыбка слегка искривила ее губы; она не проявляла ни малейшего страха.

Это было памятное заседание, хотя и самое короткое из всех. Когда Жанна села, ей прочли

⁶¹ Французский глагол «сочоннер» имеет несколько значений: пороситься, а также — свинячить, гадить

⁶² Нижняя часть башни сохранилась в прежнем виде до наших дней, верхняя половина надстроена позже. (Примечание М.Твена.)

краткий перечень ее «преступлений». Потом Кошон произнес торжественную речь. Он заявил, что в ходе суда и следствия Жанна отказывалась отвечать на некоторые вопросы, а также давала ложные показания и что теперь она обязана сказать ему всю правду, истинно, подлинно и безоговорочно.

На этот раз он держался самоуверенно: он был убежден, что наконец-то нашел способ сломить упорный дух этой девочки и заставить ее со слезами просить пощады. Теперь он добьется победы и заткнет глотки руанским болтунам и насмешникам. Как видите, человеческое было ему не чуждо, он, как и все, не выносил глумления над своей личностью. Он говорил резко, почти кричал, его прыщеватое лицо светилось всеми оттенками злорадства и предвкушения торжества: багровым, желтым, красным, зеленоватым, порой оно принимало даже темно-фиолетовый и синий цвет, как у утопленника, – самый зловещий из всех. Наконец в порыве ярости он воскликнул:

– Вот дыба, и вот мастера-исполнители! Теперь ты или признаешься во всем, или будешь подвергнута пыткам. Говори!

И ею был дан великий, бессмертный ответ; он был дан спокойно, без гнева и вызова, но как хорошо, как благородно прозвучали ее слова:

– Я не скажу вам ничего, кроме того, что уже сказала; не скажу, если бы вы даже вырывали мне руки и ноги. И даже если бы в мучениях я и сказала что-либо иное, то потом я все равно заявлю, что это говорила пытка, а не я.

Дух Жанны был несокрушим. Вы представляете, что творилось с Кошоном! Опять провал, и какой неожиданный провал! На другой день по городу прошел слух, что у него в кармане лежала заранее заготовленная полная исповедь, под которой не хватало лишь подписи Жанны. Не знаю, правда ли это, но, вероятно, правда, ибо ее знак, поставленный под текстом исповеди, был бы чем-то вроде доказательства (для публики, конечно), которое, как вы знаете, Кошону и его сообщникам было крайне необходимо.

Нет, нельзя было сокрушить дух Жанны, помрачить ее ясный ум. Учтите всю глубину, всю мудрость этого ответа, исходившего от неграмотной девушки! Вряд ли нашлось бы на свете пять-шесть человек, которые когда-либо додумались бы, что слова, вырванные у человека под пыткой, не могут служить доказательством истины, а между тем неученая деревенская девушка сразу же внутренним чутьем безошибочно попала в точку. Я всегда полагал, что пытка есть средство познания истины, и таково было мнение всех; но когда Жанна произнесла эти простые слова здравого смысла, все вокруг как бы озарилось ярким светом. Так иногда вспышка молнии в полночь внезапно освещает великолепную долину со сверкающими на ней серебристыми ручьями и мирно спящими селениями, долину, над которой прежде висела завеса непроницаемой мглы. Маншон искоса взглянул на меня: на его лице было явное удивление, точно такое же, как и на многих других лицах. Учтите, все они – люди старые, весьма образованные, и оказалось – эта юная крестьянка способна научить их тому, чего они раньше не знали. Я слышал, как один из них пробормотал:

– Перед нами – существо необыкновенное. Перстами своими она коснулась истины бесспорной, древней как мир, и эта истина рассыпалась в прах, как от дуновения ветра. Откуда сей дар, эта непостижимая уму прозорливость?

Судьи наклонились друг к другу и начали совещаться шепотом. Из немногих слов, которые нам удалось услышать, стало ясно, что Луазелер и Кошон настаивали на применении пытки, но все остальные упорно возражали.

Наконец Кошон в сильнейшем раздражении прекратил дискуссию и приказал отвести Жанну обратно в темницу. Для меня это было радостной неожиданностью. Я не предполагал, что епископ отступит.

Вернувшись домой поздно вечером, Маншон сообщил, что ему удалось выяснить, почему не были применены пытки. На то имелись две причины: во-первых, из опасения, что Жанна может умереть под пыткой, а это никак не входило в расчеты англичан, и, во-вторых, из тех соображений, что истязания бесполезны, поскольку она готова отречься от всякого показания, данного ею под воздействием физической боли; решили также, что никакая дыба, никакие муки не

заставят ее поставить свой знак под заранее заготовленной фальшивой исповедью.

И снова весь Руан смеялся – три дня по городу только и слышалось:

– Свинья опоросилась шестым опоросом и осталась с носом!

И, конечно, стены дворца украсились новой росписью – свинья в митре уносит на спине станок для пыток, а за ней по пятам – плачущий Луазелер. Немалая награда была обещана тому, кто поймает этих таинственных живописцев, но никто не клюнул на приманку. Даже английская стража не проявляла особого усердия и смотрела сквозь пальцы на работу ретивых художников.

Епископ был вне себя от гнева. Он не мог примириться с тем, что ему не удалось применить пытку. Это была его любимая идея, его лучшее изобретение, мечта, с которой он не расставался. 12 мая он созвал некоторых из своих приспешников и снова потребовал применения пытки. И опять его постигла неудача. На одних оказали воздействие слова Жанны; другие опасались, что она не выдержит пытки и умрет; наконец, третьи вообще не верили, что страдания смогут вынудить ее поставить свой знак под ложными признаниями. Присутствовало четырнадцать человек, включая и самого епископа. Одиннадцать из них решительно высказались против пытки и твердо стояли на своем, несмотря на брань и угрозы Кошона. Только двое голосовали за предложение епископа и настаивали на применении пытки: Луазелер и оратор – тот самый, которому Жанна посоветовала читать свою речь по «книге», – Тома де Курсель, известный адвокат и мастер красноречия.

Жизненный опыт научил меня быть сдержанным в выражениях, но, признаюсь, я изменяю этому правилу всякий раз, когда вспоминаю этих троих – Кошона, Курселя, Луазелера.

Глава XVII

Еще десять дней ожидания. Именитые богословы этой сокровищницы всякой учености и всякой мудрости, именуемой Парижским университетом, все еще взвешивали, рассматривали и обсуждали «Двенадцать наветов».

Мне почти нечего было делать все эти десять дней, и мы с Ноэлем часто бродили по городу. Но эти прогулки не доставляли нам удовольствия; мы бродили подавленные, полные тревожных предчувствий, ибо тучи, нависшие над головою Жанны, с каждым днем становились мрачнее, и вот-вот могла разразиться гроза. Притом мы невольно сравнивали ее положение с нашим; просторы городских улиц и весеннее солнце – с ее темницей и цепями; наш дружеский союз – с ее одиночеством; наше пользование многими благами жизни – с ее крайней нуждой и лишениями. Она привыкла к свободе, а теперь ее лишена; она была существом, родившимся и выросшим на лоне природы, а теперь днем и ночью сидит в железной клетке, как зверь; она привыкла к свету, теперь же вокруг нее мрак, едва позволяющий различать окружающие предметы; она привыкла слышать вокруг себя тысячи разнообразных звуков – сладостную музыку бурно кипящей жизни, а теперь она слышит лишь мерные шаги часовых, охраняющих ее одиночество; она любила общаться с друзьями и товарищами – теперь же ей не с кем перекинуться словом; она любила шутить и смеяться, а теперь пребывает в печали и на скорбных устах ее печать молчания; она была рождена для дружбы, для труда, для радости и счастья – здесь же для нее лишь тоскливое прозябание, томительные часы бездействия, гнетущее безмолвие и мысли, бесконечные мысли, день и ночь вращающиеся по замкнутому кругу, иссушающие сердце и мозг. Она была заживо погребена, да, – погребена заживо, иными словами такое существование назвать нельзя. Но была и еще одна жестокость во всем этом. Молодая девушка, попав в беду, нуждается в утешении, в поддержке и сочувствии лиц ее пола. Проявить материнскую заботу, приласкать и утешить ее могли только женщины, а между тем за все эти месяцы заточения в крепости Жанна не видела ни одного женского лица. Можно себе представить, как бы она обрадовалась, увидев около себя добрую женщину!

И еще вам скажу. Если вы хотите понять величие Жанны д'Арк, помните, что из такого жуткого места и при таких условиях она неделю за неделей, месяц за месяцем ходила в суд и выступала перед сборищем наиболее изощренных умов Франции – одинокая, беззащитная – и все время разгадывала их самые коварные замыслы, самые хитроумные планы, замечала и обходила

все их капканы и ловушки, расстраивала их оборону, отбивала их атаки и после каждой схватки еще больше укрепляла свои позиции на поле боя; всегда неукротимая, беззаветно преданная своей вере и своим идеалам, не страшась ни пыток, ни пламени костра, она отвечала на угрозы предать ее смерти и свергнуть в преисподнюю на вечные муки простыми словами: «Будь что будет, а я стою на своем и ни от чего не отступлю».

Да, если вы хотите постичь величие души, глубину мудрости и благородство светлого разума Жанны д'Арк, вы должны изучать ее там, где она вела свой упорный, длительный поединок, и не только с самыми просвещенными и выдающимися умами Франции, но и с самым гнусным обманом, с самым подлым вероломством и с самыми жестокими сердцами, какие только можно найти на земле – в странах языческих и христианских.

Она была велика в сражениях – это известно всем; велика своей прозорливостью, велика своей преданностью и патриотизмом, велика своим умением убеждать недовольных военачальников и примирять враждующих; велика своим умением открывать способности и таланты, где бы они ни таились; велика своим чудесным даром говорить убедительно и красноречиво; непревзойденно велика умением воспламенять сердца разуверившихся, вселять в них надежду и страсть; умением превращать трусов в героев, толпы лентяев и дезертиров в батальоны храбрых, с песнями идущих на смерть. Все эти качества возвышенны: они побуждают к определенным действиям, вдохновляют на достижение поставленной цели, ускоряют движение вперед и приводят к успеху; душа переполняется жизненной энергией, все силы сливаются воедино в предельном напряжении; усталость, уныние и равнодушие перестают существовать.

Да, Жанна д'Арк была велика всегда и во всем, велика везде, но особенно велика она была на этом судилище в Руане. Тут она превзошла ограничения и несовершенства человеческой природы и свершила в тяжелых, гнетущих и безнадежных условиях такое, что могла бы совершить во всеоружии своих моральных и интеллектуальных сил лишь при поддержке, одобрении и сочувствии, в присутствии друзей, в условиях справедливой и равной борьбы, за которой с восхищением следил бы весь мир.

Глава XVIII

К концу десятидневного перерыва Парижский университет представил свое заключение по «Двенадцати пунктам». По всем этим пунктам Жанна была признана виновной: она должна отречься от своих заблуждений и полностью искупить свою вину, в противном случае ее передадут в руки светских властей и приговор церковного суда будет приведен в исполнение.

Мнение Университета, вероятно, было сформулировано и согласовано еще до того, как им был получен текст обвинительного акта; однако прошло время с 5 по 18 мая, пока он вынес свое решение. Мне думается, что задержка была вызвана временными затруднениями при рассмотрении следующих вопросов:

1. Какие именно дьяволы являлись Жанне под видом «голосов»?
2. Действительно ли святые беседовали с Жанной только по-французски?

Университет единодушно признал, и это вполне понятно, что таинственные «голоса», с которыми она общалась, были голосами дьяволов; требовалось это доказать, и он доказал. Он даже установил конкретно имена этих дьяволов, отметив в своем решении, что таковыми являлись Велиал, Сатана и Бегемот. Мне лично это всегда казалось сомнительным и не заслуживающим доверия, и вот почему: уж если Университет действительно установил, что она общалась с этими тремя врагами рода человеческого, то по логике вещей необходимо было указать, каким образом ему удалось узнать это, а не ограничиваться голословным утверждением, ибо тот же Университет, через своих представителей в суде, настойчиво добивался от Жанны объяснения, как она смогла определить, что общалась с ангелами, а не с дьяволами. Довод, мне кажется, обоснованный. По-моему, позиция Университета была очень шаткой, и вот почему: он утверждал, что ангелы, являвшиеся Жанне, были переодетыми дьяволами. Каждому известно, что дьяволы обычно являются в образе ангелов, и тут Университет был совершенно прав. Но дальше, как вы сами убедитесь, он впадает в грубое противоречие, претендуя на то, что лишь он один может объяс-

нить характер и сущность этих призраков и никто другой, даже более умный, чем эти университетские головы, не может и не имеет на это права.

Докторам из Университета надо было видеть эти таинственные существа, чтобы распознать их; и если ими была обманута Жанна, то это доказывает, что и они, в свою очередь, могли быть обмануты, ибо их пронизательность и суждения ни в коей мере не были глубже, чем у нее.

На втором пункте, который, как мне думается, вызывал затруднения и задерживал ответ Университета, я долго останавливаться не буду. Университет признал, что со стороны Жанны было кощунством утверждать, будто являвшиеся ей святые говорили по-французски, а не по-английски и в политическом отношении питали симпатии к французам. Я полагаю, докторов богословия тревожила следующая предпосылка: они постановили, что «голосами» являются Сатана и два других дьявола, но в то же время ими также было признано, что эти самые «голоса» не могли поддерживать французскую сторону, следовательно, они должны были стоять за англичан. А раз они за англичан, то их надо считать ангелами, а не дьяволами. Получается путаница. А ведь Университет, считающий себя умнейшим и эрудированнейшим органом в мире, в интересах собственной репутации должен был рассуждать, по возможности, логично; поэтому он и бился изо дня в день над разрешением неразрешимого, стремясь отыскать хотя бы видимость здравого смысла своим доказательствам, что в пункте первом речь идет о голосах дьяволов, а в пункте десятом – о голосах ангелов. Но, в конце концов, он вынужден был отказаться от дальнейших поисков. Таким образом, и по сей день решение Университета двусмысленно: пункт первый трактует о дьяволах, а пункт десятый – об ангелах; примирить эти противоречия невозможно.

Посланцы университета доставили это решение в Руан, а вместе с ним и письмо к Кошону, полное самых щедрых похвал. Университет с благодарностью отмечал его исключительное усердие в преследовании женщины, «которая своим ядом отравила умы истинно верующих всего западного мира», и в награду за это сулил ему «венец бессмертной славы в небесах». Только и всего – венец в небесах?! Это что-то уж очень ненадежное, что-то вроде векселя без передаточной надписи. И хотя бы слово об архиепископстве Руанском, ради которого Кошон погубил свою душу! Венец в небесах! Это звучало иронически после всех его тяжких трудов. Что он будет делать на небесах? Там у него не найдется знакомых...

19 мая коллегия из пятидесяти судей собралась во дворце архиепископа, чтобы обсудить вопрос о дальнейшей судьбе Жанны. Некоторые настаивали на немедленной передаче преступницы в руки светских властей для наказания, большинство же считало целесообразным попытаться еще раз подействовать на нее «отеческим внушением».

Итак, 23 мая, в том же составе, суд собрался в замке, и Жанну подвели к барьеру. Пьер Морис, каноник из Руана, обратился к подсудимой с речью, в которой убеждал ее спасти свою жизнь и душу, отказаться от своих заблуждений и отдать себя в руки церкви. Заканчивая речь, он строго предупредил: если она будет упорствовать, гибель души ее несомненна, а гибель тела весьма вероятна. «Отеческое внушение» не подействовало. Жанна сказала:

– Даже идя на казнь, увидев перед собой костер и палача, готового поджечь его, более того, даже пылая в огне, – и тогда бы я не сказала ничего иного, а лишь то, что говорила раньше на суде, и осталась бы верна своим словам до последнего дыхания.

Наступило глубокое, тягостное молчание, длившееся несколько минут. Я понимал: беда неминуема! Потом Кошон, суровый и торжественный, обратился к Пьеру Морису:

– Желаете ли вы что-нибудь добавить? Каноник низко поклонился и ответил:

– Ничего, ваше преосвященство.

– Обвиняемая у барьера, желаешь ли ты что-нибудь добавить?

– Ничего.

– В таком случае, прения закончены. Завтра будет вынесен приговор. Уведите обвиняемую!

Кажется, она уходила, гордо подняв свою милую голову; впрочем, может, я и ошибся, – глаза мои были мутны от слез.

Завтра – 24 мая! А ровно год назад я видел ее верхом на коне, скачущей по равнине во гла-

ве войска в серебряном сверкающем шлеме с белыми перьями, в серебристой епанче, развевающейся на ветру, с высоко поднятым мечом; видел, как она трижды бросалась в атаку на лагерь бургундцев и захватила его; видел, как она повернула вправо и, пришпорив коня, помчалась прямо на резервы герцога; видел, как она врзалась в гущу врагов в той последней атаке, из которой ей не суждено было вернуться. И вот опять наступила годовщина этого рокового дня – и, смотрите, что она принесла!

Глава XIX

Жанну признали виновной в ереси, колдовстве и всех остальных тяжких преступлениях, перечисленных в «Двенадцати пунктах», и жизнь ее, наконец-то, находилась в руках Кошона. Он мог сразу же отправить ее на костер. И, вы думаете, этим кончилось дело? Думаете, он был доволен? Нисколько! Чего стоило бы его архиепископство, если бы у народа сложилось мнение, что Жанну д'Арк, Освободительницу Франции, несправедливо осудила и сожгла на костре клика пристрастных церковников, угодливо склонивших голову перед английской плетью? Это бы только возвеличило ее в глазах народа и окружило ореолом мученицы. Ее дух восстал бы из пепла тысячекратно окрепшим и, как ураган, смел бы английское владычество в море, а вместе с ним и злодея Кошона. Нет, победа была еще неполной. Виновность Жанны требовалось подтвердить вещественными доказательствами, которые убедили бы народ. Где же найти эти убедительные доказательства? Только один человек во всем мире мог бы их дать – сама Жанна д'Арк. Она сама должна осудить себя, причем публично, или, по крайней мере, создать видимость этого.

Но как ее заставить? Неделями тянулась упорная борьба, использованы были все средства и – никакого успеха. Как же заставить ее теперь? Грозил пыткой, грозил костром, – что оставалось еще? Болезнь, смертельная усталость, вид пылающего костра, огонь, огонь – вот что еще оставалось!

И способ был найден. Ведь, в конце концов, она только девушка. Изнуренная до предела, в отчаянии она могла проявить женскую слабость.

Да, придумано было хитро. Ведь она сама молчаливо признала, что под страшными пытками на дыбе им, вероятно, удалось бы исторгнуть из нее ложные показания. Это был намек, который следовало запомнить, и его запомнили.

Тогда же был сделан и другой намек; сразу же, как только прекратится невыносимая боль, она отречется от своих показаний. И этот намек не забыли.

Как видите, она сама надоумила их, как действовать. Сначала они должны истощать ее силы, после чего запугать огнем. И когда она будет вне себя от ужаса, ее можно будет заставить подписать нужный документ.

Но ведь она потребует прочесть этот документ, и они не решатся отказать ей в этом на глазах у народа, а во время чтения к ней опять может вернуться мужество, и тогда она откажется подписать его. Ну что ж, пусть даже так; препятствие можно обойти. Ей могут прочесть какую-нибудь коротенькую записку, не имеющую значения, а потом вместо нее незаметно подсунуть на подпись заранее заготовленную покаянную исповедь.

Но была еще одна помеха. Если бы им удалось заставить ее отречься от своих убеждений хотя бы для виду, это спасало бы ее от смертной казни. Они могли бы держать ее в церковной тюрьме, но не могли бы уничтожить физически. А это никак не устраивало англичан, жаждавших ее смерти. Живая – она вселяла в них ужас, будь-то в тюрьме или на свободе. Из двух тюрем она уже пыталась бежать.

Да, положение затруднительное! И все же не безвыходное. Кошон посулит ей некоторые льготы, она же, в порядке взаимных уступок, должна будет отказаться от мужской одежды. Конечно, своих обещаний он не выполнит и тем самым поставит ее перед необходимостью нарушить данное ею слово. За преступлением последует наказание, а костер к тому времени будет приготовлен.

Таковы были звенья единого замысла; оставалось привести его в исполнение в определен-

ной последовательности – и игра будет выиграна. И уже заранее намечался день, когда обманутую девушку, невинную, благороднейшую девушку поведут на казнь.

А время благоприятствовало. Жестокое, неумолимое время! Дух Жанны еще не был надломлен, он по-прежнему был бодр и могуч; но ее физические силы за последние десять дней сильно ослабели, а ведь и сильный дух нуждается в живительной поддержке здорового тела.

Теперь всему миру известно, что план Кошона был именно таков, каким я изложил его вам, но тогда мир этого не знал. Есть достаточные указания на то, что Варвик и прочие представители английских властей, за исключением самого высокого – кардинала Винчестерского, не были посвящены в этот заговор, а также на то, что с французской стороны знали о плане лишь Луазелер и Бопер. Иногда я даже сам сомневаюсь, что Луазелер и Бопер знали решительно все. Впрочем, кому же об этом знать, как не этим двум.

Существует обычай оставлять приговоренного к казни в последнюю ночь его жизни в покое, но если верить слухам того времени, то и в этой милости было отказано бедной Жанне. Луазелера тайком провели к ней, и там, под видом священника, друга, тайного сторонника французов и ненавистника англичан, он провел несколько часов, убеждая ее совершить «благочестивый и угодный богу поступок», а именно: подчиниться церкви, как и подобает доброй христианке; тогда она вырвется из когтей лютых англичан и ее немедленно переведут в церковную тюрьму, где к ней будут относиться с должным вниманием и приставят надзирательницами женщин. Он знал, чем ее можно тронуть. Он знал, как отвратительна ей была близость невежественных грубиянов из английской охраны; он знал, что ее «голоса» смутно обещали ей что-то и это «что-то» она истолковывала как освобождение, избавление, бегство, как возможность еще раз броситься на защиту Франции и победоносно завершить великое дело, доверенное ей небом. Было у них и другое соображение: если еще больше изнурить ее тело, лишив его отдыха и сна, то под утро ее усталый дремлющий ум при виде костра не сможет сопротивляться уговорам и запугиваниям, и она не заметит расставленных ловушек, которые сразу бы обнаружила, находясь в нормальном состоянии.

Незачем говорить, что я глаз не сомкнул в эту ночь. И Ноэль тоже. Мы отправились к главным городским воротам до наступления темноты с горячей надеждой, основанной на смутном предсказании «голосов» Жанны, якобы пообещавших, что ее освободят силой в последний час. Великая новость разнеслась как на крыльях; все только и говорили о том, что приговор Жанне д'Арк, наконец, вынесен, что он будет приведен в исполнение и что утром ее заживо сожгут на костре. Отовсюду к огромным воротам стекались толпы народа; многих, у кого был сомнительный пропуск или кто не имел его вовсе, солдаты в город не впускали. Мы пристально вглядывались в каждого встречного, но не нашли никого из наших товарищей и соратников, ни одного переодетого воина, словом, ни одного знакомого лица. И когда, наконец, ворота заперли, мы повернули обратно и побрели молча, печальные, грустные, не смея взглянуть друг другу в глаза.

На улицах было полно народу. Мы с трудом пробирались сквозь возбужденные толпы. Около полуночи, бесцельно блуждая, мы очутились недалеко от красивой церкви святого Уэна, где вовсю кипела работа. Площадь напоминала потревоженный муравейник: бесчисленное множество людей и сотни пылающих факелов. Через площадь по широкому проходу, охраняемому стражей, поденщики таскали доски и брусья в ворота кладбища. Мы спросили, что там строят; кто-то ответил:

– Помост и костер. Разве вы не знаете, что завтра утром здесь сожгут живьем французскую ведьму?

Мы ушли. Мы больше не могли здесь оставаться.

На рассвете мы снова были у городских ворот; на этот раз с новой надеждой, которую бессонная ночь, физическая усталость и лихорадочная работа мысли довели до полной уверенности. Мы услышали сообщение, что аббат городка Жюмьеж вместе со всеми своими монахами прибудет в Руан, чтобы присутствовать при казни. Наше воображение, подогретое пылким желанием, уже превращало этих девятьсот монахов в старых соратников Жанны, а их аббата – в Ла Гира, Дюнуа или герцога Алансонского; и мы смотрели, как тянется вереница монахов, как никто их не останавливает, как толпа почтительно расступается перед ними, и сердца наши учащенно би-

лись, комок подступал к горлу, а глаза наполнялись слезами радости и гордости; и мы старались заглянуть в их лица, прикрытые капюшонами, и если бы кто-нибудь из них оказался нашим боевым товарищем, мы бы дали им понять, что мы также сторонники Жанны и полны решимости сражаться за правое дело. Какими же, однако, глупцами мы были. Но мы были молоды, как вам известно, а молодость на все надеется и всему верит.

Глава XX

Утром я был уже на своем служебном посту, – на одном из помостов высотой в рост человека, воздвигнутом на кладбище у стен церкви святого Уэна. На этом же помосте толпились представители духовенства, знатные горожане и несколько юристов. Перед ним, на небольшом расстоянии, был воздвигнут другой помост пошире, с красивым навесом от дождя и солнца, устланный дорогими коврами; там стояло много удобных стульев и среди них в центре два тронных кресла, роскошных и высоких. Одно из них занимал представитель английского короля, принц крови, его высокопреосвященство кардинал Винчестерский, другое – Кошон, епископ города Бовэ. Рядом с ними и вокруг сидели три епископа, вице-инквизитор, восемь аббатов и шестьдесят два монаха и благочестивых законника, входивших в состав суда на процессе Жанны.

Шагах в двадцати перед этими двумя помостами находился третий, построенный из камня в виде усеченной пирамиды со ступеньками. В центре этого безобразного сооружения торчал позорный столб; у столба были навалены дрова и вязанки хвороста. У подножия пирамиды стояли три фигуры в ярко-красных одеждах – палач и его подручные. Перед ними – жаровня с кучей раскаленных угольев, а в стороне неподалеку – большая поленница сухих дров и хвороста, доставленных сюда не менее чем на шести возах. Как странно! На вид, кажется, мы так тщедушны, так беспомощны; и все же легче превратить в пепел гранитную статую, чем сжечь человеческое тело.

Вид приготовленного костра вызывал во мне острую физическую боль, болезненно трепетал каждый нерв в моем теле, но как я ни отворачивался, взор мой все время устремлялся туда: такова притягательная сила ужасного и необычного.

Пространство, занимаемое помостами и костром, было оцеплено английскими солдатами, стоявшими плечом к плечу плотной стеной, угрюмыми и величественными, в начищенных до блеска стальных доспехах; а за ними, во все стороны – море человеческих голов; всюду и везде, насколько можно было охватить глазом, в окнах и на коньках крыш расположились зрители.

Ни движения, ни шороха; казалось, все вымерло. Зловещая тишина усугублялась полумраком. Свинцово-серое небо было покрыто грозowymi тучами, низко нависшими над землей; на горизонте время от времени вспыхивали бледные зарницы, и глухое ворчание грома доносилось издалека.

Наконец, тишина была нарушена. Где-то за площадью послышались неясные, но такие знакомые звуки – грубая, отрывистая команда, и я увидел, как человеческое море расступилось и показалась группа людей, мерно двигающаяся к нам. Я вздрогнул, напряженно всматриваясь. Неужели Ла Гир со своими молодцами? Нет, не их шаги, не их выправка. Это под усиленной охраной вели Жанну д'Арк. Надежда моя угасла, сердце заныло в тоске. Слабую, измученную, ее все-таки заставили идти; они старались вымотать из нее последние силы.

Расстояние было невелико – всего несколько сот ярдов, но как бы ни был краток этот путь, он был не легким для человека, пролежавшего неподвижно в оковах несколько месяцев и почти разучившегося ходить. Ведь на протяжении целого года Жанна знала лишь холодные стены сырого каземата, а теперь должна была тащиться пешком в предгрозовой духоте хмурого весеннего утра. Когда она входила в ворота, шатаясь от изнеможения, возле нее, нашептывая ей что-то на ухо, все время вертелся гнусный Луазелер. Впоследствии мы узнали, что он пробыл у нее в темнице все это утро, изводя своими наставлениями и соблазняя коварными обещаниями. Еще и теперь, у кладбищенских ворот, он продолжал свое мерзкое дело, уговаривая ее уступить всему, что от нее потребуют здесь, и уверяя, что если она последует его совету, все будет хорошо: она

сразу же избавиться от ужасных англичан и обретет приют и убежище под надежной защитой матери-церкви. Подлая тварь, кретин с холодным жабым сердцем!

Поднявшись по ступенькам, Жанна присела на помост, закрыла глаза и уронила голову на грудь; и так сидела, сложив руки на коленях, отрешенная, безразличная ко всему, думая, очевидно, только об одном – покое. Она была бледна – бледна, как алебастровое изваяние.

Как оживилась вся эта многочисленная толпа, с каким жадным любопытством тысячи глаз рассматривали эту хрупкую девушку! И это естественно: люди понимали, что, наконец-то, они получили возможность хоть раз взглянуть на человека, которого они так давно мечтали увидеть, что перед ними та самая женщина, имя и слава которой наполнили всю Европу, затмив своим блеском имена и славу других; перед ними Жанна д'Арк – величайшее чудо своего времени, которому суждено быть чудом всех времен! Изумление было всеобщим, и я читал, как по книге, мысли народа: «Невероятно! Непостижимо! Может ли быть, чтобы это крохотное существо, эта девочка, прелестная девочка, милая, добрая девочка – брала Штурмом крепости и, возглавив войска, двигала их вперед к победе, сдувая, как пушинку, могущество Англии на всем пути своего следования, воевала без усталости и выдержала длительный бой, одинокая и покинутая всеми, со сворой учнейших мракобесов Франции, и выиграла бы этот свой последний бой наверняка, если бы борьба была честной и справедливой!»

Очевидно Кошон все же побаивался Маншона, заметив его явное сочувствие Жанне, ибо на месте Маншона оказался другой протоколист; таким образом, мы с моим хозяином остались не у дел и должны были сидеть и смотреть на происходящее.

Мне казалось, сделано было все, что только можно было придумать, чтобы изнурить тело и душу Жанны, но я ошибся; придумали еще одно издевательство – стали читать ей длинное нравоучение. Духота и жара становились невыносимыми.

Когда проповедник начал, она взглянула на него так печально, так тоскливо! – и снова опустила голову. Этим проповедником был Гийом Эرار, выдающийся оратор. Темой своей проповеди он избрал некоторые пункты пресловутых «Двенадцати наветов». Из этого мерзкого сосуда он черпал клевету и ложь и, смачивая их слюною бешенства, приукрашивая и преувеличивая, бесстыдно изрыгал на Жанну; он клеймил ее всеми оскорбительными именами и прозвищами, собранными в «Двенадцати наветах», и, по мере своего выступления, приходил во все большее и большее неистовство; но все его старания были напрасны. Жанна словно погрузилась в глубокую задумчивость и, казалось, ничего не слышала. Наконец, он разразился громовой тирадой:

– О Франция, как жестоко тебя обманули! Ты всегда была очагом христианства, а ныне Карл, именующий себя твоим королем и правителем, как еретик и вероотступник, возлагает свои упования на слова и деяния презренной и гнусной женщины!

Жанна подняла голову, и глаза ее сверкнули. Проповедник тотчас же обратился к ней: – Тебе я говорю это, Жанна, и повторяю еще раз: твой король вероотступник и еретик!

Ах, ее лично он мог поносить и оскорблять сколько угодно – она стерпела бы все, но и в свой смертный час она не могла допустить, чтобы кто-нибудь задевал честь этого неблагодарного пса, этого предателя – нашего короля, первейший долг которого – в эту минуту находиться здесь с мечом в руке, чтобы разогнать этих гадин и спасти человека, служившего ему верой и правдой, человека, которым мог бы гордиться любой король. И он бы, конечно, был здесь, не будь он таким, как я его только что назвал. Благородная душа Жанны была глубоко уязвлена, она повернула голову к проповеднику и бросила ему в лицо несколько слов с такой страстностью, которая сразу подтвердила толпе все то, что она знала о неукротимом духе Жанны д'Арк.

– Клянусь своей верой, – сказала она, – клянусь перед лицом смерти, что он благороднейший из всех христиан, честнейший и преданнейший сын веры и церкви.

Послышались бурные аплодисменты. Толпа приветствовала Жанну. Это разозлило проповедника, жаждавшего заполучить этот знак признания в свой адрес и теперь обманувшегося в своих лучших ожиданиях. Это что же такое? Он трудился в поте лица, а награда досталась другому! Он топнул ногой и крикнул шерифу:

– Заставьте ее прикусить язык! – Его крик вызвал общий смех.

Толпа не могла питать уважения к дюжему мужчине, призывающему полицейскую власть

для того, чтобы защитить его от несчастной, истерзанной девушки.

Одной фразой Жанна повредила его усилиям больше, чем он помог черному делу сотней красноречивейших фраз. Проповедник был смущен, и ему нелегко было оправиться, чтобы продолжать свою проповедь. Впрочем, напрасно он так волновался: толпа, в подавляющем большинстве, поддерживала англичан. Она лишь на мгновение поддалась закону человеческой природы – непреклонному закону откликаться и рукоплескать бойкому и меткому возражению, кто бы его ни сделал. В сущности, толпа была за проповедника и, пошумев немного, быстро успокоилась. Ведь эти люди собрались сюда поглядеть, как будут сжигать Жанну д'Арк, и если это свершится без большой задержки, они останутся довольны.

Но вот проповедник потребовал от Жанны безоговорочного подчинения церкви. Он предъявил это требование с большой уверенностью, ибо от Луазелера и Бопера получил заверения, что она истощена и измучена предельно и оказывать сопротивление больше не в состоянии. Действительно, глядя на нее, можно было с этим согласиться. Тем не менее, она еще раз попыталась защищаться и ответила слабым голосом:

– Что касается существа дела, то я уже предлагала моим судьям передать все сведения о моих словах и поступках нашему святейшему отцу папе, к которому, а прежде всего к богу, я и взываю.

Опять таки, по своей природной мудрости, сама того не сознавая, она сделала важнейшее заявление. Но теперь, когда готов был костер, а вокруг стояли тысячи врагов, ее слова уже ничем не могли ей помочь; и все же, услышав их, церковники побледнели, а проповедник, учув опасность, поспешил перевести речь на другое. И не удивительно, что эти злодеи испугались; ведь обращение Жанны к папе лишало Кошона его юридических прав и аннулировало все, что им и его судьями было состряпано до сих пор и могло быть сделано впредь.

Затем Жанна повторила, что все ее действия и высказывания определялись волею божьей, но потом, когда попытались вторично замешать в это дело короля и близких к нему лиц, она резко оборвала оратора:

– Ответственность за мои слова и поступки, – заявила она твердо, – не падает ни на моего короля, ни на кого-либо другого. Если в них и есть какая-либо ошибка, отвечаю за все я, и никто другой.

Ее спросили, согласна ли она отречься от тех слов и действий, которые ее судьями были признаны греховными и преступными. Ее ответ снова вызвал замешательство:

– Я взываю к богу, и пусть нас рассудит бог и папа.

Опять папа! Священники попали в тупик. Перед ними был человек, от которого требовали, чтобы он подчинился церкви, и он охотно соглашается, признает власть ее главы и законно апеллирует к этой власти. Чего же еще от нее требовать? И как отвечать на такое неожиданное предложение?

Озадаченные судьи, собравшись в кучу, начали шептаться, спорить и доказывать. Наконец они пришли к довольно неуклюжему предлогу, по-видимому лучшему, какой только могли найти при сложившихся обстоятельствах: они заявили, что папа чересчур далеко, что, во всяком случае, нет особой надобности обращаться к нему, ибо присутствующие здесь судьи облечены надлежащими полномочиями и достаточно авторитетны, чтобы довести дело до конца, и что они в полной мере олицетворяют церковь. В другое время и в другом месте они, возможно, сами бы посмеялись над подобным чванством, но теперь им было не до смеха.

Толпа начинала проявлять нетерпение. Положение становилось угрожающим. Людям надоело стоять, все изнемогало от жары, к тому же надвигалась гроза; на горизонте все чаще и чаще сверкали молнии, и все явственнее слышались отдаленные раскаты грома. Надо было поторапливаться. Эрар показал Жанне документ, заранее заготовленный, и потребовал от нее отречения.

– Отречения? Какого отречения?

Она не понимала этого слова. Судья Масье разъяснил ей. Истерзанная, измученная, она напрягала все свои силы, но никак не могла уловить смысл того, что от нее требовали. Все смешалось у нее в голове. И, отчаявшись, она воскликнула голосом, полным мольбы:

– Взываю ко вселенской церкви, должна я отречься или нет?

Эрар провозгласил:

– Ты должна отречься, сейчас же, или будешь сейчас же сожжена!

Услышав эти страшные слова, она подняла голову и только теперь впервые увидела костер и жаровню с раскаленными углями, казавшимися еще более красными, еще более жуткими в предгрозовом сумраке. Задыхаясь, она вскочила с места, бормоча что-то бессвязное и растерянно оглядываясь, ошеломленная, потрясенная, испуганная, словно ее внезапно разбудили и она не знает, где находится.

Священники, как стая воронов, сгрудились вокруг нее, умоляя подписать бумагу; со всех сторон раздавались голоса, требующие, просящие, умоляющие; в толпе слышались истерические крики.

– Подпиши, подпиши! – уговаривали священники.

– Подпиши, подписывай – и будешь спасена! – доносилось отовсюду.

А Луазелер, как дьявол, шептал ей на ухо:

– Делай, как я говорил тебе, не губи себя! Жанна посмотрела на окружающих, и голос ее прозвучал, как стон:

– Ах, нехорошо вы делаете, соблазняя меня.

Судьи присоединились к общему требованию и, желая показать, что сердцам их не чуждо сострадание, ласково обратились к Жанне:

– О, Жанна, нам так жаль тебя! Возьми назад свои показания, иначе мы будем вынуждены свершить приговор.

И тогда зазвучал еще один голос, с высокого помоста – голос торжественный и властный, прокатившийся по площади, как похоронный звон, – голос Кошона, читавшего смертный приговор.

Силы Жанны иссякли. Несколько мгновений она стояла, дико и бессмысленно озираясь, потом медленно опустилась на колени, склонила голову и сказала:

– Я повинуюсь.

Ей не дали опомниться, понимая, чем это грозит. Как только роковые слова сорвались с ее уст, судья Масье начал читать ей текст отречения, и она повторяла за ним каждое слово машинально, бессознательно и улыбаясь; ее мысли витали где-то далеко-далеко, в мире ином и прекрасном.

Затем этот краткий документ, всего в шесть строк, незаметно спрятали, а на его место подложили другой в несколько страниц, и она, ничего не заметив, поставила на нем свой крестик, при этом трогательно извинилась, что писать не обучена. Но секретарь английского короля был тут как тут и любезно согласился помочь ее горю: он водил ее рукой, и она начертала свое имя: «Jehanne», Великое злодеяние было совершено. Она подписала – что? Этого она не знала; зато другие знали, хорошо знали. Она подписала бумагу, в которой признавала себя колдуньей, сообщницей нечистой силы, лгуньей, хулильницей бога и его ангелов, кровожадной бунтовщицей, сеятельницей смуты, гнусной посланницей сатаны; эта же подпись обязывала ее снова облечься в женскую одежду. Были там и другие обязательства, предусмотрительно придуманные, чтобы погубить ее.

Луазелер протиснулся вперед и похвалил ее за смирение и за «благодостный труд сегодняшнего дня». Но она все еще была как во сне и едва слышала, что ей говорят.

Вслед за этим Кошон произнес слова, отменяющие вердикт об отлучении и возвращающие ее в лоно столь любимой ею церкви со всеми дорогими для нее привилегиями веры. О, это она расслышала! Лицо ее прояснилось, выражая глубокую признательность и даже радость.

Но как непродолжительно было это счастливое мгновение! Кошон без малейшего смущения добавил следующие убийственные слова:

– А дабы она могла раскаяться в своих грехах и не повторяла их впредь, она приговаривается к пожизненному заключению и будет питаться хлебом скорби и водой душевных страданий.

Пожизненное заключение! Ей это и не снилось, никогда ей не намекал на это ни Луазелер, ни кто-либо другой. Луазелер определенно говорил, что «все обойдется хорошо». А заключи-

тельные слова Эрара здесь на этом самом помосте, когда он убеждал ее отречься от своих заблуждений, были прямым и недвусмысленным обещанием: если она последует его совету, ее немедленно освободят.

Какое-то мгновение она стояла безмолвно, точно пораженная громом; потом ее вдруг осенила мысль: она с облегчением вспомнила, что было еще одно обещание, данное ей самим Кошоном, – обещание перевести ее в церковную тюрьму, под надзор милосердных монахинь вместо грубых иноземных солдат. И, покорная, грустная, она обратилась к собранию священников:

– Ну что же, служители церкви, ведите меня в вашу тюрьму, не оставляйте меня в руках англичан, – и с этими словами она подняла свои цепи и приготовилась идти.

Но, увы, последовало постыдное распоряжение Кошона, сопровождаемое наглой усмешкой:

– Отведите ее в ту тюрьму, откуда ее привели!

Бедная обманутая девушка! Она стояла пораженная, подавленная, убитая горем. Ее обманули, оклеветали, предали, – и теперь она ясно увидела это.

Бой барабанов нарушил гробовую тишину, и на какой-то миг она поверила в чудесное избавление, обещанное ей «голосами» – я прочел это на ее просиявшем лице, в ее взгляде; потом она поняла: явилась тюремная стража, чтобы забрать ее; она поняла все, и лучистые глаза ее погасли, погасли навсегда. Но вот она вздрогнула, голова ее закачалась, как у человека, терпящего невыносимую боль, или у обреченного, которому пронзили сердце; медленно, усталой поступью она удалялась от нас, закрыв лицо руками и горько рыдая.

Глава XXI

У нас нет оснований утверждать, что в Руане, кроме кардинала Винчестерского, были еще люди, посвященные в тайну той скрытой игры, которую вел Кошон. Теперь вы можете себе представить, как велико было изумление многотысячной толпы горожан на площади и церковников на обоих помостах: все буквально остолбенели, увидев, что Жанна д'Арк, жива и невредима, вырвалась из когтей и ускользает после столь сложных приготовлений и такого томительного ожидания.

Долгое время никто не шевельнулся и не мог вымолвить ни слова: столь невероятным казался факт, что великолепное Сооружение из дров осталось незанятым, а его добыча ушла. Наконец гнев прорвался: послышались яростные крики, проклятия, обвинения в предательстве, полетели даже камни, и один увесистый голыш, брошенный чьей-то меткой рукой, чуть не убил кардинала Винчестерского – просвистел у него над ухом. Но того, кто его запустил, вряд ли можно упрекнуть за промах, – человек был раздражен, а когда человек раздражен, он никогда не попадает в цель.

Толпа на площади бушевала. Церковники на помостах ссорились между собой. Капеллан кардинала разошелся настолько, что, позабыв всякие приличия, напал на его преосвященство епископа города Бовэ и, потрясая кулаком перед его носом, воскликнул:

– Клянусь богом, ты изменник!

– Лжешь! – возразил епископ. Это он-то изменник?

И с ним, пожалуй, можно согласиться. Во всяком случае, англичанин не имел права обвинять его в измене, ибо из всех французов, предавших родину, Кошон был самым последовательным слугой своих господ.

Граф Варвик также потерял самообладание. Он был доблестным воином, но когда требовалась сообразительность, когда в дело замешивались интриги, происки и плутовство, – тут он не был догадливей других. В простоте душевной он искренне негодовал и клялся, что с королем Англии обошлись вероломно и что Жанну д'Арк преднамеренно уберегли от костра. Но ему ласково шепнули на ухо:

– Не волнуйтесь, милорд, скоро она опять будет в наших руках.

По всей вероятности, новость уже успела распространиться, ибо хорошие вести столь же крылаты, как и дурные. Так или иначе, шум утихал, да и само огромное море народа постепенно

убывало, растекалось мелкими ручейками, и, наконец, к полудню этого черного четверга площадь опустела.

Мы, двое юношей, были счастливы, безгранично счастливы, счастливы как никогда; и мы не скрывали своей радости. Жанна была спасена! Мы это знали, и этого было достаточно. Франция узнает об этом ужасном дне – и тогда!.. О, тогда ее доблестные сыны, тысяча за тысячей, колонна за колонной явятся сюда, и гнев их будет, как гнев океана, разбуженного штормовым ветром; волна за волной они обрушатся на этот обреченный город, – и Жанна д'Арк снова поднимется на гребне народной волны, поднимется – и возглавит новый поход! Через шесть-семь дней, через неделю не больше – благородная Франция, благодарная Франция, негодующая Франция загремит у руанских ворот. Будем же считать часы, минуты, секунды! О день счастья и упоительного восторга! Как бьется и поет сердце в груди!

Мы были молоды тогда, мы были очень молоды...

Вы думаете, изнуренной пленнице дали возможность отдохнуть и выспаться после того, как она, израсходовав жалкий остаток своих сил, добралась, наконец, до своей темницы?

Нет, да и могла ли она отдыхать, когда по ее следам гналась эта черная собачья свора? Кошон и несколько других его приспешников тотчас же явились к ней в знакомый им каземат. Они нашли ее в состоянии близком к обмороку, неподвижно сидящей в углу. Они напомнили ей, что она отреклась и дала определенные обещания, в том числе – обещание переодеться в женскую одежду, и что, если она опять впадет в ересь и вернется на путь заблуждений, церковь отвернется от нее навсегда. Она терпеливо их слушала, но смысла слов не улавливала. Как больной, принявший слишком большую дозу снотворного, она жаждала лишь одного: забыться, заснуть, освободиться от своих назойливых мучителей и остаться в одиночестве, и она механически делала все, что требовал от нее Кошон, почти не имея представления о том, что она делает и чем это все может кончиться. Она без возражений надела платье, принесенное ей Кошоном и его прихвостнями, и, лишь надев его, постепенно начала приходить в себя и смутно догадываться, что с нею произошло.

Кошон удалился счастливый и удовлетворенный: наконец-то Жанна облеклась в женскую одежду; кроме того, ей по всей форме было сделано предупреждение об ответственности за малейшее нарушение взятых ею обязательств. Он был непосредственным очевидцем этих фактов. Чего же еще желать лучшего?

А что если нарушений не будет?

В таком случае ее надо заставить, создать для этого условия.

Разве Кошон не намекнул английской страже, что отныне, если охрана сочтет необходимым применить к ней самый жесткий, самый суровый режим, она может действовать, не опасаясь последствий: официальные власти будут смотреть на все сквозь пальцы? Конечно, намекнул и весьма прозрачно намекнул. Меры были приняты, и с этого дня жизнь Жанны в тюрьме стала невыносимой. Не спрашивайте меня о подробностях – я не в силах об этом рассказывать.

Глава XXII

Пятница и суббота были для нас с Ноэлем счастливыми днями. Мы погрузились в мечтания. Нашему взору представлялась Франция восставшая, Франция на коне, Франция в походе, Франция у ворот Руана. Ура!.. Руан обращен в пепелище, и Жанна освобождена. Наше воображение пылало, сердца наполнялись гордостью, в сладком восторге кружилась голова. Ах, юность, юность!.. Но об этом я, кажется, уже говорил.

Мы, конечно, ничего не знали о том, что происходило в тюремной башне в четверг после полудня. Мы полагали, если Жанна отреклась от всего и снова принята в лоно всепрощающей церкви, то теперь с ней должны обращаться хорошо и ее пребывание в тюрьме будет, по меньшей мере, сносным. Довольные и спокойные за будущее, мы строили всевозможные планы и горячо обсуждали свое участие в предстоящей борьбе за освобождение нашей дорогой узницы в эти радостные два дня, счастливейшие из всех памятных дней моей жизни.

Наступило воскресное утро. Я проснулся рано, наслаждаясь теплой, солнечной погодой и

размышляя. Размышляя, как всегда, об освобождении Жанны – о чем же еще? Это была моя единственная мысль, единственная цель, и я уже предвкушал счастливый исход.

Вдруг откуда-то издали, вероятно с улицы, раздались голоса; вскоре они приблизились, и я отчетливо услышал:

– Жанна д'Арк снова твердит свое! Пора покончить с колдуньей!

Я оцепенел, кровь застыла в моих жилах. Хотя это случилось более шестидесяти лет тому назад, эти слова до сих пор звенят у меня в ушах, как и в то давно прошедшее светлое майское утро. Как странно устроен человек: воспоминания о том, что переполнило нас счастьем, исчезают бесследно, но как упорно держатся наши горькие воспоминания!..

Вскоре и другие голоса подхватили этот крик – десять, двадцать, сто, тысяча голосов; казалось, весь мир наполнился жестоким злорадством. Шум нарастал: топот и шлепанье бегущих, веселые приветствия, громкий смех, трескотня барабанов, гул и грохот духового оркестра, оскверняющего неуместной музыкой святость воскресного дня.

Около полудня Маншону и мне было приказано явиться к Жанне в тюрьму – приказано самим Кошоном. К этому времени подозрения среди англичан и их солдат вспыхнули с новой силой, и весь Руан был в крайнем раздражении. Мы могли видеть достаточно примеров этому из своих окон, мимо которых, потрясая кулаками, сновали взад и вперед разъяренные толпы людей с искаженными злобой лицами.

Вскоре мы узнали, что и в самой крепости обстановка была угрожающей; там у ворот собралась огромная толпа горожан, считавших, что версия о новых преступлениях Жанны – не что иное, как новая ложь, очередной подвох этой свиньи – Кошона. В толпе было немало полупьяных английских солдат, которые уже не ограничивались руганью и криками, а дали волю рукам. Они схватили нескольких ретивых святых отцов, пытавшихся проникнуть в замок; едва-едва удалось вырвать их и спасти от неминуемой расправы.

Маншон, услышав об этом, отказался идти. Он заявил, что не сделает ни шагу без личной охраны от графа Варвика. На следующее утро Варвик прислал десяток солдат, и мы отправились. За истекшие сутки волнения не только не улеглись, но еще больше усилились. Правда, солдаты защищали нас от телесных увечий, но когда мы пробирались сквозь толпу у стен крепости, нас буквально смешивали с грязью, оскорбляя всячески. Я терпеливо все выносил, а в душе, не без тайного удовольствия, говорил себе: «Ничего, ребята, через три-четыре дня ваши длинные языки начнут болтать иначе. Интересно будет послушать, как это получится».

По моему мнению, это были люди обреченные. Сколько из них уцелеет после того, как свершится предстоящее освобождение? Ведь их горстка – палачу работы на полчаса, не больше.

Но, как оказалось, слухи не были лишены оснований. Жанна нарушила взятое на себя обязательство. Она сидела в своей камере в цепях, одетая по-прежнему в мужское платье.

Она никого не винила, не жаловалась, не упрекала. Не в ее обычае было обвинять слугу за то, что он выполнил приказ своего хозяина; теперь ум ее прояснился, и она ясно сознавала, что преимущество, которое они возымели над ней со вчерашнего утра, исходило не от подчиненных, а от хозяина, от ее злейшего врага – Кошона.

А случилось вот что. Ранним утром, в воскресенье, пока Жанна спала, один из охранников выкрал ее женское платье, а на его место подложил мужское. Проснувшись, она увидела, что одежда не та, и попросила вернуть ей женское платье, но ей в этом отказали. Она заявила протест, ссылаясь на то, что ей запрещено носить мужскую одежду. Но стража упорствовала. Из простого чувства стыдливости она вынуждена была снова одеться в мужское, более того, она поняла, что ей уже не спасти свою жизнь, если на каждом шагу ей приходится бороться с таким неслыханным вероломством, и она оделась в мужскую одежду, заранее зная, чем это кончится. Она изнемогла в борьбе, бедняжка.

Мы проследовали за Кошоном, вице-инквизитором и другими священниками (их было шесть или восемь – не помню), и я увидел Жанну сидящей на своей кровати – измученную, подавленную, все еще в оковах. А ведь я надеялся найти ее совсем в ином положении. И теперь я не знал, что мне делать, как быть. Удар был слишком велик. Я сразу же отбросил мысль, что она изменила своему обещанию. Возможно, я и верил слухам, но понять, как это произошло, не мог.

Победа Кошона была полной. Долгое время он ходил раздраженный, озабоченный, угрюмый, но теперь эта хмурость с него сошла, уступив место тупому, безмятежному самодовольству. Его багровое прыщеватое лицо расплылось в злорадной улыбке. Он шел, влача свою пышную фиолетовую сутану, и остановился перед Жанной, широко расставив ноги; и так стоял с минуту, впери в нее хищный взгляд и явно наслаждаясь видом этого несчастного, загубленного создания, завоевавшего ему столь высокое место среди верноподданных слуг кроткого и милосердного владыки вселенной, спасителя мира – господина нашего Иисуса Христа, при условии, конечно, если англичане сдержат слово, данное этому выродку, этому живому олицетворению вероломства.

Судьи немедленно приступили к допросу. Один из них, некий Маргери, человек скорее наблюдательный, чем осторожный, заметив перемену в одежде Жанны, сказал:

– Тут что-то не так. Вряд ли это могло случиться без постороннего вмешательства. Не скрывается ли за этим нечто худшее?

– Тысяча чертей! – завопил Кошон в ярости. – Или вы заткнете свою глотку, или вам поставят кляп!

– Арманьяк! Предатель! – закричали солдаты охраны и, выставив алебарды, бросились на Маргери.

С трудом удалось их удержать. Прямодушный судья легко мог поплатиться жизнью. Бедняга отошел в сторону и больше не осмеливался помогать следствию. Допрос продолжался.

– Ты почему оделась в мужскую одежду?

Ответа Жанны я не расслышал, ибо в этот момент у одного из солдат алебарда выскользнула из рук и с грохотом упала на каменные плиты пола; но мне показалось, будто Жанна сказала, что таково было ее желание.

– Но ты же обещала и поклялась быть во всем послушной.

Я с трепетом ждал ее ответа, и, когда ответ последовал, он оказался таким, как я и предполагал. Она спокойно сказала:

– Не помню. Я не думала и не намеревалась давать такой клятвы.

Мои опасения подтвердились. Я ведь был уверен, что в четверг, стоя у костра, она говорила и действовала бессознательно, и ее ответ доказал это.

– Вы же сами дали мне право снова надеть мужскую одежду, – продолжала она. – Вы первые нарушили свое слово. Вы обещали допустить меня к мессе и к причастию, вы обещали избавить меня от цепей; но, как видите, они до сих пор на мне.

– И все же ты отреклась и дала клятву не облекаться больше в мужскую одежду.

Тогда Жанна, охваченная скорбью, простерла свои закованные руки к этим бесчувственным людям и промолвила с потрясающей искренностью:

– Лучше умереть, чем терпеть эти муки. Но если с меня снимут цепи, если мне разрешат слушать мессу, если меня переведут в монастырскую тюрьму и приставят надсмотрщицей женщину вместо мужчины, то я покорюсь и буду послушно выполнять все, что вы сочтете за благо.

Кошон лишь презрительно фыркнул. Оказать ей честь и соблюсти соглашение? Выполнить ее условия? К чему это? Игра стоила свеч, пока было выгодно; а теперь, когда дело выиграно, в расчет следует принимать другое, более важное. Она изблечена, она в мужской одежде, и этого достаточно. Но нельзя ли ее спровоцировать еще? Изблечить в новых нарушениях, дополнительно к содеянному? И Кошон, сурово напомнив ей об отречении, спросил, была ли у нее беседа с «голосами» после четверга, при этом он напомнил ей об ее отречении.

– Да, – ответила она.

Да, у нее была беседа с «голосами» и, как я полагаю, именно об отречении. Она чистосердечно заверила их еще раз, что ее миссия от бога, причем говорила все это совершенно спокойно, не допуская и мысли, чтобы она могла когда-либо сознательно отречься от этого. Таким образом, я еще раз убедился, что она не имела ясного представления о том, что она делала в четверг утром, стоя у костра. Наконец, она сказала:

– Мои голоса сказали мне, что я допустила большую ошибку, признав греховными все дела свои.

Она вздохнула и добавила с трогательной простотой:

– Но я так боялась огня и, вероятно, поэтому допустила ошибку.

Итак, боязнь огня заставила ее подписать бумагу, содержания которой она не понимала тогда, но поняла теперь по откровению «голосов» и по свидетельству своих гонителей.

Теперь она была в здравом рассудке, менее измучена; к ней снова вернулось ее мужество, а с ним и природная правдивость. Она спокойно и смело говорила правду, сознавая, что тем самым обрекает себя на мучительную смерть в том самом огне, которого так страшилась.

Ее ответ был пространен, откровенен, она ничего не утаивала и ничего не смягчала. Я вздрогнул, услышав ее исповедь, мне стало ясно: она сама себе выносит смертный приговор. То же почувствовал и бедный Маншон. И он написал на полях протокола:

«Responsio mortifera» – роковой ответ.

Да, ее ответ был роковым, и все это знали. Наступила гнетущая тишина, как в комнате умирающего, когда его близкие прислушиваются и, тяжело вздыхая, шепчут друг другу: «все кончено».

Здесь тоже все было кончено, но Кошон, желая вколотить еще один гвоздь в готовый гроб, обратился к Жанне со следующим вопросом:

– Ты все еще веришь, что тебе являлись святая Маргарита и святая Екатерина? Это были их «голоса»?

– Да, и они исходят от бога.

– Но ты же отреклась от них на эшафоте?

Тогда Жанна заявила во всеуслышание, что она никогда не имела намерения отрекаться от них и что если (я подчеркиваю это «если») она на эшафоте и отступила от истины, то лишь из боязни быть сожженной на костре.

Как видите, все вернулось к старому. Конечно, она не знала и никогда бы не вспомнила того, что говорила там, если бы ей не подсказали эти люди и ее «голоса».

И она закончила свою исповедь печальными, трогательными словами:

– Позвольте мне умереть. Покарайте меня сразу, чтобы я долго не мучилась. Я не могу больше выносить заточения.

Душа, рожденная для света и свободы, так истомилась в неволе, что готова была принять избавление в любой его форме, даже в такой.

Кое-кто из судей был смущен и даже опечален, но большинство не проявляло никакого сочувствия. Во дворе замка мы встретили графа Варвика и полсотни англичан, с нетерпением ждавших новостей. Не успев поравняться с ними, Кошон со смехом воскликнул – да, да, этот гнусный могильщик, погубивший невинную, беспомощную, покинутую всеми девушку, смеялся и радостно потирал руки:

– Можете быть спокойны – с ней все покончено!

Глава XXIII

Юность легко впадает в отчаяние, – и мы с Ноэлем убедились в этом; но юности свойственно как же легко переходить от отчаяния к надежде, – и надежды окрылили нас. Мы снова вспомнили смутные обещания ее «голосов» и сказали друг другу, что славное освобождение свершится в последний момент, – что все, что было, это еще не последний момент, и только теперь приближается час великих свершений: явится король, подоспеет Ла Гир, явятся наши ветераны, а за ними – и вся Франция.

Итак, мы снова воспрянули духом, и нам уже слышалась – в воображении, конечно, – волнующая музыка боя: нарастающий гул атаки, яростные крики, звон и скрежет железа; мысленно мы уже могли представить себе нашу пленницу свободной, сбросившей цепи, с мечом в руке.

Но сладостная мечта, озарив наши души, быстро исчезла. Поздно вечером ко мне явился Маншон и сказал:

– Я только что из тюрьмы, и у меня к вам поручение от этой несчастной.

Поручение ко мне! Если бы он был более наблюдательным, мне думается, он сразу бы до-

гадался, кто я, – понял бы, что мое равнодушие к судьбе узницы – только притворство, ибо, достигнутый врасплох, я был так растерян, так тронут этой высокой честью, что не мог утаить своих чувств.

– Поручение ко мне, ваше преподобие?

– Да. Она хочет, чтобы вы что-то для нее сделали. Она сказала, что заметила молодого человека, который мне помогает в суде, что у него доброе лицо; она спросила меня, не будет ли он столь любезен оказать ей одно одолжение. Я ответил: конечно, вы окажете, и спросил ее, что она имеет в виду. Она сказала, что имеет в виду письмо, – не напишете ли вы письмо ее матери? Я сказал: конечно, вы напишете, и добавил, что сам готов это сделать для нее с удовольствием. Но она не согласилась, мотивируя свой отказ тем, что я и без того загружен работой, а вот вашему молодому помощнику, сказала она, не составит особого труда оказать небольшую услугу человеку, не умеющему ни читать, ни писать. Я сказал, что сейчас же пошлю за вами, и она как-то сразу просияла. Она даже улыбнулась, будто готовилась к встрече с близким другом. Бедная девушка! Но мне не разрешили. Как я ни старался – ничего не помогло; приказ остается приказом: вход в тюрьму строго воспрещен, туда допускаются лишь официальные лица, как и прежде. Я вернулся ни с чем и сказал ей об этом, она вздохнула и опять опечалилась. Вот что она просит вас написать ее матери. Должен признаться, мне ее послание кажется несколько странным и бессвязным, но она уверяла, что мать ее все поймет. Передайте от нее «пламенную любовь и низкий поклон семье и всем деревенским друзьям» и скажите, что «спасение не придет, ибо в эту ночь – и это уже в третий раз в течение года, в последний раз – ей привиделось Дерево».

– Как странно!

– Да, действительно странно, но она именно так сказала и заверила, что ее родители все поймут. Потом, погрузившись в мечтания, она вдруг заговорила сама с собой; из ее шепота я разобрал несколько слов какой-то песни или баллады, которые она повторила два или три раза, и они, очевидно, приносили ей отраду и утешение. Я записал эти строки, полагая, что они имеют какое-то отношение к ее письму и могут быть полезны; но вижу, что нет, – это просто обрывки воспоминаний, проносящихся в усталом уме, лишённые смысла, или во всяком случае прямой связи с ее просьбой.

Я взял у него бумагу и нашел в ней именно то, что подсказывало мне мое сердце:

А в горький час тоски по ней
Яви их взору сень ветвей, –
Земли родной виденье!

Надежды больше не было. Теперь я это знал. Я знал, что письмо Жанны было посланием к нам с Ноэлем точно так же, как и к ее семье, и что Жанна хотела развеять наши иллюзии и лично заявить: удар неотвратим, и нам, ее солдатам, следует принять его как должное и покориться воле божьей и, покоряясь неизбежному, найти в этом утешение. Это было похоже на нее: она всегда думала не о себе, а о других. Да, сердце ее болело за нас; она все время думала о нас, самых скромных из ее подчиненных, и старалась смягчить наше горе, облегчить бремя наших забот, – она, которая допивала свою горькую чашу до дна, она, которая вступала в долину смертных теней.

Я написал это письмо. Вам понятно, чего мне это стоило, и о своих чувствах я умолчу. Я написал его той самой деревянной палочкой – «стилем», которой были мною начертаны на пергаменте первые слова, продиктованные Жанной д'Арк – ее воззвание к англичанам с требованием покинуть Францию; это было два года тому назад, когда она была семнадцатилетней девушкой, а теперь этим самым «стилем» я начертал ее последние слова, ее прощальные слова. И тогда я сломал палочку. Перо, служившее верой и правдой Жанне д'Арк при жизни, после ее смерти не должно было служить никому на земле, – это было бы профанацией!

На следующий день, 29 мая, Кошон вызвал своих приспешников, и сорок два из них были тут как тут. Отрадно сознавать, что остальные двадцать человек устыдились и не пришли. Эти сорок два судьи признали Жанну неисправимой еретичкой и постановили передать ее в руки

гражданских властей. Кошон поблагодарил их. После чего он распорядился, чтобы утром следующего дня Жанну доставили на площадь, называемую Старым Рынком; там она должна быть передана судьям гражданским, а те, в свою очередь, передадут ее палачу. Это означало, что она будет сожжена на костре.

Всю вторую половину дня и весь вечер вторника 29 мая распространялась эта весть, и люди из окрестностей стекались в Руан, чтобы увидеть трагедию; по крайней мере, все те, кто мог доказать свои симпатии к англичанам и рассчитывал на получение пропуска. Давка на улицах усиливалась с каждым часом, возбуждение толпы – тоже. И снова мне бросилась в глаза одна характерная черта, которую я наблюдал и раньше: многие в душе жалели Жанну. Всякий раз, когда над ней нависала большая опасность, в народе проявлялась эта хорошая черта; так и теперь – на многих лицах можно было прочесть безмолвную скорбь.

В среду рано утром Мартин Ладвеню и еще один монах были посланы к Жанне, чтобы приготовить ее к казни; Маншон и я отправились с ними, – тяжкая мне выпала участь. Мы шли по темным, гулким коридорам, сворачивая то в одну, то в другую сторону, все глубже и глубже проникая в огромное чрево каменного замка, пока, наконец, не очутились перед Жанной. Не замечая нас, она сидела в глубокой задумчивости, сложив на коленях руки и опустив голову; лицо ее было очень печально. О чем она думала в эти последние минуты? Кто это мог знать! О доме, о мирных пастбищах, о друзьях, с которыми ей никогда больше не суждено увидаться? О своих горьких обидах, о своем одиночестве, о жестокостях, которые обрушились на нее? Или о смерти, той смерти, которой она желала и которая теперь была так близка? А, может быть, о той мучительной смерти, которая была ей уготована? Надеюсь, не о ней, ибо она боялась больше всего такой смерти и самая мысль о ней повергала ее в ужас. Она так боялась казни, что, мне казалось, силою воли должна была подавить в себе страх, думать о лучшем и, уповая на бога, ждать легкой и мирной кончины. А следовательно, страшная весть, которую мы ей принесли, могла быть для нее полной неожиданностью.

Некоторое время мы молча стояли перед нею, но она все еще не замечала нас, поглощенная своими грустными мыслями. Наконец Мартин Ладвеню негромко окликнул: – Жанна!

Вздрогнув, она взглянула на него и со слабой улыбкой отозвалась:

– Говорите. Вы что-то хотите сообщить мне?

– Да, бедное дитя мое. Постарайся перенести это. Как ты считаешь, ты сможешь перенести?..

– Да, – промолвила она тихо и снова поникла головой.

– Я пришел приготовить тебя к смерти.

Легкий трепет пробежал по ее измученному телу. Тягостная, гнетущая пауза. Сердца наши учащенно бились. Наконец она спросила все тем же тихим голосом:

– Когда?

Откуда-то издали послышался глухой, заунывный церковный звон.

– Сейчас. Время уже подходит. И опять по ее телу – легкая дрожь.

– Уже! Так скоро!

И снова молчание – гнетущее, тягостное. Лишь мерные удары колокола, повторяемые эхом в гулких коридорах замка. И мы, окаменев, стояли и слушали этот погребальный звон. Жанна спросила:

– Какой смертью я должна умереть?

– На костре.

– О, я так и знала! Так и знала! – Она вскочила как безумная, вцепилась пальцами в свои волосы и, дрожа всем телом, начала рыдать. Она изливала свою скорбь в слезах и причитаниях, обращаясь то к одному, то к другому, с мольбою вглядывалась в наши лица, ища у нас помощи и участия. Бедная, бедная, она судила о других по себе, ибо сама никогда не отказывала в этом ни одному живому существу, даже раненым врагам своим.

– Жестокие, жестокие люди, что вы со мной делаете! Неужели мое тело, никогда никем не оскверненное, должно быть сегодня же предано огню и превращено в пепел? Ах, я предпочла бы, чтобы мне семь раз отрубили голову, нежели принять такую мучительную смерть! Они же

обещали, если я подчинюсь им, перевести меня в тюрьму при монастыре, и если бы я была там, а не в руках моих лютых врагов, меня бы не постигла эта страшная участь. Боже милосердный, судья праведный и неподкупный, за что, за что такая вопиющая несправедливость!

Это было невыносимо. Все отвернулись, роняя слезы. И в тот же миг я очутился на коленях у ее ног. Сразу же сообразив, что я подвергаюсь опасности, она наклонилась и прошептала мне на ухо: «Встань! Не губи себя, добрая душа. Да благословит тебя бог!» – И я почувствовал быстрое пожатие ее руки. Моя рука была последней, которой она коснулась при жизни. Никто этого не заметил, история об этом умалчивает, но это было именно так, как я говорю.

И тогда появился Кошон. Увидев епископа, она подошла к нему и с горечью воскликнула:

– Епископ, я умираю из-за тебя.

Он не был ни пристыжен, ни растроган, и ответил как можно более мягко:

– Будь терпелива, Жанна. Ты умираешь потому, что не сдержала своего обещания и вернулась к прежним грехам.

– Увы! – сказала она. – Если бы меня перевели в церковную тюрьму под надзор благочестивых монахинь, как ты обещал, этого не случилось бы. За все это ты ответишь перед богом!

Кошона передернуло; елеинная улыбка миротворца мгновенно исчезла с его лица, он повернулся и вышел.

Жанна стояла задумавшись. Она начала успокаиваться, ее рыдания становились глуше и реже, слезы еще струились по ее щекам, но она старалась сдержаться и лишь изредка тяжело вздыхала; наконец она подняла глаза и увидела Пьера Мориса, пришедшего вместе с епископом.

– Мэтр Пьер, – обратилась она к нему. – Где я буду в эту ночь?

– Разве ты не уповаешь на господу? – спросил тот.

– Да, и по милости божьей нынче же буду на небесах.

Мартин Ладвеню принял от нее исповедь; потом она попросила допустить ее к причастию. Но как допустить к причастию человека, который был публично отлучен от церкви и имел теперь на это не больше прав, чем какой-нибудь некрещеный язычник. Монах не осмелился единолично решить этот вопрос и послал к епископу служителя спросить, что ему делать. Все законы, божеские и человеческие, были одинаковы для Кошона: он не уважал ни тех, ни других. И все же он разрешил выполнить просьбу Жанны. Ее последние слова, по-видимому, испугали Кошона, – жестокие люди часто трусливы.

Святые дары были немедленно доставлены несчастной узнице, дабы она вкусила их и приобщилась к господу. Настала торжественная минута. Пока мы находились внутри тюрьмы, двор замка постепенно заполнился простым народом; мужчины и женщины, прослышав, что происходит в темнице Жанны, движимые жалостью, спешили пробраться в крепость, чтобы сделать «что-нибудь хорошее, а что – они и сами не знали. За воротами крепости также гудели толпы руанцев, и, когда показалась процессия с колокольчиком и зажженными свечами, направлявшаяся в тюрьму к Жанне, и пронесли ковчежец с дарами, народ упал на колени и начал молиться за нее; многие плакали. А когда в темнице свершалось великое таинство, до наших ушей доносилось протяжное пение: это невидимые нами толпы скорбящего народа возносили молитвы по отлетающей душе.

Теперь боязнь умереть на костре покинула Жанну д'Арк, а если и вернется, то лишь на одно краткое мгновение, – страх сменился душевной ясностью и мужеством, которые уже не покинут ее до конца.

Глава XXIV

В девять часов утра Орлеанская Дева, Освободительница Франции, во всей красе своей непорочной юности направилась в путь, чтобы отдать свою жизнь за родину» которую она так беззаветно любила, и за короля, который, предал ее. Ее посадили в телегу, как уголовную преступницу. В некотором отношении с нею обошлись даже хуже, чем с уголовными преступниками: она еще должна была выслушать приговор гражданского суда, а между тем ей уже заранее надели на голову колпак в виде митры, на котором было написано:

«ЕРЕТИЧКА – КЛЯТВОПРЕСТУПНИЦА – ВЕРООТСТУПНИЦА – ИДОЛО-ПОКЛОННИЦА».

В той же телеге вместе с нею сидели монах Мартин Ладвеню и адвокат Жан Масье. В длинной белой одежде она была прекрасна, как ангел. Когда телега выехала из мрака крепостных ворот и поток солнечного света залил ее белую фигуру, в толпе пронесся гул: «Видение! Небесное видение!», и тысячи собравшихся упали на колени; многие женщины плакали; снова послышалась трогательная молитва за умирающих, и это пение, нарастая мощной волной, было последним прощанием, благословением и утешением, сопровождавшими ее на всем ее скорбном пути к месту казни. «Смилуйся над нею, господи! Святая мученица Маргарита, сжался над нею! Молитесь за нее, святые праведники, мученики и страстотерпцы, молитесь за нее! Ангелы и архангелы, вступитесь за нее! От гнева своего избавь ее, господи! Молим, просим тебя, милосердный боже, – спаси ее и помилуй!»

Истинно и справедливо сказано в одном из исторических документов: «Бедный, беспомощный народ ничего не мог дать Жанне д'Арк, кроме своих молитв, но молитвы эти, надо полагать, не были бесполезными. В истории не много найдется событий более волнующих, чем эта плачущая, молящаяся, беспомощная толпа с зажженными свечами, коленопреклоненная на булыжной мостовой перед стенами старой крепости».

И так было на всем пути: тысячные толпы людей стояли на коленях с мигающими огоньками восковых свечей в руках; площадь перед тюрьмой и прилегающие к ней улицы походили на поле, усеянное золотыми цветами.

Но были и такие, которые не встали на колени в тот скорбный час, – это были английские солдаты. Они стояли плечом к плечу сплошной стеной по обе стороны пути, а за этой живой, бездушной стеной стоял на коленях и рыдал народ Франции.

И пока длилось это скорбное шествие, какой-то обезумевший человек в одежде священника лихорадочно пробирался сквозь толпу, все время пытаясь пробиться сквозь цепь солдат и приблизиться к осужденной. Наконец, ему это удалось; с воплями и стонами он упал на колени перед телегой, простер в отчаянии руки к Жанне и жалобно закричал:

– О, прости, прости меня!

Это был Луазелер.

И Жанна простила его, – простила от всего сердца, которое всегда было полно любви, сострадания и жалости ко всем несчастным, хотя бы они и страдали по заслугам. Она не упрекнула ни единым словом эту ничтожную тварь, этого гнусного лицемера, который день и ночь лебезил перед ней, вероломно толкая в могилу.

Солдаты расправились бы с ним скоро, но граф Варвик спас ему жизнь. Что случилось с ним потом, – неизвестно.⁶³ Он куда-то исчез, удалился от мира, терзаемый угрызениями совести.

На площади Старого Рынка возвышались два помоста, костер и столб, перенесенные сюда с кладбища у церкви святого Уэна. На помостах, как и прежде, находились: на одном – Жанна и ее судьба, на другом – светская и духовная знать, среди которой первые места занимали Кошон и кардинал Винчестерский. Площадь была до отказа забита народом; в окнах и на крышах зданий – гроздь людских голов.

Когда приготовления закончились, шум постепенно прекратился; народ застыл в ожидании, и наступила торжественная тишина.

Тогда по приказанию Кошона священник Никола Миди произнес проповедь, в которой объяснил, что когда какая-либо из ветвей виноградной лозы – под лозой, конечно, подразумевалась церковь – поражена болезнью и гнивает, ее следует отсечь, иначе гниение распространится и погубит весь виноградник. Он старался доказать, что Жанна своими злодеяниями представ-

⁶³ *Что случилось с ним потом, — неизвестно.* — По некоторым историческим сведениям, Луазелер еще долго жил после Руанского суда над Жанной. Он участвовал в работе Базельского церковного собора, выступая там за ограничение папской власти.

ляет смертельную угрозу для святости и чистоты церкви и поэтому-де необходимо ее сжечь. Заканчивая свою весьма убедительную проповедь, он сделал внушительную паузу и, обратившись к осужденной, сказал:

– Жанна, церковь больше не может покровительствовать тебе. Ступай с миром!

Жанну тут же отвели в угол и поместили отдельно, на виду у всех, в знак того, что церковь покинула ее; она сидела на помосте одинокая, смиренная, терпеливо ожидая конца.

Теперь к ней обратился с речью епископ Кошон. Ему советовали зачитать подписанное ею отречение, и он взял этот документ с собой, но в самый последний момент изменил свое намерение, опасаясь, как бы Жанна не сказала всю правду, а именно: что она никогда сознательно ни от чего не отрекалась, – и тем самым изобличила бы его и покрыла вечным позором. Он лишь напомнил, что ей не следует забывать о своих прегрешениях, раскаяться в них и подумать о спасении души. Затем Кошон торжественно провозгласил, что отныне и навсегда она отлучается от церкви и отрубается как негодная ветвь. После чего он передал ее в руки гражданских властей для суда и расправы.

Жанна, обливаясь слезами, встала на колени и начала молиться. За кого? За себя? О нет – за короля Франции! Ее чистый и кроткий голос, полный страстного пафоса, проникал во все сердца. Она ни разу не вспомнила о его вероломстве и двуличии, она не думала о том, как трусливо он бросил ее в беде, не вспомнила, что именно из-за его черной неблагодарности ей предстоит умереть здесь мучительной смертью, – она помнила лишь одно: он – ее король, а она – его верная и любящая подданная, что его враги подрывают его дело злыми наговорами и ложными обвинениями, а он, бедняжка, не в силах защитить себя. Итак, перед лицом смерти она забыла о своем личном горе, чтобы убедить всех слушавших ее быть справедливыми к нему и верить, что он добр, благороден и справедлив; что его ни в коем случае нельзя осуждать за ее действия – он не вдохновлял их и не настаивал на них, он чист и не несет за них никакой ответственности. В заключение она в простых и трогательных словах попросила всех присутствующих помолиться за нее и простить ей грехи; попросила об этом врагов своих и тех, кто, возможно, чувствовал к ней сострадание в глубине сердца.

Едва ли там был хоть один человек, кого бы это не тронуло, – даже англичане, даже судьи заволновались; у многих вздрагивали губы и глаза затуманились слезами; да что говорить, таились слезы в глазах даже у английского кардинала: для политических дел у этого политика было каменное сердце, но, очевидно, было у него и сердце человеческое.

Председатель гражданского суда, которому надлежало выполнить формальности и огласить приговор, был так смущен, что позабыл о своих обязанностях, и Жанна отправилась на казнь без объявления приговора; таким образом, незаконно начатое незаконно продолжалось и закончилось беззаконием. Судья ограничился тем, что сказал страже: «Возьмите ее!», а палачу: «Делай свое дело!»

Жанна попросила подать ей крест. Никто не мог выполнить ее просьбу – креста под руками не оказалось. Тогда один из английских солдат, в простоте своего доброго сердца, схватил у какого-то бедняка палку, переломил ее надвое, связал обе половинки крест-накрест и подал ей; она поцеловала этот крест и пыталась прикрепить у себя на груди. Тогда Изамбар де ла Пьер сходил в ближайшую церковь и принес ей освященный крест; она поцеловала и этот крест, прижала его к груди, а потом снова и снова целовала его, орошая горячими слезами и вознося благодарение богу и его святым...

И вот, вся в слезах, прижимая к губам, она взошла по крутым ступенькам на вершину эшафота в сопровождении монаха Изамбара. Ей помогли взобраться на высокую кучу дров, сложенных в клетку вокруг столба в одну треть его высоты; она встала на них, прислонясь спиной к столбу, и толпа, затаив дыхание, смотрела на нее. Палач поднялся к ней и, опоясав цепями ее хрупкое тело, крепко привязал ее к столбу. Потом он спустился вниз, чтобы довершить свое страшное дело; там, наверху, она осталась одна – чудесная, милая девушка, у которой когда-то было столько друзей, которую так уважали и так безгранично любили.

Я видел все это как сквозь туман: глаза мои были полны слез, сердце разрывалось на части, силы покидали меня. Я оставался на месте, но все, о чем я расскажу вам в дальнейшем, я знаю

лишь со слов очевидцев. Я сидел неподвижно, трагические звуки пронзали мой слух и терзали душу, но говорю вам еще раз: последнее, что запечатлелось в моей памяти в тот горестный час, был образ Жанны д'Арк во всей прелести ее цветущей юности, еще не искаженный страшными муками. Этот образ, нетронутый временем, я сохраню в своем сердце до конца моих дней. А теперь я продолжу свой рассказ.

Если кто-либо думал, что в такой торжественный час, когда все преступники обычно признаются и раскаиваются в грехах, она тоже отречется от всего, раскается и скажет, что ее великие дела были злыми делами, что сатана и дьяволы наущали ее, – тот глубоко ошибался. Подобная мысль не приходила в ее светлую голову. Она не думала ни о себе, ни о своих страданиях – она думала о других и о бедах, которые могут случиться в будущем. Обведя скорбным взглядом окрестность, над которой высились башни и шпили этого прекрасного города, она сказала:

– О Руан, Руан! Неужели я должна умереть здесь и тебе суждено быть моей могилой? Ах, Руан, Руан, я так боюсь, что тебя постигнет возмездие за мою смерть!

Столб дыма прорвался сквозь поленницу вверх, закрыв ее лицо; на какое-то мгновение ее охватил ужас, и она закричала: «Воды! Дайте мне святой воды!» Но в следующее мгновение страх ее развеялся и больше не терзал ее.

Она услышала, как внизу под ней с треском бушевал огонь, и немедленно ее охватило беспокойство за ближнего, которому грозила опасность, – за монаха Изамбара. Она отдала ему свой крест и попросила держать крест перед ее лицом, чтобы ее взгляд мог черпать в нем надежду и утешение до тех пор, пока душа ее не отойдет в мир господний. Когда взвилось пламя, она велела монаху отойти от огня и лишь тогда успокоилась, сказав:

– Держи крест так, чтобы я могла его видеть до конца.

Но и тут Кошон, этот бессовестный человек, эта черная душа, погрязшая в преступлениях, не мог дать ей спокойно умереть; он подошел к костру и закричал:

– В последний раз говорю тебе, Жанна, покайся и моли бога о пощаде!

– Я гибну из-за тебя! – проговорила она, и это были последние слова, сказанные ею при жизни.

Густые клубы дыма, прорезаемые красными языками пламени, поднялись над костром и скрыли ее из виду; но и в этой огненной пучине еще раздавался ее голос, вдохновенно и громко произносивший молитвы; временами, когда порыв ветра относил дым и пламя в сторону, можно было еще рассмотреть обращенное к небу лицо и шевелящиеся губы. Наконец, огромный столб пламени с шипением взвился вверх, и больше никто не видел ни этого лица, ни этой фигуры, и ее голос навсегда умолк.

Да, она ушла от нас – наша незабвенная Жанна д'Арк. Вы ничтожны и слабы, слова, если не в силах рассказать, как богатейший мир сразу осиротел и обнищал!

Заключение

Жак, брат Жанны, умер в Домреми во время Великого руанского процесса, как и предсказывала Жанна еще в дни нашей ранней юности; тогда же она сказала, что остальные из нас отправятся на великую войну.

Ее бедный отец, услышав о мученической кончине дочери, умер от горя.

Ее матери город Орлеан назначил пенсию, и на эти средства она жила до конца своей долгой жизни. Через двадцать четыре года после гибели своей прославленной дочери она а зимнее время отважилась отправиться в Париж и присутствовала на открытии диспута в Соборе Парижской Богоматери, положившего начало реабилитации Жанны. Париж был переполнен тогда приезжими со всех концов страны, прибывшими туда, чтобы взглянуть на эту почтенную женщину. Я не могу без волнения вспомнить торжественный момент, когда она, согбенная старушка, проходила в собор сквозь огромную толпу народа, выстроившегося на ее пути; и люди расступались перед ней и вытирали слезы, а она спокойно шла под величественными сводами собора навстречу ожидавшим ее почестям. С ней были Жан и Пьер, – уже не те беззаботные юноши, которые

вместе с нами отправлялись в поход из Вокулера, а закаленные в боях ветераны с пробивающейся сединой в волосах.

После мученической кончины Жанны мы с Ноэлем возвратились в Домреми, но вскоре, когда коннетабль Ришмон сменил ла Тремуяля в качестве главного советника при короле и приступил к завершению великого дела Жанны, мы снова надели боевые доспехи, вернулись в строй и сражались за короля все время, пока продолжались войны и стычки и пока вся Франция не была очищена от англичан. Об этом мечтала Жанна, а ее воля была для нас законом – все равно, жива она или мертва. Все воины ее личного штаба, оставшиеся в живых, были верны ее памяти и сражались за короля до конца. Жизнь раскидала нас, бывших товарищей, по всей Франции, но когда пал Париж, это событие свело нас всех вместе. То был великий, радостный день и вместе с тем очень грустный: мы вступили в освобожденную столицу, но Жанны не было среди нас.

Мы с Ноэлем почти всю жизнь были неразлучны; я был при нем и в его смертный час. Случилось это в последнем большом сражении этой войны. В том же сражении погиб и старый, испытанный противник Жанны – Тальбот. Ему было тогда восемьдесят пять лет, и всю свою жизнь он провел в боях. Это был свирепый старый лев с развевающейся гривой седых волос, неукротимый духом и полный неиссякаемой энергии; он сражался доблестно и самоотверженно и встретил свою смерть, как герой.

Ла Гир пережил Жанну на тринадцать лет; конечно, он все время воевал, ибо борьба с поработителями родины была единственной его отрадой. Я совсем не встречался с ним в эти годы – мы жили порознь, – но слава о нем никогда не умолкала.

Бастард Орлеанский, д'Алансон и д'Олон дожили до полного освобождения Франции, и они вместе с Жаном и Пьером д'Арк, Паскерелем и мной давали показания на Процессе реабилитации. Но вот уже прошло много лет, как все они починут вечным сном. Из всех соратников Жанны д'Арк остался только я один. Она как-то сказала, что я должен буду жить до тех пор, пока не изгладятся из памяти народной все эти войны, но, как видите, это предсказание не сбылось. Живи я тысячу лет, то и тогда бы оно не сбылось, ибо все, что связано с именем Жанны д'Арк, бессмертно.

Члены ее семейства женились, вышли замуж и оставили потомков. Потомки эти принадлежат к высшему сословию, но их имя и кровная связь с Жанной обеспечивают им такой почет, какого не имеют и не могут иметь самые родовитые дворяне. Вы, наверное, видели, как народ приветствовал детей, которые приходили ко мне вчера с визитом вежливости. Это не потому, что они отпрыски дворян, а потому, что они внуки родных братьев Жанны д'Арк.

Скажу несколько слов о реабилитации. Жанна короновала короля в Реймсе. В благодарность за это он допустил, чтобы ее затравили насмерть, не пошевелив даже пальцем, чтобы спасти ее. Двадцать три года он был равнодушен к ее памяти, он был равнодушен к тому постыдному факту, что ее доброе имя очернили и оклеветали церковники только лишь за то, что она совершала подвиги, стремясь спасти короля и его королевство; ему было безразлично, что Франция, сгорая от стыда, с нетерпением ждала того дня, когда она смоет с себя позор и восстановит доброе имя своей Освободительницы. Помните и не забывайте: ему все это было безразлично. И вдруг – о, чудо! – он изменился и сам соблаговолил восстановить справедливость к памяти бедной Жанны. Что это? Быть может, в конце концов, он воспылал к ней благодарностью? А может быть, угрызения совести смягчили его черствое сердце? О нет, на это была причина более основательная, более веская. Совесть – ничто для таких людей. Дело в том, что теперь, когда англичане были окончательно изгнаны из Франции, они, презирая французского короля, начали открыто поговаривать о том, что сей бездарный монарх заполучил корону из рук женщины, которую сама церковь уличила в сообщничестве с сатаной и сожгла как колдунью; следовательно, намекали они, его власть незаконна. Разве может уважающий себя народ терпеть на троне подобного короля?

Тогда-то и пришла пора пробудиться от спячки, и король больше не дремал. Вот почему Карл VII вдруг воспылал желанием восстановить справедливость к памяти своей благодетельницы и проявил столь похвальное усердие.

Он обратился с апелляционной жалобой к папе⁶⁴, а папа назначил расширенную комиссию из авторитетнейших представителей духовенства для расследования всех фактов жизни Жанны и вынесения своего заключения. Комиссия заседала попеременно в Париже, Домреми, Руане, Орлеане и в ряде других мест и занималась расследованием в течение нескольких месяцев. Она изучила протоколы всех судебных процессов над Жанной, допрашивала бастарда Орлеанского, герцога Алансонского, д'Олона, Паскереля, Курселя, Из амбар а де ла Пьера, Маншона, меня и многих других, чьи имена и фамилии я упоминал в своем повествовании; было допрошено еще около ста других свидетелей, чьи имена вам неизвестны, а именно – друзей Жанны по Домреми, Вокулеру, Орлеану и другим местам, а также несколько судей и иных лиц, принимавших участие в Руанском процессе или присутствовавших при ее отречении и мученической кончине. Этим обстоятельным расследованием было твердо установлено, что как нравственный облик Жанны, так и вся история ее жизни абсолютно безупречны. Заключение комиссии было подробно записано в протокол для сохранения на вечные времена.

Я присутствовал почти на всех заседаниях и снова встретил многих своих знакомых, которых не видел целую четверть века, и среди них несколько дорогих мне людей – наших генералов и ее – Катерину Буше (увы, уже замужнюю!), а также и других лиц, о которых вспоминаю с горечью, ненавистью и презрением – это были Бопер, Курсель и ряд их единомышленников. Встретил я там Ометту и маленькую Манжетту, – обеим им теперь уже под пятьдесят, у обеих мужа и дети. Видел также отца Ноэля и родителей Паладина и Подсолнуха.

Отрадно было слышать, как герцог Алансонский с величайшей похвалой говорил об исключительных военных способностях Жанны, а бастард Орлеанский в своей блестящей речи полностью согласился с ним, а затем рассказал, как очаровательна и добра была Жанна, как горяча, стремительна и непоколебима в своих убеждениях, как по-детски она была шаловлива и весела, остроумна, нежна, преисполнена великодушия, сострадания и всех других добродетелей, имя которым – честность, чистота, благородство и обаяние. Он как бы воскрешал ее передо мной, и сердце мое обливалось кровью.

На этом я закончу свое повествование о Жанне д'Арк, этой чудесной девушке, этой светлой личности, этом человеке великого сердца, который в одном не имеет и не будет иметь себе равных – в чистоте побуждений, в полном отсутствии своекорыстия, эгоизма и личного честолюбия. В этом человеке вам не найти и следов этих побуждений, как бы вы ни искали; чего нельзя сказать о других известных личностях, упоминаемых в истории, если не говорить об истории священной.

Любовь к родине, как ее понимала Жанна д'Арк, – это нечто гораздо большее, чем простое чувство, – это страсть, самозабвение. Она была воплощением духа патриотизма, его олицетворением, – патриотизмом живым, во плоти и крови, осязаемым на ощупь и видимым на глаз.

Любовь, Милосердие, Сострадание, Доблесть, Война, Мир, Поэзия, Музыка – все это можно символизировать чем угодно, выразить в образе мужчины или женщины любого возраста; но хрупкая, стройная девушка в расцвете ранней юности, с венцом мученицы на челе и с мечом в руке, разрубившим цепи чужеземного владычества на теле своей родины, – это ли не самый точный символ ПАТРИОТИЗМА, который будет жить в веках до скончания времен?

⁶⁴ Он обратился с апелляционной жалобой к папе. — До воззвания Карла VII к папе в 1453 году во Франции произошли важные события, приведшие к завершению Столетней войны. В апреле 1436 г. восстал Париж, и население города открыло ворота французской армии. Вскоре антианглийское восстание охватило всю Нормандию, и к исходу 40-х годов эта провинция — оплот английского владычества — была очищена от чужеземцев. Примеру столицы последовали и другие города юго-запада страны, и англичане были изгнаны из Гиени и Бретани. В 1453 г. Столетняя война окончилась. Английская захватническая политика потерпела во Франции полный крах. Тогда-то осмелевший Карл VII и обратился к папе с апелляцией, надеясь, что теперь Рим не побоится выступить против англичан, а также признать ошибку «святой» инквизиции. Но Рим не торопился: два с половиной года апелляция французского короля не встречала поддержки у главы католической церкви, пока не был найден выход: придать апелляции не политический, а частный характер. Вот почему в 1455 г. престарелая мать Жанны — Изабелла д'Арк вместе со своими сыновьями совершила поездку из Домреми в Париж и в торжественной обстановке в Соборе Парижской Богоматери как частное лицо выступила в качестве истца по восстановлению доброго имени своей дочери.